Р. Г. Назиров

Становление мифов и их историческая жизнь

Уфа, 2014

УДК 930.85:130.2
ББК 71.04

Назиров Р. Г. Становление мифов и их историческая жизнь. — Уфа: ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат, 2014. — 292 с.

Впервые публикуемая книга известного литературоведа Р. Г. Назирова (1934—2004) раскрывает его концепцию истории европейской культуры сквозь призму становления и развития мифологического мышления, проявляющегося в искусстве, общественной жизни и политике.

На обширном фактическом материале, охватывающем историю человечества архаических эпох, древние ближневосточные культуры, античность, эллинизм, средневековую европейскую цивилизацию и западную культуру Нового времени, делаются обобщения, складывающиеся в оригинальную, обладающую объяснительной силой, философско-историческую систему, в которой миф играет роль базового свойства мышления и концептуализации действительности.

Книга предназначена для историков, филологов, культурологов, философов, антропологов, социологов и широкого круга интеллектуальных читателей.

© Назиров Р. Г.
© Орехов Б. В., Шаулов С. С., предисловие, указатели.
© Муслимов Д., верстка, дизайн обложки.

ISBN

В оформлении обложки использована гравюра Альбрехта Дюрера «Меланхолия»

СОДЕРЖАНИЕ

Б. В. Орехов, С. С. Шаулов Сумма мифологии. Предисловие 4

Р. Г. Назиров **Становление мифов и их историческая жизнь** 12
I. Миф как наивный реализм. 13
II. Тотемный брак и мифическая сказка 21
III. Экскурс о змеепоклонстве 41
IV. Героический вор и рождение религии 46
V. Лабиринт и Олимп 52
VI. Переселение душ и утопия 64
VII. Секулярный миф и эллинизм 78
VIII. Мифы обыденного сознания 87
IX. Эвгемер, Библия, Филон Александрийский 92
X. Главный итог эллинизма 102
XI. Мифотворчество христианской Европы 115
XII. Мифотворчество позднего Средневековья 126
XIII. Карьера Сатаны 135
XIV. Возрождение и Реформация 144
XV. Наименее мифологический век 158
XVI. Тайный страх неверующих 169
XVII. Наполеон и его миф 185
XVIII. Четыре немецких философа 192
XIX. Самообманы цивилизации 208
XX. Русская национальная мифология 223
XXI. Мифы и прозрения Достоевского 230
XXII. Революционная мифология и её перерождение 238

Указатели 246

Сумма мифологии

Ромэн Гафанович Назиров (1934—2004), почти всю жизнь проживший в Уфе, известен как литературовед. Признание завоевали его работы, посвящённые творчеству Ф. М. Достоевского. Зато 16 опубликованных им в уфимском сборнике «Фольклор народов РСФСР» в течение 1980—1990-х годов статей об истории фольклорных сюжетов широкого распространения среди специалистов, насколько мы можем судить, не получили.

Первая из них «"Наглядная дипломатия" и предметное иносказание в фольклоре и литературе» вышла в 1980 году. С этого времени интерес Назирова к фольклору, мифологии и их связям с литературой и культурой не ослабевает, становясь своего рода продолжением его литературоведческих штудий. В течение двенадцати лет каждый год ученый публикует по статье, каждая из которых представляет реконструкцию истории некоторого мотива, чаще всего восходящего к мифоритуальным истокам:

1. «Наглядная дипломатия» и предметное иносказание в фольклоре и литературе (к постановке вопроса) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 7. Уфа, 1980. С. 66—74.

2. Яблоко и гранат в мифах и сказках разных народов // Фольклор народов РСФСР. Вып. 8. Уфа, 1981. С. 17—23.

3. Череп на шесте. Международные параллели к одному русском сказочному мотиву // Фольклор народов РСФСР. Вып. 9. Уфа, 1982. С. 33—43.

4. Шаманский бубен и запертое горе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 10. Уфа, 1983. С. 11—18.

5. Сказочные талисманы невидимости // Фольклор народов РСФСР. Вып. 11. Уфа, 1984. С. 19—33.

6. Нарисованная лодка (к вопросу о происхождении одного фантастического мотива) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 12. Уфа, 1985. С. 19—23.

7. Возрождение из костей в мифах и сказках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 13. Уфа, 1986. С. 28—35.

8. Запрет оглядываться (к происхождению фольклорного мотива) // Фольклор народов РСФСР. Вып. 14. Уфа, 1987. С. 31—38.

9. Бесценная уздечка (об одном неясном мотиве в исторической песне «Щелкан») // Фольклор народов РСФСР. Вып. 15. Уфа, 1988. С. 18—23.

10. Истоки сюжета «Кащеева смерть в яйце» // Фольклор народов РСФСР. Вып. 16. Уфа, 1989. С. 31—40.

11. Избушка на курьих ножках // Фольклор народов РСФСР. Вып. 17. Уфа, 1990. С. 5—12.

12. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов РСФСР. Вып. 18. Уфа, 1991. С. 24—37.

13. Хрустальный гроб // Фольклор народов РСФСР. Вып. 19. Уфа, 1992. С. 83—89.

Эта серия публикаций уже производит впечатление поступательной исследовательской программы, в которой намечаются методологические корни будущего историко-культурного синтеза. Кроме общности научного сюжета и метода, у всех приведенных статей есть и еще одна общая черта: они напечатаны в уфимском периодическом сборнике «Фольклор народов РСФСР», который в советские времена был достаточно известен в научных кругах благодаря его редактору — авторитетному фольклористу Л. Г. Барагу. Однако в настоящее время издание практически забыто и представляет собой библиографическую редкость, что сыграло свою роль в судьбе опубликованных там статей Назирова[1].

Затем в публикациях этой тематики возникает небольшой перерыв, и с интервалом в два года Назиров выступает со статьями, уже выходящими на иной уровень обобщения фольклорно-мифологического материала:

1. Генезис и пути развития мифологических сюжетов // Фольклор народов России. Вып. 21. Уфа, 1995. С. 138—166.

2. Средневековое мифотворчество // Фольклор народов России. Вып. 22. Уфа, 1997. С. 65—74.

3. Специфика художественного мифотворчества Достоевского: сравнительно-исторический подход // Dostoevsky Studies. The Journal of the International Dostoevsky Society. New Series. V. III. Tübingen, 1999. P. 87—98.

В последней из этих трех статей Назиров, по сути, соединяет два предмета своего научного творчества — миф и литературу. Кроме того, «Средневековое мифотворчество» и мифографическая штудия о Достоевском, как мы теперь знаем, представляют собой незначительную переработку соответствующих глав предлагаемой читателю монографии. В свою очередь первую из этих трех статей можно рассматривать как сжатый тезисный план всего «Становления мифов» (причем, скорее всего, предварительный план).

Все или почти все статьи Назирова по фольклористике посвящены истории и трансформациям сюжетов. Выход к мифу как основе и подтексту древнейших фольклорных сюжетов и к мифопоэтике художественного текста был для него закомерен[2]. Определенное отношение к этому тематическому синтезу имеет и разработанный

[1] Статьи из «Фольклора народов РСФСР», дополненные не издававшимися ранее материалами, были републикованы в книге *Назиров Р. Г.* О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа, 2010. Также большинство этих текстов можно найти в Интернете на странице http://nevmenandr.net/nazirov/.

[2] «Историческая связь события и сюжета для Назирова была реализована в механизме мифа» (*Орехов Б. В.* Предисловие // Назировский сборник. Исследования и материалы. Уфа, 2011. С. 6). См. также об этом в первой статье, поставившей проблему мифа в научном творчестве Р. Г. Назирова: *Рыбина М. С.* Интерпретация мифа (мифологические фабулы и герои) в работах Р. Г. Назирова: к постановке проблемы // Назировский сборник. Исследования и материалы. Уфа, 2011. С. 8—17

Назировым в 1990-х годах для студентов филологического факультета Башкирского государственного университета спецкурс «Культура и религия». Кроме того, в архиве очень много рабочих материалов (выписок, вырезок, конспектов, разного рода маргиналий) на сопутствующие темы. Они объединены в пачки с материалами под общим заглавием «Миф и символ» и, вероятно, частично служили заготовками для этого курса. Однако для коллег и учеников Назирова стало неожиданностью существование законченного текста, обобщающего эти темы и разработки.

Нужно заметить, что масштабы оставшегося после Назирова архива[3] таковы, что счет подобным открытиям, может быть, еще не закончен. В папке же под номером 47[4] нами была обнаружена рукопись завершенной монографии под названием «Становление мифов и их историческая жизнь». Рукопись не датирована, но, исходя из упоминаемых и цитируемых в ней источников, можно установить временную точку, раньше которой не могла быть закончена работа над книгой. Самая поздняя литература в монографии относится к 1996 году[5], но творческая история текста, очевидно, сложна. Некоторые соображения заставляют подозревать существование по крайней мере трёх редакций[6]. Имеющийся у нас текст, очевидно, ожидал окончательной правки[7], которая так и не была произведена, и содержит пометы вроде «переписать», «сократить» и т. д. В то же время монография концептуально завершена, текст выстроен сообразно с внутренней логикой, все разделы заполнены, последующая работа, по всей видимости, должна была носить отделочный характер, но на общую архитектонику вряд ли повлияла бы.

[3] Об архиве см. *Орехов Б. В.* Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции. Уфа, 2011. С. 115–120; *Орехов Б. В., Шаулов С. С.* О Ромэне Назирове // Вопросы литературы. 2012. № 4. С. 36–48; *Орехов Б. В., Шаулов С. С.* Архив Р. Г. Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 118–126.

[4] АРГН оп. 1, д. 47 (см. систему номенклатуры архива Назирова в: *Орехов Б. В.* Текстология Назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 158).

[5] То есть уже после публикации статьи «Генезис и пути мифологических сюжетов».

[6] Так, отдельные листы основной рукописи склеены автором из фрагментов, принадлежащих, судя по характеру бумаги и почерка, различным стадиям работы над книгой. Иногда таких склеек может быть больше трех на листе. Есть также относительно большие рукописные фрагменты, практически дублирующие (за исключением стилистической правки) основную рукопись (и составляющие ее фрагменты).

[7] «Насколько можно судить, первые наброски к будущим произведениям делаются в ученической тетради, затем перебеляются на листах формата А4, а затем превращаются в машинопись. Каждый из этих трёх этапов может содержать несколько итераций» (*Орехов Б. В.* Текстология Назировского архива... С. 156). В распоряжении публикаторов имеется только вариант текста, перебеленный на листах формата А4. Машинопись монографии неизвестна.

По какой-то неизвестной причине в конце 1990-х годов Назиров, доведя книгу об истории мифов до конца, не стал делать ее окончательной редакции и заботиться о публикации. Похожая судьба ожидала и другие большие труды ученого (прежде всего, стоит вспомнить «главную», по признанию самого Назирова, работу — его докторскую диссертацию). Возможно, реализовавшись в тексте, тема приобретала для автора эффект законченности и в какой-то мере исчерпанности, а собственно публикация написанного для зрелого Назирова не была обязательной.

В целом следуя хронологическому принципу, Назиров прослеживает миф от архаики до новейшего времени. При этом его не слишком занимают задачи схематического деления истории мифа и истории культуры в целом на «периоды» или «стадии». Его историческое зрение не противоречит традиционной «школьной» исторической периодизации. Более того, оно (если у читателя возникнет такое желание) может быть легко наложено даже на теорию «общественно-экономических формаций». Просто автора «Становления мифов» не интересуют феномены, пригодные для синхронического осмысления и для создания неподвижных моделей. Всё его внимание сосредоточено на переходах между «стадиями», кризисы культуры занимают его гораздо больше, чем времена устойчивых мировоззренческих и эстетических парадигм.

К примеру, о классической Греции, традиционном источнике материала для всех пишущих о мифе, в книге сказано относительно мало. Значительно больше внимания уделяется предшествующему периоду синтеза крито-микенской культуры и мифологий раннегреческой архаики.

В то же время Назирову свойственно видеть скрытые смысловые конфликты в явлениях, уже давно и непротиворечиво осмысленных. Так, в рациональном XVIII веке он видит скрытый иррационализм и останавливается на нем значительно подробнее, чем на гораздо более известных идеях Просвещения. В этом контексте становится более понятно и его подчеркнуто негативное отношение к Гегелю, которого можно представить как своего рода иконический символ равновесности, нивелирующей само понятие конфликта и антитезы до единства в диалектической триаде.

Отчасти это конфликтно-динамическое восприятие истории культуры созвучно многократно высказывавшейся А. В. Михайловым идее о непродуктивности и некорректности концепции стадиального развития культуры. Отчасти идеям В. Б. Шкловского о возвратно-прерывистом развитии культуры.

Интересно отметить, что Назиров и Михайлов принадлежат к одному поколению, подарившему русской науке ещё несколько блестящих учёных (Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, М. Л. Гаспаров, С. С. Аверинцев и др.). Сходство действительно серьезное. Так, каждый из упомянутых выше ученых соединял в себе энциклопедизм и чисто просветительское стремление разъяснить превратно понятое, реанимировать забытое, познакомить с неизвестным. У большинства из них это стремление проявилось в постоянной и неутомимой переводческой и публи-

каторской работе. Назиров в этом замечен меньше[8], но зато все его труды тем или иным образом нацелены не только на коллег-гуманитариев, но и на «свежих» читателей, лишенных необходимого профессионального бэкграунда. Подчеркнем: речь идет именно о синтезе научного знания и коммуникативной эффективности. Фактически перед Назировым тоже все время стояла проблема перевода найденных смыслов с языка науки на язык удобопонятной лекции.

Поэтому стиль Назирова — подчеркнуто эссеистический, легкий. Ромэн Гафанович был известен как великолепный лектор, умевший увлекательно представить самый сложный материал. Безусловно, за этим стояла именно его склонность к просветительству: он никогда не противопоставлял педагогические обязанности и собственно интеллектуальные труды, считая необходимым для себя и то, и другое.

С другой стороны, этот стиль, конечно, провокативен. Он противоречит привычному «образу научной речи», он обостряет полемические «углы» концепции, он рассчитан не только на интеллектуальное вовлечение читателя в материал, но и на его эмоциональное сопереживание.

В каком-то смысле монография Назирова, конечно, не только научный, но и эстетический объект. Здесь напрашиваются ассоциации с В. Б. Шкловским и его научно-художественным творчеством. Нам приходилось об этом говорить и писать[9]. К Шкловскому Назиров относился с большим уважением, и, по всей видимости, нужно констатировать некоторую преемственность стилистики научной речи Назирова по отношению к автору «Гамбургского счета». Их роднят смелость разрушения научных стереотипов (особенно в этом смысле впечатляет в публикуемой монографии глава «Четыре немецких философа»), публицистичность (см. финал монографии Назирова) и склонность к сильным, афористически звучащим утверждениям, как, к примеру, это: «Европейские катастрофы XX века — высокая, но всё же заслуженная плата за кровавый сумрак европейской души, захлебнувшейся в болоте своих мифологий».

С методологической точки зрения ценность монографии в ее синтетизме. К примеру, говоря об этиологичности мифа и его упорядочивающей функции, На-

[8] При этом роли перевода в культуре он придавал исключительное значение. В устной беседе Назиров однажды сообщил одному из авторов этого предисловия: «Знаете, почему культура XIX века в России была великой, а в XX веке такой ничтожной? Потому что в XIX веке много переводили, а в XX веке бросили это делать». Дневниковые записи Назирова середины и второй половины 1950-х годов в большой степени состоят из собственноручно сделанных им переводов статей из доступных польских газет. В тех же дневниках постоянно упоминается работа по переводу с французского книг о Великой французской революции.

[9] *Шаулов С. С.* Об одном малоизвестном «изводе» русского формализма. Теория фабулы и история мифа по Р. Г. Назирову (II Бриковские чтения. «Методология и практика русского формализма», 22—23 марта 2013); *Шаулов С. С.* Р. Г. Назиров и русский формализм: к проблеме источников индивидуального метода // Назировский архив. 2013. № 2. С. 127—137.

зиров опирается на Е. М. Мелетинского. На него же он ссылается, рассуждая о пространственных категориях архаического мифа и анализируя по ходу работы ряд конкретных эпизодов истории мифологии[10]. В рассуждении об упорядочивающей функции мифа и его познавательной ценности Назиров соглашается уже с мыслью немецкого культуролога Эрнста Кассирера об особом значении этизации мифа в первобытном сознании. При этом подход Назирова обнаруживает родство с трансцендентальной (кассиреровской же) концепцией мифа как прямого и первичного отражения самой способности человека к познанию и освоению мира (а не форм, в которых эта способность проявляется). Однако автор «Становления мифов» идет дальше и фактически понимает миф как онтологически первичную форму не процесса познания, а самого феномена сознания. Само собой, такое понимание мифа делает бессмысленными концепции стадиального развития культуры, в которых миф занимает подчиненное положение, будучи задвинут в первобытную и древнюю историю. Здесь Назиров расходится с Кассирером и его концепцией эволюции познания и в каком-то смысле приближается к идеалистическим (например, к развитой А. Ф. Лосевым) трактовкам мифа.

Впрочем, глубокая методологическая критика (или апология) книги не могут входить в задачи предисловия. Сейчас важнее отметить другое. Обращение литературоведа, специалиста по Достоевскому, к фольклору и мифу только на первый взгляд может показаться нетривиальным поворотом научной биографии. Но Назиров занялся изучением и концептуализацией истории мифа потому что при всей своей масштабности проблематика русской литературы не давала ему достаточного оперативного простора для создания по-настоящему глобальных концептуальных схем. Безмерный по своей природе миф как раз стал и достойным интеллектуальной мощи Назирова объектом осмысления, и полигоном для формирования универсалистских идей.

Даже по его юношеским дневникам видно, что ему был свойствен интерес ко всему пространству культуры, постоянный интеллектуальный голод. Миф позволил обобщить накопленный опыт осмысления и систематизации культурных феноменов.

История культуры во всех ее частностях (от литературного процесса и трансформаций фольклорных сюжетов до эстетических революций и идеологических конфликтов Нового времени) у него предстает как результат взаимодействия неизменной мифологической основы сознания и меняющихся историко-культурных условий. При этом вся конструкция именно благодаря мифу (как универсальному

[10] Вообще Назиров плотно вовлечен в текущий научный процесс в той дисциплине, по которой написана монография. Дело не только в ссылках на Мелетинского, но и в том, что книга Назирова во многом идет параллельным курсом с этой научной традицией. Так ряд положений книги весьма схожи с работами С. Ю. Неклюдова (о чем нам доводилось говорить в докладе на семинаре в Центре типологии и семиотики фольклора РГГУ). Вполне вероятно, можно заметить и другие показательные схождения.

объяснительному и в своих корнях гуманистическому механизму сознания) сохраняет способность к этической оценке человеком. Иными словами, миф — это ключ к историческому самопознанию человечества.

Философские координаты, в которых существует концепция Назирова, своеобычны, многообразны, и выходят далеко за пределы традиционного набора идеологем, применяемого в исследованиях мифологии. Так, этический взгляд на историю — ясное наследие русской философии Серебряного века. В то же время Назиров явно пытается поставить это мировоззрение на эмпирическую почву. Судить о том, насколько его попытка удачна, на наш взгляд, пока рано. Ясно лишь, что она привела к появлению труда, как минимум, нетривиального.

Нетривиального именно своей жесткой «привязкой» к историческому факту, эмпиризмом и историзмом в отношении к предмету. При всей легкости и кажущейся эссеистичности стиля Назирову свойственна строгая исследовательская дисциплина, требующая последовательности и системности развертывания материала, постепенного и скрупулезного строительства итоговой концепции. Эти свойства отчетливо проявляются не только в самой композиции работы, но и в каждом конкретном историко-культурном экскурсе.

К примеру, глава «Карьера Сатаны», вклиниваясь между поздним Средневековьем и эпохой Возрождения, на первый взгляд, нарушает композиционную целостность работы. На деле же это один из стержней, скрепляющих всю концепцию. «Карьера» этого мифологического героя прослеживается от самого начала в раннебиблейских текстах и оформления в раннехристианской мифологии до его реактуализации и философского усложнения в фаустианском мифе Ренессанса и дальше — до его отражений в культуре Нового времени, вплоть до XX века. «Карьера Сатаны», таким образом, в миниатюре демонстрирует подход Назирова к объекту: целостное (в пределе от архаики до самой актуальной современности) описание истории, плавно перетекающее в культурологическую и философскую концептуализацию. Подчеркнем еще раз, что последняя невозможна у Назирова без опоры на обширный фактический материал.

Отношение Назирова к этому материалу сочетает в себе панорамное зрение и умение при необходимости перейти к самой ювелирной детализации анализа. Именно это придает «Становлению мифов» эвристическую ценность: концепция может расширяться, вбирать в себя новые факты, обогащаться, изменяться и порождать (может быть) новые интеллектуальные схемы. Модель, созданную Назировым, можно и нужно применять к новому, не затронутому им материалу. Так, в нее легко вписываются не только упоминаемый им Томас Манн, но и, к примеру, не затронутые в книге Джеймс Джойс с его травестийной реактуализацией мифа об Одиссее и синтетическая художественная мифология латиноамериканского романа второй половины прошлого века.

Все это дает читателю возможность прочесть книгу Назирова сразу в нескольких плоскостях. «Становление мифов» может быть понято и как своеобразный просветительский экскурс в историю европейской культуры, и как нетривиальная

научная концепция этой истории, и даже как трактат по философии истории. При этом тотальность охвата материала, универсализм культурного восприятия и неизменная этическая основа научной мысли, на наш взгляд, ставят этот труд в один ряд с крупнейшими явлениями отечественной гуманитарной мысли. Рискуя навлечь на себя упреки в предвзятости, скажем, что по масштабу и глубине книга Назирова занимает место рядом с трудами классических творцов русской мысли XX века — Вячеслава Иванова, Лосева, Бахтина.

Предлагаемая читателю публикация максимально приближена к обнаруженному в бумагах автора тексту. Сноски даны в том виде, в котором они присутствуют у Назирова. Редакторские примечания даются под «звездочкой» — «*». Текст печатается по основной рукописи, дублирующие и отчасти не совпадающие с ней отрывки работы, также присутствующие в архивной папке будут в ближайшее время опубликованы в специализированном научном журнале «Назировский архив». Семантически значимые пометы, содержащиеся в рукописи, даются в редакционных сносках под знаком «*». Подчеркивания в тексте везде принадлежат Назирову.

Текст подготовлен к публикации коллективом в составе: С. С. Шаулов, М. С. Рыбина, Б. В. Орехов. Мы приносим самую искреннюю благодарность тем, без которых эта книга не могла бы выйти в свет. Прежде всего, это вдова Р. Г. Назирова Тамара Николаевна Барышникова, моральная поддержка и деятельная помощь которой в работе с архивом сделали возможными те впечатляющие интеллектуальные открытия, которые дарит письменное наследие выдающегося ученого. Бескорыстное участие директора Уфимского полиграфического комбината Шамиля Рагибовича Биккулова в деле просвещения и сохранения культурного наследия сделало возможной публикацию этой книги. Работа над архивом Назирова была интенсифицирована в 2013 году благодаря тематическому гранту БГПУ им. М. Акмуллы[11]. Публикаторы благодарны также участникам семинара «Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика» (научный руководитель семинара — доктор филологических наук, профессор Сергей Юрьевич Неклюдов) Учебно-научного центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, позволившим представить текст монографии Назирова и организовать его первичное обсуждение.

Б. В. Орехов, С. С. Шаулов

[11] Проект «Исследование и популяризация научного наследия Р. Г. Назирова» (руководитель — проф. В. В. Борисова).

Р. Г. Назиров

Становление мифов и их историческая жизнь

I. Миф как наивный реализм

Рождение мифа загадочно. Сюжетность не возникла вместе с языком. Первобытное общение людей не знало вымысла; сообщения о происхождении мира и его элементов мыслились как безусловно достоверные. Архаический миф был правдой, «изначальной, более великой и более важной действительностью»[1]. Первые мифы были краткими и не строились в причинно-следственном порядке: значит, к ним не применимо понятие сюжета. Уже поэтому в истории мифа необходимы качественные различения.

«Первобытный миф принципиально этиологичен и принципиально повествователен»[2]. Однако в людском первобытном стаде, на низкой стадии языкового развития, мифу предшествовали эмоции и представления. Они выражались в языке, но вербализация была минимальной.

Со времён Вильгельма Гумбольдта утвердилось понимание: процесс словотворчества — это одновременно и мифотворчество. Знаменитый дилетант Э. Ренан писал: «Тот, кто утверждает, что было время, когда человек вовсе не говорил, а потом медленно и долго овладевал искусством речи, тот сильно заблуждается. Человек по природе — существо говорящее, так же, как от природы, существо мыслящее, и было бы весьма не философской мыслью приписывать произвольное начало языку, как и приписывать его мышлению»[3].

Ренан смешивает две разных вещи: начало языка и его постепенное развитие. «Весьма не философской мыслью» было бы считать, что Homo habilis, останки которого Луис Лики нашёл в Восточной Африке, пришёл в мир с готовым человеческим языком. Какой-то язык у него был, но сегодня изучен и звуковой язык высших обезьян. Палеоанатомия установила по черепам первых людей, что те области мозга, которые ответственны за речь, были у них ещё очень слабо развиты. Становление языка, взаимопорождение языка и культуры — очень длительный, многоступенчатый процесс.

Память старше языка: феномены памяти, ещё на рефлекторной основе, формируются у животных. Британский антрополог Гарри Джонсон, подчёркивая физический контраст между неандертальцами и кроманьонцами, высказал ошеломляющее предположение, что смутное расовое припоминание (the remembrance) о гориллоподобных каннибалах-неандертальцах могло быть зерном фольклорного представления о великане-людоеде (the ogre). Некоторые представления вида Homo Sapiens оформились в процессе вербализации биологических инстинктов и эмоций.

Эмоции изначальны. Лингвисты возводят русское слово «хорошо», не имеющее родства в других славянских языках, к имени иранского бога солнца Хорса.

[1] Бахофен И. Я. Матриархат. СПб., 1911. С. 27.

[2] Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 27.

[3] Ренан Э. Сочинения. Т. 6. Киев, 1902. С. 31.

Исходное значение слова «хорошо» — «солнечно»: обозначение ясной погоды, порождающей в нас физический комфорт, а уж потом выделилось понятие добра. Представления обогащались и дополнялись путём распространения эмоций; развитие языка совершалось в форме мифов, но, по-видимому, крайне элементарных. Фраза — протоформа сюжета.

Греческие мифы об амазонках сюжетны, т. е. созданы посредством воображения. Но они суть поздние отражения архаической эры, когда род был материнским и мужчины-охотники селились отдельно. Раздельножительство полов предполагало сезонные браки и напряжённость отношений в остальное время года, включая запрет физической близости и даже пространственного приближения. В начале XX века это ещё называлось «первобытной войной полов»: романтическая гиперболизация! Войны полов никогда не было, реально существовало их периодическое взаимоотдаление, биологически целесообразное, пока женщины вынашивали и рождали детей. И ещё очень долго после этого сохранялись в человечестве (местами и поныне) ограничения половой жизни, необходимые для производственной деятельности. В мифах об амазонках отразилась реальность.

Смутные припоминания и представления не создавались путём фантазирования, а эмпирически схватывали действительность. Первичный материал архаического мифа есть природа, а форма её осмысления — человеческое тело. Природа (Земля, Небо, Гора) — это очень большой человек. Антропоморфизация природы возникла из врождённого людям неразличения себя и не себя. Взяв палку, архантроп удлинил свою руку.

Тождество Мира и Человека — само по себе не миф, но лежит в основе многих мифологических и фольклорных сюжетов, даже философских теорий. В древнеиндийской мифологии описан Пуруша — первочеловек, из которого возникли элементы космоса и вселенская душа. В скандинавской мифологии ему соответствует великан Имир; Один и его братья убили Имира и из его тела создали вселенную. Башкирский эпос «Урал-Батыр» повествует о превращении богатыря в Уральский хребет с его лесами, озёрами и реками. У эллинов был свой миф о всемирном потопе; из всего рода людского спаслись в ковчеге, построенном по совету Прометея, только Девкалион и Пирра. На их вопрос, как возродить человечество, оракул ответил: бросить через плечо кости матери. Девкалион понял, что Мать — это Земля, а кости её — камни. Те камни, которые бросал Девкалион, превращались в мужчин, а бросаемые Пиррой — в женщин.

Платон считал Землю живым существом, а звёзды — глазами Неба:

> Небом желал бы я быть, звёздным всевидящим небом,
> Чтобы тебя созерцать всеми очами его.

Даже в эпоху Возрождения гуманист-неоплатоник Марсилио Фичино говорил о волосах, зубах и костях Земли. А почему из всех путешествий Гулливера нас наиболее пленяет «Гулливер у лилипутов»? Потому что это не только сатира, но и миф: лилипуты, гуляющие по Гулливеру, — это мы, люди, попирающие Землю. Но и

сам Гулливер — тоже человек, только очень большой; лилипуты прозвали его «Человек-Гора». В сущности, Урал-Батыр обозначает то же самое, это имя мифично и сконструировано как «Гора-человек».

У русского писателя Д. Н. Мамина-Сибиряка, неплохо знавшего быт и мышление русских восточных окраин, есть историческая повесть со странным названием «Охонины брови». При чтении всё разъясняется.

Заглавие это представляет собой эвфемизм, стыдливую подмену: в тексте ясно сказано, что народ в честь красивой девушки Охони назвал два одинаковых округлых холма — как? «Брови»? При чём тут «брови»? Ясно: «Охонины груди». Мамин-Сибиряк показал элементарный тип именования природных образований через антропоморфное уподобление.

Древнейшее понимание мира как человеческого тела сохраняется языком: впадение реки в море — устье (ср. немецкое Münde), горная цепь — хребет, рудные залегания — жилы (золотая жила); антропоморфичны древнейшие меры длины — локоть, стопа (фут), пядь, большой палец (дюйм) и т. д. Весь наш язык насквозь мифологичен, мы этого не замечаем, но усваиваем: это напоминает гипнопедию.

Миф диктует нормы поведения, и они практичны. Например, запрет половых сношений на время охоты объясняется тем, что у всех млекопитающих самки издают более резкие запахи, чем самцы, и это ограничивает охотничьи возможности самок, ибо их запах вспугивает добычу. Этим обусловлен первобытный раздел производственных функций между полами, а также упомянутый запрет: после полового сношения мужчина обладал запахами, тревожившими зверя, а значит — не мог охотиться.

Описанное явление давно известно людям. В аккадском эпосе дикий человек Энкиду живёт среди зверей, которым помогает избегать ловушек и стрел охотников. С разрешения Гильгамеша к Энкиду подсылают блудницу, которая соблазняет Энкиду, после чего все звери покидают его, и он приходит к людям.

Двуполость вида Homo sapiens, общая у него с животным миром, есть первая осознанная бинарная оппозиция, первый образец двоичности. Отвлечение двоичности от природных объектов — начало великого счёта, как простой повтор слова — древняя форма двойственного (а затем и множественного) числа и начало ритмизации речи, т. е. поэзия. Раздельножительство полов постепенно изживается почти всем человечеством, но двоичность затем воссоздаётся в дуальной экзогамии рода: две фратрии с некоторым превосходством одной из них спаяны взаимобрачием.

Ледниковый мир палеолита был горизонтальным и неподвижным. С таянием Великого Ледника родились реки, леса и равнины, резко изменился климат. Охотники мезолита преодолевали огромные расстояния, вслед за оленьими стадами осваивая оттаявший Север. Они-то и научились ориентироваться по солнцу и звёздам, учитывать тёмные и лунные ночи, т. е. запоминать фазы Луны. Земная жизнь мифически отразилась в небе — появилась «небесная охота» и небесные повелители мира: женщины и олени стали созвездиями. Рождение астральных мифов имело колоссальную практическую ценность, ибо светила служили компасом наших древнейших миграций. В Евразии жизненно важным направлением было

северное (вслед за отступлением Ледника), и великими ориентирами стали Большая Медведица, Малая Медведица и в ней Полярная звезда. Эта ценнейшая информация сохранилась в форме мифов.

Большинству мифологий свойственна «демоническая интерпретация севера, где находится царство мёртвых, обитают злые духи и великаны»[4]. Для египетской мифологии царством смерти был Запад: там простиралась страшная Ливийская пустыня, из неё порою налетал удушающий горячий хамсин. Но дело в не том, где расквартировать покойников или Снежную Королеву; важно, что направления эмоционально окрашены.

Согласно Эрнесту Кассиреру («Философская антропология»), для мифологического мышления пространство и время были не чистыми и безразличными к содержанию формами, но «великими таинственными силами», которые властвуют над миром.

Недвижно-ледяной мир дрогнул и ожил. Затем появилось измерение высоты. Мир стал мыслиться двухъярусным. Земной ярус представлялся одновременно и ярусом воды. Первобытные люди боялись Большой Воды; этот страх закрепился в религии индуизма, сохраняющей полное табу на путешествия по морю. Тем же страхом порождены мифы о морских чудовищах. С другой стороны, ящерицы, свободно переходящие из воды на землю вызывали почтение; причина обожествления земноводных — их способность жить в двух стихиях. Ящерица, лягушка, черепаха стали великими хозяйками стихий и животных.

Первая структуризация мира — не просто двоичная, а двуполая: Земля мыслится женщиной, Небо — мужчиной (в Египте, где урожай зависел не от дождей, а от разливов Нила, Небо было женщиной, а Земля мужчиной, что поражало греков). Их единство представляется как перманентный половой акт, а их разделение (освобождающее место для жизни людей) — как первое деяние их сына, культурного героя. В других мифологических системах повторяется та же фундаментальная двоичность. Структура дуального рода отразилась в близнечных мифах, включая «рознь братьев» (Осирис и Сет, Ромул и Рем, Каин и Авель), а позднее — в комизме парности и двойничестве. Внутри двоичной структуры зарождается первое неравенство: верх — низ, правое — левое, сакральное — профанное… С двоичности началась и языковая геминация (удвоение) и счёт парами.

А затем произошёл дух захватывающий скачок по шкале абстрагирования — открытие числа три! В эру неолита человек разделил землю и воду; в некоторых мифологиях это оформилось как становление космоса из хаоса; в других, где Небо и Земля уже составляли двоицу, нижний ярус удвоился: Земля стала средним ярусом, а Вода — нижним. Возникла троичная структура мира; позже нижний ярус стал мыслиться как преисподняя (царство смерти).

Число три во многих традициях, включая древнекитайскую, считается первым числом, с него начинается счёт, ибо один и два — ещё не числа. Единица — это начало, целостность; двойка — близнечество, парность, противостояние едино-

[4] Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. С. 284.

му. В тройке произошёл отрыв сознания от телесной наглядности (первая брешь в антропоморфизме). Ведь строение нашего тела — бинарно и симметрично, в нём преобладают парные органы. Правда, на руке у нас пять пальцев, но нет ничего по три. Поистине, три — это ментальная революция, великая абстракция, истинное начало математики; поэтому число три стало священным.

Согласно гипотезе Б. Фролова, 20 тысяч лет назад сложилась практика счёта времени по годовому солнечному и по лунному (месячному) циклу, а также навыки согласования солнечного и лунного календарей. Человечество обнаружило, что фазы Луны совпадают с женским биологическим циклом: стало быть, Луна — женщина. Тогда Солнце — её брат, или муж, или тот и другой разом. Лунный месяц делится на 4 седмицы, солнечный год объемлет 12 месяцев. Числа 7 и 12 сакрализуются. Вообще закрепляется качественность чисел (из которой в дальнейшем разовьётся числовая мистика): 1, 2, 3, 7, 12 — священные числа, а после двенадцати идёт дурное число, которое портит счёт (по-русски «чёртова дюжина»). Оно приносит несчастье, а вот 3, 7 и 12 дарят удачу. Счастливые числа мифичны.

Жак Лакан, крупнейший представитель структурного психоанализа, называет число «символом в наиболее чистом его виде», но при этом нужно учесть, что тут понятие «символ» употребляется в психоаналитическом смысле. Чтобы не углубляться в анализ понятия «символ», скажем просто: изначально за каждым числом дышала, жила, трепетала некая природная реальность, эмоция, качество.

Герман Узенер, знаменитый историк религии, предполагал, что для первобытного человека тройка изначально обозначала всё, что более двух, т. е. множество вообще. Но этому противоречат некоторые факты. В одном из австралийских племён число один обозначается словом «мал», два — «булан», три — «гулиба», а четыре — уже «булан-булан». Названия имеют только три первых числа. В других австралийских системах примитивного счёта названия имеют лишь два числа, а дальше идёт «много». В современной психологии есть термин «число Мюллера»: известный исследователь органов чувств Иоганн-Петер Мюллер, эмпирически вывел число объектов, которые человек способен схватить одним взглядом, не считая. Это 5 ± 2. Что означает «плюс минус два»? Это значит, что люди мало развитые схватывают предельно три объекта, а одарённые — семь. Заметим, и три, и семь — священные числа.

Три — это верхний порог примитивного счёта: всё, что больше трёх, — много. Согласно гипотезе выдающегося филолога Д. Г. Киекбаева, у древних башкир число «пять» было синонимом слова «много»: значит, «четыре» было названием, этим самым верхним порогом. Но древние башкиры уже не были людьми каменного века.

Триада — непременная категория почти всех мифологических систем, религий, фольклора (примером может служить индийская Тримурти, но триады богов или духов известны во многих религиях). Троичностью порождены и эпическая тригеминация, и вертикальная структура вселенной (трёхъярусная), и деление временного процесса на прошлое, настоящее и будущее.

Рассмотрим стадии одного великого сюжета. В мифах Океании рассказывается о чудесно выросшей пальме, по которой юноша влез на небо, но внезапно пальма уменьшилась до обычных размеров, юноша не смог вернуться на землю и стал солнцем. Это простой этиологический миф. Но затем он получает дополнение: юношу сносит на землю гигантская птица. Это уже сказка, протосюжет типа AT 301. Птица здесь служит посредницей между двумя мирами: ведь птицы летают по небу и ходят по земле. Во многих мифах Солнце путешествует на птицах. Миф всегда изображает эмпирически невозможное как нормальное. Иногда это называют «принципом чуда». Но специфика чудесного в мифе такова, что оно никого не удивляет, напротив — успокаивает. Чудо организует связь явлений, т. е. гармонизирует мир. Чудо обладает высшей объяснительной силой, после чуда не ставится вопрос: «почему?»

Однако вернёмся к нашему примеру. В сказках типа AT 301 A, B (старейшая версия — у греческого писателя Конона, I в. до н. э.) герой спускается в подземный мир, который на стадии двоичного мышления ещё не существовал. Там герой вследствие предательства спутников теряет возможность вернуться на поверхность Земли; из беды его выручает огромная птица, вынося его на белый свет. Под землёй птицы не живут, но медиация между мирами — это привилегия птиц. Из наложения троичной структуры вселенной на протосюжет, возникший в двоичной ментальности, родилась фантастическая картина полёта из-под Земли в средний мир. Это произошло потому, что полёт на птице стал застывшей мифологемой возвращения. Содержание перешло в форму, наложение разностадиальных структур породило фантастику.

Медиативную функцию между землёй и водой приписывали земноводным. Их мифологическая конкуренция с птицами поясняла и охоту хищных птиц, например, орла, на ящериц, черепах и змей. «Война птиц со змеями» воплощает оппозицию верха и низа.

Чудесное растение — ранняя форма архетипа Мирового Древа, которое составило ось вселенной, ибо мыслилось прободающим по вертикали все три мира: корни — в земле, где прячутся змеи, а ветви — в воздухе, на них гнездятся птицы. Первобытные охотники влезали на высокие деревья ради обзора; на деревьях хоронили покойников; монгольские шаманки забирались на деревья для прорицания. Всемирный культ деревьев отражает ценность движения вверх — к Небу.

Первичные представления людей о себе и мире древнее повествовательности. Представление «солнце — красивый юноша» было буквальным. Позже возник вопрос: почему он живёт на небе? Ответом служил миф о чудесной пальме. Представления стали сочетаться по закону смежности или сходства; адаптируясь к возникающему сюжету, они становились его мотивами. Метафоры возникли из первичных тождеств: Луна — женщина, Солнце — юноша, Мир — человек. Фиксация представлений, первые именования и отождествления свершились до появления связного рассказа.

Мысль рождается в слове. Вербализация представлений породила первичную символику. Именование есть первый языковой процесс человечества. Освоение

мира людьми началось с раздачи имён предметам и явлениям; различая поименованные вещи в хаосе материальной среды, человек творит конкретную предметность: «Именно мир слов и порождает мир вещей, поначалу смешанных в целом становящегося «здесь и теперь» <…>. Итак, человек говорит, но говорит он благодаря символу, который его человеком сделал»[5].

Определяя суть именуемого, человек тем самым определял и свою собственную суть, поскольку в слове закреплял своё отношение к предмету. Жак Лакан иллюстрирует это таким примером: говоря «ты моя жена», человек связывает себя узами брака в качестве мужа.

Дальнейшее расширение именований происходило в основном путём метафоризации: «восход солнца», «подножие горы», «руки деревьев», «очи неба», «двурогая луна», «хвостатая звезда». У арабов колодец — «око пустыни». Метафора в нашем смысле слова, т. е. неожиданное сближение взаимоудалённых предметов по их сходству, — это порождение новейшей поэзии. В первых языковых метафорах не было переноса качеств, внезапно усмотренного сходства, а была только внутриязыковая реализация принципа чуда — сверхэмпирическое отождествление. Это есть отождествление, принципиально не проверяемое в опыте; чаще всего оно порождалось всеобщей антропоморфизацией мира. Первобытную идентификацию называют «метафорическим отождествлением»; если учитывать предысторию метафоры, можно принять обозначение архаического символотворчества как метафоризации (только не забывать, что она ещё доэстетична).

Бахофен сказал, что миф — истолкование метафоры. Полнее говоря, миф есть объяснительное развёртывание исходного антропоморфного символа. Противоположный процесс — свёртывание символа — превращает его в число. Мифология и математика — противоположные пути эволюции общеисходного символа.

Миф развивается под напором возрастающей жажды объяснения. Понятия причинности у людей не было, её заменяло понятие биологического происхождения. Проекцию антропоморфизма на космос Станислав Лем называет «сведением физики к Желанию». «Ибо проекций воли являются все древние космогонические мифы, повествующие с торжественной серьёзностью и с той простодушной наивностью, которая и есть утраченный рай человечества, как возникала жизнь из схватки демиургических первоэлементов, воплощённых в различные тела и формы, как рождался мир простых объятий любви и ненависти бого-зверей, бого-духов или титанов…» (Лем, «Абсолютная пустота»). Мир рождался: мифологема рождения — альфа причинности.

Вопрошание о роде («от какого тотема ты происходишь?») относится к человеку, но мифически распространяется на мир в целом. Тождество «Мир — Большой Человек» сменилось мифологемой рождения. От кого же родился мир? Каков инициальный первоэлемент? В ряде мифологий возникло представление о Мировом Яйце. Сначала оно плавало по волнам мрака, а потом из Яйца вылупился птенчик — Вселенная (позже Солнце, Первопредок и т. д.) В Упанишадах это хиранья-

[5] Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. С. 46.

харбха («золотой зародыш»), но тот же миф усматривают и в русской сказке, где курочка-ряба нечаянно снесла золотое яичко. Были и другие этиологические мифы, но суть их сводится к способу рождения мира или первочеловека, Первопредка, демиурга. «Кардинальная черта мифа, особенно первобытного, заключается в сведении сущности вещей к их генезису», говорит Е. М. Мелетинский в уже цитированной выше «Поэтике мифа» (с. 172).

А генезис человека? От кого происходит он сам? Происходил он из животного мира и рано осознал это, хотя и представлял несколько превратно, считая медведя, волка или ворона своим дедушкой.

II. Тотемный брак и мифическая сказка

Е. М. Мелетинский считает трудноустановимым различие между мифом и сказкой в архаическом фольклоре, усматривая сюжетную связь архаической сказки с первобытными мифами и ритуалами. Мотивы, характерные для тотемических мифов и особенно для мифологических анекдотов о трикстерах, широко отразились в сказках о животных; мифологична волшебная сказка о браке с чудесным тотемным существом, временно сбросившим звериную оболочку (АТ 400, 425 и др.); сначала это чудесная жена (в позднейших вариациях муж), которая дарит избраннику удачу в охоте или иные блага, но затем исчезает из-за нарушения им брачного условия. Сказки о посещении иных миров для освобождения пленниц (АТ 301 и др.) аналогичны мифам и легендам о шаманских странствиях за душою больного или умершего. Сказки о группе детей, попадающих во власть чудовища и спасающихся благодаря находчивости одного из них (АТ 327), или об убиении Змея — хтонического демона (АТ 300 и др.) воспроизводят мотивы, типичные для посвятительных обрядов.

В этих примерах нет стадиальных различений, но можно попытаться, хотя бы и в общих чертах стадиально расчленить архаический фольклор.

Палеолит — эра огромной длительности, эра возвышения человека как особого вида, способного ставить надприродные цели. Уже неандертальская раса научилась добывать огонь. Вероятно, у кроманьонцев началось ограничение и вытеснение каннибализма, сведённого, в конечном счёте, к ритуалу патрофагии (благоговейному поеданию трупов усопших родителей), и произошёл запрет инцеста — краеугольный камень всей будущей системы брачных отношений. Зигмунд Фрейд считал, что запрет инцеста — начало всякой морали; по словам Клода Леви-Стросса, запрет инцеста — «сам и есть культура». Согласно Леви-Строссу, инцест — не сексуальное, а социальное преступление; не нарушение некоего божественного закона, а подрыв организованного общества, нарушение брачной классификации.

Современная биология признаёт, что ни каннибализм, ни инцест не являются биологически опасными. В частности, в животном мире скрещивание близкородственных особей не приносит вреда породе. Запреты каннибализма и инцеста не выводились из физиологического опыта первых людей; они как бы имели целью выделение из бестиальности, превращение стада в социум, что предполагало его структурирование.

Такое структурирование требовало символической маркировки людей, в отличие от однообразия стада. Маркировка выражается в различных деформациях тела: это искусственно вызываемая макрокефалия (удлинение черепа с помощью твёрдых перетяжек у младенцев), отсечение мизинцев, обрезание крайней плоти, насечки на теле, родовые знаки на ногах или ладонях, раскраска, татуировка и мн. др. Всё это формы первичного самовыделения этнических групп. Кто не об-

ладал символикой самовыделения, не считались вполне людьми. И отметим, что большинство телесных символов фиксируется в раннем детстве, т. е. задолго до возраста инициаций.

Но есть и примеры, когда символика тела оформляется при инициациях. Африканское племя нуэр выламывают нижние резцы у своих шести-семилетних детей; при этом сами нуэр поясняют: «Мы это делаем, чтобы показать этим различие между человеком и животным».

Аборигены Индонезии подпиливают и чернят свои зубы; «белозубый туан» (европеец) ещё в XIX веке вызывал у них чувство омерзения, ведь у него зубы — как у дикого животного. Для мусульман и поныне довольно естественно сравнение необрезанных с собаками, а полинезийцам человек без татуировки смешон: он похож на свинью на двух ногах. Признание со стороны других людей требует отличия от природы. Первобытный человек формирует свой облик по принципу острой выразительности, причём это не индивидуальная, а родовая выразительность, ибо род был коллективной личностью. Внутри рода символизация облика подчинялась структурной упорядоченности, в основном по поло-возрастным группам; ношение перьев, колец и подвесок в носу широко распространено у аборигенов Австралии, а вот у новозеландских маори разрешается только знатным. Маорийское общество более дифференцировано.

Деформация тела — один из ранних языков культуры, постепенно (и ещё не повсеместно) перешедший в символизм одежды.

Запрет каннибализма, конечно, всемирный, но вот после Второй мировой войны судили нескольких японских офицеров, возродивших «кимотори» — обычай вырывать печень пленного врага и съедать её у него на глазах. И запрет инцеста общечеловечен, но в разных углах мира не до конца изжит «царский брак» — привилегия царей и вождей на брак с родными дочерьми. Память об этом обычае сохраняется и в европейском фольклоре, это сказки об овдовевшем короле, пожелавшем взять в жёны свою дочь (девушка обычно убегает от него). Этот мотив введён Н. В. Гоголем в «Страшную месть», а Ф. М. Достоевским — в «Хозяйку».

В древнем Египте фараоны — и только фараоны — женились на родных сёстрах. Мифологической санкцией этого обычая был брак Осириса и Исиды, заключённый ими ещё во чреве матери.

Все эти модификации мировых табу свидетельствуют об этнокультурном характере первобытных запретов. Эти запреты установились исторически и не везде; каннибализм ныне почти исчез, но всё же на Новой Гвинее могут дорогому белому гостю поднести на пиру, как лакомство, человеческую ногу, запечённую в пальмовый лист. Патрофагия, как погребальный обряд, тоже кое-где сохраняется. В палеолите мы все были ещё людоедами.

Из всех тупиковых ветвей антропогенеза самая поздняя — это неандертальская раса. Они уже были людьми, но, видимо, не выдержали конца ледникового периода, не смогли приспособиться к потеплению. Гипотеза о полном истреблении неандертальцев не выдерживает критики. Закат первой расы обусловлен природными факторами.

После вытеснения первой расы кроманьонцами, т. е. людьми современного типа, развилась членораздельная звуковая речь, которую дополняли жест и рисунок. Пещерная живопись, или головка человека, вырезанная на клыке мамонта (стоянка Дольни-Вестонице), или галька с вырезанным на ней человеческим лицом (пещера Ак-Купрук) появились 20-22 тысячи лет назад. Первые «палеолитические Венеры» — статуэтки беременных женщин — датируются ориньякской культурой, это верхний палеолит. Ориньякские охотники делали кремнёвые ножи и костяные наконечники для копий. Они уже высоко ценили продолжение рода, чтили матерей.

Одним из естественных условий стремительного выделения нашего вида из других приматов была его гиперсексуальность. Феномен избыточной сексуальности человека признан всей сегодняшней наукой. Именно эта черта обусловила в виде Homo sapiens его энергию, изобретательность и способность к самопожертвованию, причём независимо от времени года. Homo sapiens всегда дерётся за самку, олени — только весной.

Вульварные знаки, процарапанные на стенах пещер ледникового периода, прямо свидетельствуют о важности половой жизни для перволюдей и об их осознании этой важности.

Животные мыслились подателями жизни, женщина — продолжательницей рода: из сочетания этих фундаментальных представлений возник сюжет о тотемном браке, т. е. миф о происхождении людей от брака животного с одинокой Праматерью. Конкретное животное мыслилось как тотем — предок и покровитель. Охотники палеолита осмысляли природу в терминах брака и родства. Для архаического мышления характерно вечное настоящее время, слабость памяти и прогноза.

Люди палеолита более всего были заинтересованы в изобилии животного мира, но жили тем, что убивали животных. Вплоть до начала их доместикации и разведения этот «экономический парадокс» оставался неразрешимым. Именно поэтому людям понадобилось его воображаемое решение.

Уже в среднем палеолите отмечается сохранение костей съеденных животных. Известны палеолитические стойбища, окружённые ямами, которые полны костей животных: например, раннемустьерские охотничьи стоянки в пещерах Петерсхёлле и Драхенлох. В первой из них найдена ниша, заполненная костями пещерного медведя, которые были прикрыты камнями; в другой нише — пять медвежьих черепов и три кости конечностей. В Драхенлохе обнаружены шесть прямоугольных каменных ящиков, заполненных медвежьими черепами и костями конечностей. Это древнейшие оссуарии (костехранилища).

К среднему палеолиту относятся также находки костей быков и бизонов в пещерах Франции. Древние охотники берегли кости животных, веря, что из этих костей животные возродятся вновь («были бы кости, а мясо нарастёт»). Этнографическая литература приводит массу примеров почитания костей животных. Конкретная основа такого почитания — магический обряд «умножения пищи», один из древнейших обрядов человечества. Сохранение костей местами распространилось и на человеческие останки, повлияв на погребальную обрядность. Это некрофа-

гия (трупоядение) с последующим сбережением человеческих костей в оссуариях. Археологи считают, что пещеры с медвежьими святилищами, погребения костей животных и древнейшие памятники пещерной живописи свидетельствуют о зарождении тотемизма ещё в среднем палеолите.

В святилище знаменитой пещеры Трёх Братьев (Южная Франция) наибольшие споры учёных вызвала высеченная на стене фигура с чёрной подцветкой, сочетающая в себе человеческие и бестиальные черты: человеческий торс, оленьи рога, хвост, совиные глаза, клюв; руки кончаются копытами. Наклонная поза загадочного существа наводит на мысль о магическом танце. Одни учёные предполагали, что это охотник в промысловой маскировке (такой способ охоты, позволяющий близко подкрадываться, например, к страусам, поныне применяется в Африке), другие — что это божество, повелитель зверей, «рогатый бог»; третьи — что это шаман, переодетый животным. Я полагаю, что все изображения животных в палеолите подчинялись принципу «наивного реализма»; «рогатый бог» — охотник или шаман, но в дальнейшем таким же стал представляться Родоначальник, сын тотема и Праматери. Выражение «бог» здесь ошибочно, в палеолите не было понятия божества.

Ибо тотемизм, который вслед за Эмилем Дюркгеймом часто называют «религией охотничьей эры», вообще не был религией. Это система мифических представлений и обрядов, скреплявших примитивную социальную структуру. Тотемизм старше веры в духов и представлений о душе. Тотемическое мышление конкретно, оно отличалось колоссальной точностью наблюдения и не знало никакой фантазии.

В центре этой системы стоял обряд интичиумы с тотемным пиром. Интичиума (слово из языка аборигенов Австралии, которых научное наблюдение ещё застало на стадии палеолита) устраивалась раз в год, её целью было заставить тотемное животное или растение размножаться. Это магическая практика, а не религиозный культ.

Так что «рогатый бог» из пещеры Трёх Братьев — это никакой не бог, а родоплеменной предок. Такие предки мыслились существами двойной природы — зооморфной и антропоморфной. Смешение бестиальных и человеческих черт в одном образе называется «миксантропизмом».

Фамильные портреты ледниковой эры кажутся нам фантастичными. На деле же архаический гротеск — элемент первобытного реализма. Первобытное искусство не знало вымысла, в свои образы верило безусловно, и «артист» в звериной шкуре, с рогами и копытами, реалистически изображал тотемного предка.

Древнейшие рассказы о природе заключали в себе охотничий опыт в форме приключений и превращений тотемных предков, сведения о повадках животных и основы экологической морали (почтения к природной среде). Актом морали было праздничное поедание тотемного животного в сочетании с запретом охоты на него всё остальное время года. Практическая целесообразность тотемизма — сохранение баланса между человеком-охотником и его природной средой. Тотемизм прививал навыки экономной охоты (не убивать животных больше, чем нужно для пропитания). В этом объективная ценность тотемизма.

Но была у него и «субъективная», психологическая ценность. Представление о возможности магически влиять на размножение зверей или рост растений ориентировало психику людей в этом направлении. В таком представлении выражалось коллективное желание. И через тысячи лет оно осуществилось: человек приручил сначала собаку, затем северного оленя, позже коз, баранов, крупных парнокопытных, позже свинью и, наконец, лошадь. В древнем Египте одомашнили антилопу, но потом перестали её разводить, она давала мало молока. Скотоводство явилось реальным «умножением пищи», но предпосылкой этого планетарного переворота была сама постановка цели, ибо ядро сознания — целеполагание.

Обряд предшествует формулировке цели. Уже в палеолите обряды и мифы начали настройку человеческого сознания на жизненно важные цели, которые достигались затем тысячи лет. Они передавались от поколения к поколению. Без мифов эти цели не сохранились бы. Миф организует продолжение коллективных усилий во времени. Обряд «умножения пищи» наивен, но без него человечество не додумалось бы до приручения диких животных. Любое человеческое творчество начинается с мифологизации желания. Само по себе желание — это ещё не активность, оно может излиться в мечту, депрессию, фрустрацию. Миф переводит желание в план воли, служа самопрограммированию человечества в его культурной деятельности. Миф нацеливает и организует.

Не менее важна профилактическая ценность мифа. Речь не идёт о плоской дидактике, мифы не дидактичны, не учительны. Тем не менее, миф может служить предостережением. Например, месопотамская мифология всемирного потопа отражала катастрофические разливы Тигра и Евфрата. Сегодня же нам грозит глобальное потепление климата и катастрофический подъём мирового океана; это тоже будет всемирный потоп; во всяком случае Петербург и Лондон будут затоплены… Такой миф отражает и потенциальную реальность, не зависящую от нашего желания.

…По мере таяния Ледника люди переходили от пещеры к пещере, от горы к горе, но всё оставались достаточно высоко — боялись затопляемых низин. Во всех странствиях люди несли с собой огонь — например, в корзинах, обмазанных глиной, затем в горшках. Это были тлеющие угли, их всегда можно было раздуть. Во всю эпоху матриархата домашний очаг рассматривался как центр вселенной (ср. магические свойства печи в русских сказках). Хранительницей пещерного костра, а затем домашнего очага была Мать, а ей помогали младшие дочери (ибо старшие помогали мужчинам и рожали им детей). Отсюда сюжет о Золушке, которой покровительствует дух покойной Матери. Огонь — один из первых предметов собственности, притом именно родовой собственности. Мифы о краже огня зародились в палеолите.

В далёких миграциях людей возник феномен «локального тотемизма», когда принадлежность к тотемической группе часто определялась не по родству, а по местности. Предполагают, что это одна из древнейших форм тотемизма: она идентифицирует дородовую социальную группу с её территорией.

Территориальность — одна из главных черт примитивного мышления. Приходя на новое место, первобытная орда прежде всего делала два самонужнейших

и неотложных дела: определяла центр занятой территории (гора, большой камень, самое высокое дерево) и узнавала, какое животное доминирует в местной фауне. У германцев и славян излюбленным тотемом был медведь, сильнейший зверь европейских лесов. С Хозяином новых мест пришельцы стремились породниться посредством тотемного брака. Ян Ланг считает, что в основе всей тотемистической системы покоится стремление отдельных общин закрепить за собою право на территорию, создав мифологическую санкцию своих притязаний[6].

Центровка ландшафта нередко связывалась с его уподоблением исходному ландшафту пришельцев. Гениальный Николай Вавилов доказал, что первоначальные очаги формообразования культурных растений располагались в горах, и пшеницу впервые окультурили горцы; уже потом они спустились в речные долины, где и возникли пресловутые «гидравлические цивилизации». Пришельцы сакрализовали ландшафт однообразной равнины искусственными геометрически стилизованными горами — египетскими пирамидами и месопотамскими зиккуратами. Видимо, высокие горы мыслились как форма медиации между Небом и Землёй; грубо говоря, Гора — это Земля, которая достаёт до Неба. Вершина в Центральном Тянь-Шане, без малого 7000 метров, поныне зовётся Хан Тенгри (Царь Духов). В древнеиндийской мифологии центром земли и вселенной, а также местом обитания верховных богов считалась огромная золотая гора Меру. Очень часто духи и боги живут на горах — или на вершинах зиккуратов. Славяне ставили на горах деревянные столбы с четырьмя лицами, глядящими на четыре стороны света: таков Збручский идол, относящийся к X веку и найденный в 1848 году. Он служил и для центровки, и для сакрализации территории.

Кочевники в степях помечали центр своей территории каменным изваянием Праматери. Русские прозвали эти статуи «каменными бабами», а тюрки их называли «иней-таш» («мать-камень»). На месте исчезнувшего Хара-Хорина, центра великой державы монголов, сохранилось каменное изваяние черепахи (символ вечности). В древней Греции центр мира был помечен яйцеобразным камнем в дельфийском храме Аполлона, этот камень назывался «омфалос», т. е. «пуп»: естественно, пуп Земли. Греки воображали себе и «пуп моря»: не только Земля антропоморфна; Море — тоже.

Центром родовой территории служило естественное или искусственное возвышение. Культ гор функционирует на той же основе, что и культ высоких деревьев. И надо сказать, культ гор ещё дремлет в коллективном подсознании человечества. Высота опьяняет, «лучше гор могут быть только горы…» Страстные альпинисты — это люди, испытавшие в горах чувство близости к трансценденции.

Более прозаическое объяснение дают психологи: в горах наглядно выявляется третье измерение — высота, что составляет потрясающий контраст с привычной двумерностью жизни на равнине. Переход от двумерности к трёхмерности всегда потрясает, как некогда потряс наших прадедушек — архантропов.

[6] Ланг Я. Основы и возникновение тотемизма // Acta Ethnographica. 1967. Т. 16, № 3-4.

История сохранила нам довольно специфический пример локального тотемизма, который, однако, до последнего времени истолковывался превратно. Это рассказ Геродота об эфемерной талассократии на острове Самос — знаменитый «перстень Поликрата».

Греческое «талассократия» обозначает «мореправство», могущество на море. В VI веке до н. э. богатый купец Поликрат стал тираном острова Самос; его огромный флот господствовал на Эгейском море. Поликрат вёл широкую морскую торговлю, щедро покровительствовал поэтам. По рассказу Геродота, союзник Поликрата фараон Амазис, поражённый непрерывными удачами тирана, посоветовал ему добровольно избавиться от какого-нибудь сокровища, чтобы таковою утратой предупредить зависть богов. Поликрат послушался Амазиса и бросил в море драгоценный перстень. Но вскоре рыбаки принесли во дворец огромную рыбу. Когда её потрошили, внутри нашли перстень Поликрата. Амазис, увидя в этом грозное предостережение (отказ богов от жертвы), расторг дружбу с обречённым тираном. Вскоре персидский сатрап Оройт, заманив Поликрата, приказал убить его и распять труп.

Историю эту Геродот понимал на уровне своей эпохи, т. е. упрощённо. Спустя много веков другая талассократия, Венецианская республика, восстановила древний средиземноморский обычай: ежегодно в праздник Вознесения дож выплывал в море на роскошном корабле «Буцентавр» и бросал в воду золотое кольцо, заключая символический брак с морем. Этот брак мифологически гарантировал гегемонию Венеции на море. Но таков же смысл и «перстня Поликрата» — брачный союз с морем как основа талассократии. А возвращение морем Поликратова перстня обозначало «расторжение брака».

Брак с морем — разновидность локального тотемизма. Насколько древней была она? Первобытные люди боялись моря; морские миграции начались только в неолите.

Дробность человеческих групп порождала в архаике и чрезвычайную многочисленность тотемов. При интеграции родов и племён возникала своеобразная конкуренция тотемов. Её решение чаще всего сводилось к тому, что они получали статус алломорфов (равноправных видоизменений) одного Духа, или божества. Отсюда и возникло представление о разнообразных превращениях Духа, о его способности принимать форму любого животного, а в дальнейшем — и человеческую. Метаморфозы тотемов, духов, богов постоянны в мифах и фольклоре человечества. Однако возможно и другое решение проблемы: у древних евреев непримиримость племенных тотемов привела к табуированию всякого наглядного образа бога, к принципиальной незримости Яхве. Фактически это было уже отходом от тотемизма.

В этой связи возникает необычайно интересный вопрос — об относительной древности инициаций (посвятительных обрядов). Несомненно, система инициаций коренится в тотемических представлениях. Она включает в себя охотничью закалку будущих воинов, суровые испытания их терпеливости и выносливости (голод, укусы термитов, ожоги от костров и мн. др.). Но центральным обрядом инициаций было поглощение испытуемого тотемным зверем и последующее извержение

мальчика, которое рассматривалось как второе рождение: прошедший инициацию получал новое имя. Инициации производились (и производятся) в чаще леса, в специальных строениях, иногда зооморфных, т. е. имевших форму тотема-пожирателя («избушка на курьих ножках»). Некоторые учёные считают (как, например, Мирча Элиаде), что инициации производились уже в палеолитических пещерах. Интересно, какие следы инициаций они там нашли?

По моему убеждению, ледниковый период не знал никаких инициаций. Школа жизни была столь суровой, что испытания просто не были нужны: выживали только сильные дети. Зато неотъемлемым элементом ранней культуры был инфантицид (детоубийство). Численность рода регулировалась — и очень жестоко: более слабых детей убивали. Отголоски инфантицида достигли исторического времени. Так, например, в Спарте каждого новорождённого осматривали старейшины, и слабых детей сбрасывали с высокой скалы. Другие народы клали ребёнка в корзину или ящичек (ковчежец) и пускали плыть по воде — по морю, по реке. Этот обычай держался долго (см. мифы об Эдипе, Персее, Саргоне Великом, Моисее и мн. др.), но уже в древности принял характер имитации: корзинку сплавляли по воде, а ниже по течению её вылавливали родственники, забирая младенца на воспитание (обычай «аталычества»).

Инфантицид изживался очень медленно и постепенно. Сначала он свёлся к жертвоприношению первенцев. Ведь первенец — это дитя девственницы, плод первого полового сношения, а в архаике дефлорация производилась не женихом, а жрецами: девушку оставляли ночевать в святилище, а ночью к ней «приходил бог». Так что первенец архаической семьи — всегда «Сын Божий»; именно поэтому его и следовало через какое-то время принести в жертву богу (духу) — грубо говоря, «вернуть по принадлежности». Конечно, обычай варварский, жуткий, как и все человеческие жертвоприношения, но он уже ограничивал инфантицид одними первенцами. Рабство нам тоже представляется отвратительным, но ведь оно было колоссальным шагом прогресса, когда впервые заменило собою съедение военнопленных.

Инициация — это обрядовая имитация инфантицида. В инициациях смерть посвящаемого инсценируется: его протаскивают сквозь узкий вход, утыканный зубами, этот вход — модель тотема-пожирателя и метафора смерти по сей день (на её мифологичности зиждется успех американского кинофильма «Челюсти»). Зубы раздирали кожу мальчика, его кровь составляла «эффект достоверности». Но реальная смерть посвящаемого (может быть, и случалось такое) никогда не была целью инициаций.

Между тем, в палеолите не нужна была никакая имитация, модель пасти или деревянный символ тотема-пожирателя. Тотемическое мышление не знало мимесиса, тотем был реальным зверем или птицей. «Хозяин леса» бродил неподалёку, люди знали, где он живёт, а порою и видели, как он пожирает их подношения (хотя, возможно, подобное наблюдение табуировалось). Тотем действительно пожирал мальчиков, и они уже не возвращались.

Может быть, отдельным мальчикам удавалось ускользнуть от зверя. Тогда их возвращение создавало культовую трудность: на обречённых в жертву детей род

уже не имел права. Для обхода этого затруднения возвращение мальчика из смерти стало рассматриваться как приход другого. В этом и состоит суть всемирного мифа инициаций. Обрядовый обман, в котором инфантицид остался лишь в «снятом виде», есть инициация. Такою она дожила до наших дней, наша жизнь полна инициаций: это посвящение в масоны, приём в КПСС, «дедовщина» в русской армии и мн. др. Инициация — явление относительно развитой культуры, но многие его формы уже архаичны.

Имя тотема издревле табуировалось — из страха одним упоминанием накликать его. Это связано с изменением роли слова в мифологическом мышлении, с неуклонным возрастанием власти слова.

Первоначально вербальные элементы обряда были скудными. Этнография знает примеры и бессловесных обрядов. Изначально таким был и магический танец — пантомима охоты. Затем танцующие стали хором повторять имя или прозвище тотемного животного. Ритмическое призывание тотема или духа стало сопровождаться выражением того или иного желания: родилось заклинание. Ритмизованный повтор имени стал центром обряда, и значимость слова всё более возрастала. Распространение обращения вело к гимну, распространение заклинания — к молитве, но это — в далёкой перспективе.

Слово — это и напоминание о смысле обрядового действа, и магическое средство преображения мира. Оно мыслилось наивно-реалистически: «Слово есть сама вещь <…>. Слово как сущность вещи в молитве и заклятии получает власть над природою»[7]. Древнейшая вербальная часть обряда — магическое имя — при передаче обрастала пояснениями, которые дали начало повествованию.

Во многих сказках от знания магической формулы зависит судьба героя: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом!» Или арабское: «Симсим, отворись!» Или немецкое: «Рапунцель, Рапунцель, проснись, спусти свои косыньки вниз!» Всё это формулы входа, заклинания трудных дверей. Заметим, симсим — это кунжут, Rapuntzel — сурепка: трудный вход расколдовывался с помощью растений. В России верили в разрыв-траву, открывающую любые замки.

Другие заклинания заставляли тотемного хозяина выполнить любое желание: «По щучьему велению, по моему хотению». Слово творит действительность. Всякий миф есть «развёрнутое магическое имя»[8]. Имя предшествовало повествованию, слово — зрительному образу, воплощённому в кости, камне или дереве.

В мифах, фольклоре, религиях отразилась сверхценность личного имени. Назвать кого-либо по имени значило овладеть им. Поэтому своё личное имя нельзя раскрывать врагу. Циклоп Полифем в «Одиссее» узнаёт, что его ослепил «Никто»: это обманное имя, Одиссей его надул, и циклоп не смог воспользоваться знанием имени.

Вербальная магия перешла в развитые религии. Заклинание стало молитвой или гимном; то и другое неотделимо от жертвоприношения. Некоторые античные боги имели тайные («настоящие») имена; такое тайное имя запрещалось произносить в

[7] Потебня А. А. Миф и язык. М., 1989. С. 158.

[8] Лосев А. Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 170.

публичном культе, например, мистериальное имя Диониса. У евреев было табуировано произнесение имени Яхве. Кто знал тайное имя бога, тот через него владел миром (принцип Habeas nomen). Известный сказочный сюжет AT 500 («Имя демона») в своей основе очень древен; в нём гном с диким именем (Том-Тит-Тот, Румпельштильцкин, Трапеза Пелемняевич) есть богодемоническое существо архаической эры, которое намного древнее порождённого религиями разделения на чистую и нечистую силу. Вызнать его имя — значит освободиться от его власти, стать сильнее его. Поэтому в средневековой Европе, когда табуировалось произнесение даже слова «дьявол» (ведь называние есть призывание), демонологические трактаты перечисляли имена и ранги дьяволов: знание специальное и сугубо практическое, иначе как же их изгонять? Заклинание или загадка — обычный центр сказки, как метаморфоза — царица мифологии.

Сказочную метаморфозу часто объясняют верой в оборотничество. Но откуда взялась эта вера? Прежде всего она была обрядом: охотники танцевали в шкурах тотемных зверей и подражали их повадкам. Это была тренировка к охоте; охотничья маскировка — исток всякого ряжения. Первым «оборотнем» был палеолитический охотник. Из этих обрядов развилось представление о миксантропизме тотема или о том, что он произвольно меняет человеческую ипостась на звериную. Фактически ни один человек не превратился в медведя или волка, но в обряде люди видели это, например, в танце «людей-леопардов» в Сьерра-Леоне (конец XIX в.): имитация была доведена до совершенства, актёры чувствовали себя леопардами, они оставляли звериные следы, а их жертвы были растерзаны клыками и когтями. Английские колониальные власти организовали громкий процесс; ни один подсудимый не признал себя виновным.

Возражения против обрядовой теории мифа сводятся к проблеме точного определения. Миф — всеобъемлющая система миропонимания. Но сначала это понимание было фрагментарным; цельная мифологическая система — это результат долгой культурной эволюции. Да, первобытное мышление мифологично, человек осмысляет мир через собственную телесность и слабо отличает себя от «не себя» (диффузия субъекта и объекта). Но если миф есть этиологический рассказ, то нет оснований считать, будто он появился раньше некоего действия, действа, обряда.

Обряд (ритуал) — не инсценировка мифа, такие инсценировки появились много позже. Обряд есть эмоциональное коллективное действо с целью подготовить охоту, задобрить убитого зверя, устрашить врага. Современная этология называет ритуалами сложные поведенческие комплексы животных — ритуалы ухаживания (танцы журавлей), запугивания противника, приёма в стаю. А как богаты эти комплексы у высших обезьян! Первые ритуалы человечества — продолжение ритуалов животных. Видимо, ранние обряды людей содержали некий минимум звуковой сигнализации — хотя бы для того, чтобы задавать единый ритм движений участникам обряда. Однако ранний язык по объёму и по формам был недостаточен для повествовательности, преобладала утилитарная коммуникация, ещё слабо развита была память. Поэтому вероятно, что обряды возникли раньше мифов. До сюжет-

ности миф существовал «эмбрионально», как смысл обряда, пунктирно вербализованный в восклицаниях, призывах и заклинаниях.

Вся охотничья обрядность была составной частью практической деятельности: овладение добычей, умножение пищи, интичиума, инициации, брак — всё имело целью производство. Сами люди считали его воспроизводством (например, воскрешение зверей из костей). В реальности воспроизводства не было, на протяжении палеолита сохранялось потребительское хозяйство, а производящее началось только в неолите.

И вот что получается: тотемизм — мораль потребительской экономики; первобытный охотник не воспроизводил животный мир, а экономил; фауна не страдала существенно от дротиков и стрел людей, успешно воспроизводила себя. А вот цивилизация полностью истребила множество видов животных и истребляет по сей день: кончаются носороги, под угрозой гибели африканский слон и т.д. В 1741 г. европейцами была открыта «морская корова» (Rhytina Stelleri), а в 1768-м уже убита последняя. Тотемизм был умнее цивилизации, он вписывался в природу, а не убивал её.

Так что в мифах тотемизма, сутью которых является баланс человека и природы, заключена великая мудрость. Не стоит смеяться над «медвежьей свадьбой» или иными тотемическими обрядами с элементами зоофилии. Первобытный человек с животными дружил, здоровался, а когда убивал — просил у них прощения. Современные путешественники Олег Алиев и Леонид Круглов рассказывают: «Понимаете, там совершенно другое мироощущение. Самую удивительную в этом смысле культуру мы обнаружили на одном из островов архипелага Ментавай. На этом острове живут люди, которые, прежде чем сорвать какой-нибудь несчастный кокос, долго-долго разговаривают с ним. У них совсем другая психология: они убеждены, что ничего в этом окружающем мире, в этой природе нельзя трогать и менять просто так» («Аргументы и факты», 1996, № 39).

Эта «другая психология» прорастает кое-где и в наш день. У японцев есть «Пятьдесят заповедей икебаны», пятая заповедь гласит: «Делая букет, надо в душе поговорить с цветком».

Первобытный человек социализировал окружающую природу, проявляя добрососедское или даже родственное уважение к животным, растениям, камням. Есть люди, столь искусно имитирующие голоса птиц, что последние впадают в заблуждение и вступают в «разговор» с имитаторами.

Биологические процессы внутри первобытного общества тоже были социализированными, даже половая жизнь стимулировалась или ограничивалась хозяйственной целесообразностью. Интичиума иллюзорно компенсировала убыль животных, деторождение реально компенсировало убыль людей.

Древнейшее искусство было магическим, сочетало заклинательную функцию (воздействие на окружающий мир, прежде всего, на животных) с мнемонической (хранение и передача важной информации). Содержание живописи верхнего палеолита и скульптур, вырезанных из камня и кости, — это животные и женщины-родительницы, Содержание танца — это охота; танцующие мимировали и зве-

рей, и охотников. Во время тотемного пира убитого зверя благодарили, угощали и чествовали; жена вождя ложилась со зверем и обнимала его как дорогого гостя (ср. «гетеризм гостеприимства» у многих северных народов нашего времени). Из тотемного пира родился миф о тотемном браке. В дальнейшем он разветвился на две группы сюжетов: о чудесной жене (муже) и о рождении чудесных детей, сила и отчасти внешность которых бестиальны, а деяния человечны (Аю-Кулак, Медвежье Ухо, Беовульф и мн. др.).

Убиение тотемного животного мыслилось как его добровольное самопожертвование: дедушка Медведь позволил себя убить. За это его и чтил благодарный род, поедая тотема столь же благоговейно, как ели своих умерших родителей. Обрядовое трупоядение, некрофагия (а точнее было бы говорить — патрофагия) — параллель к тотемному пиру: это уже не людоедство, а тотемическое «причащение». Тотем ведь тоже отец, общий отец рода, и относились к нему так же, как позже к патриарху: с робостью и благодарностью. От тотемного пира происходит мифологема самопожертвования, которая навеки закрепилась в культуре, хотя, конечно, формы её исторически меняются, от Прометея до князя Мышкина.

Хотя в ходе тотемного пира животное поедали, ради последующего возрождения его голову и передние лапы сохраняли в неприкосновенности. Этот обычай уже в очень глубокой архаике распространился и на останки людей. Из траурного пира патрофагов исключались голова и руки покойника, затем — только голова. Например, в глубочайших культурных слоях Иерихона (приблизительная датировка — 6500 лет до н. э.) археологи в большей части могил находят скелеты без голов. Головы отделяли от трупов и сберегали отдельно. Сохранение головы имело целью возрождение умершего. Культовое отрубание голов и охота за головами известны в разных частях света и остаточно встречаются до наших дней (на Борнео, на Новой Гвинее).

Тотемом мог быть не зверь, не дерево, а, к примеру, огонь. Поскольку освоение огня началось с собирательства, а натуральный огонь лесных пожаров — это результат гроз, то огонь стал мыслиться сыном Неба. Древнерусское ритуальное имя огня — Сварожич, т. е. сын Сварога (Неба). Хранительницей огня была женщина — кормилица и супруга; её функции в ритуале естественны — «кормление» огня и брачное заигрывание с ним. Близость к огню была почётной, все золушки, неумойки, запечники — это сакрально привилегированные дети. Из хранения огня и игр (танцев) с ним выросло женское шаманство; оно гораздо древнее мужского.

Мужское шаманство сохраняет поднесь половую двусмысленность. Сначала мужчины становились шаманами только вследствие охотничьей неполноценности: евнухоидизма, эпилепсии и подобных аномалий, которые сближали их с женщинами. Шаманы культивировали искусство вводить себя в эпилептоидные состояния. Ещё в XX веке в Сибири, если у шамана под рукой не оказывалось ритуальной одежды, он мог производить камлание просто в женском платье. Ритуальный травестизм (переодевание в одежду иного пола) есть пережиток культовой андрогинности, запечатленный мифом и эпосом: переодетый девушкой Дионис скрывается среди муз, Ахилл — среди дочерей царя Ликомеда и т. п.

Полагают, что культовая андрогинность связана с представлениями о двуполости тотема или божества; такая двуполость наглядно воплощала полноту высшего принципа. Есть мифы, в которых Первопредок оплодотворяет сам себя. Всё же я думаю, что культовая андрогинность шамана обусловлена идеей сексуального общения с духом (= брака шаманки с тотемом). Эта андрогинность — ритуальная имитация: человечество очень долго помнило, что служить духам должны женщины.

В примитивных обществах поныне царит изоляция колдунов: отдельное от рода поселение, запрет прикосновения, безбрачие. Издревле люди отселяли заразных больных, а из заразных болезней легче всего диагностируются кожные. В шаманских легендах чукчей и эскимосов магическое могущество героев часто контрастирует с их внешним видом: они обладают «священными» болезнями, например, чесоткой. В мировом фольклоре чесотка, короста, парша маркируют то культурного героя, то гонимого ребёнка, который затем превращается в солнце или луну, то могучего шамана. Французский африканист Гэсо приводит одну этиологическую легенду племен тома в Лесной Гвинее: «Однажды пришёл какой-то мужчина, который был духом, весь покрытый язвами, словно проказой…»[9]. В тюркских сказках у героев этого типа общая черта — парша. Популярен хитрый насмешник Лысый Паршивец; иногда паршивый юноша становится могучим богатырём. Герой башкирской сказки болен паршой («Башҡорт халыҡ ижады». Т. 2. Өфө, 1959, № 18).

В библейской истории Моисея фигурирует мотив проказы (Исх., 4, 6-7). В мировом фольклоре язвы, парша и раннее облысение — признаки носителей чудесных потенций («необыкновенных талантов») или даже духов. Фольклор отчасти сохранил изначальное отношение к шаманам — почтительное омерзение. Функция шамана была одновременно сакральной и презренной. Это приводит на память двоякое (для нашего понимания) значение латинского термина sacrum: одновременно «священное» и «мерзкое». В архаике существовал целый ряд понятий, в которых антонимические качества не разделялись, а различались только ситуационно.

И второе: безбрачие шамана — признак того, что он не смог пройти инициацию. Юноши, которые не выдерживали этого мучительного экзамена, не считались мужчинами, не могли жениться, возвращались к женской работе. Из их числа и отыскивались шаманы. Первобытные люди использовали болезненных и слабых мальчиков, вытесняя их в шаманство. При этом женское шаманство никакого отвращения не вызывало, ибо оно исконно и естественно.

Следы женского шаманства мы находим в Библии (пророчица Дебора, аэндорская колдунья и др.). Античность сохраняла веру в предсказания пифий и сивилл, в Риме женское шаманство зафиксировалось в культе Весты, т.е. государственного очага, в котором поддерживался вечный огонь. Если он погасал, это считалось национальным бедствием; заново разжигали его только трением деревянных палочек. Кажется, что этот культ происходил из палеолитической пещеры. Старшая весталь-

[9] Гэсо, Пьер-Доминик. Священный лес. Изд. 2-е. М., 1979. С. 181.

ка в окружении юных учениц повторяет тип матери рода, поддерживающей вечный огонь с помощью младших дочерей.

Весталки пользовались огромным почётом; за утрату девственности их зарывали живыми в землю (ибо убивать их было нельзя). Откуда столь суровая кара? Дело в том, что мужем весталки был огонь — опасная и непредсказуемая стихи; изменяя мужу, весталка рисковала навлечь его гнев на весь народ.

Древнейший обряд женского шаманства — это обнажение перед огнём, имитация полового акта с ним (ср. имитацию брака с убитым зверем на тотемном пиру). Пережиток ритуального заголения перед огнём сохранялся у русских крестьянок ещё в XIX веке (только при выпечке хлеба). Огонь мыслился как тотемный предок. До XX века у нивхов сохранялось «кормление» огня человеческой пищей. Нивхи называли себя детьми огня[10].

В эру тотемизма подношения зверям не сжигались, а относились в чащу леса; туда же отводили девушек для возобновления тотемного брака и детей в жертву тотему. Древнеславянское «жерти» обозначало и «поедать» (= «жрать) и «отдавать на съедение», «жертвовать». Практика жертвоприношений детей соответствует инфантициду (архаическому детоубийству). Человеческие жертвоприношения — универсальная стадия, через которую прошло всё человечество; в основном оно их изжило. Отказ от них зафиксирован в знаменитой 22-й главе библейской Книги Бытия, где Исаак на жертвеннике заменён агнцем. При этом непоколебимая готовность Авраама принести в жертву своего единственного сына оценивается Богом чрезвычайно высоко, но само действие тут же табуируется.

Знаменитая аналогия в греческом мифологическом эпосе — это жертвоприношение Ифигении в Авлиде, но девушка на жертвеннике была заменена ланью (или медведицей). Изживание человеческих жертвоприношений — это длительный процесс; даже Библия детально описывает жертвоприношение дочери Иевфая, а оно произошло много позже замены Исаака агнцем. В некоторых изолированных культурах человеческие жертвоприношения зафиксировались до новых времён (например, у ацтеков), но в жертву приносились только военнопленные.

Верхний палеолит стал временем достаточно определившихся форм погребальной обрядности (развитие которой стимулировало прогресс представлений о жизни после смерти) и мифологии. Академик А. П. Окладников выделял «мифы и обряды, в основе которых лежал древнейший культ плодородия и женских существ — владычиц стихий и домашнего очага»[11]. Культ плодородия обладал уже чертами примитивной религии.

Американский антрополог Джон Пфейфер в книге «Культурный взрыв» (1982) утверждает, что в эпоху верхнего палеолита произошла великая духовная революция. Появление рисунков на стенах пещер обозначало культурный взрыв:

[10] Крейнович Е. А. Нивхи. М., 1973. С. 101-102.

[11] Окладников А. П. Проблемы генезиса религиозного сознания в свете современных открытий археологической науки // Проблемы развития современной науки. Сб. ст. Новосибирск, 1978. С. 291-295.

это следы магических обрядов, которые впервые позволили человеку выйти за пределы обыденного существования, впервые столкнули его с тайным, сакральным инобытием. Пещеры с рисунками были храмами и театрами кроманьонцев. Пфейфер считает, что детонатором культурного взрыва стала особая «технология изменения восприятия» (the perception-altering technologies). Этот гибрид религии и искусства породил цивилизацию.

Магико-художественный процесс дорелигиозной эры страдал дурной бесконечностью, псевдо-природным циклизмом, однообразным протеканием времени. Вернее, время как бы не протекало, оно дремотно стояло ввиду точного повторения циклов, отсутствия значимых нарушений (= событий). Дж. Фрэзер и В. Маннхардт стремились доказать, что идея круговорота и повторяемости возникла с аграрными культами. С этим трудно согласиться. Разве жизнь животных, с которою спаяна жизнь первобытных охотников, не подчинена годовому циклу? Перелёты птиц, гнездовье, воспитание птенцов, миграции стад в горы летом, в долины зимой, спаривание и прочее — да всё в животном мире циклично. Биологизм времяпереживания у первобытных людей обсуловлен отсутствием сверхбытовой, сверхприродной цели (в аграрных культах этот исходный биологизм зафиксировался).

Но какова же была сверхприродная цель, которая нарушила био-механический циклизм первобытной жизни? Археология видит одну перемену в своих палеолитических находках: это уже упомянутое развитие погребальной обрядности, покойников уже не поедают, а укладывают в позе спящего. Археологи отметили также следы охры на скелетах: трупы подкрашивались. Красный цвет был цветом жизни. Изменения в погребальной обрядности свидетельствуют о том, что люди осознали неизбежность смерти и задумались о посмертной жизни, хотя бы частичной. Может быть, человек умирает не совсем. Может быть, малозаметный двойник умершего, его дыхание или тень переживают разрушение тела и продолжают в какой-то форме жить поблизости. Мифология смерти — это зародыш культа предков и веры в существование души. В этом смысле иногда говорят, что смерть есть демиург культуры. Пышно и неточно. Именно нежелание умирать (жажда жизни) породило религию. С её помощью человечество преодолевает ужас полного исчезновения. Религия гарантирует людям хоть какую-то посмертную жизнь: покойники дышат, потихоньку едят, немножко пьют, но не размножаются. Их надо подкармливать!

Итак, сверхприродная цель — это жизнь после смерти. Религия обозначила эту цель и дала результату приоритет перед процессом. Жить по законам религии — значит заслужить вечную жизнь, т. е. жизнь людей подчиняется этой надприродной цели. Такое самоограничение обозначает победу над дурной бесконечностью, мыслеполагание границ во времени; именно этим и порождается форма в искусстве. К архаике полностью применим знаменитый стих Гёте: «In der Beschränkung zeigt sich erst der Meister» («Прежде всего в самоограничении выказывается мастер»). Иными словами, религия есть формообразующее начало культуры.

Архаическое искусство было коллективным магико-религиозным творчеством рода, оно в целом литургично. Затем литургия обособилась, из коллектива выде-

лилось жречество, и стихийные духи начали превращаться в богов. Определяющая черта божества — распоряжение стихиями, а вторая — дарение тех благ, от которых зависит жизнь людей. Но примитивные боги не сразу стали благодетелями рода людского.

Первыми подателями благ мыслились тотемные животные, а затем наполовину зооморфные родоначальники, приобретающие функцию культурных героев. Блага природы (свет, тепло, добыча) и блага культуры (обычай, орудия труда, охотничьи снасти) долгое время мыслились недифференцированно. Скажем, великий предок подарил людям солнце и первый рыболовный крючок: то и другое воспринимаются наивно, утилитарно. Все эти блага и добыл для людей культурный герой, медиатор между мифическими мирами (ярусами вселенной), ходатай за братьев-людей перед богами, но иногда и глашатай воли богов перед людьми. Примитивные боги ревнивы и мстительны, их следует опасаться и чтить; в отличие от них, культурный герой любит людей, он их защитник. Любовь к людям не входила в первопонимание богов.

Культурный герой тысячи лет развивался параллельно эволюции духов и богов. Он есть связующее звено между человеком и силами потустороннего мира. Он может заходить в гости к солнцу и встречаться с покойниками.

От тотемов произошли духи, повелители отдельных стихий или пород животных. Так, огонь был тотемным предком для нивхов (см. выше), а позже духом огня стали считать саламандру — хвостатую амфибию, якобы живущую в огне. Водная стихия олицетворялась огромной рыбой или морским змеем (у древних евреев Левиафан). Русская сказка «Царевна-лягушка» — одна из древнейших, в ней лягушка — хозяйка животного мира, она имеет два попеременных обличья — зооморфное и антропоморфное.

Культурный герой мог иметь функции демиурга (мироустроителя), а его творческие акты передразнивал трикстер — демонический озорник. Считать ли трикстера комическим дублёром культурного героя или они стадиально различны? Сказки и мифы индейцев Северной Америки законсервировали палеоазиатское мифологическое мышление, каким оно было в моменту перехода через Берингию (30 тысяч лет назад); в этих сказках и мифах культурные герои — Ворон, Норка, Койот. В особенности выразителен Ворон — первопредок, демиург, могучий шаман, культурный герой и он же трикстер. Предполагают, что его «трикстерский цикл» возник позже мифов творения, но это не обязательно: мироустроение могло перемежаться плутнями.

Представление о божестве слагалось в основном из первопредка-демиурга и стихийного духа. По мере возвышения божества осложнялась ситуация культурного героя, но об этом мы скажем в следующей главе. А здесь мы должны рассмотреть взаимоотношение мифа и сказки.

Со времён братьев Гримм сказка рассматривалась как деградированный миф, а со времён А. Н. Веселовского стало развиваться учение о том, что сказка древнее мифа, она первична. Часть современных фольклористов на новой основе возрождают гриммовскую концепцию: «в начале был Миф». Как тут быть? Прежде всего:

первобытное человечество не могло бы жить без мифа. Родовая общность формируется мифом. Второе: древнейшая сказка — это разновидность мифа.

Сказки о животных и обманутых демонах отражают эру тотемизма и стадиально предшествуют развитой мифологии. В них люди чтили тотемных животных, одновременно осмеивая их и сознавая своё умственное превосходство над тотемом.

Сюжеты древнейших сказок связаны с охотничьими наблюдениями, они далеки от позднейшей развлекательной сказки с её разнообразными ритуально-бытовыми отражениями и большой свободой вымысла. В тотемических сказках не было фантастики как художественной условности, вымысел был изобретённым объяснением, которое пользовалось безусловным доверием аудитории. Остроумие этого объяснения служило критерием его истинности. Первобытный миф и тотемическая сказка дополняли друг друга. Древнейшая сказка имела целью удачную охоту, равно как и танец австралийских аборигенов с копьями вокруг нарисованного на земле кенгуру. До самого XX века у башкир сказки о животных рассказывались вечером накануне охоты.

Многие сказки были этиологичны, как и мифы, но этиология их была фрагментарной, она давала не объяснение мира в целом, а объяснение самых простых и привычных вещей. Например, почему не дружат между собой различные виды животных, за какую вину перед звериным сообществом преследуются змеи, почему Солнце никогда не встречается с Луной?

Последний вопрос не имеет ничего общего с позднейшими космогониями: Солнце и Луна принадлежали к самым привычным и заурядным явлениями, это брат и сестра «из нашего селения» (океанийская сказка), но в результате инцеста оскорблённая девушка убежала от брата и стала Луной; он за нею погнался, став Солнцем, но она не желает его видеть. Эта сказка очень близка к мифу.

С другой стороны, сказка может происходить от мифа. Так, эддический миф содержит мотив пробуждения валькирии. Она наказана за непослушание её отцом Одином; он погрузил ослушницу в магический сон на вершине холма и со всех сторон оградил огненными щитами. Только Сигурд сумел перепрыгнуть через огненное кольцо и разбудить валькирию, после чего он с нею обручился и получил от неё мудрые советы. Этот ёмкий миф поясняется некоторыми древнерусскими ритуалами.

Первое — «крада», огненный круг вокруг погребального костра; для устройства крады рыли глубокий, но узкий ров, устраивали ограду из прутьев и обкладывали её соломой. После зажигания крада своим огнём и дымом закрывала (скрадывала) от участников церемонии процесс кремации трупа. Магический сон валькирии — это «малая смерть», а ограда из огненных щитов напоминает горящую краду. Второе: празднование Ивановой ночи, когда юноши и девушки попарно, взявшись за руки, перепрыгивают через костёр. Это реликт языческого обручения.

Из указанного мифа, сочетающего элементы погребальной и свадебной обрядности, вырос сказочный сюжет AT 140 («Спящая красавица»), в котором, однако, огненное кольцо заменено непроходимой лесной чащей. Без огня это уже не миф.

Итак, некоторые мифы в архаике были сказками; в ряде случаев сказка произошла от мифа.

Для архаической сказки характерен открытый финал: результат её действия — то состояние вещей, которое налично в момент рассказывания. Солнце всё так же гоняется за Луной, будучи не в силах обуздать свою преступную страсть; журавль и цапля по сей день ходят друг к другу через болото; Карачун-Кащей съёживается и замирает при виде первого птичьего яйца (знака весны), но оживает с началом своего зимнего владычества. Сказка не располагала понятием завершённости, в ней не было никакого убийства чудовища, это позднее сложившаяся волшебная сказка добавила концовку, убивающую архаичный циклизм, и тем самым создала парадокс — «смерть Кощея Бессмертного».

Не было в мифической сказке и победы добра над злом: во-первых, она была доморальна; во-вторых, достигнутое действием состояние вещей оценивалось положительно, но достигалось-то оно актом, к моменту рассказа уже табуированным. Это обозначало установление добра с помощью зла. Например, наличие Солнца и Луны — благо, но оно есть результат инцестуозного посягательства брата на сестру. Согласно мифам фульбе, этот африканский народ происходит от брака брата и сестры; в то же время инцест у фульбе табуирован, как и во всём мире. В других африканских сказаниях культурный герой случайно сотворил людей в припадке рвоты, а затем спустился в их селения, чтобы преподать им правила доброй пищи. Выходит, дурное или ошибочное действие приводит к установлению блага, но тут же табуируется: повторять демиургические акты нельзя.

Мифическая сказка в принципе не имела конца. Все убитые в ней оживали, как воскресало из своих костей правильное съеденное тотемное животное. Эта сказка включала в себя заклинания, загадки и табу. Древнейшее фольклорно-мифологическое творчество имело синкретический характер.

В трудах В. Я. Проппа показано, что обряд предшествовал повествованию; инициации лежат в основе волшебных сказок и детерминируют их структуру. Сюжет «вырастает» из обряда, волшебная сказка — объяснительный миф инициации. Но, во-первых, волшебная сказка младше тотемической, а во-вторых, не сводится к одним инициациям. Если же выйти за рамки волшебной сказки, то инициации сразу утрачивают свою монополию. И поздний Фрэзер, и сам В. Я. Пропп отмечали, что во всех праздниках аграрно-календарного цикла первичными были погребальный ритуал и культ предков. О. М. Фрейденберг доказала, что основные праздники «приурочены к смерти и воскресению героя»[12]. Символика смерти и воскресения определяет наиболее общую праздничную систему.

К погребальной обрядности восходит архетип «нисхождения в преисподнюю», греческая nekyia. В шумеро-аккадском мифе о богине Инанне, отправляющей за себя в царство мёртвых своего супруга Думмузи, фабуляризируется представление о взаимозаменимости супругов в смерти. В греческом мифе Алкестида добровольно согласилась сойти в Аид вместо своего мужа Адмета.

Ещё известнее мотив выведения из смерти. Алкестиду вызволил Геракл. Орфей спускался в Аид, чтобы вывести из него свою Эвридику; по одним мифам,

[12] Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Л., 1978. С. 96.

он вывел её на свет, по другим — утратил навеки, поскольку не вытерпел и нарушил запрет оглядываться. В троянском цикле ахейский герой Протесилай был убит Гектором; жена героя Лаодамия вымолила у богов возвращение к ней мужа на короткий срок. Когда же Протесилаю пришло время вернуться в царство мёртвых, Лаодамия отправилась вместе с ним.

Последнее — прямо отражает обычай захоронения живой вдовы вместе с умершим мужем. Широко известно индийское «сатти»: вдова восходит на погребальный костёр покойника и заживо сгорает с ним (ныне это запрещено, но обычай, кажется, не исчез полностью). Обычай трупосожжения относительно поздний, предположительно возник в бронзовом веке. До этого живого супруга погребали вместе с умершим (женой или мужем). Подобные парные захоронения встречаются ещё в каменном веке.

В начале XVIII века один миссионер-иезуит наблюдал похороны знатной индианки в долине Миссисипи. Сразу после её смерти муж был немедленно удавлен, чтобы сопровождать покойницу в Великую Деревню. Обоих уложили на установленный в их доме катафалк. Спустя четыре дня в заключение пышной церемонии («марш трупов») родственники покойницы с пением удавили четырнадцать мужчин, которые ещё при её жизни пожертвовали ей по обету свои жизни. Это то же самое, что сатти, только с инверсией пола.

Но уже в некоторых древних захоронениях археологи рядом с мужским скелетом находят большую и разукрашенную куклу женщины: это уже обрядовая имитация «сатти».

В сказках «Тысяча и одной ночи» Синдбад Мореход, поселясь в чужой стране и женившись, с тревогой узнаёт о странном (для араба) обычае: вместе с умершей женой заживо погребают мужа. Вдруг жена Синдбада умирает, он погребён вместе с нею, но ухитряется выбраться из склепа. Это не просто плод арабской фантазии. По моему мнению, в архаике параллельно «сатти» или взамен его существовал обычай временного погребения живой вдовы (или вдовца) вместе с умершим супругом. Это тоже обрядовая имитация, из временного погребения возвращались (возможно, через три дня). В этом — реальная основа мифов о нисхождении за супругом в Аид и о возвращении оттуда.

Наукой признано, что первобытное сознание не представляло себе естественной смерти (Зигмунд Фрейд показал, что наше подсознание не признаёт смерти; я сам знаю, что кошмарные сны обрываются в секунду смертельной опасности, и вместо смерти мы просыпаемся). Для архаики всякая ненасильственная смерть есть результат вредоносного внешнего воздействия (хотя бы и не оставляющего следов). Этому вреду можно противодействовать. «Неявную» смерть первобытные люди трактовали как летаргию и пытались усопшего разбудить. Каким же образом?

Воскрешение сказочного героя живой водой никакого отношения к выводу из летаргии не имеет. И Сигурд разбудил спящую валькирию отнюдь не поцелуем. Первобытные люди пытались пробуждать усопших тем же способом, каким в эру Великого Оледенения отогревали замёрзших, — посредством полового акта.

Отсюда — обычай, который в мире цивилизации трактуется как перверсия, но до недавнего времени пережиточно сохранялся в тёмных углах мира. На него намекает фривольный Шарль Перро в классической сказке «Спящая красавица». В каменном веке некрофилия составляла антецедент погребения, как бы последнюю попытку «разбудить» покойника или последнюю проверку истинности смерти. И в то же время это параллель к тотемному пиру, на котором имитировались половые сношения с убитым зверем. Обрядовая зоофилия — очень древнее явление; некрофилия тоже была когда-то обрядом. Вообще перверсии — это психологический атавизм; все они на заре культуры были нормой.

Протосюжет «Спящей красавицы» старше всех инициаций, равно как все мёртвые невесты и женихи мирового фольклора. Тотемизм породил зоофилию, культ предков — некрофилию. Древние ритуалы тотемизма прямо повлияли на погребальную обрядность и породили представление о брачных отношениях между живыми и умершими. Кульминация этих представлений — древнеегипетский миф о боге Горе, которого Исида чудесно зачала от своего уже умершего супруга Осириса.

Эрик Фромм справедливо назвал древнеегипетскую культуру «некрофильской», однако обрядовая некрофилия была смутно памятна и древним грекам. Упоминание о ней мы находим у Геродота.

В его «Истории» (кн. V, «Терпсихора», 92) рассказано, как жестокий коринфский тиран Периандр запросил через оракул мёртвых свою покойную жену Мелиссу о том, где спрятаны некие сокровища. Тень Мелиссы отказалась указать место. «Она ведь совершенно нагая и мёрзнет, так как её погребальные одежды не были сожжены вместе с ней и потому она не может ими пользоваться. В доказательство правдивости своих слов она напомнила Периандру, что он положил хлебы в холодную печь. Когда послы сообщили об этом Периандру (для него ответ Мелиссы был достоверным доказательством, так как он совокупился с ней уже бездыханной), он тотчас же после этого известия повелел через глашатая всем коринфским женщинам собраться в храм Геры». Там все они были раздеты догола телохранителями тирана; всю их одежду он приказал «сжечь, призывая Мелиссу». После этого покойница смягчилась и указала места, куда она спрятала сокровище[13].

Таким образом, у греков сохранялась смутная память о ритуальной некрофилии. Интересно, что Геродот страшно возмущается подлостью Периандра, раздевшего всех женщин Коринфа (и рабынь, и свободных!), но совершенно спокойно, безоценочно сообщает о случае некрофилии.

Это не было перверсией в нашем смысле слова, это был стёршийся, устарелый обычай. А продолжением некрофилии стало временное погребение живого с умершим супругом (супругой) — обряд верности, своеобразные проводы в смерть.

Когда русские вдовы на похоронах кричат: «Положите меня с ним!», то их почтительно отводят от зияющей могилы, понимая, что это традиционная гипербола скорби. А когда-то действительно «клали с ним» — или навечно, или на три дня.

[13] Геродот. История. Л., 1972. С. 266-267.

III. Экскурс о змеепоклонстве

Почему столь важную роль в аграрных культах играют змеи?

Древнейшая офиолатрия (змеепоклонство) и связана с тотемизмом, и шире его. Заметим, что в архаике подотряды чешуйчатых рептилий (змеи, ящерицы, двуходки) различались не строго, а некоторых рыб (например, миног) считали «морскими змеями». Видимо, змеям издревле предписывались чудодейственная сила и могущество.

Обилие змей в какой-либо местности — признак влажности почвы и тёплого климата, а это благоприятные условия и для человеческой жизни. Выше уже упоминалось об исконном почитании ящериц, змей и черепах. Видимо, в эпоху анимизма змея стала природным божеством, а позднее у многих народов — символом мудрости.

По современным теориям змея связана с архетипом мирового дракона. В самых архаических пластах скандинавской мифологии реконструируется позитивное представление о змее Ёрмунганде как опоре земли. Напротив, в культурно изощрённом гностицизме змей Уроборос, «бесконечное кольцо», служил олицетворением вечности: змея, кусающая себя за хвост, не имеет ни начала, ни конца — как и вечность. Эти два контрастных примера помогают нам представить себе широчайший диапазон значений змея, но из дальнейшего рассмотрения мы гностику исключим (для нашего исследования она малоинтересна).

Змеи (в том числе очень ядовитые) поныне остаются объектами почитания у многих народов земли; особенно известны священные кобры в Индии. Им оказывают высокое почтение в культе, их там кормят и берегут, но в быту таких же кобр истребляют. Напротив, у балто-славян, у древних греков некоторые виды змей были одомашнены, их поили молоком, с ними играли дети; домашние змеи истребляли мышей. В топонимике и легендах Литвы и Белоруссии отмечались многочисленные следы офиолатрии. Остатки змеиного культа усматривались даже в Смоленской губернии. В прибалтийских могильниках находили украшения со звериными головами, в том числе змеиными. Ряд учёных утверждал, что культовое почитание змей характерно только для балтских племён, причём с глубокой древности; в славянской же языческой мифологии культ змеи неизвестен.

Вопрос этот спорный. Даже если у древних славян не было культа змеи, то образы её в славянской мифологии и фольклоре многочисленны и широко известны.

Змея была и сторожевым животным. Охрана ценностей с помощью ядовитых змей остаточно практикуется и поныне, а в древности была распространена у многих народов, о чём свидетельствуют Теофраст и Геродот. Во многих мифах змеи или драконы выступают как «агатодемоны» (охранители сокровищ).

Ещё в искусстве верхнего палеолита наблюдается противопоставление змей и птиц: змеи — хозяева нижнего яруса мира, птицам принадлежит небо. Их вражда

отражена в ряде мифов, например, война птицы Гаруды с нагами (кобрами) в мифах индуизма. Вообще это всемирный мотив; так, орёл, терзающий змею, — поныне эмблема Мексики. Но затем произошло слияние полюсов оппозиции в новый образ — пернатого змея или дракона.

В пантеоне ацтеков виднейшее место занимал Кетцалькоатль («Змей, покрытый зелёными перьями»), создатель мира и культуры: он научил людей строить, следить за движением звёзд, выращивать маис, обрабатывать драгоценные камни. Изображался он в виде змея, покрытого перьями, или в виде бородатого человека в маске. Это культурный герой, возведённый в ранг бога-творца.

Вера в драконов распространена на всём евразийском континенте. Карл Густав Юнг отметил, что в драконе сочетаются пресмыкающееся и птица. Люди представляли дракона огромной огнерыгающей змеёй с когтистыми лапами и крыльями, которые позволяли ему летать по воздуху. В «Авесте» термином «ажи» обозначаются все драконы, но особенно выделяется Ажи-Дахака, трёхглавый дракон, раннее понимание которого не было отрицательным; на протяжении веков этот образ постепенно приобретал черты охуждающие и отталкивающие. Этимологическими параллелями к Ажи-Дахаке были ведийский Ахи Будхнья и греческая Эхидна. В тюркских мифологиях от Ажи-Дахаки происходит злой демон Аждака, обычно представляемый в виде многоглавого дракона.

Сочетание птицы и змеи в образе дракона есть пример синтеза противоположностей; это один из главных законов всего мифотворческого процесса. Синтезом снимается оппозиция, но результат синтеза обычно вступает в новую оппозицию. В случае с драконом это борьба против солнца: поглощение его драконом — это и есть затмение солнца. На Дальнем Востоке дракон, хозяин вод, мыслился скорее благим, в Китае был объектом почитания, а обряд запуска в воздух бумажных драконов стал всемирной игрой (десакрализованные обряды всегда становятся народными развлечениями). На Западе дракон мыслился злобным и вредоносным существом.

В. Я. Пропп считал, что первобытная офиолатрия расслоилась — произошло перенесение Змея в фантастическую даль. «Перенесение это может быть двоякое: или он мысленно передвигается вниз в землю <...> или <...> переносится в небесную высь и становится существом небесным, солнечным и огненным»[14]. Огненный змей русского фольклора — это демонический любовник, который тайно прилетает к женщинам на блуд, сосёт им груди, сушит и изводит их. Это вводный мотив «Повести о Петре и Февронии», но это поверье зафиксировано в России XIX века!

В качестве демонического любовника змей оказывается врагом фольклорного героя, и его нужно убить, чтобы освободить прекрасную деву от его тиранических чар. Спасение девы от змея — сюжет мифа, эпоса, всего мирового фольклора, и змееборец — это популярнейший герой, от Аполлона до Зигфрида, от Георгия Победоносца до муромского князя Петра.

[14] Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 264-267.

Но ведь и второй змей, «мысленно передвинутый вниз», живущий в теле Земли, — это тоже любовник. Согласно М. Элиаде, змей отождествлялся с фаллосом. В ряде мифов Великая Мать и Змей мыслились супругами. Известны очень древние статуэтки богинь-родительниц со змеями в руках. Многие мифы о чудесных рождениях (вплоть до былинного Волха Всеславьича) изображают зачатие от Змея. Он был первым супругом Земли, когда богов-мужчин ещё не существовало. Змей этой промежуточной мифологической стадии — имманентный супруг, хтонический автономный фаллос. Фаллические культы — одна из самых ранних форм становления религий.

Древние землепашцы были вынуждены истреблять ядовитых змей. На уровне мифа змей и землепашец — сексуальные соперники. Человек должен был очистить тело Земли от живущих внутри змей, чтобы безопасно вступить в брак с Землёй, распахать её. Вероятно, змееборство стало мотивом мирового значения в эру первого землепашества. Заметим, ужей и полозов не истребляли (по русским поверьям, они хранят золото; в XVIII веке солдаты верили, что Суворов — колдун, ему ужи золото носят).

Первый подвиг младенца Геракла, ещё в колыбели, — удушение двух огромных змей, подосланных Герой. Геракл — типично крестьянский герой, истребитель львов, гидр и прочих тварей, которые убивают скот и вытаптывают посевы; его центральный подвиг — очищение от навоза скотного двора Авгия, гипербола постоянной мужицкой работы.

Убиение змея небесным богом-громовиком появилось в мифологиях относительно поздно, оно знаменовало победу неба над землёй, т. е. патриархата; характерно участие орла, носителя молний. Громовик (например, Зевс) — более высокая ступень в развитии сюжета о борьбе птиц со змеями. Орёл (прежде победитель змея) сохраняется в качестве помощника Зевса, его священной птицы.

А теперь сделаем поворот кругом и обратимся к совести праисторических исследований — к археологии.

При раскопках древнего месопотамского города Ура британский археолог Леонард Вулли нашёл в его богатых гробницах рядом со скелетами женские фигурки из глины. Натуралистически оформленные стройные тела обнажены до пояса; ниже красной краской намечено длинное платье; на голове парик из тёмного битума говорит о женской причёске, но сама голова — змеиная.

Некоторые фигурки со змеиными головами держат на левой руке младенца или же кормят его левой грудью. Заметим, что изображения матери, кормящей дитя, например, Исиды, будут после Ура постоянно повторяться тысячи лет — вплоть до греков. Но в Уре рядом со знатными покойниками погребаема была женщина-змея.

Библейский миф о грехопадении первых людей начинается с их пребывания в чудесном саду Эдема (земного рая). Фатальную роль в грехопадении Адама и Евы сыграл змей-искуситель, живший в этом саду.

В вавилонском мифе о рае тоже царит змея: она окружена прекрасным плодородным садом, который удовлетворяет без труда все потребности человека.

Крупнейший историк-библеист Юлиус Велльхаузен подчёркивал роль змея в библейском мифе о грехопадении и при этом указывал, что у древних израильтян,

в противоположность эдомитам, собственные имена людей, производные от названий животных, встречались крайне редко, и только одно имя встречается часто — это Hawwah (Ева): его единственно возможное толкование — «змея».

Другой исследователь, М. Лидзбарски, на одной пунической посвятительной таблице нашёл аналогичное имя Hwt: это была богиня-змея подземного царства*.

Дж. Фрэзер собрал ряд африканских сказаний о том, что первые люди могли, как змеи, менять свою кожу, сжигать при этом старую и таким образом жить вечно. Змея ставится в начале человеческого рода, ибо люди — выходцы из подземного мира. Змея — прародительница людей.

В библейском Эдеме праматерь Еву искусил змей. Но, может быть, до трёхперсонажной схемы тут некогда была древнейшая двоица, всех действующих лиц было двое: Первый Человек и богиня Змея, царица райского сада, ставшая его женой. Адам и Ева.

Змеи были связаны с культами земли и воды; часто их мифическая функция — охранение сокровищ или заветных садов (рая).

В одних культурах зафиксирован миф о браке Первой Матери со змеем, в других наоборот: о браке Первочеловека со змеёй (женщиной). Второй выбор характерен для патриархальной культуры.

Однако представление о матушке Еве было уже очень давно полностью антропоморфизировано и в библейский миф был введён третий персонаж — змей-искуситель. Побудив Еву нарушить табу — вкусить плод с древа познания, он добился изгнания первых людей из рая, т. е. инициировал историю человечества. Впоследствии этот змей-искуситель был отождествлён с Сатаной.

Но в глубокой древности, в эру младенчества Израиля, евреи изображали Яхве в виде змея. Сам Моисей соорудил Медного змия в пустыне. Только позже жрецы Яхве в иконоборческой ярости уничтожили эти символы, как проявления идолопоклонства. Бронзовое изваяние змея, воздвигнутое Моисеем, разрушил царь Иезекия в VIII в. до н. э.

Первыми жрецами Яхве были левиты; их название традиция объясняет тем, что все они принадлежали к «колену Левия», одному из двенадцати израильских племён; жречество было монополией этого племени, но потом левитов потеснили когены, служители Иерусалимского храма, построенного царём Соломоном. Когены считались потомками Аарона, брата Моисея. Если Моисей воздвиг Медного змия, то Аарон — златого тельца (быка), уничтоженного Моисеем.

Сотрудничество левитов и когенов в историческом Израиле — результат культового компромисса, которому предшествовала долгая и упорная борьба двух культов — змеепоклонства и культа быка.

Название левитов связано с культом змеи. Арабское слово «лавах» и поныне означается «развиваться», «свиваться», «ползти», «пресмыкаться»; бог-дракон

* Далее зачеркнуто: «Может быть, поэтому в захоронениях Ура рядом с покойником клали статуэтку женщины-змеи: это могло обозначать брак с подземной богиней».

ранних еврейских мифов назывался Левиафан. В одной угаритской поэме рассказано, как Ваал победил семиглавого дракона Левиафана. В ветхозаветной книге пророка Исайи содержится такое предсказание: «В тот день поразит Господь мечом своим тяжёлым, и большим и крепким, левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьёт чудовище морское» (Ис. 27, 1). Видимо, Исайя заимствовал тему угаритского мифа для усиления оппозиции между Яхве и офиолатрией.

Изначально этой оппозиции не было. Может быть, сам Яхве — искуситель Адама и Евы в Эдемском саду. На той стадии мифа Сатаны ещё не было, и змеем был сам бог-творец, посылающий сотворённых им людей в большой мир, как наказание за нарушение табу.

В заключение экскурса — загадка: в руинах одного месопотамского города археологи нашли аккадскую печать, на которой вырезана удивительная сцена. Посередине — дерево со змеёй, по сторонам его — мужчина с рогами и женщина. Контуры фигур сильно стёрты и трудноразличимы; исследователи сомневаются, имеет ли эта печать что-либо общее с мифом о первых людях. Однако другого объяснения не нашлось; видимо, приходится допустить, что уже в древней Месопотамии, на родине праотца Авраама, существовал миф об Адаме и Еве.

IV. Героический вор и рождение религии

Великая драма в предистории цивилизации, какою оказалось рождение собственности, продолжалась не одну тысячу лет.

Само понятие собственности зародилось внутри родовой общины, но объём понятия был относительно узок. Так, в австралийском племени аранда человек, нашедший плодовое дерево, отмечает своё право пучком травы, который кладёт на ветки. Найдя дерево с пчелиным гнездом, он вырывает траву возле корней и прислоняет к стволу палки. Если кто-либо завладеет плодами дерева или мёдом, обворованный вправе убить похитителя копьём. Такая же кара ожидает преступника, который без разрешения охотника присвоит убитую им дичь или перехватит раненое животное. Земля принадлежит всему племени; скота у охотников нет. Понятием собственности охватывается лишь то, что можно употребить в пищу. Так называемый «потлач» у индейцев Северной Америки — пир для всего племени, имеющий целью расточить собственность; право устраивать потлач — это почётная привилегия. Накопление имело целью расточение.

Собственность зафиксирована неолитической революцией, которая создала производящие формы хозяйства — земледелие и скотоводство. Изобретение плуга, использование быков для пахоты, требуя силы и мобильности, вели к возвышению статуса мужчины и подрыву материнского рода. Скот — первая форма богатства; скотом владел мужчина, используя как средство обмена и передавая по наследству. К концу неолита утверждается наследование имущества отца его детьми, что ведёт к аккумуляции богатства внутри отцовской семьи. Интересы последней не совпадают с интересами рода. Обмен и наследование порождают цивилизацию собственности.

Парадокс Прудона «Собственность — это кража» представляется поверхностным. Собственность возникла при распаде родовой общины вследствие неравенства в наследовании и сначала была лишь некоторым преобладанием в достатке. Этим излишком полагалось делиться с племенем, и благодарное племя славило щедрость дарителей.

Накопление внутри племени страдало дурной бесконечностью, как вся архаическая жизнь. Обычай дарения, столь широкого, что дарители периодически разорялись и начинали собирать богатства заново[15], тормозил всякое накопление. Богатство в борьбе с уравнительной моралью постепенно отделялось от племенной экономики; попытки воспрепятствовать этому отделению и полярная тенденция семьи оградить «моё» от соплеменников шаг за шагом привели к образованию парносоотносительных понятий собственности и кражи.

[15] См. классическую работу Марселя Мосса (Marcel Mauss) «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах», 1925.

Собственник переосмысляет закон уравнительного передела богатств как покушение на своё новое право. Естественно, крадут не у себя, а у другого. В первобытном обществе не было «другого», субъектом права был весь коллектив, поэтому не было и кражи. Коль скоро выделился второй субъект права — отцовский род, он неизбежно вступает в конфликт с племенем. Лучшие роды отказываются делиться своим излишком с племенем и силой защищают накопленное. Традиционную нивелировку имуществ новый субъект права объявляет преступлением и требует за него кары. По Э. Дюркгейму («Правила социологического метода»), «именно санкция определяет преступление».

Собственность возникает как излишек вследствие неравенства, кража — как традиционная компенсация этого неравенства, совершаемое в пользу коллектива. Племя воспринимало собственность как чудовищное попрание общинных традиций, и потому коллективное сознание окружило похитителей чужой собственности героическим ореолом.

Этим похитителям предшествовал мифический трикстер — посредник между миром живых и миром мёртвых. Его основная культурная функция состояла в воровстве у смерти. В эру тотемизма зародилась и функция культурного героя. Согласно К. Леви-Строссу, ворон архаических мифологий — это культурный герой, посредник между жизнью и смертью. Видимо, в течение долгого времени культурный герой и трикстер не различались.

В период неолитической революции происходит перестройка мифического сознания, сопровождающаяся чрезвычайным расширением его содержания и смысловым усложнением. Уже появление мотыжного земледелия (занятия женского) положило начало разложению тотемизма. На смену магическим танцам, которые способствовали удачной охоте, пришли культы плодородия. Складывается образ Великой Матери; её нагая фигура со скрещёнными или поднятыми в жесте благословения руками воспроизводится несчётно; иногда голуби сидят на голове статуэтки или змеи обвивают её тело, напоминая о тотемном браке.

Тотемизм не исчез, а переродился. Животные стали стихийными духами, хозяевами рек и лесов. Люди их чтили, но не слишком боялись. Например, у многих народов «хозяйкой дождя» считалась лягушка; поэтому для прекращения засухи нужно было убить лягушку. Некоторые индейцы на Ориноко поныне бьют лягушек, чтобы вызвать дождь. Люди неолита ловили духов, чтобы вынудить у них исполнение желаний. В «Одиссее» (кн. IV) ловят Протея, сына Посейдона, чтобы он предсказал судьбу героям. Остатки этой практики отразились в египетских текстах пирамид: «Некоторые формулы, найденные на стенах пирамид, отражают гораздо более примитивную ступень культуры, как, например, «каннибальский» гимн Унаса, который описывает ловлю богов арканом»[16]. Понятно в историческом Египте никто и помыслить не мог, чтобы ловить Осириса или Амона; архаические формулы имели в виду стихийных духов. И Протей — второстепенное божество, пастух тюленьих стад. Никто не посмел бы «ловить» Посейдона.

[16] Дойель Л. Завещанное временем. М., 1980. С. 257.

Стихийным духам противостояли культурные герои; им стали приписываться некие мироустроительные акты. «Культурный герой» добывает необходимые блага готовыми или отнимает их у первоначального хранителя. Это похищение у первохранителей — тотемных животных, колдунов, духов-хозяев и в древнейших образцах австралийского и меланезийского фольклора у мифической старухи — постепенно превращается в возвращение своего, а героический вор — в восстановителя справедливости.

Это значит, что уже утвердилось право собственности и началась этизация мифов — первое условие религии. Племенные боги-покровители защищают собственность, их значение растёт, и они начинают теснить культурных героев. Понятие «бог» связано с новой социальной структурой, с дифференциацией внутри племени, что выражено однокоренными русскими словами противоположного значения: «богатый» ↔ «убогий». Богу сначала приписывалось создание нового социального порядка, позже — сотворение мира. Бог — охранитель собственности.

В отдельных мифологиях рано появились боги-творцы, но они не пользовались авторитетом. В буддизме нет бога-творца. В зороастризме творец мира не был верховным богом.

У ительменов создатель мира Кутх не только не почитался, но подвергался поношению и насмешкам за то, что плохо устроил мир: вулканы, землетрясения — ну, не дурак ли? «Праздные боги» африканских мифологий после создания мира утрачивают интерес и к нему, и к людям. В мифологиях американских индейцев образ бога-творца не играет особой роли или полностью отсутствует.

В эпоху неолита взрыв человеческой активности необычайно возносит человека-творца, изобретателя; в мифологии это культурный герой.

Так, полубог Мауи, «полинезийский Прометей», похитил из подземного мира огонь и оттуда же хитростью добыл у своей прародительницы корнеплод таро; добыв волшебный крючок, он научил людей ловить рыбу, а сам выудил со дна океана острова для расселения людей; он же изобрёл копьё и первые силки, в которые поймал солнце.

В архаических мифологиях функции демиурга и культурного героя выполняет один персонаж — племенное тотемное животное, а несколько позднее антропоморфный Первопредок, который зачастую действует как трикстер или в паре с трикстером, своим демонически-комическим дублёром. Видимо, старше те мифы, в которых трикстера ещё нет, а проказы и остроумные плутни приписываются самому культурному герою. Некоторые из его проделок являются пародийными переосмыслениями его же собственных серьёзных деяний (Койот у индейцев Северной Америки). Мифы очень медленно приобретали сакральную серьёзность.

Древнейшие мифы, подобно сказкам о животных, отличаются грубым комизмом: даже важнейшие космогонические акты и великие установления могут быть гротескными. Так, африканский Бумбе, сотворив мир в припадке рвоты, спустился затем в людские селения, чтобы преподать людям правила доброй еды и пищевые запреты.

Творение мира сначала выглядело забавной случайностью и совершалось как бы мимоходом. «Акты первотворения могут быть результатом спонтанного превращения одних существ или предметов в другие, побочным плодом жизнедеятельности мифологических героев»[17]. Только в более развитых мифологиях утверждается инициативное созидание мира; тогда-то «превращение Хаоса в космос» и становится основным смыслом мифологии, как утверждает Мелетинский обо всей мифологии, противореча самому себе.

Наиболее архаичны те мифы творения, где мир возник случайно, из смешной ошибки. Интересно, что после тысячи лет античной культуры материализм вернулся к этому архаическому представлению: Эпикур и Лукреций были убеждены, что мир возник от слепого случая.

Большинство мифологий переполнено «свинствами» богов: они кастрируют, обманывают, ловко убивают своих врагов, вступают в инцестуозные браки и т. д. Такие мифы принципиально доморальны, ибо они сложились раньше религий. Первобытный человек, зажатый в системе табу, создал себе отдушину в виде свободы богов. А в примитивное понимание свободы с необходимостью входил моральный анархизм — весёлое попрание запретов. Люди не смели подражать богам, но могли любоваться их свободой.

Это мифологическая основа сказаний о великих плутах и мошенниках — сказаний, развивающихся на заре цивилизации. Как только женщины и скот стали собственностью, возникли умыкание невесты и угон чужого скота; явились песни, прославляющие лихую кражу девушки или стада. Эти песни были устной газетой. Через ряд гиперболизаций они превратились в «героическое сватовство» или в «похищение чудесного быка» (оленя, коня) — главные темы раннего эпоса.

Как отметил А. Н. Афанасьев, во многих сказках «воровство рассматривается как своего рода доблесть, как подвиг, достойный прославления»[18]. В сказках всех народов различимы циклы сюжетов о ловких ворах; их подвиги иногда мотивируются трудными задачами (добыть молодильные яблоки, жар-птицу, коня), иногда оправдываются иным способом, но часто никак не оправдываются, ибо изначально не нуждались ни в каких оправданиях. В сказках о ловких ворах собственность ещё мобильна, легко переходит из рук в руки; нет ещё «священного и неприкосновенного» права собственности. Сказочник любовался этим ловким воровством, как позже любовалась им арабская макама и прямо происходящий от неё европейский пикареск.

Сказка любовалась плутнями воров, как миф — свободой своих богов, и восхищалась остроумием и находчивостью, ибо это ценнейшие человеческие качества. Архаические трикстеры иногда попадали в сонм богов, как скандинавский Локи, коварный шутник и злокозненный двойник Одина.

Дальнейшая этизация мифов, породившая древние религии, споткнулась об архаические прославления плутов; понадобился немалый труд для их интеграции в благопристойных пантеонах.

[17] Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 194.

[18] Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1982. С. 316.

Особенно знаменит титан Прометей из греческой мифологии. В качестве придурковатого трикстера выступает его брат Эпиметей, но эта оппозиция уже несущественная, так как Прометей имеет грозного врага — самого Зевса. Видимо, дошедший до нас образ Прометея — плод долгих усилий по согласованию его архаического облика с олимпийской религией, проникнутой пафосом собственности. Но даже благочестивый Гесиод не смог изгладить черты исходного обмана, посредством которого люди получили при дележе жертвенного мяса лучшую часть, а боги, одураченные Прометеем, — лишь кости, прикрытые жиром. Это напоминает делёж урожая между мужиком и медведем в русской сказке (АТ 1030 — «вершки и корешки»). «Размежевание богов и людей в Меконе <...> носило первоначально менее возвышенный характер, чем в изложении Гесиода, который, впрочем, не до конца устранил остатки грубого комизма. В настоящее время принято думать, что, излагая легенду о Прометее, Гесиод имел перед собой традиционный «божественный шванк» — произведение бурлескного жанра, подвергнутое им обработке в более благочестивом духе»[19].

Главный подвиг Прометея — похищение огня для людей у Зевса. Это кульминация богоборческой темы в античной культуре. В некоторых версиях мифа Прометей даже изображался создателем людей. В нём сливаются героический вор, культурный герой и первый мученик гуманизма.

Другой прославленный вор, Гермес (местное хтоническое божество аркадских пастухов) был инкорпорирован в олимпийскую семью как сын Зевса. О Гермесе, как и о Прометее, говорилось, что он первым научил людей возжигать огонь на алтаре и приносить жертвы богам. В нём тоже соединяются черты культурного героя и вора, но его весёлые плутни резко отличаются от самоотверженности Прометея. Гермес прижился на Олимпе, стал вестником богов, оставаясь в то же время признанным покровителем воров и купцов.

Итак, уже на заре цивилизации человечество ответило на рождение собственности своим несогласием, олицетворённым в героическом воре Прометее. Антитеза собственности и гуманизма — врождённая для всей культуры; она заново повторяется на всех ступенях развития. Мы, люди XX века, придаём понятию кражи однозначный смысл, забывая, что рождение собственности, разрушив внутриобщинную солидарность, принесло людям большие страдания и кривду; забываем что глобальное экономическое неравенство наших дней держит на голодном пайке одну треть населения Земли. Мы не учитываем того, что уже в неолите борьба против собственности стала для многих единственным средством выжить, как похищение девушки — единственным шансом продолжить свой род.

Недаром греки классической эпохи отождествили мрачного царя Аида с Плутоном («плутос» — богатство), что среди прочих возможных значений допускает и такое толкование: богатство тождественно смерти. Некогда кража была борьбой против неё — люди крали только у смерти.

[19] Лившиц М. Критические заметки к современной теории мифа // Вопросы философии. 1973, № 10. С. 142.

Нужно понять принципиальную разницу между борьбой сказочного героя против собственности как смерти и кражей в современной смысле слова. Осуждает ли кражу волшебная сказка? Разве она не карает богатого брата, укравшего у бедняка волшебную мельницу (АТ 565), или завистливых братьев, укравших у героя молодильные яблоки, чудесные предметы, либо спасённых царевен (АТ 301А, 550, 551)? Разумеется, карает и осуждает, но не кражу как таковую, а предательство, попрание родства. Хищение у брата, родича, наконец, у бедняка — это подлость, а кража у воров, у царя, у барина — это добывание, т. е. подвиг.

В первооснове всех «эпических краж» лежит одно и то же — добывание сокровищ в царстве Смерти. Так, например, в кельтских мифах, давших начало средневековым легендам о поисках святого Грааля, прекрасный юноша добывает талисман плодородия — чашу (ктеический символ) или копьё (фаллический символ) — в замке короля Потустороннего мира и тем спасает Голодную Землю: крадёт талисман жизни у повелителя смерти[20].

Красть у Смерти не предосудительно, как и обманывать её. Геракл, отнимающий у смерти Алкестиду, — не грабитель, а герой; кстати, именно он застрелил Зевсова коршуна и освободил Прометея. Между Гераклом и Прометеем немало общего. Третьим в этом ряду благодетелей рода людского явился Дионис; среди его эпиклес есть имя «Лиэй» (Освободитель). Этот чисто крестьянский бог издревле осознавался как оппонент аристократичного Аполлона. Прометей, Геракл и Дионис составили трио освободителей, которое пользовалось в Элладе большей любовью, чем официально чтимые боги Олимпа.

Но о Дионисе нужно будет сказать несколько далее, а здесь лишь отметим, что культурные герои царили в мифологии до тех пор, пока закон и право собственности не развенчали героическую кражу. С этизации мифов начинается религия, и гарантом морали, а значит, и собственности выступает бог. Процесс взаимного «притирания» культурного героя и бога длится много веков. Попытаемся проследить на примерах некоторые линии этого процесса.

[20] The Evolution of the Grail Legend, by D. D. R.Owen. University of St. Andrews Publications, 1968.

V. Лабиринт и Олимп*

За три тысячи лет до н. э. в южной части Эгейского моря, на Кикладских островах, позднее неолитическое процветание породило грандиозный культурный взрыв. Киклады и Спорады составляют как бы мост между Европой и Азией. Кикладская культура достигла пика в эпоху бронзы (III-II тысячелетия до н. э.); от неё остались руины городов и укреплённых поселений, погребения в каменных ящиках и купольных гробницах.

В неолите на острове Крит зародилась Минойская культура. Около середины III тысячелетия до н. э. остров был захвачен племенами, приплывшими из Малой Азии и Египта; они принесли с собой искусство обработки металлов, развили сельское хозяйство, выплавку бронзы, ремёсла, мореплавание и торговлю. Около 2000 года до н. э. здесь возникло первое государство Европы. Оно прямо повлияло на развитие городов на Кикладах и на берегах Эллады (ещё догреческой): дворцы и гробницы в Микенах, Тиринфе и Пилосе строились во многом по критским образцам. Элладская культура позднего периода называется «крито-микенской». Совокупность кикладской, минойской и элладской культур обобщается понятием «эгейская культура», ибо все культуры в бассейне Эгейского моря обладали сильно выраженным сходством.

Минойская цивилизация в бронзовом веке доминировала над восточным Средиземноморьем; её дворцы и некрополи поразительны, а дворцовый комплекс критских царей в Кноссе дал начало мифу о Лабиринте. Этот комплекс разрастался путём пристраивания в течение пяти веков и обладал очень сложной коридорной системой; среди огромного числа комнат и комнаток выделяются большие холлы и залы, в том числе тронный зал и «зал двойных топоров». Извне дворец освещался сквозь окна, балконы и веранды. О роскошном быте в этом дворцовом комплексе свидетельствуют великолепные ванные комнаты и удобные ватер-клозеты.

Сэр Артур Эванс, великий археолог, предпринявший раскопки Кносса и открывший минойскую культуру, считал, что греческое слова «лабиринтос» происходит от древнего слова «лабрис» (обоюдоострый или «двойной» топор) и должно истолковываться как «дом двойных топоров»). Топор с двумя остриями был символом прибывающей и убывающей луны и в то же время символом властителей Крита.

Основным декоративным элементов критских дворцов была стенная живопись (преимущественно в технике фрески). И стенные росписи, и рисунки на керамике удивительно изящны; особенно поражает живопись, динамичная и колористически изысканная. Тематически критское искусство делится на три цикла: изображения дворцового быта (процессии, зрелища, игры с быками), природы Крита (лилии, крокусы, птицы, животные) и морской жизни (дельфины, крылатые рыбы и т. д.) Искусствоведы отмечают совершенство техники, живость колорита, богатство

* На левом поле помета: «Где-то здесь Гесиод и Гомер!»

выдумки и непосредственность творческой интерпретации в критской живописи «Первого стиля»; его называют также «натуралистическим» («Голубая обезьяна среди крокусов»», «Голубая птица на фоне скал и цветов»: то и другое в Кносском дворце). Позже во «Втором» (или «дворцовом») стиле появились черты стилизации, сухости и схематизма (например, «Гриф» из тронного зала в Кноссе).

В минойской цивилизации женщины имели большое значение, участвовали в церемониях на первых ролях. Сохранились изображения знатных критянок, обнажённых до пояса, в колоколообразных юбках, со сложными причёсками (ряды мелкозавитых локонов на темени и на затылке); одну такую даму с высокой прической и подведёнными глазами археологи прозвали «Парижанкой».

Очевидно, в критской державе было сильное социальное деление, о чём свидетельствуют произведения миниатюрной живописи, где на первом плане дана толпа, трактованная эскизно, цветным пятном, а в глубине — группа дам и придворных, изображённых чрезвычайно тщательно, со скрупулёзной детализацией.

Эта живопись и графика отразила не только быт кносского двора, но и религию Крита. В центре этой религии — культ Богини-Матери и культ Быка. Встречаются изображения своеобразной тавромахии, точнее говоря, ритуальных игр с быком: обнажённые девушки и юноши в акробатических прыжках перелетают через бегущего быка. Уместно вспомнить в этой связи, что в Египте бык Апис был богом плодородия; он постоянно имел живое воплощение — быка строго определённой окраски; считалось, что ритуальный бег Аписа оплодотворяет поля.

Несомненно, личность критского царя была сакральной, и он одновременно с земной властью выполнял функции первосвященника; иными словами, это восточный тип царя-жреца. Ряд учёных гипотетически реконструирует центральный обряд критской религии — ритуальный брак царя-жреца в маске быка со жрицей, носившей на голове коровьи рога (в Египте в виде женщины с коровьими рогами изображалась Исида: она символизировала Небо). В целом критская религия имела восточные и египетские черты, так же как политическая система — черты азиатской государственности.

Эгейская культура — это колыбель европейской цивилизации; религия Крита прямо повлияла на греческую. Согласно греческим мифам, новорождённый Зевс был сокрыт матерью от его прожорливого отца и воспитан нимфами в одной из пещер Крита. Похитив в образе быка финикийскую царевну Европу, Зевс доставил её на Крит. Их сын Минос — царь и законодатель Крита; по имени его сэр Артур Эванс и окрестил открытую им культуру «минойской». Греческий алфавит — трансформация финикийского. Словом, культура Азии проникла в Европу через Крит. Азия — мать народов и родина всех великих религий, Европа перед нею дитя (ведь неолитические поселения Ближнего Востока датируются VII тысячелетием до н. э.).

Во II тысячелетии до н. э. в Малой Азии долго доминировал индоевропейский народ, который пришёл неведомо откуда и примерно в 1750 г. до н. э. начал покорять местные хаттианские племена (не индоевропейские). Видимо, завоевателей было относительно немного, коль скоро они приняли имя своих данников: «хетты».

Они усвоили хаттианских богов и сохранили хаттианский язык в качестве культового. Исконное самоназвание хеттов неизвестно. Они создали мощное царство, которое захватило Сирию, далеко оттеснив египтян.

Верховным божеством хеттов был громовик Тешуб, Бог-Буря, который изображался в виде человека с бычьей головой. Одновременно хетты поклонялись и хаттианской национальной богине — Солнцу. На хеттских цилиндрических печатях встречается изображение нагой богини, сидящей на быке: так впоследствии греки будут изображать Европу.

В мифологии хурритов (народа в Северной Месопотамии) верховный бог Ану свергнут своим сыном Кумарби, и тогда сын последнего Тешуб на боевой колеснице, запряжённой быками, явился на помощь деду — против своего отца. Боги трёх поколений Ану, Кумарби и Тешуб с их конфликтностью наследования предвосхищают греческих Урана, Кроноса и Зевса. Трансформация произошла большая, но всё же связь олимпийской религии с хетто-хурритскими мифами довольно явственна. Эта связь могла быть прямой, но тогда относительно поздней (с ахейских походов в Малую Азию), но могла быть и опосредованной — через Крит. Уж очень похож на Тешуба критский Минотавр.

В XX веке Арнольд Тойнби, исходя из своей теории самозамкнутых цивилизаций, заявил, что критский Зевс не имеет никакого отношения к олимпийскому Зевсу и что минойской культуре неведомы более поздние боги Олимпа. После этого было расшифровано «линейное письмо Б» — поздняя форма критского алфавита, и на таблицах из Пилоса и Кносса удалось прочесть имена Зевса, Геры, Посейдона, Гермеса, Афины, Артемиды… Тойнби ошибся: крито-микенская культура уже знала большинство богов, позднее вошедших в состав олимпийской семьи.

В середине II тысячелетия до н. э. весь Ближний Восток пришёл в движение. Этому способствовало распространение коневодства. Около 1400-1200 до н. э. произошло арамейское переселение народов: кочевые семитические племена арамеев перешли из Восточной Аравии в Северную Сирию и основали там города, упоминаемые в Библии. Около 1200 до н. э. ахейцы захватили Трою, и вскоре вследствие вторжений «морских народов» распалось царство хеттов. Но Библия среди военачальников царя Давида ещё называет Урию Хеттеянина.

Минойская цивилизация разрушилась вследствие серии геологических катастроф. Промежуточную крито-микенскую цивилизацию уничтожило вторжение полудиких дорян (предки спартанцев).

Археолог Клод Шеффер, раскопав холм в Минет-эль-Бейде (Сирия), нашёл изящные минойские и микенские вазы, лежавшие рядом с огромными местным кувшинами; большие, натуралистически выполненные фаллосы; клад статуэток и драгоценностей, включая изображения египетских, минойских и финикийских богов, в том числе золотую пластинку с изображением нагой Астарты. Всё это являет картину смешения эгейской, египетской, хетто-анатолийской и местных культур. Американский египтолог Дж. Г. Брэстед назвал вторую половину II тысячелетия до н. э. эпохой «первого интернационализма».

Великие мифологии обычно возникают путём скрещения. В эпоху «первого интернационализма» такое скрещение происходило и на Балканах. Несколько вторжений с севера обрушились на роскошную средиземноморскую цивилизацию балканского Юга. Завоеватели-протогреки стояли по развитию ниже покорённого населения, их архаическая мифология не знала человеческих форм, для неё характерен тератоморфизм (культ чудовищ). Источником всего сущего считалась земля. По другим мнениям, единственной богиней протогреков была Великая Богиня, имевшая три ипостаси, соответственно трём фазам Луны.

В архаической Греции шло бурное и конфликтное скрещение крито-микенских, хеттских и протогреческих мифов. Боги разных народов были постепенно сведены в общий пантеон, дополняемый фригийскими, финикийскими и иными влияниями. Во главе олимпийской семьи встал Зевс, бог-громовик, отец богов и людей, хранитель порядка и лада.

Его дедом считался Уран (Небо), имя которого лингвисты отождествляют с именем индийского Варуны, одного из главных ведийских богов. Уран — мужское плодотворящее начало, сын и супруг Геи (Земли). Их неразрывный (буквально) брак символизировал исходное единство Неба и Земли, а их разделение — важнейший теогонический акт их сына Кроноса, который по наущению матери оскопил Урана серпом.

Поскольку Кроносу было предсказано, что его низвергнет собственный сын, Кронос методически пожирал своих новорождённых детей. Наконец, его супруга Рея подменила одного из них запелёнутым камнем, и Кронос доверчиво проглотил его; тем самым Зевс был спасён, и предсказание сбылось.

Имя Зевса соотносится с индоевропейским «Дьяус» — архаическим олицетворением неба. Уран, Зевс и с меньшей вероятностью Кронос происходят из индоевропейской мифологии протогреков, которые до прихода на Балканы были близки к ариям. На новой почве Дьяус приобрёл ряд черт местных богов, особенно громовика Тешуба.

Индоевропейское происхождение имеет и брат Зевса — Посейдон, изначально вовсе не бог морей, а великий тотем индоариев — конь. Первые арии были скотоводами и вывели породу огромных коней; они завоевали Индию благодаря боевым колесницам.

Имя «Аполлон» — не индоевропейское. Культ его сложился в Малой Азии (поэтому он защитник Трои, враг ахеян) и перешёл в Грецию во II тысячелетии до н. э.; первоначально он был связан с растительностью. Кроме того, Аполлон отождествлялся с вороном, мышью и волком. Он наилучший пастух (волки не трогают пасомых им стад), он и мышиный бог, поэтому он насылает чуму, но он же избавляет от мышей и чумы. Этот азиатский леший сначала был врагом Зевса, но затем борьба культов кончилась миром: Аполлона объявили сыном Зевса, и началась гармонизация образа этого лесного чудища. И всё же классическая мифология сохранила некоторые эпизоды вражды между Зевсом и Аполлоном.

Афина — древнекритская змеиная богиня, о чём напоминают змеи на эгиде (щите) греческой Афины; священные животные последней — сова и змея. В

микенских памятниках линеарного письма «В» Афина — уже «Владычица», покровительница колесничих. Афродита — ближневосточная богиня; её прообразом многие считают финикийскую Астарту. Но Геродот в I книге «Истории» отождествляет с Афродитой Уранией (Небесной) финикийскую богиню Деркето; центром её культа был храм в Аскалоне. Деркето изображалась в виде полурыбы-полуженщины, статуя её стояла на берегу озера, в котором жили священные рыбы. Отсюда, по Геродоту, культ был перенесён на Кипр и на Киферу. Известная эпиклеса «Анадиомена» означает «Выныривающая» («Вышедшая из воды»). Афродита родилась в воде, ибо Деркето была сначала рыбой. У многих народов рыба — символ плодовитости; поэтому богиня-рыба — желанная покровительница брака. Далее сложилась греческая специфика богини любви и красоты, но параллельно сохранялись представления о морских девах с рыбьим хвостом.

Отнюдь не все боги, которых протогреки застали на завоёванных землях, вошли в сводный пантеон: некоторые были разжалованы в героев, а иные — в обыкновенных царей и цариц.

Подобную эволюцию претерпела и критская мифология. Сжато резюмируя греческие сказания о золотом веке Крита, о Миносе, Минотавре, Дедале, Тесее, М. Г. Джеймсон в работе «Мифология древней Греции» подводит такой итог: «В этих рассказах мы видим то впечатление, которое произвела на греков блестящая, экзотическая жизнь минойских дворцов — связи с Востоком, вездесущий бык, демоны-спутники богов, лабиринт <...>, искусные ремесленники, юноши и девушки, выступающие как акробаты в опасных играх с быком, далёкие морские плавания критян. Однако нет оснований думать, что сами эти историю представляют критский миф, ибо большинство наших источников не является ранними, а сами истории включают в себя широко распространённые сказочные сюжеты, такие, как герой, убивающий чудовище с помощью царской дочери и получающий её в жёны, а также "культурный герой", "хитроумный художник"»[21].

Признавая частичную правоту М. Г. Джеймсона, я, тем не менее, не вижу абсолютного разрыва между крито-микенской мифологией и Грецией, а потому попытаюсь гипотетически реконструировать их связи, за исключением мифа о Тесее, который, действительно, представляется чистой сказкой.

Критской Богине-Матери соответствует греческая Деметра (точнее, по-гречески это звучит «Деметер» — «Богиня-Мать»). У греков она долго оставалась в тени, Гомер даже не включил её в семью богов, но всё же Деметра дождалась признания. В аграрной области Беотия супругой Зевса считалась Деметра-Европа: возможно, миф о похищении Европы Зевсом в виде быка — трансформация тотемического мифа о браке Праматери с Быком, величайшим тотемом всей Передней Азии.

На Крите Европа родила Зевсу трёх сыновей и стала женой критского царя Астериона, т. е. «Звёздного»; он воспитал полубожественных пасынков и одному из них, Миносу, передал престол. Минос дал Криту мудрые законы: это функция

[21] Мифологии древнего мира. М., 1977. С. 237-238.

культурного героя, впоследствии переходящая к богам. Возможно, «Минос» — династический титул всех критских царей, а изложенный греческий миф включил в себя отголоски династической легенды Миносов.

Этот миф по форме продолжается, а по существу дублируется другим: за провинность Миноса Посейдон наслал на страну кару — «критского быка», который впавши в бешенство, опустошал Крит. Жена Миноса Пасифая воспылала страстью к этому быку; искусник Дедал соорудил полую деревянную корову, внутрь которой ложилась царица, чтобы приманить быка; от этой связи родился Минотавр («бык Миноса»), человек с бычьей головой, которого поселили в специально для него построенном Дедалом лабиринте и кормили человечиной. По более раннему источнику (не кто иной, как Гомер), Дедал построил в Кноссе место для танцев царевны Ариадны.

Лабиринт — это греческая попытка объяснения грандиозных руин Кносского дворца: греки ещё эти руины видели под открытым небом. Сказочный характер явствен и в человекобыке-людоеде, но облик его — имитация Тешуба. В этом скабрёзном мифе пародийно описан уже упомянутый выше центральный обряд критской религии, бывший «театрализованной» рецитацией тотемного брака.

Огнедышащего «критского быка» Геракл привёл в Аргос, а позже Тесей принёс в жертву. Образ тавроболии (убиения быка) — центральный в нескольких культах; он имеет древнее происхождение. В аккадском эпосе о Гильгамеше рассказано, как по просьбе Иштар, любовь которой отверг герой, отец богов Ану создал огромного небесного быка, который был послан уничтожить царство Гильгамеша. Однако Гильгамеш и Энкиду убили быка. Несомненно тут отразился шумерский культ быка, но аккадская редакция эпоса переосмысляет ритуал тавроболии, превращая нормальный религиозный обряд в исключительный богатырский подвиг. Наукой признано шумеро-аккадское влияние на греческую культуру (даже на Гомера), но в греческом мифе небесный бык снова переосмыслен и снижен.

Миф о противоестественной страсти Пасифаи — карикатура на тотемный брак; центральным обрядом критской религии была имитация полового акта царицы с быком. У индоариев засвидетельствован аналогичный обряд, имитация брака царицы с конём (предварительно задушенным). Греки оторвали критский обряд от мифа и осмеяли обряд: для них бык был чужим тотемом, их исконные тотемы — конь и медведь.

Человек с бычьей головой — сын Быка и Праматери, первопредок критян, но его облик древнее минойской культуры. В протоэламской глиптике III тысячелетия до н. э. уже возник образ «человека-быка». Египетская Исида первоначально была женщиной с коровьими рогами, олицетворением неба. Выше упоминался хеттский Тешуб с бычьей головой. Видимо, в золотую эпоху Крита Минотавр был обожествлён, ему приносились человеческие жертвы. В некоторых версиях греческого мифа он называется сыном самого Зевса; в других сообщается имя Минотавра — Астерион, как у второго мужа Европы. Ясно, что в критском протосюжете Минос и Минотавр — одно и то же лицо.

Греки расщепили миф о Звёздном Быке и его браке с Праматерью, родившей первопредка критян — Миноса-Минотавра. Возможно, Звёздный Бык олицетворял Небо, как и Зевс. Вследствие дивергенции критского мифа возникло два мифа: 1) благопристойный, в котором прекрасный белый бык стал одной из метаморфоз Зевса; 2) насмешливо-непристойный, в которой критский обряд, отчуждённый от своего мифа, рассматривается извне, враждебным взором. Греки присвоили чужой миф и осмеяли его обряд.

Между тем, мы знаем, что в аркадском городе Фигалее греки поклонялись и «Чёрной Деметре» — архаической деревянной статуе женщины с лошадиной головой. У греков был архаический культ гневной Деметры Эриннии: с нею, превратившейся в кобылицу, сочетался Посейдон в образе жеребца. Жрицы аттического культа Артемиды Бравронии в праздник надевали медвежьи шкуры и исполняли медвежью пляску. Ясно, что в момент прихода на Балканы протогреки ещё не изжили тотемизма. Однако порождённая им ритуальная зоофилия уже исчезла, её отголоски еле мерцают в греческой мифологии (Зевс и Ио, Леда и Лебедь и др.). Греки не любили критян, им несколько веков пришлось бороться против Крита. Мифический Лабиринт — отражение кносского дворцового комплекса; реально в нём жил мудрый законодатель Минос, но для греков то был людоед с бычьей головой.

Герман Узенер и вслед за ним Эрнст Кассирер разделяли процесс становления богов на три этапа: 1) боги мгновения; 2) специфические боги (боги деятельности); 3) личные боги (боги бытия). По моему мнению, второй, промежуточный этап этой схемы соответствует понятию культурного героя.

Искусник Дедал изобрёл отвес, рубанок и другие инструменты. Видимо, на Крите он был культурным героем, затем второстепенным божеством, покровителем ремёсел. Греки лишили его сакрального ореола и оставили чисто служебные функции. Рассказы о Дедале поразительно схожи с преданиями о царе Соломоне. Дедал построил лабиринт, Соломон — Иерусалимский храм; оба умели летать; оба цикла преданий символически связаны с муравьями, величайшими строителями в мире насекомых. Эти два цикла генетически родственны, между ними возможна финикийская медиация.

На исторического Соломона были перенесены черты критского культурного героя. При этом произошла дивергенция протомифического сюжета: в Греции с её расцветом техники культурный герой стал искусником, «техником», а в крайне филологической иудейской культуре — мудрецом и поэтом, но в то же время — магом, волшебником.

Функции культурных героев перешли к некоторым греческим богам и богиням: последнее определяется важной ролью женского труда в греческом производстве (прежде всего текстильном). Особенно выделяется богиня Афина, которая научила людей обуздывать коней и запрягать быков, делать колесницы и строить корабли; она же даровала смертным плуг и борону, а их жёнам — веретено и ткацкий станок. Одна из её эпиклес — Эргана (Работница). Она же — богиня мудрости. Весьма характерно это перерастание функций культурного героя в мудрость!

Согласно мифам, Афина выиграла у Посейдона спор за верховенство над Аттикой: Посейдон подарил её жителям коня (вариант: ударом трезубца иссёк источник из скалы, как Моисей в Библии); Афина подарила оливу — и победила.

Функции культурного героя сосредоточил Гефест, единственный труженик в олимпийской семье. Местный бог острова Лемнос, он был кооптирован в эту семью на правах слуги. Безобразный и нелюбимый сын Зевса и Геры, бог кузнечного ремесла, он получил в жены Афродиту, которая ему крупно изменяет. В «Одиссее» Гомера описано, как Гефест во время соития Афродиты с Аресом поймал их обоих в искусно расставленные сети: это отголосок архаической «ловли богов», акт человеческий, ибо ловля с помощью сетей — древний приём охоты. Гефесту приписывались технические изобретения и художественные шедевры: греческое понятие «технэ» объединяло кузнецов и художников (ср. магизм кузнецов у древних славян, гоголевский образ кузнеца Вакулы и мн. др.).

Итак, культурные герои были античной мифологией либо разжалованы в инженеры, как Дедал, либо введены в семью богов на второстепенных ролях, как Гефест, либо функционально ограблены в пользу высших богов (Афина Эргана). Критский Звёздный Бык был поглощён мифологией Зевса, причём его космическое значение было стёрто, он превратился в одну из любовных авантюр Зевса.

Эрнст Кассирер в своём эссе «Was ist der Mensch?» продемонстрировал переход к вере в личных богов на примере греческой религии. По мнению Кассирера, важную роль в оформлении классической религии греков сыграли два обстоятельства: во-первых, открытие греческой философией понятия индивидуума; во-вторых, широкое распространение и популярность поэм Гомера и Гесиода, в которых личные боги получили определённые имена и образы; при этом имена более архаичных богов деятельности стали эпиклесами (нарицательными именами) личных богов.

Схема Узенера-Кассирера слишком жестка, она кое-что упрощает, но отнюдь не является ложной. Действительно, Гомер и Гесиод составили важный переход в процессе гармонизации взаимопротиворечивых архаических религий протогреков; этим же религиям противоречили местные религии завоёванного юга Балканского полуострова. Об огромном влиянии Гомера на классическую религию говорить не приходится — всё известно. К примеру, даже включение Ареса в сонм богов приписывается влиянию «Илиады» (культ бога войны не получил распространения у греков, источники почти не называют мест его почитания). При этом свирепая воинственность Ареса показана у Гомера с тайной иронией. Особенно возвысил Гомер, конечно, Зевса, но и тут не обошлось без прославленной шутливости старика Гомера, которою так возмущался Гесиод. Этот набожный крестьянин верил, что повествует чистейшую правду, а поэзию Гомера трактовал как «враньё».

Могучий Зевс, властелин молний, спускался с Олимпа в основном ради красивых девушек. В то же время этот сексуальный маньяк, бесчестивший даже родных дочерей, мыслился богом порядка и мудрой справедливости; он надзирал за соблюдением клятв и покровительствовал чужестранцам, в этом качестве он назывался Зевс Ксениос (Гостеприимец). Покровительство чужестранцам — необходимое условие международной торговли, которая была очень важна у греков. Двусмыс-

ленный патриарх олимпийской семьи воплощает и греческую практичность: он даже вора Гермеса поставил на службу порядку, сделав его своим вестником.

Косматый громовик Зевс превратился в рассудительного мироустроителя с царским скиптром, а там и в завитого красавца: олимпийская религия — едва ли не самая эстетизированная в истории. Творцом мира он не считался, у греков не было мифа о Творении, а появившийся позднее Демиург не совпадал с высшим богом. Одна из функций Зевса — Сотер (Спаситель), но она осталась второстепенной, ибо восходящая Эллада не нуждалась в спасителях: она доверяла миру.

Кроме эстетической гармонизации мифов, в олимпийской религии нужно отметить её чувственный и аристократический характер. Олимпийцы — это совершенные греки по своим нравам и склонностям. К примеру, Зевс увлекался не только свежими девушками, но и красивыми мальчиками: миф о похищении Ганимеда — отражение греческой педофилии. Быт олимпийской семьи отразил повседневность раннегреческих царских дворов, с их слугами, пажами и любовными интригами, но сохранил также реминисценции арийского прошлого. Пища богов, которая даёт бессмертие и сохраняет им вечную красоту, у Гомера называется «амброзия», а в древних ведических гимнах — «амрита».

Довольство олимпийцев, их пиры и эротические досуги вызывали завистливое восхищение демоса, но они ему были несродны: «боги не потеют». Потому и понадобилось уравновесить блеск олимпийской семьи демократическими «освободителями», сынами богов и смертных женщин, наподобие Диониса и Геракла. В греческой мифологии образовалась промежуточная ступень между богами и людьми — развился культ героев.

Греческое heros интерпретируется как «господин», «владыка». Сначала так назывались духи умерших предков, влияющие на жизнь потомков. Дикие протогреки, захватив центры крито-микенской культуры, были поражены её «киклопическими» сооружениями; эти форты, сложенные из больших глыб, были приписаны работе киклопов, а царские гробницы стали почитаться как могилы героев, излучающие магическую силу.

Герои — души предков, вождей, богатырей; к ним же причислялись сказочные образы, некоторые боги и демоны крито-микенской эпохи (Агамемнон, Гиацинт), эпонимы племён, областей, городов (heros eponymos — герой-имядатель). Гесиод впервые назвал героев «полубогами», и это понимание утвердилось. Мифически герои продолжали жить в своих гробницах, служа посредниками между богами и людьми. Они отвращали болезни и бедствия, истребляли чудовищ, великанов-разбойников, могли выступать как мстители и становились опасными, если их не чтили.

Вообще-то «героическим веком» принято было считать эпоху до возвращения ахеян из-под Трои, но в классическую эпоху понятие «героя» расширилось: оно включило в себя доблестных воинов (например, павших при Марафоне) и полководцев, погибших за родину (например, Леонида Спартанского), афинского законодателя Солона и даже некоторых философов. Сила влияния героя была привязана к его гробнице, а посему эти гробницы нередко оказывались на городской площади (место народных собраний и торговли) или под городскими стенами (са-

мое охраняемое место полиса). Порою над гробницей строилось святилище вроде часовни (heroon), в нём устраивались поминальные пиры и оплакивания героев.

Культ героев — гармонизированная форма культа предков, от которого сохранялись хтонические черты: жертвы героям приносились вечером или ночью, жертвенные животные были чёрного цвета. Это понятно, ведь днём покойники спят, и обращаться к нем следует ночью. Если захоронение героя оказывалось на чужбине, то часть его останков привозили на родину и здесь погребали; эти мощи обладали магической силой и предвосхищали священную реликвию буддизма и христианства.

В греческом культе героев имелась и тотемическая компонента. Так, войско Ахилла составляли мирмидоняне — племя, происходившее от муравьёв (греч. myrmex — муравей); ср. древнерусскую былину, в которой Волх Всеславьич превращает своё войско в муравьёв. В древности афинян часто называли «кекропидами», их эпонимом был Кекропс, первый царь Аттики, Аутохтонос («самородившийся из земли»). Его изображали могучим мужем, имевшим вместо ног змеиный хвост (что и подтверждало его землерождённость). Видимо, часть героев — это переосмысленные тотемные предки.

От архаического обожествления предков культ героев сохранил одну важную особенность: герой может стать богом. Так, смертные Тесей и Геракл были вознаграждены бессмертием и вошли в сонм богов, хотя на этом их мифы и завершаются. Своими земными подвигами они «выслужили» божественность, только это существенно, а не олимпийский эпилог. Тем самым греческое сознание пересмотрело роль личности в религии, дало высшую оценку героической инициативе. Превращение героев в богов не предрешалось рождением, оно есть высшая награда за личные деяния. Это весьма существенный момент — одна из предпосылок имперской идеи (об этом см. далее).

Ещё одно замечание: архаический культ героев дал начало ряду употреблений этого слова в иных значениях — «эпический герой», «трагический герой», «культурный герой». Все их нужно различать. Так, герои Троянской войны не были «культурными героями»: к содержанию этого научного термина в античной мифологии ближе всего титаны.

При всём своём эстетизме, греческая мифология оставалась кровавой. Были и мифы о борьбе людей против богов, и распри между самими богами. Архаические богоборцы-титаны, заточённые в Тартар, некогда были богами-соперниками Олимпийцев, но затем они были забиты, снижены до героев и дискредитированы до чудовищных злодеев»[22]. Как показал Я. Э. Голосовкер, доолимпийские боги были превращены новой религией в безобразных чудовищ, лишены бессмертия или низведены в ранг героев и обыкновенных смертных богатырей.

Несмотря на высокую степень антропоморфизации богов, греческий пантеон испещрён родимыми пятнами тотемизма: тут и отдельные черты антропоморфных богов, как совиные очи Афины или коровьи — Геры, и их священные животные (орёл Зевса, павлин Геры, голубка Афродиты, чёрные псы Гекаты). Антропомор-

[22] Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 47.

физация тотемов породила дублирование: тотемные животные стали спутниками-атрибутами тех же богов, в которых сами превратились.

Главный подвиг Зевса — одоление при помощи молний Тифона, чудовищного змея с сотней драконьих голов. Согласно В. В. Иванову и В. Н. Топорову, миф о победе Громовержца над Змеем был основным индоевропейским мифом[23]. Единоборству антропоморфного бога со змеем стадиально предшествует сюжет о войне птиц и змей. В эру тотемизма ещё не было громовика, победителем змея выступал орёл, ястреб или ворон.

Пути развития тотемических мифов можно свести к трём главным направлениям: 1) миф гармонизируется, очеловечивает тотемных животных, превращая их в богов; 2) обряд, отчуждённый от мифа, порождает пародийно-фантастический сюжет; 3) животные-тотемы десакрализируются, причём их человекоподобное поведение усиливается и юмористически подчёркивается.

Так возникают соответственно религиозный миф, волшебная сказка и сказка о животных. Возможно, последняя древнее и религиозных мифов, и волшебных сказок. Сказания о культурных героях образуют как бы мост между сказками о трикстерах и религиозными мифами; от последних в основном происходит эпос. Итак, культурного героя поглотили бог и эпический герой.

В древнеегипетской мифологии преобладало обожествление животных — своеобразное перерождение тотемизма. Но от этих богов со звериными и птичьими головами отличается умирающий и воскресающий бог — Осирис; изначально аграрный бог, он стал затем царём загробного мира. В то же время он наделён чертами культурного героя: он отучил египтян от людоедства и дикого образа жизни, показал, как надо сеять и жать злаки, печь хлеб, добывать руду и выплавлять металл; словом, он тоже в некотором роде Прометей.

Эпический герой — это обычно добытчик сокровищ в ином мире, часто в подземном; нисхождение в преисподнюю (пещеру, морскую пучину) — героический мотив, объединяющий Гильгамеша, Одиссея, Садко, Беовульфа… Добытчик — это героический вор. С другой стороны, эпический герой обычно убивает чудовищ — особенно интересуют его драконы (Геракл, Беовульф, Зигфрид, русские былинные богатыри). Короче говоря, эпический герой есть синтез культурного героя и змееборца.

Героический эпос родился из мифологии. Дальше от мифа отстоит волшебная сказка: её поэтическая мифология уже условна и допускает игру, комбинаторику сюжетов. Существовали варианты мифов, очень близкие к волшебно-героической сказке, например, миф о Персее. Напротив, животный эпос и сказки о трикстерах полностью отделяются от мифологического процесса. Наследие тотемизма становится забавой, это означает, что уже началось триумфальное шествие цивилизации.

Становление древних религий связано с расцветом производственной деятельности людей. Все великие цивилизации древности от Китая до Египта, обладали

[23] Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

богатой религиозной жизнью. И наоборот, упадок той или иной религии — это всегда симптом внутреннего кризиса соответствующей цивилизации, признак её близкого заката. Продолжение цивилизации, построение нового цивилизационного цикла требует новой религии.

Смены религий не могут объясняться случайностью. Скорее всего, общественная система и религия взаимно обусловливают друг друга. Могут вмешиваться и стихийные факторы: так, минойская цивилизация была надломлена серией природных катастроф, прежде чем её добили доряне. Но в целом судьбы цивилизаций чаще всего определяются их столкновениями; при этом религии способны переживать историческую катастрофу. Связь религиозного процесса и социально-экономической истории — не механична.

VI. Переселение душ и утопия

В чём суть перехода от магико-мифологической стадии к отчётливо религиозным системам?

Во-первых, в колоссальном усилении социально-регулятивной функции путём этизации мифов и сакрализации производственного календаря. По мнению Эрнста Кассирера, этичность — истинный смысл религии. С этим в принципе согласуется известная концепция Эмиля Дюркгейма: религия происходит не от веры в сверхъестественное или богов, но от разделения мира (вещей, эпох, людей) на священное и светское. В самом деле, нравственное сознание старше религий, хотя нравственные акты тотемизма нас могут шокировать. Только сакрализация нравственности рождает первую этику. Религия возводит нравственность на новую ступень абстракции, что распространяет законы морали на большее число людей, готовя триумф сакрума над племенными обычаями.

Во-вторых, в образовании из мифов целостной мирообъяснительной системы, причём вслед за религией рождается философия, и тотчас начинается их взаимодействие. Частные объяснения вещей и явлений сводятся в общий детерминизм, а он увенчивается Первопричиной в лице бога (богов), обретающего собственную генеалогию; возникает идея Творения. Заметим, однако, что в буддизме этой идеи нет, там не развилось и понятие бога как безусловно высшего существа. Буддизм, по словам Н. Трубецкого, — это «религия без Бога» (что, кстати, доказывает правоту Дюркгейма). Это ярко выраженная религия спасения. Сложилась она довольно поздно, в VI в. до н. э.; вообще сотериологические религии — относительно поздняя ступень религиозного процесса. В них Творение мира — или второстепенная тема, или вообще отсутствует. Творение мира и спасение человека — контрбалансы.

В-третьих, в постепенном отделении обряда от производства и в мифическом возведении обряда к богам и пророкам (вытеснение культурного героя). Магия поглощается религией и в большей степени формализируется, утрачивая свою непосредственность. А поскольку люди нуждаются в теплоте сплочения и в мистических переживаниях, то поверх и кроме «будничной» магии общенародного культа складываются закрытые мистериальные культы с эзотерическими обрядами.

Изначальными характеристиками религии являются эмоциональность и антропоморфизм. Попытки рационального объяснения сверхъестественного (теология, теогония и т. п.) — явления зрелой систематизации религий, причём систематизация может очень долго оставаться неполной. Возможно, абсолютная, законченная системность религии вообще недостижима. Приближение к такой системности — симптом упадка исторической религии. Систематизация есть вечная тенденция религиозного процесса, но не его увенчание. Религии бывают сильны своей внеразумной энергией, своею страстью. Тем не менее, с момента возникновения религия уже выступает как всесторонняя организация человеческого общества, окружающего мира и частной жизни.

Последнюю следует понимать широко. Племенные религии освящали быт коллектива, из которого личность вообще не выделялась: изгой племени находил себе другое племя или погибал. Единственным моментом приватности тогда была половая сегрегация некоторых обрядов: специфически женские обряды были табуированы для мужчин — и vice versa. В племени наиболее частной была жизнь шамана. В предгосударственных потестарных образованиях коллективная жизнь дублируется менее публичной жизнью рода. Приватность становится социальной привилегией. В государстве основной единицей социальной структуры является семья, приватность становится правом семьи, распространяется на всех свободных (рабы не имели частной жизни) и приводит к относительному самостоянию человека. Однако в культе он сливается с общиной. Только к концу античной эпохи назрела потребность религиозного самовыделения индивида, его прямого предстояния Богу; эту потребность и удовлетворило христианство. Заметим, что в иудаизме ответственность перед Богом огромная, диалог с Богом очень прямой, и всё же это не единоличное предстояние: Берит (Завет) дан всему избранному народу в целом.

Становление религии переоформило психику людей, дав им душу, т. е. сочетание сакральной ответственности с личными устремлениями индивида. Страх перед богами сочетается с чувствами почтения, благодарности, доверия. У богов спрашивают советов, и боги отвечают — через вещие сновидения, нисполанные в храмах (incubatio), через бред пифий, толкование примет и т. д. Славословия богам окрашены преклонением, благодарностью, надеждой, но всё это ещё не любовь. Правда, в индийских религиях зарождается мотив любви, но это лишь половые акты Кришны с восторженными поклонницами (со всеми сразу).

Попытаемся продумать, как происходило становление религий, а для этого вернёмся вспять, в верхний палеолит. В ту эру сложились тотемизм и культ предков. Более развитое мирообъяснение зародилось, вероятно, в эпоху неолита, когда появились каменные культовые сооружения, например, менгиры и дольмены. «Миф творения — это основной, базовый миф, миф par excellence. Эсхатологический миф — это только миф творения наизнанку, повествующий о — большей частью временной — победе хаоса (через потоп, пожар и т. п. в конце мира или в конце космической эпохи). Нечто среднее представляют собой календарные мифы, в которых временная смерть природы, персонифицированная часто в образе умирающего-воскресающего бога или героя, служит её регулярному обновлению»[24]. Героический миф появился значительно позже.

Расцвет скотоводства и земледелия вследствие неолитической революции породил первые религии. Часто элементы тотемизма включались в новые, уже религиозные системы. Выше говорилось о тотемическом наследии в олимпийской религии; оно же сказалось в миксантропизме богов (египетских — с головой сокола или шакала, индийского Ганеши с головой слона и др.), в мифах о браках богов с людьми. Такие мифы генетически родственны сказкам о чудесной жене (муже): те и другие восходят к тотемному браку.

[24] Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М., 1994. С. 14.

Может быть, первым антропоморфным божеством была Земля. Некоторые мифы, полностью игнорируя брак, славят чудо самопорождения, например, вырастание автохтонов прямо из земли. В других мифах рождение заняло место Творения. Праматерь родила всё: в греческой мифологии Гея (Земля) сама собою родила Урана (Небо), который стал её супругом. Комплекс «матери-жены» — зерно мифа об Эдипе.

В ряде цивилизаций сложился миф о первой супружеской паре, давшей начало и богам, и людям. Один из вариантов — Земля и Небо, оплодотворяющее её дождём. Пахота и поныне во многих языках служит символом полового акта, плуг отождествляется с фаллосом и т. д.; этим мифическим тождеством проникнуты эротические обряды на свежевспаханном поле, известные и в Древней Руси. Половые сношения людей мыслились как сопричастные плодородию земли и составляли часть производственной деятельности.

У охотничьих народов (например, у индейцев Северной Америки) земля неприкосновенна, её запрещается ранить мотыгой или лопатой. Скотоводческие народы не знали аграрных культов с их обрядами, стимулирующими земное плодородие. Так, в зороастризме, религии, созданной скотоводами Восточного Ирана, нет никаких аграрных культов, но земля священна (как и огонь, и вода), её нельзя осквернять трупами, отсюда обычай «выставления» усопших с последующим собиранием их костей и сохранением в особых ящиках (оссуариях). Земля для всех священна, но только аграрные культы порождают Эдипов (ведь каждый пахарь — Эдип).

В Вавилоне отделение обряда от производства породило иеропорнию («храмовую проституцию»). Пастушеский еврейский народ, поздно освоивший землепашество, не понимал сакрального смысла иеропорнии и просто считал её блудом, что исторически неточно. В Греции обрядовый секс замкнулся в мистериях, где, например, вслед за ритуальным соитием жреческой пары посвящённым показывался хлебный колос и возвещалось его чудесное рождение.

Ещё одна особенность Великой Матери — она «не имела детства», её жизнь до чадородия не мыслилась. Положение изменилось с появлением собственности и моногамной семьи: повысилась ценность дочерей, появился выкуп за невесту. Девушек начали охранять, девственность табуируется, формируется культ девственности. Дева и Мать — мифические антагонистки; так в олимпийской семье девственница Афина состоит в соперничестве с Афродитой.

Девственные «супруги бога», жившие на верху вавилонского зиккурата, весталки Рима, непальская живая богиня Кумари и другие девственные жрицы воплощают страх людей перед ревностью их божественных супругов. С другой стороны, девственность магически опасна (у некоторых народов дефлорация девственниц производится только жрецами, у других — операционально, до выдачи их замуж). Прославление плодородия сменяется сверхценностью «чистоты» (асексуальности), при этом «чистота» распространяется вспять: богиня-дева и родиться может «чисто», как Афина родилась из головы Зевса (версия Аполлодора). Так патриархальная мифология пытается взять реванш за архаическую недооценку уча-

стия мужчин в деторождении. Культ девственности, почитание девственных богинь — болезненное искажение человеческого мышления, произведённое патриархальной мифологией. И по сей день патриархи ревнуют своих дочерей, порой даже препятствуя их замужеству.

С развитием аграрных культов уже упоминавшаяся выше мифологема «смерти и воскресения» сильно разрастается и переосмысляется. Она порождена древнейшими погребальными обрядами человечества. От этой мифологемы происходит «малая смерть», которая разыгрывалась в инициациях: посвящаемый юноша проглатывался и извергался зооморфным духом инициации, после чего получал новое имя. То была обрядовая имитация инфантицида; в новую эпоху она приобрела смысл обманного жертвоприношения, «возрастной» смерти, необходимой для перехода мальчика в мир взрослых. Сходным образом умирает и воскресает зерно, бросаемое в лоно земли (мифическое представление о земле как о смерти, беременной жизнью, убедительно воссоздал М. М. Бахтин). В классической мифологии птица Феникс раз в пятьсот лет сама сжигает себя в гнезде из хлебны злаков и воскресает из пепла. От руки злого брата погибает Осирис; тело его расчленено (синоним молотьбы), но верная Исида собирает разбросанные члены, и Осирис воскресает. Сходным образом умирают и воскресают другие аграрные боги: Думмузи, Адонис, Дионис.

Идея смерти и воскресения бога становится центральной в религиях Ближнего Востока, а с Дионисом входит в Грецию, где культ его начал распространяться с VII века до н. э. Некогда Дионис был вообще богом плодородия, потом стал почитаться как бог, подаривший людям виноградную лозу. Символ Диониса — фаллос. Подъём дионисийской религии связан с развитием греческого виноделия, с усилением крестьянства; афинский тиран Писистрат активно покровительствовал культам Деметры и Диониса — «мужицким религиям». Дионисийский культ формирует мистерии и ранние формы театра.

Посвящение в мистериальный культ — эквивалент инициаций; главное содержание мистерии — смерть и воскресение бога; религия мистерий сулит посвящённым воскресение во плоти после их естественной смерти. Оргиастический культ Диониса первоначально был женским; праздник дионисий открывался фаллофориями — процессиями с несением божественного фаллоса; участницы фаллофорий, мэнады («безумные») несли в руках тирсы, кинжалы и живых змей. В гимнах Дионис назывался «прекрасным быком». Экстатическая пляска мэнад завершалась праздничной оргией, причём женщины разрывали на части живого быка и ели его парное мясо. Тавроболия, т. е. убиение быка, окропление его кровью, поедание его мяса составляли главный обряд культа Диониса.

Вкушавшие мясо жертвенного быка причащались его силе и плодовитости: в обряде бык был Дионисом. За этим причащением по логике обряда моментально следовал «результат» — демонстрация полученной силы. Так что половые излишества дионисий были не пьяным разгулом, а необходимой частью праздника. Они не просто поощрялись, а ритуально требовались. Презрение к этим праздничным копуляциям оказывалось не чем иным, как оскорблением культа.

Хотя в Греции оргиастический характер этого культа был несколько смягчён, его чужеродность сохранялась. Олимпийские боги бессмертны, а Дионис умирает и воскресает. Тавроболия, молодое вино, праздничная вольность сексуальных связей, самозабвение — всё это резко противополагает дионисии гармоничности всей античной культуры. Исторический конфликт культов Аполлона и Диониса поэтически гиперболизировал Фридрих Ницше в своей книге «Рождение трагедии из духа музыки» (1872). В дальнейшем он пришёл к убеждению, что центральная тяжба мироздания — это Дионис против Христа. Сам он был, конечно, на стороне Диониса.

Известно, как высоко ценили Ницше русские символисты. Самым учёным из них был Вячеслав Иванов, посвятивший изучению дионисийства полжизни. Его труд «Дионис и прадионисийство» (1923) придавал античной мифологии декадентскую окраску. По Иванову, мифы о Лернейской гидре (один из подвигов Геракла) и об убиении горгоны Медузы Персеем производны от дионисийских культов обезглавливания мужчин («Дионис и прадионисийство», гл. VII, & 3). Отрубленная голова Медузы — символ отмщения за мужчин по закону талиона, ибо в более древних мифах охваченные священным безумием мэнады растерзали враждебного Дионису фиванского царя Пенфея, приняв его за дикое животное, и родная мать Пенфея в экстазе насадила оторванную голову сына на свой тирс. Мэнады растерзали и мифического певца Орфея. Возможно, культ головы — это архаический женский культ Средиземноморья; отголоском этого культа Вячеслав Иванов считал и евангельское предание об усекновении главы Иоанна Предтечи. Вместе с тем, Иванов рассматривал дионисийство как «религию страдающего бога», предшествующую христианству.

В Италии Вячеслав Иванов принял католицизм и стал библиотекарем Ватикана; папа Пий XI дал ему аудиенцию, во время которой интересовался его учёными занятиями и его мнением о Дионисе. По рассказу М. С. Альтмана, Иванов ответил «Дионис был тоже Христос»». Тем самым он опроверг позицию Ницше, но при этом впал в ересь — допустил неоднократность Воплощения.

Диониса отождествлял с Христом и Дмитрий Мережковский. Фактически русский религиозный модернизм стремился синтезировать не христианство с давно изжитым дионисийством, а свою полухристианскую мистику с ницшеанством. Путь этот был крайне рискованный; в частности, Мережковского он привёл к позорнейшему финалу... Но вернёмся в древнюю Грецию.

В дионисийстве воскресение было обещано только посвящённым. В иудаизме исконно отсутствовала идея воскресения, ибо она в основном абстракция от земледельческого цикла, а евреи прежде были кочевыми скотоводами. Правда, в земле обетованной они стали земледельцами, и религия их начала изменяться. Древняя офиолатрия евреев была побеждена культом быка; Яхве стал мыслиться быком. В Ветхом Завете идея воскресения впервые появляется в Книге Даниила, но для большинства евреев эта идея оставалась спорной. Фарисеи на пороге новой эры верили в воскресение, но не всех людей, а только богоизбранных. В олимпийской религии смерть была эстетизирована, но в иудейской культуре она черна и абсо-

лютна; евреи с жестоким реализмом подчёркивали её смрад и тление. В их религии идея бессмертия души возобладала только в послебиблейский период.

Идее бессмертия души предшествовала идея повторной жизни во плоти, что весьма различно одно от другого. Сначала это была вера в то, что старцы возрождаются во внуках. Германское Enkel (внук) буквально обозначает «маленький дедушка». В языческой Руси существовало аналогичное представление: «Из навей дети нас емлют» (т. е. вторая жизнь умерших совершается в их внуках). Того ради внуку давалось имя деда, отсюда целые династии Иванов Петровичей — Петров Ивановичей. По древнерусским представлениям мы рождаем наших родителей для их повторной жизни, исторгая их «из навей» (из мертвецов).

Возрождение деда во внуке, отвлекаясь от родового принципа, превратилось в возрождение в любом человеке или животном — в переселение душ, по-гречески метемпсихоз, по-индийски сансара. Это может быть мгновенная реинкарнация: едва человек умер, так сразу же и возродился в новом младенце (вот так в тибетском буддизме отыскивают очередного Далай-ламу). Метемпсихоз — ранняя и примитивная форма бессмертия души: душа блуждает по телам, но с землёй не расстаётся.

Около VII века до н. э. одна из ветвей дионисийской религии переоформилась в мистический культ, якобы основанный великим певцом Орфеем, которого растерзали вакханки; причём его оторванная голова, катаясь по земле, продолжала петь и прорицать. Брошенная в реку, она выплыла в море и достигла острова Лесбос. По одному из мифов, голова Орфея затем оказалась в пещере Диониса, а лира — в храме Аполлона. Многие учёные рассматривают орфизм как результат аполлоно-дионисийского синтеза, завершившего борьбу двух культов.

Источником мирового процесса орфики считали Время («никогда не стареющего Хроноса»). Время снесло космическое яйцо, из которого вылупился двуполый Факес (Свет); в позднейший версиях Время создало это яйцо из Хаоса и Эфира. Факес впоследствии отождествлялся с Эросом или Дионисом. Он сам собою родил могучую Ночь и вступил с нею в брак, от которого родились Гея (Земля), Уран (Небо) и Кронос. Сын последнего Зевс поглотил Факеса и тем самым достиг господства над миром.

От брака Зевса с его собственной дочерью Персефоной-Деметрой родился Загрей — первое воплощение Диониса. Натравленные Герой титаны растерзали и сожрали Загрея, за что были сожжены молниями Зевса. Из останков титанов возникли люди, и потому каждый человек имеет в себе две сущности: низменную и грубую титаническую природу и частицу божественного Диониса-Загрея (ибо титаны причастились Загрею). Затем Дионис повторно родился от Зевса и Семелы (общегреческий миф). В своём «втором пришествии» Дионис уже выступает как Лиэй (Освободитель), ибо Зевс породил его специально для освобождения божественной души, заключённой в человеческом теле (сома), как в гробу (сема). Главная задача человека — очищение от наследной титанической скверны и подготовка к потусторонней жизни. Орфизм осуждает греховность мира, вводит идею загробного воздаяния и нащупывает путь к спасению души.

Орфизм резко противоречит олимпийской религии, он несравненно мистичнее. Он содержит, с одной стороны, элементы очень архаичные (мировое яйцо, двуполый Первопредок, некрофагия), а с другой — некоторые элементы, предвещающие христианство. В истории наблюдается такой феномен: всякая религиозная реформа апеллирует к тем мифам и верованиям, которые древнее непосредственно отрицаемого этапа, но строит из них новые мифы.

Здесь нужно сделать отступление. Именно в ту эпоху рождается греческая философия. Отцом её считается Фалес Милетский, на пример которого часто ссылается теория мифогенного происхождения философии. У Гомера Океанос назван отцом всего сущего; у Фалеса вода — первосубстанция вселенной. Всех «космологов», т. е. представителей ионической натурфилософии, занимала проблема первосубстанции: она была эквивалентом мифического хаоса.

Учеником Фалеса был Анаксимандр Милетский (около 610-547 до н. э.); он первым изложил своё учение письменно (трактат в стихах «О природе») и сформулировал идею цикличности вселенной: «А из каких начал вещам рожденье, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачиваюти друг другу правозаконное возмещение направды (= ущерба) в назначенный срок времени»[25]. По традиции, идущей от Аристотеля, Анаксимандр считал первосубстанцией апейрон (бесконечное и бескачественное начало). Сегодня выдвинуто предположение, что у него первосубстанцией был не апейрон, а некое мировое семя, выделенное Вечным Хроносом (Временем). Если это так, то космогония Анаксимандра была в родстве с орфическим мифом.

В своих замкнутых общинах орфиотелесты (жрецы) учили, что праведные души после смерти вкушают вечное блаженство; жилище их — на звёздах. Загробный суд может приговорить покойника к новой земной жизни, в другой реинкарнации, даже в теле животного, дабы в новых страданиях и очищениях душа выслужила покой бессмертия. Участие в орфических мистериях и очистительных обрядах гарантировало мистам более мягкий приговор после смерти и даже освобождение души от мытарств повторного воплощения. Души, не прошедшие очищения, попадают в Аид.

Вера орфиков в метемпсихоз — причина запрета убивать животных и вкушать их мясо: человеческая душа может оказаться в любом животном, а посему креофагия (мясоядение) есть потенциальное людоедство.

Расцвет орфизма приходится на VI в. до н. э. Особенно много сторонников он снискал в «Великой Греции» (греческие колонии в Южной Италии). Там жил и гениальный математик Пифагор, личность которого подверглась посмертной мифологизации. Все наши сведения о нём — из последующей традиции.

Во-первых, у него было золотое бедро. Во-вторых, он помнил четыре своих прежних инкарнации: в них его душа провела 207 лет, и одну из жизней он прожил в виде павлина. В-третьих, он называл себя сыном бога — не то Аполлона, не то Гермеса.

[25] Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. М., 1989. С. 127.

Пифагор много путешествовал; вероятно, побывал в Вавилоне и Египте. В ходе одного из путешествий Учитель посетил Аид. Созданный им Пифагорейский союз, прославленный разгромом сибаритов, был одновременно научным институтом и военно-религиозным братством, основанным на орфических мистериях. Орфико-пифагорейское учение имело восточные связи, в том числе индо-арийские и персидские. Ведь метемпсихоз — это то же самое, что индийская «сансара».

Именно в зороастризме, персидской дуалистической религии, впервые оформилось учение о грядущем Спасителе человечества; в орфизме Дионис Лиэй — тоже Спаситель.

Английская исследовательница зороастрийцев М. Бойс пишет: «Отдельные пассажи Гат позволяют предположить, что Зороастр предчувствовал, что конец мира неизбежен, и именно ему Ахура-Мазда поручил возвестить истину и поднять людей на решающее сражение. Он должен был, однако, понимать, что сам не доживёт до Фрашо-кэрэти [восстановления мира в первоначальном совершенстве. — Р. Н.]. Зороастр учил, что после него придёт «праведный человек, благого происхождения»... то есть Саошйант* (букв. «Тот, кто принесёт пользу, благо»). Он и поведёт людей на последний бой против зла».

Зороастрийцы вели, что Саошйант родится от семени пророка, которое чудесным образом сохраняется в глубине вод одного озера; когда приблизится конец времён, в этом озере непорочная девушка зачнёт от пророка и родит сына. «Несмотря на своё чудесное зачатие, грядущий Спаситель мира будет человеком, сыном людей»[26].

Итак, зороастризм уже обладал чертами сотериологической религии. При Кире Великом, освободившем евреев из вавилонского плена, зороастризм начал оказывать мощное влияние на религиозный процесс у евреев. А при последних Ахеменидах (династия Кира) внутри зороастризма зародилась ересь — зерванизм, позже ставшая отдельной религией. Она учит, что и благого Ахура-Мазду, и злого Анхра-Майнью породил Зерван — Бесконечное Время. Позже мифы зерванизма уточнили, что Зерван есть андрогинное божество, родившее и благого бога, и духа зла. Один из гимнов гласит, что Зерван «могущественнее обоих творений — добра и зла».

Думается, зерванизм повлиял на орфическую теогонию, а зороастризм в целом — на еврейский религиозный процесс. И орфики, и зерваниты источником мира считали Время. Орфизм и зороастризм — это религии спасения. Согласно Э. Кассиреру, нравственный мотив получил самое сильное развитие в зороастризме, иудаизме и христианстве; цель этих религий — «освободить человека от его идолов и табу и пробудить в нём сознание свободы и подлинной религиозной ответственности»[27].

Позже в священных текстах буддизма появилось предсказание о будущем приходе Майтрейи (Будды Грядущего): он завершится победой Шамбалы (царства

* Так у Назирова. В современной традиции более принято написание «Саошьянт».

[26] Бойс, Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С. 54.

[27] Cassirer, Ernst. Was ist der Mensch? Versuch einer Philosophie der menschlicker Kultur. Stuttgart, 1960. S. 139.

истины) над невежеством и злом. В целом сотериологическая идея имеет восточное происхождение.

Орфики верили, что их ожидает загробное блаженство (которое описывалось как великое пиршество), тогда как нечестивцев, т. е. всех других людей, поглотит Тартар. Это загробная экстраполяция социальной мести. Орфическое движение захватывало в основном низшие слои населения; оно носило полусектантский характер.

Возможно, орфизм сложился под влиянием восточных религий, особенно зороастризма. Влияние Ахеменидской державы было огромным. Аттика, с которой начался подъём орфизма, вела обширную торговлю, а ей сопутствовал интенсивный культурный обмен. Вопрос этот необычайно интересен, но здесь мы не можем его рассматривать.

Закат орфизма начался в V в. до н. э. — возможно, в связи с греко-персидскими войнами. Инициатором их был персидский царь Ксеркс; он попытался реализовать идею своего отца Дария о создании мировой империи. Ксеркс начинал очень успешно. В нём видели сверхчеловеческое, божественное существо; жрецы Аполлона поддерживали этот взгляд. Сам Ксеркс, согласно лидийцу Ксанфу, объявил себя Спасителем Мира от зла и смут, устанавливающим в мире новый порядок. Греки не дали ему развернуться, а потом Спаситель Мира пал от рук заговорщиков.

В отличие от народной орфики, связанный с нею пифагореизм оставался элитарной религией учёных людей. Показателен негаснущий интерес к пифагореизму в последующей античной культуре при явном угасании орфизма.

Многое у пифагорейцев перенял Платон (427-347 до н. э.), тоже веривший в метемпсихоз. Он наблюдал кризис афинской демократии и презирал режим, приговоривший к смерти его учителя Сократа. Одновременно Платон осознал спекулятивную истощённость греческой философии. Ранняя натурфилософия опиралась на рациональную интерпретацию мифа, но постепенно связь с мифом распалась. Софисты, платные учителя мудрости, распространяли этический релятивизм, вытекавший из их безрелигиозного объяснения природы. В отвращении от своей эпохи, Платон задумал великий возврат: он решил вернуться — к аристократическому правлению, к непродажной эзотерической мудрости и к мифологии.

Однако архаические мифы не удовлетворяли Платона своей моральной амбивалентностью. Вместо них он предложил свои, символико-философские мифы. В них вольно использовался материал мифологической традиции, но в целом это были произведения Платона. Ибо он был философ-художник.

В его диалоге «Федон» Сократ говорит: «Я понял, что поэт — если только он хочет быть настоящим поэтом — должен творить мифы, а не рассуждения. Сам же я даром воображения не владею, вот я и взял то, что было мне всего доступнее, — Эзоповы басни. Я знал их наизусть, и первые же, какие пришли мне на память, переложил стихами»[28].

[28] Платон. Сочинения в 3-х тт. Т. 2. М., 1970. С. 17.

По Платону, поэт творит мифы — при помощи воображения. Смолоду он был поэтом, но в момент духовного кризиса уничтожил свои стихи и трагедии, чтобы отдаться философии. Но его философские диалоги художественны и содержат новые мифы. Так чем же была его философия? Построением фиктивного мира, т. е. поэзией. И он ещё претендовал на то, что плоды его воображения реальнее самой реальности. Он расчленил бытие на хрустальный мир прообразов (вечных идей) и презренную реальность. Всякое знание есть анамнез (припоминание) бессмертной души о мире идей, в котором она пребывала до того, как была заключена в темницу тела, — «когда она сопутствовала богу, свысока глядела на то, что мы теперь называем бытием, и поднималась до подлинного бытия» («Федон»; там же, 185).

Суждения Платона о бессмертии души не совпадают. В диалоге «Горгий» Сократ говорит, что по закону Кроноса добродетельные люди после смерти удаляются на Острова Блаженных, а живущие неправедно и безбожно — в место кары, в Тартар.

Полностью очистившиеся люди после смерти «живут совершенно бестелесно и прибывают в обиталища ещё более прекрасные» (там же, 89).

Переселение душ у Платона подчинено принципу морального воздаяния. Только однажды он допустил абсолютную свободу — в X книге «Государства», в рассказе памфилийца Эра, «не вполне убитого» в сражении. Эр внезапно ожил на своём погребальном костре, а затем поведал, что он видел на том свете.

Оказывается, покойникам предлагают самим выбрать новую судьбу для следующего воплощения; сделав выбор, они пьют из реки забвения и возвращаются на землю для новой жизни. Они забыли, что они сами сделали выбор, и при случае не преминут обвинить богов в несправедливости своей участи. Итак, каждый свободно избирает себе судьбу, хотя и не помнит об этом.* Мифотворчество Платона многовариантно и противоречиво, что, впрочем, естественно для мифологии (но не для философии).

Немецкий христианский писатель Х. В. Рюссель отметил, что в «Горгие» и «Федоне» «выражено чуждое грекам жизнеощущение <…> бессмертие души не только утверждается, а можно сказать, схоластическим образом доказывается <…> причём положение о примате духа приводит к отрицанию значимости тела, мира и государства»[29]. Это очень важный момент. Именно в философии Платона зародился гностико-манихейский дуализм души и тела. В целом Платон, убеждённый педераст, был великим моралистом и красноречиво проповедовал аскетизм. С неумолимой последовательностью стареющий Платон вводит мораль и в политику, о чём будет сказано ниже.

Чувства, согласно Платону, не дают истинного знания. Последнее следует искать в интуиции (в этом оправдание его мифотворчества). Из мира идей исключено случайное, ибо оно нарушает строгую логическую связь причин и следствий. При

* Зачеркнуто: «Это противоречит принципу морального воздаяния».

[29] Rüssel H. W. Gestalt eines christlichen Humanismus. Amsterdam, 1940. S. 52.

такой строгой упорядоченности мира, напоминающей священную геометрию пифагорейцев, тайной основой его является поэтическая интуиция Платона. Платонизм есть поэзия.

Политико-философский бунт Платона разгорелся из его негодования по поводу дела Сократа. Этот процесс был легализованным убийством: прогнившая афинская демократия установила запрет на мысль. Платон выступил как философ свободы (Плутарх назвал его «вестником свободы»). Но когда в руки ему попадались сочинения материалиста Демокрита, Платон их сжигал.

Вторичное мифотворчество Платона поныне не утратило своего очарования: тут и андрогины, и миф об Эросе, и перстень Гигеса и мн. др. Но постепенно Платона стали всё сильнее занимать мысли о лучшем общественном устройстве. Свои грёзы он попытался претворить в явь предельно недемократическим способом — хотел увлечь своим проектом сиракузских тиранов. Вотще — тираны не стремятся к рациональному устройству общества.

Свой социальный проект Платон выразил двояко: в форме политической утопии (диалоги «Государство» и «Законы») и в форме мифа об Атлантиде («Тимей» и «Критий»). Излагая этот миф, он ссылается на предания, пересказанные египетскими жрецами греческому мудрецу Солону. Атлантида была огромным островом в океане, к западу от Геркулесовых столбов; на нём цвело богатое государство, которым управлял могучий союз царей, потомков бога Посейдона. Первенцем же этого бога был царь Атлант, имя которого и получила страна. Завоевания атлантов якобы в IX тысячелетии до н. э. были остановлены тогдашней Аттикой, т. е. предками афинян.

Атланты были «прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила»[30]. За непомерную спесь Зевс решил их покарать, и Атлантида за один день и одну бедственную ночь целиком погрузилась в пучину океана. Интересно, что Атлантида — это псевдо-историческая иллюстрация Платона к его утопии, она служила наглядным примером идеального общественного строя; почему же Платон дал мифу трагическое завершение? А он хотел предостеречь будущее общество от измены нравственным основам государства. Пусть царствует гений, и бойтесь опьяняться материальным могуществом. Это вечное предостережение всем империям Земли: умейте остановиться!

Таков самый знаменитый и наиболее многозначный из мифов Платона. Гораздо прямолинейнее и угрюмее была политическая утопия. В ней Платон сравнивал ремесленников, крестьян и торговцев с «утробой»; все они составляют железное сословие, подчинённое золотому (т. е. философам) и серебряному (воинам-охранителям). Для двух высших сословий Платон предусмотрел освобождение от физического труда, собственности и торговли. Совместные трапезы этих избранников многими историками культуры рассматривались как прообраз коммунистического общежития, тогда как платоновское искусственное разведение высших сословий (подбор родительских пар) предвосхищает

[30] Платон. Соч. в 3-х тт. Т. 3, ч. 1. М., 1971. С. 466, 560.

евгенику Гитлера. «Правителям потребуется у нас нередко прибегать ко лжи и обману ради пользы тех, кто им подвластен <…> По-видимому, это уместнее всего будет при заключении браков и деторождении <…> Лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими, и потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших — нет, раз наше небольшое стадо должно быть самым отборным. Но что это так делается, никто не должен знать, кроме самих правителей…» (там же, с. 257).

Потрясающе! Задолго до Макиавелли и доктора Геббельса Платон изобрёл Большую Ложь — обман как принцип государственной власти. Он не только лишил низшее сословие всяких политических прав, но отнял и право на информацию. Механизм управления должен быть тайным для управляемых. Иначе говоря, власть должна окутываться туманом мифа.

Каста гениев в утопии Платона обязана полностью рационализировать культуру. Из идеального государства необходимо изгнать воров, продажных женщин и поэтов. Ну, а Гомера? Что ж, Платон согласен увенчать его лаврами, чтобы потом тоже изгнать. В «Законах» (последнем диалоге Платона) предлагается жесточайшее уголовное право, с преследованием чародеев и заклинателей, с непременной смертной казнью для раба за недонесение властям о нарушении общественного порядка; Платон предлагает казнь для всякого, кто подвергает критике или колеблет авторитет установленной религии и государства.

Характерно, что в «Законах» имя Сократа, главного действующего лица в диалогах Платона, ни разу не упомянуто. Платоновское государство казней и доносов — это, по мнению В. С. Соловьёва, «прямое отречение от Сократа и от философии» («Жизненная драма Платона»)[31]. Возвышенный идеализм Платона умирает в его утопии.

В целом философия Платона оказала колоссальное влияние на культуру. Американский культуролог Д. Белл так описывает один из важнейших аспектов платонизма: «"Гимн Деметре" Гомера изображает время как круговорот, в котором каждый год является возрождением из мёртвых растительного мира, и эти видения и ритуал претворились, по крайней мере в традициях мистерии и орфических ритуалов, в тему человеческой судьбы, которая проходит через полный цикл жизни и смерти, чтобы затем воскреснуть для новой жизни. В мифе об Эре, завершающем «Государство» Платона, эта эсхатология соединяется с нравственном законом <…> Но, несмотря на то, что история о рождениях и перерождениях душ была традиционной, главной её идеей становится счастье или страдание человека в загробном мире, которые зависят от его поступков в этой жизни. Так философские принципы соединяются с орфической и народной мифологией, чтобы показать людям, как можно спастись от круговорота рождений»[32].

[31] Соловьёв В. С. Собр. соч. Т. VIII. СПб, 1903. С. 289.

[32] Белл Д. Культурные противоречия капитализма (фрагмент из книги) // Этическая мысль. М., 1990. С. 247.

Иначе говоря, в диалогах Платона начинают складываться философско-мифологические предпосылки христианства внутри самой античной культуры.

Три класса его утопии соответствуют установленной им иерархии трёх сторон души: разумной, эмоциональной и волевой. Эта трихотомия в дальнейшем сильно повлияла на раннее христианство и, в частности, на учение апостола Павла о духе, душе и теле. Но общее воздействие Платона на европейскую и мусульманскую культуры практически необозримо.

И ведь не скажешь, что с ним не спорили. Платона начали критиковать уже при его жизни; в числе первых критиков были Диоген Киник и Аристотель.

Материализм Аристотеля несколько преувеличен. Это был осторожный философ, искавший синтеза идеализма с материализмом. Он являет собою тип энциклопедиста, почти полностью противоположный типу моралиста (= Платона). Но в колоссальном своде знаний, который строился Аристотелем, неизбежны были лакуны, дыры, и Стагирит штопал их при помощи псевдо-научных гипотез. Например: почему падает брошенный вверх камень? Потому что он стремится вернуться на своё место. Или «природа не терпит пустоты». Но ведь это одушевление природы есть антропоморфизация физики, т. е. мифология внутри науки. Может быть, Аристотель первым начал творить мифы науки. Не знаю, можно ли включать в историю науки хрустальную «гармонию сфер» пифагореизма.

Линии Платона традиционно противопоставляется линия Демокрита, одного из создателей атомистической теории. Вот он-то был несомненным материалистом, и Платон, естественно, ненавидел его. Но у Демокрита идеал познания — тот же, что у Платона: исключить случайность, ибо она только служит прикрытием нашего незнания причинно-следственных связей.

Но вот в 306 году до н. э. философ-атомист Эпикур Самосский купил сад в Афинах и основал собственную школу, которая так и называлась — «Сад Эпикура». В ней, кроме обычных любителей мудрости, обучались даже рабы и женщины! Эпикур привлекал людей своей жизнерадостной и приветливой философией: он советовал уклоняться от политики и «жить скрытно», в тесном дружеском кругу, в довольстве и без показной роскоши.

Если Демокрит учил, что движение каждого атома подчинено абсолютной необходимости, то Эпикур допускал и произвольные отклонения атомов от прямой: фактически он признавал объективный характер случайности. По Эпикуру, кроме закономерности существует и случайность; атомы души обладают индетерминированной свободой, и от них зависят наши поступки, которые таким образом не подчиняются никакому принуждению. Человек обладает свободной волей. Итак, ничто в природе не мешает нам жить счастливо: «Следует смеяться и философствовать». Эпикур учит гармонически сочетать удовольствия, избегая любых крайностей; в этом секрет безмятежной жизни. Ну, а религия? — Какая религия? Имманентные боги Эпикура живут в «междумириях», т. е. внутри природы, вкушают вечное блаженство и не имеют отношения к нашему миру.

Эпикур радикально противостоял платонизму как раз утверждением о том, что атомы способны отклоняться от прямой линии. Его римский последователь Лу-

креций считал, что спонтанное и непредсказуемое отклонение атомов от прямой прорывает законы рока, выражает способность атома противоборствовать и сопротивляться. Это отклонение (клинамен) в понимании античных атомистов не является нарушением естественного хода событий, оно само по себе естественно. Этический смысл этого учения состоит в признании, что свобода человека — в природе вещей. Говоря языком XX века, случайность — это математический эквивалент свободы воли.

Эпикур и Лукреций стяжали и восхищение, и ненависть; христианство будет к ним беспощадно, а у евреев по сей день слово «эпикойрос» означает безбожника и является одним из самых ужасных ругательств.

VII. Секулярный миф и эллинизм

Религии некоторых цивилизаций дали начало мифам о Творении; примитивные архаические демиурги стали в них блистательными архитекторами вселенной. Эти мифы имеют сказочную параллель в сюжетах о чудесных мастерах (Дедал) или зиждителях городов, каждый из которых предварительно убивает хтонического демона, освобождая место для цивилизации. В мифах Творения бог убивал чудовище, олицетворяющее хаос. Зиждители городов становились их духами-покровителями. Такой дух (лат. genius loci) часто был модернизацией прежнего племенного бога или даже тотема. Памятник богу-покровителю, например, Капитолийской Волчице в Риме, его храм (например, Парфенон в Афинах) служил и центральным символом города, как впоследствии Медный всадник в Петербурге.

В эпоху «первого интернационализма» из синтеза разноплеменных культов начала складываться олимпийская религия; в неё был синтезирован малоазийский культ Аполлона. Позже развернулась борьба олимпийской религии и в особенности культа Аполлона против дионисийской религии; она завершилась компромиссом, мужицкий бог был объявлен сыном Зевса, его почитание допущено в виде мистериального культа, а также народных празднеств, сохранявших аграрный характер.

Во второй раз бурное смешение религий Эллады и Ближнего Востока совершилось в эпоху Эллинизма, когда рождаются синкретические религии и новые боги, объединяющие Запад с Востоком (особенно важен был Серапис). Греческое наследие разлилось на огромном пространстве, но утратило классическую чистоту. эллинизм одновременно упрощает классику и осложняет её восточными контаминациями, он отличается неслыханно дерзкой мифотворческой инициативностью. На завершающем этапе этого процесса произошёл синтез иудейского монотеизма с сирийским культом умирающего и воскресающего бога: результатом стало христианство. Одновременно учение об антихристе, его временной победе над земными царствами и конечном поражении явилось вкладом персидского религиозного дуализма в этот синтез.

В годы походов Александра Македонского, с которых и началась эпоха эллинизма, на глазах культурного мира совершается процесс, дотоле не наблюдавшийся исторически: обожествление живого человека. Для научного наблюдения это первый случай, ибо все демиурги, титаны, боги в принципе доисторичны, они жили и действовали в сакральном «довремени» (Urzeit), а история знает лишь профанное время. Итак, мы должны проследить обожествление Александра.

Греки IV века до н. э. рассматривали македонян как полудикарей. Царевич Александр, питомец Аристотеля, выгодно отличался от соплеменников. Он всячески подчёркивал своё греческое самоопределение: разрушая мятежные Фивы, велел пощадить храмы богов и дом великого поэта Пиндара; преклонялся перед

Гомером и в походах возил с собою свиток «Илиады», считая Ахилла своим предком; специально поехал в Кранию (пригород Коринфа), чтобы увидеть Диогена Киника, и неуклюже заигрывал с этим популярным мудрецом. И всё же любопытство греков к личности Александра было окрашено лёгким высокомерием. Отсюда его комплекс неполноценности и неистовая жажда сверхкомпенсации.

Она совпала с военными возможностями Македонии и затяжным конфликтом между Элладой и Персией. План войны греко-македонского блока против Персии был разработан Филиппом II, который, однако, имел неосторожность отдалить царицу Олимпиаду и её нетерпеливого сына. В итоге старый пьяница был убит (336 г. до н. э.), и осуществлением грандиозного проекта занялся новый македонский царь — Александр.

Войска Дария численно намного превосходили армию Александра, но он одерживал над персами победу за победой. Армия заговорила, что Александру покровительствуют боги. Уже при завоевании Малой Азии появились первые признаки мифологизации: рассказывали, например, что когда Александр шёл по скалистому берегу, море отступило перед ним.

Александр был не только воином. Он понимал, что прочность завоевания зависит от того, примут ли народы сам образ завоевателя; между тем, облик греческого полководца в лёгких латах, с голыми ногами, был несовместим с типом восточного царя в тяжёлых и длинных одеждах. Внимательно изучая Персию, молодой завоеватель не мог не заметить мифологизации образа Ксеркса. Великий персидский царь при жизни стал сакральной личностью, и все греки знали курьёзный эпизод, когда в наказание за бурю Ксеркс приказал высечь море. В этом обычно усматривали нечто вроде бреда величия, но Александр увидел и кое-что ещё. В разгар своих завоеваний он начал адаптироваться к Востоку, принимая все религии, беседуя со жрецами разных стран и сознательно выстраивая свой новый, сакрализованный образ. В этом причины его известной вылазки к храму Амона в Египте.

Никакой необходимости в этом не было. Египет встретил греко-македонян как освободителей. И вдруг Александр выступил в тяжелое паломничество через пустыню, к дальнему оазису, где находился весьма чтимый храм Амона с известным оракулом (греки отождествляли Амона с Зевсом). Армия чуть не погибла в песках. Военный хронист Каллисфен рассказывал, что во время перехода через пустыню птицы указывали путь македонян, а по ночам вороны призывали сбившихся с пути и каркали до тех пор, пока люди не находили дорогу. Каллисфен не был льстецом (впоследствии был заточён за отказ от персидского коленопреклонения перед Александром и умер в тюрьме). Он передал моральный климат армии, в которой, собственно, и начался процесс мифологизации.

«Помощь, которую оказывало божество Александру в этом трудном походе, внушила людям больше веры в него, чем оракулы, полученные позднее; мало того, именно эта помощь и породила доверие к оракулам»[33]. Когда добрались до оазиса,

[33] Плутарх. Избранные жизнеописания. Т. II. М., 1987. С. 388.

главный жрец, приветствуя Александра, называл его сыном Зевса-Амона. Далее царь задал вопрос: будет ли ему дано стать властителем всех людей? И бог устами жреца-прорицателя ответил, что это будет ему дано.

Итак, в Египте Александра объявили сыном Амона, т. е. законным фараоном египетским. Соратники восприняли это как необходимую политическую условность. Они-то прекрасно знали, чей он сын: хитрого одноглазого Филиппа и гордой, властолюбивой Олимпиады, сильно подозреваемой в мужеубийстве.

Сначала Александр в дружеском кругу сам подшучивал над своей божественностью. Однако люди Востока падали ниц перед ним, а греческие льстецы прямо называли «Зевсовым сыном»; пока друзья и собутыльники царя хихикали в кулак, идея божественного происхождения всё глубже укоренялась в душе Александра. По его воле и поощрению совершалась реактивация греческого культа героев: молодого завоевателя вселенной стали признавать полубогом, сыном Зевса или иного бога.

Первая реакция Греции была скептической: что-то давненько грекам не доводилось есть и пить с сыновьями Зевса! Царица Олимпиада, опасаясь мести ревнивой Зевсовой жены, возмущалась: «Когда же Александр перестанет оговаривать меня перед Герой?» Один из греческих городов, в ответ на требование Александра считать его богом, вынес резолюцию: «Если Александр хочет быть богом, пусть им будет».

Но по мере его ошеломляющих успехов крепла утвердительная реакция на его мифотворчество. Появилась легенда, будто Филипп II вскоре после женитьбы на Олимпиаде подсмотрел в дверную щель, как рядом с его женой возлежал змей; и Филипп окривел на тот глаз, которым подсматривал (на деле же глаз был выбит стрелой во время одной из осад).

В Парфии Александр впервые надел «варварское платье», позже стал в парадных церемониях надевать одежды персидских царей и требовал, чтобы даже люди из его ближайшего окружения оказывали ему божеские почести; ослушники поплатились жизнью.

До тех пор крупнейшими мифотворцами были пророки, аскеты, святые люди. В лице Александра мир впервые увидел мифотворца с мечом в руке. Война была главным способом его мифотворчества: глубокий стратег, он в боях импровизировал новую тактику и нередко сражался в первых рядах, подавая пример своим солдатам. В его исполнении война сравнялась с искусством.

В то же время он использовал и само искусство, которое знал и ценил. Знал он также и мифы; говорят, образцом для себя он избрал Ахилла, но с этим можно поспорить: Александр хотел большего, чем чисто военная слава.

Одна деталь у Плутарха особенно выразительна. Среди вопросов Александра к индийским гимнософистам, т. е. «нагомудрецам» (святые люди, которые одеваются только воздухом), был и такой: как может человек превратиться в бога? Ответ гласил: человек превратится в бога, если совершит нечто такое, что невозможно совершить человеку. Вот оно: главной целью Александра было стать богом, а средством к достижению этой цели — основание Всемирного царства,

т. е. объединение всего человечества в одну державу. Это было абсолютно невозможно.

С трудом завоевав пол-Индии, он узнал, что за нею простирается ещё немало больших царств. Его армия больше не могла воевать. Александр потерпел поражение в своей сверхзадаче. Делая хорошую мину при плохой игре, он организовал триумфальное возвращение в Вавилон, где тешился пирами и новыми проектами, вроде предложения архитектора Стасикрата превратить гору Афон в гигантскую статую Александра, причём на ладони должен был разместиться город с десятитысячным населением. Царь утратил чувство реальности и готовил огромный поход в Африку, назначая его на самое жаркое время года, как вдруг умер от лихорадки в Вавилоне (323 год до н. э.). Распад огромной и непрочной империи произошёл уже после его смерти, так что Александр умер в ореоле непобедимости. Его миф имел под собой мощную реально-историческую базу. Ведь Александр действительно потряс мир и отчасти осуществил утопию Ксеркса, установив новый порядок на обширных территориях Евразии.

Человек исключительных дарований, Александр был вспыльчив и нередко жесток. После каждой победы он устраивал долгие пиры и постепенно приучался пить всё больше. Выпив за один присест бочонок вина (3 литра), он выглядел «усталым». Даже на смертном одре он требовал для утоления жажды не воды, а вина. По мнению американского психиатра Джона О`Брайена, Александр страдал тяжёлым алкоголизмом с нарушениями мозговой деятельности, алкогольными галлюцинациями и разрушением личности. В последние годы жизни для него характерны непредсказуемость поведения, мания величия и мания преследования, а также вспышки насилия с последующим чувством вины.

Этот диагноз упрощает проблему, не учитывая масштаб личности. «Гений-маньяк» — это примитивно. Но какая-то искра безумия в Александре была. Без неё он не взялся бы за объединение всего мира. И его безумию отвечало безумие народов, ибо они обожествляют только таких вождей, которые ставят мифические цели.

Сразу после его смерти новорождённый миф начал обрастать подробностями. Однажды историк Онесикрит, спутник покойного царя в походах, читал их описание полководцу Лисимаху. Когда рассказ дошёл до прибытия амазонок на поклон к Александру, старый рубака с иронической усмешкой спросил: «А где же в то время был я?» И хотя были живы свидетели, знавшие, что это вымысел, эпизод с амазонками вошёл во многие биографии Александра. Мифотворческий процесс сильнее живого свидетельства, миф попирает факты.

Для самых культурных греков Александр стал лишь образцом полководца, однако в суеверную эпоху эллинизма скептики остались в меньшинстве. В III в. до н. э. энциклопедист Эратосфен, который считал землю шаром и первый измерил дугу меридиана, пишет о чудесном рождении Александра. Согласно Эратосфену, царица Олимпиада перед выступлением сына в Азию открыла ему тайну его божественного происхождения и просила не уронить своего величия. Живописец Апеллес изобразил Александра в виде бога-громовержца. Эллинистический миф об Александре трактует его как культурного героя, но это миф без культа, первый

секулярный миф с чертами неявной геополитической утопии (от отличие от социально-политической утопии Платона).

Во II-III веках н. э. появилась полная чудес греческая повесть «Александрия», обработки которой создавались затем более тысячи лет (сохранилось пять древнерусских редакции). «Александрия» — один из источников коранической легенды о могучем завоевателе по имени Зу`л-карнайн (Двурогий). Арабы называли так Александра по его египетским изображениям с рогами, как у Амона. Искандер Зу`л-карнайн стал на Ближнем Востоке своим героем. Поскольку персидский эпос не мыслит себе возможности поражения Персии, Искандер после исламизации Персии был реинтерпретирован как справедливый шах иранской крови. Образ Искандера в «Шахнамэ» Фирдоуси соединяет в себе элементы из «Александрии» с кораничекой легендой.

Основной функцией мифа об Александре Великом было обоснование суперэтнических государственных образований — мировых империй. Его собственная держава оказалась непрочной, но его утопию почти реализовала Римская империя, а затем — Арабский Халифат. С александровским мифом родилась имперская мания — идея всемирного господства одной сверхдержавы.

С короткого царствования Александра началась удивительная эпоха эллинизма — культурного синтеза Востока и Запада. В этом синтезе с непререкаемой внешней наглядностью преобладало влияние Эллады: греческая архитектура новых городов Передней Азии, идентификация туземных культов с олимпийскими, греческий театр и спортивные игры. Ещё нагляднее экспансия «койнэ» — общегреческого языка, который использовался от Италии до границ Индии. И всё же этот «пир победителей» — одна видимость, ибо духовное влияние Востока в эллинистическом синтезе было глубже и сильнее. По мере триумфального шествия греческой культуры по Востоку навстречу ей по капиллярам народных сознаний незримо просачивались восточные верования и мифы.

Эллинизм был эпохой расцвета науки: прежде всего Евклид создал свои знаменитые «Начала» (в 15 книгах), затем последовал подъём математики и астрономии, завершившийся ошибочной геоцентрической системой Клавдия Птолемея; одновременно это была эпоха технических изобретений (которые во многом стимулировались войнами) — от осадной техники Деметрия Полиоркета до зеркал, рычагов и винтов Архимеда Сиракузского. И одновременно скрещения мифов и культов, переосмысления своих (греческих и римских) богов привели к релятивизации античной религии, к оттеснению старой, крестьянской набожности и к новому мифотворчеству.

Когда религиозный процесс получает мистическое направление, в него оказывается вовлечена самоновейшая техника. Так было с Героном Александрийским (I век н. э.), который систематизировал всю античную математику и прикладную механику, сконструировал ряд механизмов и автоматов, открыл движущую силу пара.

Герону приписывается изобретение эолипилы — полого шара с гнутой трубкой; при нагревании, когда вода в шаре закипала и пар выходил в трубку, шар начинал вращаться (прообраз реактивной турбины). Считают, что эолипила имела толь-

ко экспериментальное и зрелищное назначение. По другим мнениям, изобретения Герона (в том числе, может быть, эолипила) имели культовое применение: для устройства «говорящих» статуй, или статуй, поднимавших руки в знак благословения. Рассказывают о таком фокусе Герона: когда на жертвеннике храма разводили огонь, двери храма распахивались «сами собой»... Несмотря на скептические возражения историков науки, большое количество источников сообщает о поразительных технических трюках эллинистической эры. Многие эти трюки использовались в храмах для ослепления верующих — характерная черта того времени.

Но если религия прибегает к трюкам, значит — ослабла непосредственная вера. Эллинистический храм стремится поразить верующих — а точнее говоря, уже зрителей — ошеломительными, сверхъестественными «чудесами». Заметим, что для настоящего религиозного сознания чудо — это самая естественная вещь на свете. Для архаического мифа чудо было необходимо, оно обеспечивало людям нормальную, связную действительность. Человечество стремилось упорядочить хаос: тут, хочешь-не хочешь, без чуда не обойтись. Эллинизм, триумф науки и техники, эра прогресса, по сути дела, выдаёт свою панику: мельчает, дробится, рассыпается религия, вера гибнет от избытка культов, и научно-технический прогресс подаёт жрецам руку помощи. Если Герон заменил Фидия, значит, религия греков оказалась в самом жалком упадке, превратились в обрядовый формализм.

Вопрос: могут ли существовать абсолютно безрелигиозные этапы культуры?

Мне кажется, в эпохи, когда торжествуют материалистические философии, естественные науки и потребительское отношение к жизни, великие религии распадаются, но на смену им приходят суррогаты религиозной веры — мистика и суеверия. Абсолютной безрелигиозности быть не может, но возможна деформированная религиозность. Её объектами становятся земные властители, их политическая харизма разрастается в секулярную мифологию. Это признак того, что назревает религиозная революция. Близится новый миф и новый бог. Во всяком случае, так это происходило в эпоху эллинизма, а затем и в некоторые последующие эпохи, речь о которых впереди.

Эллинизм — эпоха суеверия. «Религиозная вера и суеверие совершенно различны. Одно вырастает из страха и представляет собой род лженауки. Другая же — доверие»[34]. В эллинистическую эпоху наблюдается кризис доверия к старым богам. Повышается роль индивидуальной инициативы в мифологическом процессе. Сам Александр был и субъектом, и объектом мифа. Правда, его инициатива всё же была вторичной, она последовала за мифотворчеством армии.

После смерти Александра началась жестокая борьба диадохов (преемников) за раздел эфемерной сверхдержавы; в борьбе погибла его семья, включая Олимпиаду. Но личность самого Александра оставалась священной в памяти народов.

Он пытался синтезировать греческую муниципальность с восточной централизованной монархией, чтобы найти формулу мирового господства. При этом на

[34] Витгенштейн, Людвиг. Философские работы (часть I). М., 1994. С. 478.

греческое самопонимание «героя» (полубога) он наложил восточный стереотип сакрального властителя. До конца это сочетание не удалось, миф не сбылся, однако Александру приписывалась магическая сила.

Преемники Александра отчасти разделяли с ним его бранную славу, но, конечно, их фольклор был беднее. Поэтому крайне усиливается именно «инициатива сверху» — навязанная самими властителями политическая мифологизация. Ибо все диадохи были исключительно наглые позёры и мифоманы. Сначала это были видные полководцы Александра, попадались искусные политики, дельные администраторы, но никто из них не мог сравниться с Александром. Зато в искусстве самопрославления они оставили его позади. Искусственная мифологизация эллинистических правителей — одного порядка с «говорящими статуями»: все знали, что это ловкие придумки Герона Механика, однако любовались, дивились — «впечатляет». Мифологизация эллинистических царей — первая форма имперской пропаганды.

Особенно преуспели в ней Птолемеи (Лагиды), завладевшие Египтом. И преуспели не в силу каких-то особых способностей, а по причине исключительной мифологической авторитетности Египта, которая ещё не совсем угасла и в наши дни. Ибо из Египта уже 4 тысячи лет исходит всякая слава. Египет — исток харизмы вождей. Иноплеменные герои, приходя в Египет, венчаются там славой (Иосиф Премудрый, Александр, Христос, Наполеон). Это обусловлено древнегреческой идеализацией Египта, в котором эллины видели древнейшую цивилизацию земли. И никаких там не бывает природных катастроф, от засух спасают регулярные разливы Нила, и даже землетрясений не бывает в Египте (что впоследствии опровергли римские писатели). Короче, грекам очень долго был свойствен «египетский мираж»[35]. Им и воспользовались Птолемеи.

Одну эффектную выдумку у них не отнимешь: свой миф они прочно привязали к Александру. После смерти он был передан в руки египетских и халдейских бальзамировщиков, которые очистили тело и наполнили благовониями. Птолемей перевёз тело великого царя в золотом гробу в Египет и поместил в Мемфисе, а через несколько лет перевёз в Александрию.

Восточная часть молодой столицы называлась Брухейон. Здесь находились дворцы и сады Птолемеев, храмы, Музейон с его великой библиотекой, но исключительное место заняла Сома (греч. «тело») — усыпальница, где в хрустальном гробу покоился Александр, доступный прямому созерцанию. У других диадохов были только слоны и тараны, а Птолемеи предъявляли миру Царя-Основателя как легитимацию своей власти. Они не были его потомками, они были мифическими преемниками: логики никакой, чистая мистика. То же самое мифологическое представление возродилось спустя 2200 лет, когда в Москве была выставлена для поклонения мумия Ленина.

Птолемей I был прозван Сотером (Спасителем). Его сын носил прозвище Кераунос (так называлась у греков кремнёвая молния Зевса). Птолемей II, женатый

[35] Freidefonde Chr. Le mirage égyptien dans la literature greeque d`Homere à Aristote. Paris, 1971.

на своей сестре, красавице Арсиное, был великим строителем, отцом религиозно-культурного синкретизма в Египте; при александрийском дворе завёл восточную роскошь. Когда Арсиноя умерла, царь объявил, что она стала богиней, и воздвиг ей храм.

Вершины могущества эллинистический Египет достиг при Птолемее III Эвергете, который завладел Месопотамией и даже подумывал о завоевании Индии: голубая мечта эпигонов Александра! Все они напыживались сравняться с ним.

Жена Птолемея Эвергета, царица Береника, славилась своими прекрасными длинными волосами. Во время дальнего похода мужа она дала обет в случае его благополучного возвращения принести в жертву богам свои волосы. Обет она исполнила, но вскоре её волосы таинственно исчезли из храма. Придворный астроном Конон объявил, что волосы царицы были чудесным образом вознесены на небо и стали новым созвездием. Оно и по сей день называется «Волосы Береники», см. любой звёздный атлас.

В расцвете эллинизма утвердился обычай посмертного обожествления царей. А эпилогом птолемеевского мифа явилась любострастная легенда о царице Клеопатре Великой, которая ради сохранения своей шаткой власти над Египтом с большим вкусом использовала собственное тело и высочайшее искусство обольщения. Она была популярна в Египте, ибо хорошо знала язык страны и чтила её исконных богов. Она родила сына Юлию Цезарю, делила ложе с двумя своими братьями и Марком Антонием; под конец пыталась соблазнить и победоносного Октавиана, но тот был слишком холодным, деловым человеком. Когда его легионы вступили в Египет, Клеопатра покончила с собой (30 до н. э.). Эта непотопляемая политическая интриганка стала символом зловещей красоты — первой роковой женщиной в истории.

Доминанта её мифа — предание о том, что она отдавалась любому за цену его жизни: утром счастливца казнили. Клеопатра патронировала культ кроткой Исиды, но мотив «смертельной любви» восходит к ближневосточным культам сладострастных богинь, любивших кровь. Эти культы включают архетип Матери-Земли: она рождает мужчину, приемлет его семя, поглощает его мёртвое тело. Но миф о Клеопатре, обновляя архетип, увековечил тему женского садизма и жестокости половой страсти вообще. В этом смысле Клеопатрой была и Жорж Санд, своею требовательностью доконавшая чахоточного Шопена.

Миф Клеопатры пересекается с судьбой Цезаря. Крупнейший политический деятель, он работал над собственным мифом, настойчиво внушая современникам представление о своей удачливости, и однажды в бурю сказал корабельщику: «Чего ты боишься? Ты везёшь Цезаря и его удачу!» Одна гадалка объяснила Марку Антонию: «Твой гений боится гения Цезаря» (genius — дух-покровитель). Смолоду Цезарь не раз рисковал, дразнил судьбу; позже остепенился — и ошибся только раз.

В конечном счёте миф о Цезаре не сложился. После его гибели Сенат и народ постановили воздать Цезарю божеские почести, его прямо назвали богом — Divius Julius, но ветераны помнили бурную молодость «лысого развратника», Рим знал о

его бисексуальности, да и вообще этот гордый хитрец с театральными манерами не годился в герои мифа, ибо не обладал безумием Александра.

Племянник, усыновленный Цезарем, был одним из самых одарённых политиков в истории, это Октавиан, осмотрительный деспот с учтивыми повадками, избегавший риска и после прихода к власти не злоупотреблявший террором. Он основал империю и много строил. Октавиан Август назывался Divi filius, т. е. Сын Бога; в качестве такового он уже при жизни пользовался божественными почестями. В дальнейшем почти все римские императоры объявлялись по смерти богами. Посмертное обожествление эллинистических царей превратилось в дивинизацию римских императоров: это уже чисто формальный обряд. Но запомним, что Август уже именовался Сыном Бога.

Эта пышность сродни мегаломании эллинизма: Фаросский Маяк, Родосский Колосс, «Золотой Дом» Нерона, огромный цирк Флавиев (Colosseum).

Поздний эллинизм — эра синкретического мифотворчества. Легковерие народов удивительно, они принимали любую мифологическую инициативу, откуда бы она ни исходила. Сумасшедшая жажда экзотики совпала с упадком античной религии. Её чтили, но одновременно в Рим импортировались новые религии, как Лукулл ввёз из Азии вишни. В разливе культов повинна и римская веротерпимость: в столице ставились алтари не только чужеземным, но и вообще «неизвестным богам» (diis ignotis) — на всякий случай, чтобы кого-нибудь не прогневить, как бы чего не вышло. Но в божественность своих кесарей римляне не верили. Исповедание имперской религии служило знаком политической лояльности.

По подсчёту римского энциклопедиста Варрона, у римлян насчитывалось 30 тысяч больших и малых богов и богинь. Английский историк Эдуард Гиббон отмечает: «Различные культы, распространившиеся в Римской империи, верующими рассматривались как равно истинные, философами — как равно ложные, а властями — как равно полезные» («История упадка и разрушения Римской империи»). То есть официальная религиозность была политически утилитарной (всеобщий сговор лицемерия, типичный для всех империй), религиозность культурных классов едва прикрывала равнодушие и атеизм, а вера толпы мало отличалась от суеверия или сливалась с ним.

VIII. Мифы обыденного сознания

Миф живёт только в динамике. Противоречия между элементами мифологической системы — это норма. На более высоких культурных стадиях этой норме противопоставляются рационалистические тенденции философской гармонизации мифов и их логической интерпретации. Едва родившись, научное мышление ставит под сомнение принцип чуда, вытесняет его из мирообъяснения и пытается заменить естественным причинами. Научная картина мира всегда неполна, но часто претендует на полноту. В той мере, в какой гипотеза преступает пределы познанного, наука сама становится мифологией, но не признаётся в этом.

Для повседневной жизни человеку нужен минимум доверия к миру. Английский биолог Конрад Уоддингтон дал определение: «Человек — животное, стремящееся верить». Уверенность — это психологический защитный механизм. Уверенность хотя бы в части мира, хотя бы на время, это необходимо для разумной постановки целей. Нет смысла строить дом, если не веришь в прочность земли, а ведь она относительна. Приходится верить; например, считать вероятность землетрясений незначительной.

Так, Москва за всю историю пережила только три землетрясения. Приходится доверять земле, воде, хлебу (хотя вода может содержать фенол и диоксин, а хлеб — пестициды). Больший или меньший самообман разума необходим, чтобы действовать и жить. Альтернатива такому самообману — неверие в жизнь и как следствие самоубийство (крайний скептицизм уже в XIX веке предложил коллективное самоубийство человечества).

Но большинство людей предпочитает жить. Поэтому их желание верить неистребимо. Желание это пессимисты считают абсурдным. Ну, что ж, «credo quia absurdum»: вера презирает логику. Поэтому религии, в сущности, неопровержимы. Правда, они могут устаревать и тогда выветриваются сами собой, без сопливых ниспровергателей из комсомола или «гитлерюгенда».

Развитую религию обычно отличает стремление навечно зафиксировать свою Истину и стереть неистинные мифы. Стремление к фиксации воплощается в камне, как самом долговечном материале. Это началось с неолита. Сооружения из необработанных или полуобработанных глыб весом до 7 тонн (менгиры, дольмены и т. п.) свидетельствуют о муравьином упорстве неолитических строителей и об их исчезнувшей религии. Мы не знаем расы, которая их создала; это памятники погибших народов.

На глазах нашей цивилизации погибла культура острова Пасхи, остались лишь дощечки с загадочными письменами и гигантские каменные головы, глядящие в океанскую даль. От древнеегипетской религии остались пирамиды и руины храмов. Религии умирают, их памятники остаются. Они переживают породившую их религию, ибо большинство религий стремится к канону, а канон — это смерть мифа.

Канонизация останавливает мифологический процесс. Миф — не книга, а вечное творчество. Как только миф полностью окаменел, он перестаёт занимать людей, становится пустой формой.

Красивая религия греков не знала специального богословия, не создала одной Книги. Она родилась из великого синтеза «первого интернационализма» и оформилась в Осевую эру (по К. Ясперсу); терпела местные варианты мифов и допускала их интерпретации в искусстве. Простые эллины не знали всей своей мифологии. Религию греков никакая канонизация не убивала — её подточил эллинистический синкретизм и добило христианство.

В античности мировосприятие демоса всегда было мифологичным. Дело в том, что за пределами мифологических сводов и эпоса осталась огромная, смутная периферия — мифология повседневного существования. Наука уделяет ей мало внимания (одно из исключений — работы О. М. Фрейденберг). Периферийные, простонародные мифы пережили крушение античного мира: это наши мифы обыденного сознания. Они происходят из самого архаического субстрата мифологии, они же — и наиболее прочные.

Большинство современных людей только из книг узнают об античных богах; для многих чисто книжным персонажем стал Иисус Христос. А вот мифы массового, обыденного сознания мы не вычитываем из книг — мы в них живём, они витают в воздухе. Осмелюсь привести пример из личного опыта. Летом 1960 года я разговорился в поезде с сельской девушкой-комсомолкой. Рассказывая о своей жизни, она похвалилась: только их семья имела совершенно чёрную корову — Ночку; за её молоком приезжали даже из дальних сёл. Я не понял — почему. И крестьяне-попутчики пояснили: «На случай, если загорится от молнии». И я узнал, что пожар, начавшийся от молнии, одной водой погасить невозможно, но если плеснуть в огонь хоть кружку молока от чёрной коровы, то пожар прекратится.

Чёрные, «хтонические» животные издревле посвящались Земле (или смерти). Обычай, на который мне случайно указала попутчица-комсомолка, древнее Гильгамеша.

Поныне сохраняется вера в предназначенность судьбы, в удачу, сглаз и порчу. К этим суевериям примыкают, с одной стороны, приметы и поверья, а с другой — старые вульгаризации философских или научных идей. Да, философские идеи, банализируясь, выпадают в осадок обыденного сознания.

Так, в эпоху эллинизма философ-киренаик Гегезий (около 320-280 до н. э.) малевал жизнь самыми чёрными красками и, исходя из предпосылок гедонизма, делал вывод, что надежды обманывают, наслаждения пресыщают, а исполнение желаний — ввиду непредсказуемости судьбы — удаётся лишь изредка; жизнь и смерть стоят друг друга, так что предпочтительнее часто становится самоубийство. К Гегезию скоро прилипло прозвище Пейзитанатос («Адвокат смерти»). К нему стекались многочисленные последователи, учение его быстро распространялось, и убеждённые последователи Гегезия лишали себя жизни. Египетский царь Птолемей Сотер встревожился, закрыл школу Гегезия, а самого его изгнал.

С тех пор протекло больше двадцати столетий, а мотивы Гегезия повторяются в половине прощальных записок самоубийц. Удешевлённый Гегезий — популярнейшая философия преступной среды («Весь мир — бардак, все люди — проститутки, нет в жизни счастья» — и т. д.). Ещё популярнее мифология судьбы. Может быть, судьба — центральная мифологема обыденного сознания.

У древних греков судьба называлась «мойра» — буквально «доля». По рассказу Гесиода, Зевс, покончив с титанами, определил функции «богов»; когда Афродиту застали работающей за ткацким станком Афины, последняя пожаловалась Зевсу, что Афродита украла её мойру. В архаике мойра воплощалась в каком-нибудь фетише.

Так, мойра Мелеагра заключалась в головне от жертвенного костра. Алтее, матери героя, предсказали, что сын её умрёт, как только догорит это полено. Алтея вынула полено из огня, погасила и спрятала в ларец. Мелеагр вырос богатырём, но в эпической ссоре после Калидонской охоты убил двух братьев своей матери. Тогда Алтея вынула старую головню, бросила её в огонь, и Мелеагр умер в неописуемых мучениях.

С победой анимизма магическая сила фетиша стала представляться самостоятельным божеством. Мойра — предречённая личная судьба, тёмная сила с неясным обликом (потому так редки её художественные изображения). Наиболее известен миф о трёх сёстрах-мойрах: Лахесис назначает жребий человека ещё до его рождения, Клото прядёт нить его жизни, Атропос отмеряет, сколько кому положено, и перерезает эту нить.

Согласно Платону, мойры — дочери Ананке (Необходимости); между колен её вращается веретено, составляющее ось мира, и мойры время от времени помогают этому вращению. Суд мойр превыше воли богов. Только позднеазиатская централизация культов, особенно возвышавшая Зевса, объявила его верховным распорядителем судеб: в архаике считалось, что Зевс не властен над мойрами и даже не знает собственного будущего.

В эпоху эллинизма поколебалось наивное доверие к миру, чувство его стабильности, равно как и вера в предназначенность судеб. Фатализм, который воплощала собой Ананке, не отвечал эпохе дерзания, военного авантюризма и ошеломительных, непредсказуемых карьер. Малограмотные македонские рубаки из числа собутыльников Александра Великого становились протопластами царских династий, а женщинам сомнительной репутации воздвигались храмы. Тогда-то неумолимой древней судьбе люди противопоставили понимание любви как случайности, а политику уподобили игре в кости (популярнейшая азартная игра древнего мира). Алеатором, т. е. азартным игроком, был и Цезарь, сказавший после перехода Рубикона: «Alea jacta est» («Кости брошены»). Появилась новая, неклассическая богиня, которой греки произвольно дали имя Тихе, в прошлом незаметной океаниды; новая богиня не имела ничего общего с этой океанидой.

Новая Тихе символизировала нестабильность мира, случайность любого факта личной и общественной жизни. В качестве атрибутов ей придали шар, руль в руке и рог изобилия. Иногда её причисляли к мойрам, но непредсказуемая, капризная

Тихе противоположна древней судьбе. Мрачная Ананке требовала покорности; Тихе провоцирует дерзание, требует риска.

У римлян мойры назывались парками, а богиней удачи стала Фортуна — архаическая богиня урожая и защитница женщин, которую в классическую эпоху отождествляли с Тихе. По преданию, культ Фортуны в Риме ввёл Сервий Туллий — сын рабыни, который благодаря любви Фортуны стал царём. Со временем культ раздробился на множество разных Фортун, придуманных римлянами на все случаи жизни: так, Fortuna Privata — покровительница семьи, Fortuna Caesaris — царствующего императора, Fortuna Virginalis — девушек, Fortuna Virilis — мужчин и т.д. В конце II века до н. э. в Риме был освящён храм Фортуны Нынешнего Дня.

В I веке н. э. Плиний Младший писал: «По всему свету, повсюду во все часы дня голоса всех призывают и называют одну Фортуну, её одну обвиняют, привлекают к ответственности, о ней одной думают, её одну хвалят, её одну уличают. С бранью почитают её изменчивою, многие считают её слепой, бродячей, непостоянной, неверной, вечно меняющейся, покровительницей недостойных. Ей на счёт ставится и дебет, и кредит, и во всех расчётных книгах смертных она занимает и ту, и другую страницу».

Тихе, она же Фортуна — это судьба как случайная удача. Всем людям европейского культурного круга широко известны аллегорические изображения Фортуны: женщина с повязкой на глазах мчится, стоя на колесе (или шаре), и сыплет золотые монеты из рога изобилия. Она стала одной из популярнейших мифических фигур Европы, когда ослабла старая вера, всё подавил императив личного успеха и греко-римский мир отбросил былую гражданскую доблесть. Старые боги и герои стали героями анекдотов. Немецкие археологи нашли несколько лет назад миниатюрную бронзовую статуэтку IV века н. э. — пьяного Геракла с винной чашей в руке. Фортуну ваяли в полный рост, Геракл уже умещался на ладони.

Христианство победило и древнюю судьбу, и слепую Фортуну. Но в эру Возрождения дурашливая и ветреная причудница Фортуна воскресла. Она стала богиней новых авантюристов, в её образе усилился эротический акцент: Фортуна — женщина, надобно ей нравиться. У Шекспира Гамлет обменивается с придворными парой непристойных шуток о Фортуне. Популярность её дошла до России, где сначала понятие «фортуны» распространялось через арго карточных игроков, а затем перешло к золотоискателям, породив слова «фарт», «фартовый», «пофартило» — производные от имени Фортуна, но с характерным аканьем (Фартуна).

Русским Фортуна понравилась, для Руси характерна склонность к бесшабашному риску. Пушкин назвал слово «авось» русским национальным отличием («шиболет народный»), а Достоевский в «Игроке» утверждал, что рулетка — игра для русских. Скорее русская простонародная психология объемлет обе крайности — Ананке и Фортуну; она характеризуется резкими колебаниями и мгновенными переходами от веры в удачу к фаталистической покорности…

В позднеантичную эру из иудейских, иранских и греческих элементов сложилось пёстрое религиозное движение, получившее название гностицизма (греч. гносис — знание). Оно отличалось сильным дуализмом света и мрака, радикальным

демонизированием всего земного и материального (мир — творение злого бога) и страстным порывом к спасению. Гностический Избавитель, посланный высшим и неведомым Богом, назывался Сет, Сем, Гермес, Христос, Зострианос или просто «Призыв». Гностическая этика была или аскетической, или оргиастической; культовая практика насквозь магична. Многочисленные секты гностиков достигли кульминации в христианском гностицизме (II-III вв.) и в манихействе. Поднятая гностиками волна чёрной мистики (в том числе сексуальной), оккультных наук, фальшивого чудотворства с тех пор то спадает, то поднимается вновь. Гносис влияет на отдельных христианских философов, но особенно толстый осадок оставляет в обыденном сознании. Вера в магию распространилась и в России конца XX века. Гностицизм всегда заполняет промежутки между религиозными эпохами, ибо он есть выражение всякого религиозного кризиса как состояния культуры. Когда рушатся святыни, тогда реактивируются мифы обыденного сознания, ложная мистика и магия.

Вера в могущество шаманов, магов, волхвов, колдунов, магнетизёров и экстрасенсов не прекращалась никогда — только пряталась от гонений сильных религий, чтобы снова ожить в любой духовной практике. К сожалению, магия вечна.

Элементарный обряд русского обыденного сознания — троекратное сплёвывание через плечо, чтобы не «сглазить». В античную эпоху, если людям случалось похвалиться удачей или здоровьем, они немедленно сплёвывали себе за пазуху — во избежание зависти богов, ибо их боги были очень ревнивы и мстительны. У греков дурной глаз, насылание порчи на посевы, скот и людей называлось «баскания». Гипнотическая сила взгляда открыта людьми в незапамятной древности, о чём говорят многочисленные табу: например, на прямой взгляд в глаза правителю (ср. эту же тему в «Вие» Гоголя). В немецких преданиях человек с густыми сросшимися бровями может насылать из бровей духа в виде бабочки, который несёт смерть его врагу. В Северной Европе опасным считается чёрный глаз, в Южной Италии — голубой. В 1189 году в Англии евреям было запрещено присутствовать на коронации Ричарда Львиное Сердце, чтобы они не сглазили короля. На Украине опасались косоглазых. Русские приписывали дурной глаз цыганам, татарам, финнам, мордве…

Мифы обыденного сознания — отходы мифотворческого процесса; их необходимо учитывать, они отличаются рекордной долговечностью.

IX. Эвгемер, Библия, Филон Александрийский

Аристипп, один из учеников Сократа, по возвращении в родную Кирену основал свою философскую школу; сочетал сенсуализм в теории познания с гедонизмом в этике; однако напоминал, что для счастья необходимы самообладание и умеренность, враги же счастья — суеверия и страсти. В гедонической школе была сильна материалистическая тенденция; одним из заметных представителей школы был Феодор Атеист. В дальнейшем киренаическая философия повлияла на Эпикура.

Киренаики были индивидуалистами. Они выражали аристократический гедонизм эпохи упадка и охотно жили при дворах эллинистических царей. При дворе македонского царя Кассандра жил близкий к киренаикам Эвгемер из Мессены, философ знаменитый, но загадочный; даты его жизни неизвестны.

Эвгемеру приписывается философская поэма-роман «Священная запись» (около 300 года до н. э.), имевшая огромный успех, но дошедшая до нас лишь в кратком изложении Диодора Сицилийского. По форме эта поэма была фиктивным путешествием, по сути — социальной утопией. Она описывала мнимое путешествие автора через Аравию к побережью Индийского океана и социальное устройство на трёх мифических островах (ср. Атлантиду). Жители острова Панхей создали идеальное общественное устройство; их правители Уран, Кронос, Зевс и другие после стали почитаться как боги. Эвгемер якобы воочию зрел на Панхее золотой столб, на котором сам Зевс начертал свою родословную. Таким образом, философ в занимательной форме изложил рационалистическую теорию возникновения религии: он считал, что религия возникла как обоготворение выдающихся людей, которым за их деяния стали воздаваться божеские почести. Эвгемеризм — первая попытка рационалистически освоить мифологический процесс.

Эвгемер обобщал опыт греческой культуры — почитание чудесного певца Орфея как основателя религии, фактическое обожествление Пифагора, мифологизацию Александра Великого.

«Священная запись», рисуя богов как превознесённых правителей, а мифы — как отражения их исторических деяний, давала санкцию на политическое мифотворчество эллинизма: коль скоро так делалось искони, то правомерно и ныне (исконное — это абсолютно благое). Обожествление исторических личностей Эвгемер трактовал как извечный закон мифотворчества, тем самым санкционируя мифотворческую политику тогдашних царей. Отсюда огромный успех Эвгемера в правящих кругах эллинистических стран и Рима; книга была переведан на тридцать языков. Многие люди восприняли эту книгу как «документальный» отчёт и поверили, что боги «произошли от людей». Святость и нерушимость религиозной традиции стали относительными.

Существовал ли в архаике процесс, описанный Эвгемером? Нет. Известны эпические обобщения исторических событий, но эпос не возводит исторических лиц в ранг богов: это поэзия, а не религия. Стародавний культ героев был остаточной модификацией культа предков. Эллинизм воскресил его. По сути дела, Эвгемер в своей поэме описал не прошлое, а будущее культуры — дивинизацию монархов и харизматических вождей. Уже Александр позировал как сын Зевса-Амона; эллинистические цари тщились создать себе ореол восточного мифического избранничества и даже общались с богами. Эвгемер, западный адвокат восточного деспотизма, придал этой тенденции будущего форму рассказа о прошлом.

Главную идею Эвгемера за двести лет до него сформулировал религиозный реформатор Китая — Конфуций. Он тоже был рационалистом и стремился подчинить политику морали. Очень важную роль в его учении играла рационалистическая интерпретация мифов, герои которых разъяснялись как исторические личности — обожествлённые цари прошлого.

Конфуций и Эвгемер ошибались. Для мифотворчества более характерно не обожествление исторических лиц, а историзация мифологических персонажей. Параллельно идёт героизация самих мифотворцев и основателей религий (любопытно, что сам Конфуций в дальнейшем был обожествлён, ему строили храмы, в чём он не виновен ни сном, ни духом). Для Ближнего Востока типично прославление пророков, но пророк никогда не мыслился богом; смысл его бытия — это медиация.

Яркие примеры обоих вышеуказанных феноменов содержит Библия.

Иудейская религия создала особую мифологию, воплощённую в истории избранного народа. История ещё тесно сплетается с мифом. В Библии сохранились трансформированные отражения различных религиозных верований, которые существовали у евреев до монотеизма. Так, например, богатырь-назорей Самсон (по-еврейски Шимшон, «солнечный», от «шемеш», «солнце») датирован со всей библейской точностью: он сын Маноя из колена Данота и двенадцатый из судей Израилевых. Учёные солярной школы трактовали Самсона как олицетворение солнца. Их оппоненты возражали, что Самсон — такой же эпический герой, как шумеро-аккадский Гильгамеш, греческие Геракл и Орион. Другие усматривали параллели между Самсоном и верховным богом финикийского города Тира Мелькартом, который в одном из мифов выступает как умирающий и воскресающий бог; существует гипотеза, что Мелькарт был солнечным богом. Немецкий учёный Франц Дорнзайф доказывал, что в мифе о Геракле с его двенадцатью подвигами, так же как и в мифах о Самсоне, Мелькарте и Гильгамеше, речь идёт о том, что Солнце победоносно проходит все двенадцать знаков зодиака. Иначе говоря, Самсон — историзованный образ «отслужившего» божества. И тут Дорнзайф цитирует весьма чёткую формулировку из книги П. Коха «Арийские основы Библии»: «Более не принимаемые и исчезавшие из сознания людей мифы превращались в сказания о том, что происходило в определённом месте и развёртывалось в определённом историческом времени»[36].

[36] Dornseiff, Franz. Antike und alter Orient. Leipzig, 1956. S. 354.

Солярная теория мифогенеза утратила авторитет из-за своих натяжек. Но если Самсон — и не солярный бог, то всё же явно мифический персонаж с чертами страдающего бога: утрата им силы вследствие острижения волос, его ослепление врагами и возвращение силы с отрастанием волос — это смягчённый вариант смерти и воскресения. Самсон — божество календарного происхождения; его человеческая биография в Книге Судей — пример историзации мифа.

Центральная фигура Ветхого завета — это пророк Моисей, основатель иудейского единобожия, вождь евреев в период Исхода из Египта.

Библия трактует его как историческую личность. Не раз в науке строились догадки об исторической основе мифологии Исхода, о датировке Исхода и жизни Моисея. Эти события относят ко времени правления в Египте XIX династии (1230-1196 до н. э.). Указывается, что Египет в засушливые годы принимал в свои пределы голодающие племена с востока; возможно, их использовали для тяжёлых работ, но отнюдь не для строительства пирамид (их сооружение прекратилось задолго до библейского Иосифа). Поскольку такая работа за хлеб для Египта была выгодна, он препятствовал ремиграции пришлых племён. В египетских памятниках никаких сведений об Исходе евреев не найдено. Даже если он имел место в реальности, для Египта это был частный эпизод, и библейская эпопея Исхода есть крайняя гиперболизация.

Моисей окружён чудесами и небесными знамениями. Ему приписываются и магические способности, и черты культурного героя: введения обычая обрезания, установление Декалога, использование в пищу новых растений («манна небесная»). Древние редакторы Библии затемнили конкуренцию тотемов, но мы видим, что лев был тотемом племени Иуды (собственно иудеев). Златой телец, поставленный Ааароном и уничтоженный Моисеем, напоминает египетский культ быка (Аписа). Кратко говорится о Медном змие (Числа, 21, 8-9), который был сооружён Моисеем для спасения от ядовитых змей. Это, бесспорно, отражение древней офиолатрии; впоследствии Медный змий (Нехуштан) был одним из украшений Иерусалимского храма. Бык и Змей — соперничающие культы, и с Моисеем на время победил второй из них.

Известное чудо Моисея при бегстве от армии фараона — разделение Красного моря на две половины — повторяет магический фокус мудреца из египетской сказки, который одну половину вод положил на другую, чтобы достать со дна озера упавшую подвеску красавицы. Иссечение ударом жезла источника из скалы, когда Моисей спас умиравший от жажды народ, совпадает с греческим мифом о Посейдоне. В Библии есть реликты и более архаических мифов: например, несколько конфликтов Моисея с Ааароном; последний часто оказывается в ситуации неумелого помощника, отступает от указаний брата и портит сделанное Моисеем, что характерно для фигуры близнеца-неудачника. С. С. Аверинцев отмечает: «Можно найти в библейских преданиях и модификации близнечных мифов (предания об Авеле и Каине, об Иакове и Исаве)»[37]. Но такую же модификацию, только силь-

[37] Аверинцев С. С. Иудаистическая мифология. // Мифы народов мира. Т. 1. С. 585.

но заредактированную, мы находим в истории Моисея и Аарона. Вся биография Моисея — это мозаика гетерогенных мифологических мотивов. А результаты этих скрещений стал новый миф, пафос которого — свобода.

Библия славит свободу как высшую ценность. С царственной иронией передан ропот евреев, голодающих в пустыне: «И сказали им сыны Израилевы: о, если бы мы умерли от руки Господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта! ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы всё собрание это уморить голодом» (Исх., 16, 3). Эти сетования выражают ностальгию по сытому рабству. Библия противопоставляет ему трудный путь свободы. На этом пути еврейская строптивость постепенно превращается в осознанное свободолюбие.

Зигмунд Фрейд создал гипотезу о том, что Моисей в действительности был египтянином, продолжившим монотеистическую реформу царя Эхнатона в чуждом ему племени, ибо Египет не принял реформу единобожия. Книга Фрейда — детективное расследование в духе эвгемеризма. На деле же миф о Моисее синтетичен, и все попытки его исторической привязки — это домыслы, не имеющие научного обоснованиях. Ценно у Фрейда лишь одно соображение: попытка египетского монотеизма (культ Атона) исторически предшествовала иудейскому монотеизму.

За некую провинность Бог не дал Моисею вступить в землю обетованную. Пророк лишь увидел её с горной вершины и вскоре умер. Это имеет глубокий смысл.

Освободитель евреев из «дома рабства» и вождь в сорокалетних скитаниях не стал строителем новой страны. Освободитель и созидатель — разные функции. В дневнике Франца Кафки есть запись: «Моисей не дошёл до Ханаана не потому, что его жизнь была слишком короткой, а потому что такова человеческая жизнь. Конец Моисеева Пятикнижия сходен с заключительной сценой “Воспитания чувств”».

Это верно. Величайшие усилия приводят не к тем итогам, о которых мы смолоду мечтали. Никто не достигает цели, которой посвятил всю жизнь. То, что мыслилось как путь к высшей цели, само и составляет содержание гениальной жизни. Идя несколько далее, можно признать, что ставить недостижимые цели человечно.

Всё же Библия принципиально отличается от эпоса о Гильгамеше — древнейшего образца трагической онтологии. Библия преодолевает трагедию. Жизнь Моисея полностью оправдана установлением Завета. Он создал общенародную цель, которая в потенции была уже транснациональной. Целеполагатель — вот истинный герой мировой истории. И как бы потом ни шатались еврейские умы, как бы ни грешил забывчивый Израиль, великий путь у него был, и пророки огненными словами напоминали о правде.

Из пророков самым могучим поэтом был Исайя. Он обличал нечестие, которым и объяснял бедствия народа, но он же предрёк сияющую эру всеобщего мира, когда можно будет перековать мечи на орала. Библия сочетает книги с разной философской направленностью: есть в ней трагическое богохваление Иова, но имеется и трогательная идиллия книги Руфь, есть мрачный скептицизм Экклезиаста. Кстати, последняя книга за свой пессимизм не была включена в иудейский

канон Библии, но вошла, тем не менее, в христианский. «И нет ничего нового под солнцем» (Экк., 1, 9). Всё повторяется, мировой процесс цикличен. Вселенная в Экклезиасте «статична, беспросветна, во всём господствует закон вечного возвращения. Надежда на преобразование бытия, которой проникнута Библия, в Экклезиасте отсутствует» (Александр Мень). Отсутствует и бессмертие души: Экклезиаст считал, что со смертью наступает полное небытие. Он не верил ни в земную справедливость, ни в загробную. Экклезиаст с его идеей вечного возвращения (круговорота) противоречит библейскому историзму.

В целом же в Библии царит требование свободы и справедливости. Пророки-обличители сравнивают свою греховную страну с блудницей, раздвигающей ноги на большой дороге для всякого мимоходящего. «Земля растлилась, наполнилась злодеяниями». «Нет праведных, ибо нет верных между сынами человеческими». Библейская концепция конфликтного Бытия противостоит античному приятию мира как космоса.

Библия — исток исторического мышления. В её трактовке (за исключением Экклезиаста) мир предстаёт как исторический процесс, возникающий на основе обетования Бога, и ответственность за этот процесс несут надеющиеся на Бога люди. Исследуя отношения человека и Бога, иудаизм пришёл к признанию смысла истории. «Для иудаизма Время имело начало и будет иметь конец. Идея цикличного Времени превзойдена. Яхве уже проявляется не в космическом Времени (подобно богам других религий), а во Времени историческом, необратимом. <…> Деяния Яхве — это его личные шаги в Истории: они открывают свой глубокий смысл лишь его народу, тому народу, что был избран Яхве. Историческое событие приобретает при этом новое звучание: оно становится теофанией» (Мирча Элиаде).

Время есть дитя вечности, а история — это одноразовый, неповторяющийся процесс, имеющий грандиозную цель. В этом превосходство Библии над эллинской статичностью; древним грекам историзм остался недоступен.

В Библии множество фольклорных мотивов, но нет убаюкивающих сказочных финалов, нет самоуспокоенности. Ибо евреи были очень беспокойным народом. Карл Маркс, восхваляя древних греков как «нормальных детей», косвенно порицал евреев, которым, говоря словами русского поэта, не довелось знать «красного детства» — длительного мирного развития. Евреи вообще рано взрослеют (с 13 лет мальчик считается совершеннолетним). И как народ они рано повзрослели: потому-то и создали Библию.

Но возвратимся к нашей главной теме — к исторической жизни мифов.

Итак, Моисей — не обожествлённый реальный правитель, а посредник между Богом и Его народом, синтез мага с культурным героем. Историзация этого мифического персонажа заходила так далеко, что, согласно некоторым внебиблейским преданиям, Моисей в молодости даже возглавлял египетскую армию в походе на Эфиопию, разбил неприятеля и женился на эфиопской царевне. Историзация мифа и есть вымысел, сам же миф возникает как осмысление действительности (наивный реализм).

Иудея терпела всевозможные бедствия от царств Двуречья. Ненавистью к Вавилону объясняются некоторые смещения в Ветхом Завете, например, этиология праздника Пурим, излагаемая Книгой Эсфирь.

Согласно этой книге, праздник был установлён в память спасения народа от поголовного истребления в Персии при Артаксерксе (IV в. до н. э.). Спасительницей народа выступила Эсфирь (по-еврейски Эстер), воспитанная своим родственником Мордехаем и ставшая женой персидского царя. Визирь Аман, оклеветав евреев перед царём, уже разослал приказы об истреблении всех евреев, а для Мордехая заготовил виселицу вышиной в пятьдесят локтей, но Эстер, проявив исключительную смелость и самоотверженность победила мужа: царь избавил её народ от уничтожения и взамен повесил Амана на упомянутой виселице. «Пурим» — это множественное число от «пур» (жребий): объясняется тем, что Аман бросал жребии, выбирая день для «эндлёзунга».

Библейская критика давно отметила, что у персов виселицы не существовало. Как полагают, праздник Пурим заимствован евреями во время вавилонского плена, эта трансформация вавилонского весеннего праздника «загмук». Имя «Эстер» — трансформа имени Иштар, вавилонской богини любви, а «Мордехай» — вавилонского бога Мардука. Иштар и Мардук, чужие боги, превращены в псевдо-исторические фигуры; сюжет мифа соответствует общей для Ветхого Завета женской героике. Несмотря на суровую патриархальность иудаизма, он горделиво славит в веках самоотверженность еврейской женщины. Но вавилонское родство описанного мифа было изначально стёрто.

Евреи очень много заимствовали из чуждых мифологий, но убедительно обрабатывали инородный материал. Библия — это сочетание псевдо-истории (историзованного мифа) с эпическим обобщением действительной истории. Давид и Соломон реально существовали, как и халдейский царь Навуходоносор, который уничтожил Первый Храм и угнал в плен весь цвет народа. Разумеется, библейский историзм не означает точной передачи фактов и с научной точки зрения может быть ненадёжен. Порою события, поданные как реально-исторические, представляют собою лишь пересказы фольклора — сказка притворяется фактом (например, разделение Моисеем вод Красного моря). Представления Библии о соседних странах туманны, а хронология запутана. Библия изобилует анахронизмами.

Так, неканоническая книга Иудифь описывает спасение благочестивой вдовой Юдифью своего родного города от нашествия ассирийского полководца Олоферна. При этом он назван полководцем царя Навуходоносора, чьё имя для евреев вечно ненавистно. Но он царствовал над Ново-Вавилонской (Халдейской) державой, тогда как Ассирия к моменту его вторжения в Иудею уже перестала существовать. Имя «Олоферн» — характерно персидское. Историки предполагают, что реальной основой сюжета Книги Иудифь послужили походы в Финикию и Египет персидского царя Артаксеркса III Оха (царствовал в 359-339 до н. э.); у него действительно был полководец Олоферн. Зачем понадобились описанные смещения составителям этой книги? Затем, что Персия не была удобна для создания «образа врага». Ассирия тоже была издревле ненавистна евреям, тогда как к персам,

вследствие милостей великодушного Кира, евреи питали стойкую симпатию; завоевателя-перса они превратили в ассирийца.

С Персией вообще Библию связывают таинственные узы. Кир Великий, позволивший евреям вернуться из вавилонского плена и восстановить Иерусалимский храм, прославляется Второисаией как мессия, т. е. тот, кто действует от имени Яхве и по его повелению. Тот же пророк впервые в иудейской литературе прославляет Яхве в качестве Создателя — и притом теми же словами, какими Зороастр воспевал Ахура-Мазду. Современная наука признаёт, что зороастризм оказал сильное влияние на послепленный религиозный процесс евреев.

Чрезвычайно характерна «юридическая» настроенность Библии. Семитский гений вечно озабочен загадкой мировой неправды и задачами общечеловеческой справедливости: «Праведен будешь ты, Господи, если я стану судиться с Тобою; и однако же буду говорить с Тобою о правосудии: почему путь нечестивых благоуспешен, и все вероломные благоденствуют?» (Иеремия, 12, 1). Мыслимо ли, чтобы эллин дерзал судиться с богом? В музыкальные состязания с богами вступали, это правда. Но судиться с Богом способен только еврей.

Чем ближе к нашей эре подвигается библейское повествование, тем оно историчнее. Последние книги Ветхого Завета, в том числе «Книги Маккавейские», прямо сопоставляются с внешними историческими данными. В 142 г. до н. э. революция Маккавеев восстановила еврейскую государственность, но уже в 63 г. до н. э. пришли легионы Помпея, Иудея стала римской провинцией, а затем римляне посадили в ней марионеточного царька — Ирода «Великого».

Итак, от эвгемеризма следует отличать мифологизацию пророков и вождей. Они богами не считались. Наука не может судить об историчности Моисея, но Зороастра (Заратустру) большинство учёных признаёт историческим лицом, как и Будду. Никто и никогда не оспаривал историчности Мухаммеда.

Христианство, зародившееся внутри иудаизма, ещё более усилило историзованную форму мифологии, возведя в ранг Сына Божия историческую личность галилейского проповедника Йешуа, одного из вождей народного сопротивления римскому игу и еврейским коллаборационистам, так называемым «иродианам». Кстати, через сто лет после казни Йешуа другой вождь народа по имени Шимон будет объявлен «Сыном Звезды» (Бар-Кохба). С I века н. э. начинается мифотворчество на исторической базе; впрочем, оно было и раньше, но теперь получает перевес.

Мифологизация подлинных событий и реально живших религиотворцев типична для христианства и ислама. Но ислам, вопреки теории Эвгемера, не обожествил ни Иисуса (Иса ибн Мариам — пророк в ряду других пророков), ни самого Мухаммеда. Историзованные мифологии резко отличаются от прежних мифологических систем, имеющих архаическое происхождение.

При различении типов мифологических систем очень важно определить их отношение к времени. Для архаических мифов специфично отождествление генезиса и сущности: описание мира совпадает с рассказом о возникновении его отдельных элементов, о деяниях богов и героев, определивших его наличное состояние. Мир есть следствие событий давно прошедшего героического времени, воскрешаемого в

обряде. Мифическое время сакрально, эмпирическое профанно. Эти два времени качественно различны, они и переживаются по-разному: мифическое время вызывает экстаз радостной обезличенности, слияния с предками, с духами, с богом; профанное время переживается трезво, буднично и приватно. И поныне для нас праздник и будни — два разных качества переживания времени. Люди тоскуют о праздниках (в сущности, это ностальгия по мифу).

Мифическое время, оно же эра первопричин или «пра-время» (die Urzeit), характерно для архаических мифологий, особенно австралийских, но трансформированные представления о нём встречаются и в высших мифологиях: то идеальный золотой век, то время хаоса, подлежащее космизации. В классической мифологии греков и хаос, и золотой век остались позади; эту мифологию отличало чувство завершённости мира, благополучности наличного состояния. Боги бессмертны, мир не меняется, весь космос (по-гречески «лад», «порядок») наделён художественным совершенством и законченностью. Остаётся лишь любоваться артистизмом богов (не зря же в оформлении этой мифологии столь исключительную роль сыграли Гомер, Гесиод, Эсхил и Фидий).

Пифагорейская школа учила: «Всё есть число». Заметим, дроби они к числам не относили. Когда пифагорейцы открыли существование несоизмеримых отрезков, это их ошеломило. Они решили утаить от мира это открытие, ибо оно ставило под сомнение числовую гармонию их музыкально-геометрической вселенной. Закрыли глаза на факт, ибо прекрасный миропорядок важнее некрасивой эмпирии. Так же будет поступать Гегель.

Из этой картины мира произрастала спокойная самодостаточность эллинов, которая у римлян превратилась в имперский комплекс превосходства, в наглое самодовольство силы. Лишь крупные неудачи поколебали это самодовольство, и Тацит устами мятежного бритта разоблачил пресловутую Pax Romana: «Создав пустыню, они говорят, что принесли мир» («Жизнеописание Юлия Агриколы»).

Однако в эпоху эллинизма на вечно беспокойном Ближнем Востоке начался духовный переворот огромной глубины. Ещё Александр Веселовский выделил две эпохи мифообразования («великого мифического творчества»): одна из них теряется в дописьменных языческих временах, другая — это начало нашей эры, когда массовое сознание осваивало новую монотеистическую религию, когда создавалась новая модель мира и возникали новые мифы. Вполне соглашаясь с нашим великим учёным, я хотел бы только добавить, что вторая эпоха началась ещё в эллинистический период, приблизительно во II веке до н. э., а достигла пика в I веке новой эры.

Древнейшие очаги мифообразования — Египет и Двуречье. Между ними издавна существовало расово-культурное противоборство; промежуточное положение Иудеи сказалось в ассимиляции и египетских, и вавилонских мифов. Евреи побывали и в рабстве у фараонов, и в вавилонском плену. Затем эту географическую оппозицию пересекла поперечная линия: Средиземноморье — Азия. Местом этого пересечения стала Сирия с её новой блистательной столицей — Антиохией. Сирия и Палестина неоднократно в истории составляли временное

культурное единство; между ними вечно тлели Вражда и Любовь, отталкивание и притяжение.*

Накануне новой эры (или, если угодно, перед Рождеством Иисуса Христа) качественно изменилось время. Оно заполнилось потрясающими историческими событиями, включая войны диадохов, пунические войны, быстрый подъём нового Парфянского царства, стремительный взлёт Рима и рождение Римской империи. На Ближнем Востоке появляются неслыханные пророки, люди снова переживают «пра-время», они живут в эпоху первопричин. Мифотворчество этой эпохи породит манихейство, гнозу, христианство и другие религиозные движения. К этим событиям спокойная и относительно статичная олимпийская религия оказалась не готова — она была застигнута врасплох.

Неожиданно у наблюдателей эпохи эллинизма жгучий интерес вызывает замкнутая племенная религия евреев, народа вечно угнетаемого и вечно непокорного. Об интересе к этой провинциальной религии свидетельствует факт греческого перевода Библии, сделанного в Александрии около III-II веков до н. э.; это так называемая Септуагинта («перевод семидесяти толковников»). В Александрии жила многочисленная еврейская колония, экономически крепкая и влиятельная; евреи диаспоры говорили на «койнэ», они утратили живую связь с языком Библии, и этим обусловлена необходимость греческого перевода. В него вошло девять книг, не достающих в иудейском каноне; канонические книги Ветхого Завета были в переводе обработаны.

Одним из вундеркиндов александрийского еврейства был эллинистический философ Филон Еврей, соединивший иудейскую религию с вульгаризованным платонизмом и стоицизмом греков (для всей еврейской истории характерны такие «пограничные фигуры», гении культурного синтеза: Моисей, Иосиф Флавий, Маймонид, Спиноза и др.). Филон Александрийский дерзко выводил всю мудрость эллинов из Библии. В XIX веке Бруно Бауэр объявил Филона «отцом христианства». Думается, это преувеличение. Великая религия не может быть творением одного ума, она всегда порождается массовым движением. Верно лишь, что базой христианского движения послужил эллинистический синкретизм; евангелисты переняли у Филона сам способ думать.

Если архаические мифологии обращены в прошлое, а классическая прикована к настоящему, то еврейский мессианизм превратил религию Единого Бога в напряжённое ожидание будущего. В еврействе давно жила мечта об Избавителе, он же Малка Машиах («Царь-Помазанник»); греческий язык, не знающих шипящих звуков, превратил слово «машиах» в «мессию». Есть и точный греческий перевод слова: Машиах — Христос («помазанник»).

Когда Кир Великий избавил евреев от вавилонского плена, разрешил им вернуться на родину и восстановить культ, иудейские жрецы провозгласили его мессией. После римского завоевания Иудеи мессианизм приобрёл характер рели-

* Зачеркнуто: «Эллинизированные арабы создадут эфемерное Пальмирское царство, эллинизированные евреи — этнархию Ирода».

гиозно-политической утопии: будущее величие избранного народа связывалось с реставрацией династии Давида. Эти чаяния приняли почти всенародный характер, хотя различные школы позднебиблейского иудаизма формулировали мессианскую идею по-разному. Некоторые из этих школ превращались в оппозиционные религиозные братства, развивающие веру в Спасителя, а с нею — обширную мифологизацию будущего. Реактивировались древние грёзы Исайи и других пророков, создателей древнееврейской апокалиптики.

Эсхатологические мифы, возникшие вслед за мифами творения, известны у многих народов, но иудазим — первая религия, целиком переориентированная на будущее.

Будущее предстаёт иудеям как сияющая надежда. Скандинавский Рагнарёк («гибель богов») мыслится как беспощадная резня и ужасающий крах. Согласно Авесте, колоссальный всемирный пожар будет предшествовать возрождению мира в прежнем состоянии: эсхатологизм аннулируется «вечным возвращением». В позднем иудаизме сложилось учение о «дне Яхве» — окончательном торжестве Божией правды, которое в раннем христианстве превратилось в Страшный суд и конец истории. Библейское время — не циклическое, а одноразовое, необратимое; оно завершается спасением праведных и прекращением мира за ненадобностью.

Запредельность Бога и устремлённость к абсолютному концу характеризует всю иудео-христианскую традицию. Но христианство ещё создало учения о земном воплощении Бога и об Искуплении.

Первые христиане были еврейскими религиозными революционерами. Они ожидали скорого конца света: именно как предвестие этого конца Господь ниспошлёт на землю Мессию. Давно было признано, что это будет один из потомков царя Давида. По всей Иудее бродили пророки Мессии. От одних остались изречения и легенды, от других — только имена, а от многих ничего не осталось, и память о них заглохла. Самым эффектным был Иоханаан, аскет в грубой одежде из верблюжьей шерсти с вызывающе бесстрашным поведением и голосом льва. У евреев слово «лев» табуировалось, его называли «кричащий в пустыне». Львиный рык Иоханаана собирал толпы на берег Иордана; он поносил власти, марионеточных царьков, жрецов Храма; он призывал иудеев очиститься, приготовиться к скорому приходу мессии, и в знак очищения купал их в Иордане. Видимо, он-то и был первооснователем новой религии.

Иудея волновалась. Эллинизированная верхушка общества держалась только помощью римской военной силы и страшилась так называемых «сикариев» — террористов с короткими кинжалами. Диспуты о сроках явления мессии делались всё горячее, спорщики таскали друг друга за бороды. Иоханаан Креститель вещал, что Мессия уже близко, что топор уже лежит у подножья дерева — обречённой Идумейской династии. Один из членов этой династии, галилейский тетрарх Ирод Антипа, не выдержал нервного напряжения и обезглавил Предтечу. Эта казнь ничего не решила: тотчас загремели новые пророки. И вдруг среди всей этой сумятицы, антихрамовой пропаганды, антиримских волнений грянула новость, что Мессия уже приходил и был казнён в Иерусалиме. Это был галилейский плотник Йешуа, сын Иосифа, один из потомков царя Давида.

X. Главный итог эллинизма

Зарождение христианства в захолустной Галилее, которая у евреев служила Чухломой, и казнь Йешуа Галилеянина в стольном граде Иерусалиме образуют выразительную географическую символику.

Северная область Галилея имела большую примесь инородного населения — финикийцев, греков, арабов, так что чистокровные иудеи называли её «Галиль гойим» («Галилея языческая»). Там иудаизм был вынужден терпеть неканонические мифы и пережитки местных старых культов, например, ханаанско-аморейского культа Дагона (бога-рыбы). Галилейские евреи испытывали чужеземные влияния, но оставались пламенными патриотами. В Галилее усиливалось и социальное напряжение.

Иерусалим презирал Галилею и величался как цитадель еврейства, однако Храм в борьбе с сектами и народными пророками той кризисной эпохи прибегал к помощи римских властей. Ирод и его потомки (Идумейская династия) строили по всей стране беломраморные города греческой архитектуры; под Иерусалимом был построен цирк для боёв с дикими зверями. Еврейская знать перенимала эллинистические нравы и гедонизм, который всё острее контрастировал с нищетой масс и их мессианскими чаяниями.

От гонений Храма оппозиционеры спасались на окраины — в пещеры над Мёртвым морем (кумранская община) или в галилейскую глушь. Национально-религиозное сопротивление Риму включало жреческую верхушку в число своих врагов, обвиняя её в корыстолюбии и сотрудничестве с римлянами. История знает много примеров того, как восстановление побеждённой страны начинается с окраин: крестьянская девушка из Лотарингии спасла Францию, нижегородское ополчение освободило преданную боярами Москву. Нечто подобное назревало и в Галилее I века новой эры.

Выразителем общенародного недовольства выступил галилейский проповедник Йешуа, сын Иосифа. Возможно, он принадлежал к демократическому движению ессеев, которое имело и другое, греческое имя — «терапевты» (целители). Они славились как целители и экзорцисты (специалисты по изгнанию бесов). С этим в евангельской биографии Иисуса совпадают совершённые им исцеления, вплоть до воскрешения мёртвых: это распространённая в древности гипербола искусного врачевания. Вполне возможно, что в древности уже существовали какие-то способы выведения из клинической смерти*.

Второй интересный момент: Галилейское море (Генисаретское озеро), с которым связано немало евангельских событий, было богато рыбой, и среди окрестных жителей негласно сохранялся культ бога-рыбы. Четверо из двенадцати апостолов Христа были рыбаками; самоназвание первых христиан — «рыбы» (что связывают обычно с обрядом водного крещения); их первый символ — отнюдь не крест,

* Далее зачеркнуто: «вроде искусственного дыхания».

а рыба; среди чудес Христа — чудесный лов рыбы. На самой первой стадии движения Иисусу приписывались черты древнего, доеврейской божества Северной Палестины. Но эта компонента раннего христианства заглушена и стёрта, о ней молчит и современная наука.

Зато она с большой долей уверенности предполагает, что в евангельский образ Христа вошли черты Учителя Праведности, упоминаемого в кумранских рукописях. Для народного эпоса характерно обобщающее слияние черт нескольких исторических лиц, причём все эти черты приписываются лишь одному из них. Евангельский Христос — синтетический образ.

Кроме того, исторический Йешуа был осмыслен как Сын Божий, рождённый смертной женщиной (ср. Александр Македонский); это соответствует греческому понятию «героя» (полубог), воскрешённому в политической практике эллинизма.

Новая религия явилась не сразу осознанным синтезом религии Моисея с культом умирающего и воскресающего Бога. Это культ аграрный, крестьянский, но очень поздно проникший в еврейскую среду. Вообще в раннем христианстве был силён крестьянский элемент, ибо сельская окраина Иудеи, земледельческая, рыбацкая, пастушеская, и была главным оплотом сопротивления Риму, тогда как богатые горожане (прежде всего партия саддукеев) были проникнуты духом эллинизма и шкурно связаны с Идумейской династией. Христианство пришло от земли.

Известный демифологизатор евангелий Рудольф Бультманн заявил, что объектом христианского Писания является «не исторический Иисус, а Христос веры и культа». Мне кажется, Бультманн не совсем прав: какие-то исторические данные можно извлечь из сопоставления евангелий с «Иудейской войной» Иосифа Флавия.

Эта знаменитая книга в одном из дошедших вариантов содержит уникальный эпизод о Христе: оказывается, Иисус был в более сложном положении, чем показано в евангелиях; он состоял в напряжённых отношениях со сторонниками активного сопротивления Риму. Последние требовали от Иисуса вооружённых действий по захвату Иерусалимского Храма. Видимо, Иисус колебался, что объясняет нам некоторые спорные места евангелий. Он, может быть, ограничился демонстрацией народного недовольства — изгнанием торгующих из Храма. Заметим, что сам образ Иисуса с бичом, опрокидывающего прилавки торгашей, расходится с общим каноном кроткого Бога. У живого Йешуа был горячий нрав.

По той же версии «Иудейской войны» выясняется, что Понтий Пилат арестовывал Йешуа дважды (это подтверждают и некоторые иудейские источники). Выходит, в первый раз Пилат отпустил Его. Иосиф Флавий верил, что Пилат был крупно подкуплен (видимо, жрецами Храма) в видах погубления Иисуса. По Флавию, вина Пилата куда больше, чем по каноническим евангелиям, где этот слуга тирана приукрашен: в Иисусе он видит Человека, предлагает его помиловать и отказывается заменить над распятием надпись «Царь Иудейский». В эфиопской церкви Пилат даже почитается как святой!

И напрасно. То был типичный римский наместник, жестокий и продажный. Напрасно ему посочувствовал и М. А. Булгаков, усиливший в своём романе евангельскую тенденцию к оправданию Пилата. Евангелисты стремились внушить представление, будто Иисус не вступал в конфликт с Римом, будто римская власть отнеслась к нему лучше, чем евреи. Канонические евангелия уже окрашены «павлинизмом» (политикой компромисса с Римской империей).

Из евангелий следует, что апостольская община имела коммунальный характер: общежитие с совместными трапезами. Разумеется, то был «коммунизм нищеты», как и в кумранской общине, которую современная наука относит к движению ессеев. Эта коммунальность, которая на протяжении всей истории человечества воскресает всегда в экстремальных ситуациях, в XIX веке получит имя «евангельского социализма»: беспочвенная модернизация исконного братства людей в нужде и бедствии. Наташа Ростова пожертвовала своим приданым, чтобы вывезти из Москвы раненых; это не значит, что она социалистка.

Характерно, что первое чудо Христа — превращение воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской. Это свадьба в бедной среде; на ней не хватило вина, запас был невелик. Христос начинает свой путь с того, что приносит беднякам радость.

Сопоставим это с прославленным ответом Христа богатому юноше: «Легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное». Ясно, что этот бесприютный скиталец был натуральным демократом. Спустя много веков русский поэт Аполлон Григорьев напишет:

> Но на кресте распятый Бог
> Был сын толпы и демагог.

Здесь греческое «демагог» употреблено в его исконном значении: «народный вождь». Евангелия содержат материал для такого понимания Христа.

Весьма убедительно евангелисты передают некоторые черты Его характера. Иоанну Златоусту принадлежит утверждение: «Христос никогда не смеялся». По евангелиям так и выходит. Но из тех же евангелий видно остроумие Иисуса. Когда к нему привели для каменования прелюбодейную жену, Христос иронически ответил фарисеям: «Кто без греха, брось первый камень». Он знал, что безгрешных нет. Фарисеи рассеялись, и Христос простил грешницу. Широко известна игра слов, основанная на буквальном значении имени апостола (греч. petros — камень): «Ты Пётр, и на этом камне Я осную Церковь Мою». Сходно проявляется ирония в эпизоде с динарием кесаря. Христос не смеялся, но порою остро шутил, и евангелисты не преминули это показать.

Из критического чтения евангелий можно заключить, что при жизни Христа не считали Богом, но самое большее — повторно пришедшим пророком Илиёй. Обвинение против Него было политическое: Его величали потомком Давида, уроженцем Вифлеема Давидова, где, по предсказаниям, должен был родиться Мессия. Это означало, что оппозиция, никогда не признававшая легитимности Идумейской династии, выдвигала Иисуса в качестве претендента на престол. От Него требо-

вали возглавить революцию: видимо, Он этого не хотел. Как претендента Его и казнили. Обожествлён же Он был посмертно, как обожествлялись эллинистические цари и римские кесари. Тогда и возникла вера в Воскресение Христа, причём верующие ожидали скорой «парусии» — возвращения Его во славе.

Трактовать Явление Христа как мелкий эпизод колониальной истории значило бы уподобиться самодовольным и подслеповатым римлянам той эпохи. Ибо если и поныне последствия Явления Христа всемирны и неисчерпаемы, значит оно было чем-то исключительным и беспримерным. Параллели с биографиями других религиотворцев мало что объясняют. Христос торжествует над временем, как никто. Первоначальное христианство — величайший пример десакрализации всякой мирской власти, ибо государство насильственно по природе, Христос полностью отделил его от Бога, разделил кесарево и Божие. Он задал цель человечеству — самоустроение без насилия. Думается, что современная любовь к Христу — шире, чем собственно христианская религия, которая в истории принявших её народов неоднократно освящала земное государство.

Рудольф Бультман сказал: «Иисус Христос — это эсхатологическое событие, решительное действие и последнее слово Бога». И добавил: «Самое важное во всей христианской истории, что это событие произошло». Ранее Блэз Паскаль, явно преуменьшая значение Воскресения, утверждал, что Иисус пребывает в агонии до скончания мира.

Из сопоставления этих двух мнений можно сделать вывод, что после Христа сильно изменилось само восприятие и представление времени. Оно стало жгучей проблемой, решить которую пытался блаженный Августин.

Очень важен вопрос об отношении христианства к иудаизму. Ещё Давид Штраус в книге «Жизнь Иисуса» (1835) обосновал мысль о том, что рассказ о сорокадневном пребывании Христа в пустыне эквивалентен «исторической судьбе народа Израиля», т. е. сорокалетнему странствию в пустыне после Исхода. По мнению Нортропа Фрая, «события жизни Христа повторяют события истории Израиля»[38].

Русский историк С. В. Лёзов пишет: «Сами первые христиане воспринимали себя как еврейскую эсхатологическую общину, которая толкует Писание правильнее, чем остальные евреи. Стало быть, они не видели никакого противоречия между возвышенным Мессией Иисусом и Писанием как нормативными величинами. Вероятно, они сами не осознавали, что применяют еврейское Писание просто как один из источников для создания совершенно нового учения»[39]. Главным же источником было устное предание, развившееся из кериг мы — проповеди о смерти и воскресения Спасителя. Первой задачей иудео-христианской общины было увязать кериг му с пророчествами еврейской Библии, чтобы доказать, что Йешуа Галилеянин действительно был Мессией.

[38] Frye, Nortrope. Anatomy of Criticizm. N.Y., 1969. P. 205.

[39] Лёзов С. В. Введение // Канонические евангелия. М., 1992. С. 15.

Как отметил Эрих Ауэрбах, в раннем христианстве еврейская Библия «была снижена в своём значении народной истории и еврейского Закона, она свелась к цепочке фигур-предзнаменований, указывающих на явление Иисуса и на связанные с этим события… Всё содержание Писания оказалось теперь в таком контексте интерпретации, где смысл событий далеко уходил от своей реальной и конкретной основы»[40].

Христианская реинтерпретация Библии — перенос центра тяжести на текущую историю, которая первоначально мыслилась христианами чисто эсхатологически. Библия была использована как символический язык для нового учения.

Альберт Швейцер признал, что в биографии Иисуса историчны только факты рождения и смерти; прочее не может быть признано историческим свидетельством. По-настоящему история христианства начинается с Распятия (33 г.). В последующие тридцать лет кериг ма распространялась повсюду, где жили евреи: в Передней Азии, Египте, затем в Греции и Италии. Наконец, новое учение было замечено римскими властями.

В 54 году императором стал Нерон, капризный тиран, бисексуал и вообще эстет; для компенсации близорукости он использовал изумрудную линзу и приказал убить свою мать, ибо ему надоела её опека. Он демонстрировал симпатии к Греции и эллинистическому Востоку, баловал греческие города, ибо там устраивали неистовые овации на его концертах и называли богом Аполлоном. Восток не питал ностальгии по республике, того угрюмого вечного ропота, который досаждал Нерону в Риме.

В 64 году катастрофический пожар Рима лишил крова и имущества тысячи горожан. Враги Нерона пустили слух, будто Рим подожжён кесарем; он-де сочинял поэму о гибели Трои и нуждался в зрелище горящего города; пока Рим полыхал, Нерон стоял с арфой на крыше дворца и вдохновлялся. Поджог в артистических целях — неплохо было придумано! Все знали, что он помешан на цирковых играх, театре и поэзии.

На деле во время этого пожара Нерон отдыхал в сельской местности; получив рапорт о бедствии, примчался в Рим и оказал щедрую помощь погорельцам. Рим он не поджигал, но ведь народную молву не переспоришь. Видя, что Рим не хочет правды, Нерон решил одну клевету отразить другою: объявил, что Рим подожгла гнусная еврейская секта, которую основал некий Хрестус или Христус; эти грязные христиане гнездятся в катакомбах, воруют римских детей и пьют их кровь.

Честной народ римский возъярился на поджигателей, и в угоду ему кесарь устроил христианам образцово-показательную казнь по закону равномщения: обмотанных паклей и хорошо осмолённых, их привязали к столбам в садах Нерона и вечерком сожгли заживо.

А великий народ, всласть налюбовавшись на эти «факелы Нерона», довольный и успокоенный, разошёлся по своим пепелищам.

Так Нерон впервые сделал евреев «козлами отпущения», громоотводом массового недовольства. Более того, он изобрёл смещённый миф — субъективно-поли-

[40] Ауэрбах, Эрих. Мимесис. М., 1976. С. 67.

тическую мифологизацию действительности, паразитирующую на мифологической традиции. Его клевета на христиан после торжества христианства возродилась в виде «кровавого навета» — центрального мифа европейского антисемитизма. Христиане объявят, что детей воруют иудеи, чтобы на крови сих жертв печь свои пасхальные опресноки. Это «маца», она приготовляется только из муки и воды, без закваски и без соли, а кровь — любую, даже кровь животных — евреям вкушать нельзя, это запрещено строжайшим образом в Торе.

Что значит «смещённый миф»? Это новообразование, в котором акцент смещён с главных элементов исходного мифа на побочные. Римский миф о еврейской религии переносил на неё черты финикийской, «пунической» религии, с её человеческими жертвоприношениями (в том числе и с закланием первенцев). Но «пуны», карфагеняне, страшные исторические враги Рима, ещё помнившего свою панику («Ганнибал у ворот!»), были уже уничтожены. Сама Финикия стала покорной провинцией империи. Образ врага был смещён на вечно бунтующих, строптивых евреев (и «пуны», и финикийцы — семиты, в архаике их религии взаимовлияли, но Библия как раз отражает борьбу иудаизма против «баалитов» — поклонников финикийских богов). Нерон сместил образ врага на христиан (римляне не слишком понимали их отличие от прочих евреев). Правда в том, что пафос христианства — свобода, а это противно духу империи. В целом же новый миф был ложью.

В момент бесславного падения Нерона (68 г.) образ его полярно раздвоился. В восточных провинциях разнёсся слух, будто Нерон жив и скрывается у парфян. Одни за другим появились три лже-Нерона, они вызвали смуты и осложнения, свидетельствовавшие о популярности Нерона на востоке. Если для сенаторской оппозиции, взгляды которой отражали Тацит, Светоний и Дион Кассий, Нерон был тираном и зверем, то для широких масс, особенно в Малой Азии, «оживший Нерон» (Nero redivivus) стал символом избавителя. Этот миф соперничал с религией Христа, у которого воровал спасительные черты. С ужасом и отвращением христиане услышали, что Нерон «тоже воскрес» и люди простираются перед этим обманщиком.

Этот же миф преобразован в Откровении Иоанна — мистическом памфлете против Римской империи. Нерон там зашифрован в виде «зверя из бездны» и под «звериным числом» 666. Если сложить цифровые значения еврейских букв в словах «Нерон Кесарь», то получится 666. Миф о чудесном спасении или воскресении Нерона — элемент формирующегося учения об антихристе, ложном двойнике Христа, долженствующем захватить мирскую власть перед концом света. В христианском богословии Средних веков антихриста назовут «обезьяной Христа»: иначе говоря, это абсолютно подлый трикстер, крайнее развитие функции трикстера в христианской мифологии.

Исторический Нерон оказался персонажем нового мифа, преемственно связанного с иранским религиозным дуализмом. В Европе вплоть до XVIII века сохранялось представление об антихристе как об ожившем и чудесно возвращающемся Нероне.

Среди первых христиан встречались радикалы. Один из апостолов Христа назывался Симон Зилот; как известно, «зелоты» (ревнители) — это национально-ре-

волюционная партия евреев, сторонники вооруженной борьбы против Рима и ярые демократы. Видимо, многие иудео-христиане приняли участие в еврейской революции 66-73 годов, которая завершилась полной катастрофой и гибелью Храма.

Историки считают, что ещё в 50-х годах I века выступил Павел из Тарса — единственный апостол, не знавший лично Иисуса Христа.

Еврей из секты фарисеев и смолоду гонитель христиан, Павел обратился в их веру после чуда на дороге в Дамаск, когда он услышал с неба голос Бога: «За что ты меня преследуешь?» Судя по рассказу Павла, как однажды он был восхищен до третьего неба (2 Кор. 12, 1-4), он был визионером. Отличался страстностью в вере, гордыней и экзальтацией. Вся его деятельность ознаменована мощно устрояющим умом и огромной силой воли. Он создал учение о наследственном грехе и фактически основал христианскую церковь, причём обратился с проповедью ко всем народам Земли, чего не собирался делать Иисус Христос.

Павел пошёл навстречу язычникам, снимая препятствия к их обращению. Он разрешил неофитам оставаться необрезанными. «Вам говорю, язычникам: как Апостол язычников, я прославляю служение моё…» (Римл. 11: 13). Великий организатор, он умел вникать в детали, не упуская из виду целого. Большевистский лозунг «Кто не работает, тот не ест» — покража из Павла: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фесс. 3: 10).

Но более всего я люблю такие слова Павла: «Он дал нам способность быть служителями Нового Завета, не буквы, но духа; потому что буква убивает, а дух животворит» (2 Кор. 3: 6). Павел выступил против революции: «Наша брань не против плоти и крови, но против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6: 12).

Кажется сомнительным, что все послания Павла написаны ещё до иудейской революции. Ведь именно после неё, в связи с национальным крушением и разрушением Храма, еврейский народ в Палестине и диаспоре сплотился вокруг фарисеев; началась эра талмудического иудаизма. Многочисленные еврейские братства и «хевры» (секты) стали отмирать. Вот тогда-то иудео-христиане оказались перед выбором: или остаться со своим народом, а значит — отречься от веры в Христа Спасителя, или остаться со своею верой, но тем самым отделиться от еврейства. Известно, какой путь они избрали. После этого в их среде восторжествовал универсализм Павла и его курс на компромисс с империей («Нет власти, аще не от Бога»).

Павел — очень сложная фигура. Он имел римское гражданство и гордился этим. В некоторых его посланиях чувствуется как бы искусственно взвинченный пафос. Ницше заявил, что только Павел из Тарса ввёл в европейское сознание ressentiment (злобную мстительность). Мартин Бубер утверждал, что «затмение Бога» началось ещё с апостола Павла. В антиномиях Павла Бубер видел сознание, потерявшее цельность веры, веру на пороге отчаяния, вынужденную поминутно призывать Спасителя. Г. С. Померанц считает, что Бубер приписал исключительно характеру Павла то, что во многом было характером эпохи.

«Личность Павла не случайно оказалась в центре религиозного процесса. Он тем и велик, что глубже других пережил и понял свой перекрёсток времени и вечности.

Многое Павел только начал. Обратившись к язычникам, он увидел, что надо как-то перевести веру с языка вслушивания на язык зримых образов. <…> Грекам непременно нужно было видеть Бога (хотя бы в воображении). И Павел связал незримое со зримым. Его незримый еврейский Бог явил себя в зримом Сыне, и познавая Сына, мы познаем Отца. Из этой формулы выросло тринитарное мышление, возникла икона…»[41].

В эллинистическом христианстве, за пределами поруганной родины, началось собирание устных рассказов о Христе и Его речений. Как считает современная наука, первые евангелия появились в 90-100 годах. Из канонических евангелий первое — от Марка. Ему удалось укоренить «христианские мистерии — крещение и евхаристию — в предании о жизни Иисуса»[42]. Сами же эти обряды явно предшествовали повествованию о Христе.

Четвёртое евангелие, Иоанново, вероятно, позднейшее в каноне; его называют «евангелием любви» и считают наиболее мистическим. Только в нём появилось учение о Воплощении Предвечного Логоса; у авторов синоптических евангелий нет ни слова о Логосе. Возможно, автор четвёртого евангелия* знал труды Филона Александрийского, который первым употребил термин «Логос» не в античном смысле. В Иоанновом учении о Логосе появились предпосылки для позднейшего учения о Троице.

В целом канонические евангелия представляют эллинистическую культуру, а евангелист Лука, вероятно, был греком. Черты эллинизма в евангелиях едва ли не преднамеренны, евангелисты писали для космополитического населения восточных провинций, и уже «Послание к колоссянам» торжественно гласит: «…Где нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но всё и во всём Христос» (Кол. 3: 11).

Эллинистическое влияние сказалось и в христианской демонологии: уже в евангелиях она очень сильна, и фоном для неё служили массовые страхи той кризисной эпохи, отразившейся в демоноверии Плутарха, Эпиктета, Аристида Смирнского и Апулея. Несколько позже христианская демонология развилась в целую теорию, обоснованием которой немало занимался Тертуллиан.

Церковь была основана Павлом как вселенская, благодаря чему христианство стало соизмеримым с Римской империей. Сверхзадачей Павла было мировое духовное господство христианства, хотя в реальности I века ничто не указывало на такую возможность. Может быть, гениальность и состоит в масштабах целеполагания? Универсализм Павла создал самую возможность государственного признания христианства, и после «эры мучеников» (II-III вв.) это признание стало неизбежным. Уже в I веке возникло предание о том, что «умер великий Пан» (зафиксиро-

[41] Померанц Г. С. Перекличка героев Достоевского с Бубером // Достоевский в конце XX века. М., 1996. С. 467.

[42] Bultmann, Rudolf. Die Geschichte der synoptischen Tradition. Göttingen, 1921. S. 372.

* Зачеркнуто: «(несомненно, выдающийся писатель)».

вано Плутархом). В нём выразилось чувство исчерпанности античной культуры. В хаосе позднего эллинизма родилось несколько новых религий. Из них митраизм едва не победил христианскую веру, но всё же в конечном счёте Митру одолел Христос.

Очень рано у христианства появились мощные апологеты, из которых, на мой взгляд, самыми яркими личностями были неистовый Тертуллиан и блестяще образованный, мягкосердечный Ориген — первый, кто мог на равных спорить с философами поздней античности.

Ибо христианство представляло собой духовную революцию, неплохо описанную французским историком философии Этьеном Жильсоном. Античную философию в целом характеризовали объективизм, интеллектуализм, универсализм и финитизм (мышление в категориях законченности). Христианская патристика вводит идею Творения из ничего, в полном противоречии с теми итогами античной мысли, которые суммировал Лукреций: «Ex nihilo nihil fit» («Из ничего не возникает ничего»). Христианство вводит проблему бесконечности. Для греков совершенством была законченность, христиане же признают совершенством именно бесконечность: Бог совершенен и бесконечен. По-новому решается проблема отношения Бога к миру: для греков мир или происходит от Бога, и тогда он должен быть совершенным, или мир не совершенен, но тогда он не может происходить от Бога. Это доказательство Эпикура в рамках античной мысли неотразимое, ибо «третьего не дано» (логический закон исключённого третьего). Для христиан же «третье дано»: мир целиком происходит от Бога, но не имеет Его божественной природы. Библейская тема грехопадения получила специальное развитие в христианской теории о порче всей природы с падением Адама.

Описанию Жильсона, казалось бы, полностью противоречит яркая работа Я. Э. Голосовкера «Логика античного мифа»: в ней показано, что логика чудесного постулирует творение из ничего («Ex nihilo omnia fit») и включает в себя закон «неисключённого третьего». Что касается бесконечного и беспредельного (Гегель даже приписывал грекам «страх бесконечности»), то современная наука усматривает корни этой проблематики в раннегреческой мысли[43].

В чём ошибка Жильсона? В сопоставлении христианской религиозной философии с античной философией, которая к I веку н. э. фактически стала безрелигиозной. Получается, что Жильсон конфронтирует религию с наукой. Его сопоставления верны относительно итогов античной науки, но все новации христианской патристики перекликаются с «энигматической логикой» античного мифа, описанной у Голосовкера.

Это значит: патристика глубоко мифологична. Христианство повторно ввело в философию ту логику чудесного, которую истребляла аристотелевская логика. Христианская революция придала античному миру мощный мифотворческий импульс. Но он разительно отличается от архаического мифотворчества. Христианство чувствует себя в большой мере свободным от природы, оно переносит принцип чуда в историю. Центром Истории становится Воплощение: Бог принял истори-

[43] Sinnige Th. Matter and Infinity in the Presocratic Schools and Plato. Utrecht, 1968.

чески обусловленное человеческое существование, причём не в начале времён, а в царствование Октавиана Августа; в Иудее же правил Понтий Пилат. Римская империя ещё формировалась. Бог воплотился в середине исторического процесса, и с этого момента История стала новым измерением присутствия Бога в мире; История становится священной.

Вмешательство Бога в историю и особенно Воплощение имеет трансисторическую цель: спасение человека. Священная История формируется мифами.

Христианство представляло собой прорыв в будущее, и его герои, «взыскующие нового града», его мученики, терзаемые львами на аренах, его подвижницы обновляли миф. Однако между Иисусом Христом и Павлом был превзойдён некий порог, произошёл перелом, после которого светлый мир апостолов с их романтической бедностью и скитальческой волей сменяется исторической, домовито-запасливой иерархизированной Церковью. Христос был освободителем, Павел — строителем. Христианство принялось обживать наличный мир, пока ещё языческий.

Оно выдержало тяжёлые гонения — и у некоторых христиан не доставало мужества, они приносили жертвы казённым богам, отрекались от Иисуса Назареянина, но затем всё же возвращались.

В начале IV века христиане уже составляли большинство городского населения империи. Язычниками оставались в основном сельские жители, и тогда-то латинское слово paganus (деревенский) впервые стало бранным; от него же и русское «поганец» (= язычник). Римская государственная религия оказалась совершенно непригодной в закатную пору империи, ибо народам нужна была религия спасения. Кесари дозволили христианам свободу культа, и в 313 году Миланский эдикт о веротерпимости уравнял христианство в правах с другими религиями. В 321 году Константин Великий объявил седьмой день недели, в понимании христиан «день Господень», общегосударственным днём отдыха. В 325 году в Никее собрался I вселенский собор, и председательствовал на нём Константин.

При нём христианство стало превращаться в государственную религию, а в Риме и Константинополе началось монументальное церковное строительство. Одолев соперничающие религии, христианство заняло монопольное положение в империи. Причин тому много, но главных две:

1) Христианское вероучение признаёт личностью любого раба, тем самым смягчая рабовладельческую систему; оно же велит рабам терпеть и повиноваться, что обеспечивает гражданский мир внутри империи.

2) Будучи одной из самых личностных религий, вводя прямо предстояние индивида Богу, христианство наиболее полно удовлетворяет духовные искания позднеантичного общества.

Созданное бесписьменными людьми, поначалу осмеянное высоколобыми интеллектуалами, христианство сумело привлечь к решению своих доктринальных проблем блестящую интеллигенцию, изощрённую в философии. Последней большой философской системой античности был неоплатонизм, его-то и адаптировали к нуждам христианского богословия. Христианизация неоплатонизма — одна из заслуг гиппонского епископа Аврелия Августина (354–430 гг.).

Выступив против пелагианства — теории абсолютной свободы воли, Августин разработал учение о Предопределении. Одни люди предизбраны к спасению, другие — к вечной погибели. Но Августин понимал, что фатализм тоже опасен, ибо снимает с человека ответственность за грех. Поэтому Августин признал волю человека свободной, «но в границах Божьего Предопределения». Это учение причудливо сочетало общий провиденциализм с конкретным волюнтаризмом. Основной чертой человека Августин признал не разум, а волю. Разум лишь познаёт, он остаётся пассивным, а воля человека есть основа действия.

Путём непосредственной интуиции разум познаёт вечные истины, которые объективно существуют в Боге и суть «экземпляры», образцы всех вещей реального мира. Это экземпляризм, вариант эйдологии Платона. Августин отверг онтологизацию зла: мир, как творение Бога, добр; зло — это недостаток добра; всё единичное, противопоставленное целому, становится злым.

Жизнь уготовала учению Августина тяжкий экзамен. В 410 г. вестготы во главе с Аларихом захватили и разграбили Рим — заметим, уже христианский, осенённый крестом. Это потрясло всех жителей империи — и христиан, и язычников. Впечатление у людей было такое, словно у них под ногами разверзлась земля, и они валятся в пустоту.

Пережить эту катастрофу современникам помог блаженный Августин своею книгой «О Граде Божием», в которой греховной, земной государственности (civitas diaboli) он противопоставил Град Божий (civitas Dei), т. е. духовную общность в Боге. Земная государственность основана на «любви к себе, доведённой до презрения к Богу». Град Божий зиждется на «любви к Богу, доведённой до презрения к себе». Августин прекрасно охарактеризовал государство: «большая разбойничья шайка». Кстати, в своих сочинениях он энергично восставал против смертной казни, доказывая её несправедливость и нецелесообразность. Августин обличал легкомыслие и бездумность римлян, «каиновский» дух империи.

Правда, и в своей знаменитой «Исповеди» (около 400 г.), и в «Граде Божием» он говорит прежде всего о тёмных безднах в сознании всякого человека, о его склонности к тщеславию и самообману; сам человек не в силах справиться с порочными глубинами своего сознания, для спасения необходима Божия Благодать. Однако Августин горячо возражает против всякой пассивности. В книге «О Граде Божием» он доказывает, что история есть борьба добрых и злых людей. Задача Церкви — одолеть мир дьявола путём обращения всего человечества в истинную веру. Всю жизнь христиане должны приуготовлять себя к вхождению в Божий Град: «Тогда мы освободимся и увидим, увидим и возлюбим, возлюбим и восхвалим. Вот то, чем мы будем без конца! Ибо какая иная цель наша, как не то, чтобы достигнуть Царства, которое не имеет конца?»

Историей правит Провидение. Цель истории — торжество христианства, а судьбы империй неважны. Земного Града Августину не жаль. Падение и позор Рима — заслуженный исход всей его дьявольской истории.

И в самом деле: царства гибнут, человечество живёт. Переживая распад великой державы, мы не должны впадать в отчаяние. Жизнь продолжается: должно

верить ей и действовать. Августин и сегодня не лишний: мы перекликаемся с ним через века.

Он противопоставил интеллектуализму и объективизму языческой философии волюнтаризм и христианский субъективизм. В «Исповеди» он дал блестящий пример психологического самоанализа: ничего подобного античная литература создать не могла. Феномен Августина доказывает, что христианство не просто закрывало античность, но и творило новое, в частности, новую личность, новое понимание времени и судьбы.

По словам Вильгельма Вильденбанда, блаженный Августин — «истинный учитель Средних веков. В его философии не только сплетаются, нити христианского и неоплатонического мышления, идеи Оригена и Плотина, но, кроме того, в ней же он с творческой энергией концентрирует и все мысли своего времени вокруг потребности в спасении и веры в удовлетворение этой потребности при помощи церковной общины; его учение — это философия христианской церкви. В нём он дал строго объединённую систему, которая и легла в основу научного образования европейских народов; и в этой-то форме наследство греков стало достоянием романских и германских народов»[44].

Сочетание иудейского монотеизма с учением о Воплощении Сына Божьего породило ряд парадоксов, разрешение которых потребовало создания новых представлений. Главное из них — Троица, три Лица Единого Бога. Земное воплощение Бога тоже создавало осложнения, прежде всего проблему сочетания двух природ во Христе — Божественной и человеческой. Это называется «христологической проблемой».

В процессе христологических споров понадобилось очистить Рождение Богочеловека от натурализма языческих мифов. Из архаических представлений о партеногенезе (девственном рождении) возник христианский миф о Непорочном Зачатии.

Христиане не сразу осознали эту проблему, у них успел сложиться культ Святого Семейства с соответствующей иконографией: Иосиф, Мария, Дитя. Это напоминало триадические семьи языческих богов (например, изображения Осириса, Исиды и Гора). С развитием христианского аскетизма, с его отталкиванием от аморализма языческих теогоний возникла настоятельная потребность отгородиться от такого компрометирующего сходства. Евангельскими преданиями участие Святого Духа в Непорочном Зачатии не расшифровывалось; оно определено позднейшими установлениями христианской Церкви.

С победой идеи Непорочного Зачатия Иосиф перестал считаться мужем Марии (хотя у евангелистов попадаются неясные упоминания о других её детях; комментаторы объявили их кузенами Христа). Святой обручник Иосиф превратился в благоговейного свидетеля чуда. Мария родила Иисуса от Святого Духа, сохранив свою девственность. По людскому опыту такое невозможно, но для Бога нет невозможного. Ещё Иоанн Дамаскин, главный систематизатор доктрины, размышлял, каким путём родился Иисус, и дал авторитетное заключение: коль скоро Благовещение воспринято Девой через слух, то, следовательно, Иисус появился на

[44] Виндельбанд В. История древней философии. СПб, 1908. С. 317-318.

свет из уха Матери. В дальнейшем эти тщетные спекуляции были отброшены. Мария — Богородица и Приснодева. Сложился культ этой милостивой заступницы за людей. Старый спор между материнством и девственностью был победоносно разрешён. Выход из дилеммы есть синтез противоположностей.

Парадокс Девы Марии (сочетание девственности с материнством) — это параллель к соединению двух природ во Христе. Мария обладает сверхчувственной красотой, ибо в ней материнское милосердие и ласка сливаются с девической чистотой, неведением плоти. Она — Мать, но не женщина. Посредством такого парадокса христианство нашло единственно возможный способ вновь сделать материнство священным.

Культ Приснодевы сыграл великую гуманизирующую роль в европейской цивилизации: он упразднил античную объективирующую страсть к женщине как игрушке наслаждений и платоновское презрение к женщине. Подобно тому, как Христос искупил грехопадение Адама, Мария реабилитировала Еву. Вытеснение горделиво-чувственной Афродиты кроткой Марией — одной из главных проявлений христианской духовной революции.

Французский религиовед Пьер Левек пишет: «Некоторые архетипы так сильны, что продолжают существовать поныне; самый поразительный пример этого — группа «мать и сын». Мать держит дитя в своих объятиях: это тема, возникшая в палеолите; её находят и в античности, а в форме Девы Марии с младенцем она становится волнующей темой христианской духовности...»[45] Можно согласиться, что образ Марии преемственно связан с архетипом Матери, но Левек игнорирует парадокс Марии.

По моему мнению, устойчивость архетипов относительна. Богиня-Мать и Дева Мария — не одно и то же. Мифотворчество несводимо к переработке исконных и вечных архетипов, жизнь изменяет их смысл и творит новые. Женщины в становлении христианства имели исключительное значение. Римляне издевательски называли христианство религией нищих и блудниц. Что ж, в первых общинах попадались бывшие блудницы, всем памятны Мария Магдалина и Мария Египетская. Но ведь и добронравных женщин той эпохи римский разврат равнял с блудницами; семейство Октавиана Августа прославилось своими распутницами, а что уж говорить об императрице Мессалине!

Женщины Средиземного моря, раздавленные римским брюхом, в христианстве вновь обрели человеческое достоинство. Крещение, подвиг и (нередко) мученичество вернули им чистоту. Вот исторический парадокс: сенаторских дочерей и знатнейших матрон кесари превращали в блудниц (см. у Светония описание праздника, устроенного для Нерона Тигеллином), тогда как Христос превращал блудниц в святых. И этой исторической правде сложно соответствует — вне прямого подобия — парадокс Девы Марии. Именно Мария открывает женщине путь святости.

Так интеграции религий и исторические перевороты порождают принципиально новую мифологию. Миф ещё нагляднее, чем в архаике, и осмысляет социальную действительность, и организует её; он оказывается необходим всё вновь и вновь.

[45] Leveque Pierre: Bêtes, dieux et hommes. P., 1985.

XI. Мифотворчество христианской Европы

По мере христианизации варварских народов в Европе сложилась запутанная мифологическая ситуация. Античная мифология была выморочной, в Византии формировался новогреческий этнос, и реликты античных мифов врастали в восточное христианство. Как показал в 1910 году фольклорист Д. К. Лоусон, в религии современной Греции сохраняются античные пережитки: богиня-мать Деметра почитается под именем святой Деметры; адский перевозчик Харон превратился в Хароса, ангела смерти; черты солнечного бога Гелиоса перенесены на пророка Илию (по созвучию имён: Гелиос — Элиас) и т. д.

В Западной Европе ощущался отрыв от родины христианства. Новокрещёные народы слабо знали Писание, местами ещё тайно хранили языческие обряды и верования. Так, например, кельтского солнечного бога Гавейна продолжали чтить и после крещения, а затем он был отождествлён с Христом. Язычество пряталось или искало компромиссов с победившей христианской религией.

При этом новохристианские народы ещё сохраняли от своего языческого прошлого энергию живого мифотворчества. Их фантазия была по-детски богатой; в сочетаниях с христианскими сказаниями возникали удивительные мифологические синтезы. Так, весьма знаменательна мифологизация царя гуннов Аттилы (V век).

Ещё при жизни христианские проповедники объявили его Бичом Божиим (metus orbi), потомком Хама или Немврода. Это была библейская привязка, но в то же время непобедимость Аттилы объяснялась тем, что некий пастух нашёл gladium Marti — меч бога Марса — и подарил Аттиле. Так желтокожий азиатский наездник стал потомком библейского персонажа и обладателем меча античного бога: весьма характерное смешение!

С 425 года престол Западной Римской империи занимал Валентиниан III. Его сестра Гонория представляла собой потенциальную угрозу для престолонаследия. Во избежание династических осложнений её обрекли на безбрачие, заперли во дворце и стали готовить к монашеской жизни. Много лет Гонория боролась против тирании семейства. Она вступила в тайный брак с управляющим своих имений; когда тайна открылась, злосчастного супруга казнили, а Гонорию сослали в Константинополь ко двору её двоюродного брата — восточного императора Феодосия II. В отчаянии она послала верного евнуха к Аттиле с предложением взять её в жёны и с драгоценным перстнем в виде залога.

Перстень Гонории — изумительный реальный символ. Царевна обратилась к царю гуннов как к высшей инстанции, как к претенденту, которого её брат казнить не сможет; она ждала от Аттилы освобождения. Аттила потребовал Гонорию в жёны, а с нею в качестве приданого часть владений и сокровищ Валентиниана III.

Не получив согласия, Аттила весной 451 года с огромными силами перешёл через Рейн, и города Галлии запылали.

Аэций, великий полководец и политик, успел на момент сколотить коалицию Запада: галло-римлян, франков, вестготов, бургундов и других. В решающей битве на Каталаунских полях в сумме сражалось полмиллиона человек (15 июня 451 г.), а погибло с обеих сторон 165 тысяч. Ручьи на тех полях, переполняясь кровью, вышли из берегов. Аттила был остановлён и на другой день ушёл в степи Паннонии.

В 452 году он вторгся в Северную Италию, стёр с лица земли Аквилею и взял Милан. Он шёл на Рим, и гибель древней столицы казалась неизбежной. Но в его войске начались эпидемии, гунны были напуганы, Аттила колебался. Навстречу ему выступил со Святыми Дарами римский епископ Лев I. После беседы с ним Аттила согласился не трогать Рима, удовлетворился большим выкупом и повернул вспять. С тех пор христианский мир чтит храброго папу как святого Льва Великого. Возникла церковная легенда о чуде: сам апостол Пётр спустился с неба, чтобы защитить папу Льва.

Уходя из Италии, Аттила ещё грозил вернуться за Гонорией. Но в 453 году он внезапно умер в ночь после свадьбы с бургундской красавицей Ильдико. Европа увидела в этом новое чудо. Аттила стал мифом. Был мифологизирован даже конь Аттилы: где ступили его копыта, больше не растёт трава; после смерти Аттилы его конь стоит в стойле на небе. Когда явилась очередная комета, её объявили хвостом этого ужасного коня.

В хаосе полукрещёной Европы началась вторичная мифологизация христианства, опиравшаяся уже на собственные, местные реалии.

Так, пророчица-пастушка Женевьева предсказала, что Лютеция Паризийская, городок на острове среди Секваны, останется невредимой от вторжения Аттилы: так оно и случилось, Аттила прошёл мимо, и с тех пор святая Женевьева — покровительница Парижа (бывшей Лютеции). Для крещения франкского короля Хлодвига епископом Реми голубь с неба принёс Святую Ампулу с елеем, и с тех пор её регулярно использовали для миропомазания французских королей. Кельтская мифическая святыня Грааль (символ плодородия) была переосмыслена как изумрудная чаша, из которой пил Иисус Христос на тайной вечере; в неё же была собрана кровь Распятого, после чего Иосиф Аримафейский принёс чашу в Британию. Христианам Европы были нужны свои, местные святыни и реликвии; таковые не замедлили явиться. Но христианство раннего Средневековья отчасти ещё оставалось внешним; между ним и мифологической традицией новокрещёных варваров оставался зазор.

Варварские мифологии, в основном кельтская и германо-скандинавская, оплодотворили раннефеодальный эпос. Так возникли предания о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, о фее Моргане и маге Мерлине, о поисках Грааля, о рыцаре Лебедя (вариант тотемического мифа) и мн. др. Эддические мифы с их кровавой эсхатологией (Рагнарёк, гибель богов в беспощадном братоубийстве) сплелись с давними воспоминаниями о переселении народов и об уничтожении Аттилой бургундского королевства на Рейне: так возникла знаменитая «Песнь о Нибелунгах», в которой Аттила стал благородным королём Этцелем, а его последняя жена Ильдико — королевой Кримхильдой, мстительницей за Зигфрида. Интересно, что в

этой эпической поэме среди знаменитых витязей фигурирует Элиас фон Рюсен (т. е. Илья Русский: предположительно, Илья Муромец).

Вторичная мифологизация христианства объединяет раннефеодальную Европу. Той же цели служила канонизация национальных вождей, в особенности вождей-христианизаторов. Святым стал король Стефан (Иштван), креститель Венгрии, а Владимир Киевский — даже равноапостольным, несмотря на свое бурное прошлое. В центре мифологизированной истории раннего Средневековья стоит фигура Карла Великого, на короткое время объединившего половину Западной Европы. Простой народ долго считал его святым, хотя Карл никогда не был канонизирован. И на то были веские причины.

Граф Роланд, герой национального эпоса Франции, погибший в Ронсевальском ущелье (778 г.), был племянником Карла; матерью Роланда была сестра императора, рано удалившаяся в монастырь. Однако многие современники были убеждены, что отцом Роланда был сам Карл Великий!

Кроме того, вскоре после смети Карла возникла легенда или, точнее, легендарная сказка (по классификации Л. Г. Барага) следующего содержания. Карл так влюбился в одну немку, что забросил все государственные дела. Она умерла, но страсть Карла ещё более увеличилась. Он продолжал навещать её труп и ласкать, как живую женщину. Однажды епископ Турпин (тоже один из героев каролингского цикла) в отсутствие императора вошёл в комнату, где лежал труп, чтобы проверить — нет ли здесь какого-нибудь колдовства. Осматривая труп, Турпин нашёл под языком покойницы магическое кольцо и унёс с собой.

Вернулся Карл, удивился виду безобразного трупа и приказал поскорее похоронить его. Но магическое кольцо продолжало действовать: страсть Карла перешла на архиепископа, от которого он теперь не отходил. Испуганный Турпин бросил кольцо в озеро. С тех пор Карл не покидал этого места, построил здесь дворец и монастырь и пожелал быть здесь похороненным. Это немецкий город Аахен, любимая резиденция Карла Великого.

Рассказы об инцесте Карла с сестрой и его некрофилии могли сильно повредить канонизационному процессу, и Церковь не решилась на такой риск. Поэтому Карл стал сказочно-эпическим героем, но не святым (а вот киевский князь Владимир — и тем, и другим).

Кельтское происхождение имел миф о спящем до поры вожде-избавителе. Рано сложилось представление о том, что король Артур не был убит в бою, как повествует эпос, но только ранен; феи унесли его на далёкий остров Авалон, где он отдыхает от ран, но в урочный час вернётся, чтобы спасти Британию. Подобные легенды появились и о Карле Великом. В Германии героем этого интернационального мифа о «втором пришествии» великого вождя стал император Фридрих Барбаросса (он спит со своим воинством в недрах горы Кифхойзер). Этот великий сюжет представляет собой, как мне кажется, усвоение европейскими национальными мифологиями христианской мифологемы «второго пришествия». В варварских мифологиях до христианизации Европы этой мифологемы не было.

История христианской вторичной мифологизации фиксирует и крайне драматические моменты. Так, в X веке обострилась феодальная анархия, узаконенная правом частных войн; одновременно римско-католическая Церковь, хранительница культуры и святительница раннефеодальных монархий, вступила в полосу позорнейшего упадка. В Риме довольно долго существовала так называемая «порнократия» (власть блудниц): богатые куртизанки Теодора и Мароция, мать и дочь, возводили на трон св. Петра своих любовников, либо смещали и даже убивали неугодных пап. В этой обстановке началась паника неслыханных размеров — Великий Страх 1000-го года.

Любители психологизированной истории объясняют этот эсхатологический психоз Западной Европы нумерофобией (страхом перед определёнными числами), «магией круглых чисел». Христианство зародилось как хилиастическое учение, хилиазм был преодолён в III веке, и Церковь объявила его ересью. Но в недрах простонародья сохранялось представление, что мир проживёт тысячу лет. По мере приближения 1000-го года от Рождества Христа усиливались предсказания наступающего конца света. В 1000 году будет Страшный Суд!

Эти ожидания разрослись до невероятных размеров и вызвали напряжение, порою приводившее к пролитию крови. Ожидая вселенской катастрофы, массы людей бросили дома и нивы, бродили по дорогам с полубезумными лицами и опустошали страны, уже разорённые феодальными войнами. В какой-то мере остановилось сельскохозяйственное производство, что вызвало голод и одичание. Бургундский хронист Рауль Глабер свидетельствует: «…люди плодом или яйцом заманивали на глухие тропы детей, чтобы их сожрать <…> голод был таков, что дикие звери не так страшны были человеку, как другой человек <…> на рынке в Турнэ некто продавал человеческое мясо, как обычную пищу…»

Одной из главных причин этого массового психоза был примитивное усвоение христианской морали. Церковь воспитывала новокрещёные народы в страхе Божием, объясняла все страдания людей карой за их грехи. Вечная угроза наказания калечила души и привела к предельной гипертрофии эсхатологических мотивов христианского вероучения. Европейцы ещё не столько верили в Бога, сколько боялись Его.

К счастью, на папский престол в 999 году был избран образованный и умный Сильвестр II; он помог Европе пережить тот страшный год, когда христиане ждали осуществления Апокалипсиса. Ссылаясь на лично полученные Божьи знамения, папа объявил, что конца света пока не будет — и, как известно, оказался прав.

Всё же психоз Тысячного года свидетельствует, что христианское вероучение глубоко проникло в наивное, ещё полуязыческое мифологическое мышление Европы. При этом оно подвергалось причудливым деформациям, скрещивалось с варварскими мифами. Но как раз в эти годы происходит укрепление Церкви, папство усиливается, лик Европы изменяется.

Русский медиевист Лев Карсавин утверждает: «Западно-христианская культура возникает только около IX-XI века. Её второй период полнее всего выражен в так называемом феодализме (X-XII вв.)». Для этой эпохи, по мнению Карсавина, характерно превращение Церкви в социально-политическую и культурную силу, «руководящая роль Церкви» и «религиозный характер Империи», утверждение

сословной монархии и начало сложения наций. Сама религиозность на пике Средних веков «отличается всеобъемлющим своим значением, близостью к природе и жизни»[46].

Но это общая характеристика зрелого Средневековья, а начинался XI век весьма тревожно. Утверждение христианской культуры происходило в борьбе с языческими мифами и обрядами. Сами собою в этой борьбе складывались странные компромиссы: часть языческой мифологии низводилась в ранг исторической легенды.

Так, англо-саксонские хронисты XI века приводят легенду о леди Годиве (собственно, Годгифу); легенда сообщается как подлинное событие под 1040 годом. Добрая леди Годива просила своего мужа, сурового ярла Леофрика, избавить Ковентри от непомерных налогов. Муж поставил условие, которое, по-видимому, считал неисполнимым: чтобы Годива совершенно нагая проехала по городу верхом на коне. Она оповестила об этом Ковентри, приказав горожанам в назначенный час закрыть окна ставнями и не выходить из домов. Раздевшись и распустив свои длинные волосы, она проехала по пустому Ковентри; только один подлец, портной Том, глянул в щёлку, увидел нагую Годиву — и ослеп.

Эта легенда — историзация архаических женских обрядов, табуированных для мужчин. На Руси вплоть до XIX века во время эпидемий крестьянки, раздевшись донага и впрягшись в плуг, опахивали своё село магическим кругом; мужчины при этом прятались, зная, что мужчина, который увидит ритуальную наготу, ослепнет.

Пример с леди Годивой показывает, что обряд может пережить свой миф: при этом он получает новую, псевдо-историческую мотивировку. Согласно легенде, Годива основала монастырь в Ковентри (1043). Служительнице пережиточного культа придали облик благочестивой христианки. Проезд её через Ковентри инсценируется поныне.

В Англии особенно живучим был весенний обрядовый цикл с воздвижением «майского дерева» (фаллический символ), с плясками и играми в лесной чаще. Центральные роли в обряде играли «майский король» Робин и дева Марион. В XIX веке, когда антифеодальная борьба английских крестьян достигла кульминации, мифологические фигуры Робина и Марион отливаются в псевдо-историческую форму: складываются рассказы о шайке Робина Гуда, ведущей вольную жизнь в Шервудском лесу. Десакрализованный миф стал легендой, и люди верили в её историчность.

Только в XX веке, переворошив горы архивов, английские историки признали, что в действительности никакого Робина Гуда никогда не существовало: имена Робина, Марион и других персонажей легенды взяты из древних мифов и сказок. Десакрализованный обряд стал легендарным сюжетом.

И ещё один путь порождения легендарных сюжетов — это трансформация античных мотивов, включающихся в средневековое мифотворчество. Как известно, черты Персея были перенесены на Георгия Победоносца: это прежде всего мотив

[46] Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., 1993. С 208.

убиения дракона и спасения девицы, уготованной в жертву чудовищу. В кельтских сказаниях о Тристане мы находим мотив чёрных и белых парусов, которые забыл поменять Тесей, возвращаясь с победой в Аттику. В средневековых апокрифах об Иуде Искариотском общеизвестным евангельским событиям предпослан трансформированный эдиповский миф. Иуда совершает неосознанное отцеубийство и женится на вдове убитого, не зная, что это его мать. Когда же он узнаёт, кого он убил и на ком женился, Иуда в ужасе бежит к Иисусу Христу и становится его учеником.

Любопытны немецкие легенды той эпохи, например, легенды о Тангейзере. Это историческое лицо, миннезингер XIII века; фривольность его любовной лирики отличала его от традиционной куртуазии придворного миннезанга. Видимо, образ нового лирического героя был перенесён на самого поэта: за Тангейзером закрепилась репутация распутника. Он умер в 1270 году. В XV веке сложилась легенда о том, как зачарованная его песнями богиня Хольда или, по другим версиям, сама Госпожа Венера увлекла миннезингера в волшебный грот, где он провёл долгое время в греховных наслаждениях с богиней. Выйдя из грота, он отправился в Рим и просил у папы Урбана отпущения грехов. Выслушав его исповедь, папа в негодовании ответил: «Я отпущу тебе грехи, когда мой посох зацветёт». Удручённый Тангейзер ушёл, и вдруг папа увидел, что его посох покрылся цветами. Урбан в раскаянии разослал гонцов на поиски Тангейзера, но того нигде не нашли.

Легенда о миннезингере, который был любовником языческой богини, завершена христианским финалом: милость Господа безгранична, папа был не прав, оттолкнув покаявшегося грешника.

Широко известна легенда о Крысолове из Хамельна. Город изнемогал от кошмарного изобилия крыс; в магистрат явился незнакомец и за крупное вознаграждение взялся избавить Хамельн от этого бедствия. Ему обещали всё, чего он желал. Незнакомец заиграл на дудочке, и все крысы пошли за ним. Совсем больных и немощных крыс тащили их внучата. Музыкант привёл всех крыс к берегу Везера и, не переставая играть, сел в лодку, оттолкнулся, поплыл; крысы пошли за ним в Везер — и утонули. Когда же Крысолов явился в магистрат за наградой, ему отказались платить (или уплатили только часть). Тогда он вышел на улицу и заиграл вновь; за ним, как зачарованные, пошли дети Хамельна; он вышел с ними за город и вошёл в пещеру, а дети за ним. Затем вход в пещеру закрылся, и больше их никто никогда не видел. В центре Хамельна по сей день запрещена игра на каких бы то ни было музыкальных инструментах.

В чём смысл этого сюжета? Кара за нарушение обещания. Но кто в праве налагать на город такую страшную кару? Вероятно, только Бог. Но о Боге в легенде нет ни слова.

Между тем, в античности был повелитель мышей и крыс, он же покровитель искусств и бог музыки: это Аполлон. Одна из эпиклес (культовых прозвищ) Аполлона — это «Сминтей» (греч. «Мышиный»). Некоторые храмы Аполлона в древности кормили священных мышей. Правда, чуму разносят не мыши, а крысы, но в древности они практически не различались.

Ещё одна черта Аполлона — его выдающаяся жестокость. Когда Ниоба похвалилась своим многочадием и посмеялась над Латоной, имевшей всего двух детей, Аполлон и Артемида отомстили Ниобе за оскорбление их матери: перестреляли из луков всех детей несчастной женщины, числом двенадцать (вариант: двадцать). Ниоба от горя окаменела. Заметим, её-то дети Латоны не тронули; они только лишили её преимущества перед Латоной.

Чудесный музыкант, властвующий над крысами, мстит жадным бюргерам Хамельна, лишая их детей. Не исключено, что эта легенда — отдалённая реминисценция аполлоновского мифа.

Эти примеры показывают, что реликты разрушенных мифологических систем могут получить вторую жизнь, встраиваясь в новые системы. При этом пережиточные элементы или утрачивают своё сакральное значение, или сохраняют его в завуалированном виде. Крысолов из Хамельна — это богодемоническое существо, один из духов древнегерманской мифологии, но в то же время и Аполлон Сминтей. Я согласен, что такое сочетание кажется парадоксальным, но не более, чем придание черт Гелиоса ветхозаветному пророку или эдиповской биографии — Иуде Искариоту. В легенде о Тангейзере германская богиня Хольда и Госпожа Венера альтернативны одна другой.

Но вернемся в XI век. В 1054 году взаимными проклятиями папы римского и патриарха константинопольского оформилось окончательное разделение западной и восточной церквей. Оно назревало уже давно.

При всей важности догматических и культовых разногласий, причины этой «Великой Схизмы» лежат в исторической плоскости. Византийская «симфония» («созвучие») духовной и светской власти на практике означала подчинение Церкви императору. Греческая Церковь после бурь иконоборства стала пассивной, прониклась духом византийского консерватизма; её живые силы ушли в художественное творчество — от гимнов Романа Мелода до великолепных икон. Параллельно церковному искусству, развивается мистическая созерцательность, гипертрофия культа и застой богословия. Метафизическое творчество почти прекращается. Греческая Церковь погружается в глубокий стасис.

Напротив, римская Церковь вызывающе динамична. Она стала обладательницей своего земного государства, а посему её борьба за супрематию над светской властью приобрела политический смысл. Для укрепления Церкви была начата Клюнийская реформа (от названия одного французского монастыря). В ходе её был установлен целибат духовенства, а в 1059 году введено избрание папы коллегией кардиналов.

Главным деятелем реформы явился Хильдебранд, монах из Клюни, позже кардинал и главный советник пяти пап. В 1073 году он сам был избран папой и принял имя Григория VII. Он сформулировал идею вселенской теократии, «диктата пап» над светскими государями и применял эту идею на практике, обрушиваясь на строптивые страны с отлучениями. В 1077 году Григорий VII заставил императора «пойти в Каноссу» (замок маркграфини Матильды, у которой гостил папа). Трое суток император, одетый в рубище, с верёвкой на шее и босой (несмотря на зиму и

снег), простоял под стенами Каноссы. Наконец, он вымолил прощение, и церкви в Германии открылись вновь. Используя примирение с Григорием VII, хитрый немец реорганизовал свой режим, перекупил немецких друзей папы и, снова ополчась на папу, выгнал его из Рима. Папа призвал на помощь сицилийских норманнов и с ними отбил Рим. При этом норманны так страшно разграбили Рим, что папа не посмел в нём остаться. Ему пришлось уйти с норманнами на юг страны, где он и умер.

Клюнийская реформа была проведена лишь наполовину, и всё же католическая Церковь укрепилась. Не случайно она взялась за решение общей проблемы Западной Европы. Дело в том, что уже триста лет Запад оборонялся от натиска арабов и от набегов викингов. На Пиренейском полуострове установилось неустойчивое равновесие, которое предшествовало реконкисте (христианскому отвоеванию). Скандинавские пираты начали креститься и переходить к оседлости — в Нормандии, на Сицилии, на Руси. Но в Западной Европе стало тесно — и территориально, и духовно. Этот уголок земли сделался демографической ловушкой. Из тесноты, из безысходности рождалось стремление взломать скорлупу — перейти в контрнаступление. Севера боялись, на Средиземном море доминировали арабы, на западе — океан, край света. Оставалось одно направление — восточное.

Между тем, завоевания сельджуков закрыли европейцам доступ к святыням Палестины. Европа хотела выбраться из западни — отсюда тяга к Святой Земле.*

Фанатизм и упорство крестовых походов нельзя объяснить одними экономическими причинами. Исходная их предпосылка — растущее противоречие между демографическим потенциалом Западной Европы и её изоляцией. На этой основе и возник мифологический голод христианства — ностальгия по своей колыбели. Христиане захотели овладеть землёй Христа. С их точки зрения, «агаряне» не нуждались в Палестине. У них были Мекка и гроб Магомета, но под их же нечестивой властью находился и гроб Христа, в божественность которого они не верили. Так пусть же отдадут Иерусалим!

Но притязания евреев были старше христианских. Они продолжали мечтать о возвращении в землю обетованную, Христа считали просто отколовшимся евреем и не видели никаких прав Европы на Иерусалим. Поэтому по пути следования первых армий креста через европейские города совершились массовые истребления евреев.

Первый крестовый поход завершился взятием Иерусалима (июль 1099 г.); население было полностью перебито. Маленьких детей не резали — просто брали за ноги и разбивали им головы о камни. Иерусалимские мечети, спешно превращённые в христианские храмы, заполнились богохвалами с красными руками. На арабском Востоке слово «крестоносец» и поныне звучит, как у нас «фашист».

Религиозность крестоносцев была дикой. В 1187 году султан Саладин, которого даже враги признавали образцом рыцарского благородства, отвоевал Иерусалим; это вызвало третий крестовый поход; его возглавили Фридрих Барбаросса, Ричард Львиное Сердце и Филипп-Август. Но кайзер Фридрих, «рыжебородый

* Далее зачеркнуто: «На Пиренейском полуострове доминировали мавры».

трубадур», не дошёл до Святой Земли — утонул в бурной киликийской речке. Боготворившие его немецкие рыцари впали в отчаяние; некоторые из них, в гневе на своего Бога, обратились в ислам.

Византия всегда помогала крестоносцам и пропускала их через свои земли, хотя они не скрывали своего презрения к греко-православной религии. И вдруг четвёртый крестовый поход совершил вероломный пируэт и внезапным ударом захватил византийскую столицу (1204). Великолепный город был разграблен и крестоносцы поработили Византию, кроме Никеи и Трапезунда. Это была неслыханная подлость.

Сопротивление Востока нарастало неуклонно. Иерусалимское королевство было обречено. Над Иерусалимом снова воссиял Полумесяц, франков изгнали из Константинополя. Запад потерпел полное поражение. Духовно-рыцарские ордена, защищавшие цепочку приморских крепостей в Святой Земле, были окончательно изгнаны мусульманами и, осев на Западе, занялись финансовыми махинациями (Тевтонский орден занялся завоеванием Прибалтики).

Объявлялись и далее крестовые походы — в основном против турок, но фанатиков уже не хватало, нанимали солдат за деньги; ради получения средств папы увеличивали поборы и начали продажу индульгенций (особых документов об отпущении грехов, неслыханное изобретение римской церкви)…

Каков же итог этой кровавой эпопеи? Как ни странно, она принесла пользу народам Запада, но эту пользу нелегко определить. Крестовые походы — это пик средневековой истории. Они знаменовали прорыв изоляции, в которой Европа тщеславно консервировала своё затянувшееся варварство, тогда как арабская культура пятьсот лет лидировала в мире.

Её влияние на Европу началось уже в VIII веке, хотя контакты первоначально были спорадическими и происходили в основном на периферии (Сицилия, Испания). Халиф Харун ар-Рашид направил к Карлу Великому посольство, которое привело в подарок императору Запада живого слона. Вследствие крестовых походов практически вся Европа испытала влияние Востока: сначала — на бытовом уровне.

Европа влюбилась в пряную восточную пищу и чарующе нежных женщин с миндалевидными очами и ароматными телами. Крестоносцев поразили восточные бани, причудливая архитектура Востока, тонкие ткани и учтивые манеры арабов, их пламенная любовная лирики и звон арабской лютни. Но всего поразительнее была энциклопедическая образованность арабов, для которых Ифлятун и Арасту (Платон и Аристотель) давно уже сделались своими мудрецами. Европейцы переняли от «агарян» их медицину, алгебру, химию, арабизированного Аристотеля, Авиценну и Аверроэса, а также мусульманские мифы, целые литературные жанры и даже рифму в поэзии. Повторилось нечто вроде эпохи эллинизма, хотя и в меньших масштабах. Человечество так устроено, что войны всегда способствовали и способствуют усилению культурного обмена. Крестовые походы привели к новому осознанию ценности Востока, к расширению европейских горизонтов.

При этом колоссальные перемены совершались внутри самой Европы. С первыми крестовыми походами совпадает перелом, своего рода культурная революция — переход от романского стиля с готическому. Следует трактовать это глубже, чем смену архитектурных стилей. Великий русский учёный Ф. И. Буслаев в работе «Народная поэзия: исторические очерки» (СПб., 1887) описал этот культурный перелом. В искусстве Европы романскому стилю, с преобладанием языческих черт соответствуют народные предания о драконах; основная черта романского стиля — чудовищность, преобладание звериных форм. Напротив, готический стиль знаменует обращение к человеческим интересами: это поэзия трубадуров, культ Прекрасной Дамы, рыцарский эпос. Готика, по мнению Ф. И. Буслаева, означает освобождение человека из-под власти природы. Буслаев считал главным недостатком в нравственном развитии русской народности отсутствие эпохи, соответствующей готическому стилю; «звериный стиль» господствовал на Руси даже в XVII веке.

Одновременно с «архитектурным переворотом», с культурной революцией в Западной Европе подспудно совершается трансформация религиозного сознания. Средневековое христианство вступает в свою высшую и наиболее плодотворную фазу. Символическим выражением этой трансформации мне представляется одно немецкое предание, мало известное за пределами Германии: история графа фон Гляйхена.

Это был крестоносец, попавший в плен к арабам. Сделанный садовником знатного мусульманина, он воспламенил сердце прекрасной дочери хозяина, и девушка вместе с ним бежала из родной страны. Достигнув родины, Гляйхен представил спасительницу своей верной супруге и признался, что дал клятву вечно любить прекрасную аравитянку. Графиня приняла освободительницу мужа, и сам папа римский по ходатайству Гляйхена дал ему диспенсацию (исключительное дозволение) на двойной брак. Граф и две его жены жили счастливо и после смерти погребены были вместе в церкви бенедиктинского монастыря в Эрфурте. Их могилу видел Н. М. Карамзин и пересказал эту трогательную историю в «Письмах русского путешественника». Но вся эта история — вариант весьма распространённого и древнего сказочного сюжета: спасение пленника дочерью его врага.

Это, конечно, Тесей и Ариадна, но кроме того — целый ряд сказочных сюжетов, включая и арабские (только там красавица-христианка спасает пленного араба, бежит вместе с ним и принимает ислам). Легенда о графе Гляйхене претендовала на историчность, но историческим элементом её можно признать только сам дух благополучного финала, отразившего перемены в религиозном чувстве Западной Европы XII-XIII веков.

В XIII веке, наблюдая, как на огромных пространствах Азии вырастает сверхдержава Чингизидов, европейцы начали отдавать себе отчёт в тесноте своего дома и в ограниченности своего миропонимания. Последнее давалось им с трудом.

В 1295 году в Венецию вернулся купец Марко Поло, проведя 24 года далеко на востоке. Вскоре он был взят в плен генуэзцами и в заточении продиктовал пизанцу Рустичано свои воспоминания о Востоке. «Книга Марко Поло» возмутила современников своими нелепыми фантазиями — например, о горящих камнях, или

о бумажках, на которые китайцы меняют золото, или о южных морях, в которых не видна Полярная звезда. Европа не поверила в существование ни каменного угля, ни бумажных ассигнаций. Когда Марко Поло умирал, монах, пришедший его исповедовать, сказал: «Бог простит вам нелепые выдумки, но покайтесь, ибо многое в ваших рассказах кощунственно. Отрекитесь от утверждения, будто не всем светит Божественная Путеводная Звезда».

Но Марко проплыл под небом Южного Креста, и ему не в чем было каяться. Годы шли, и одно за другим приходили из дальних стран подтверждения его правдивости. В европейской душе проснулась тоска по широкому миру. Наступила «осень Средневековья», во многих отношениях — золотая осень.

XII. Мифотворчество позднего Средневековья

Доктрина Предопределения постепенно выродилась в мрачный фатализм, окрашенный презрением к человеческой жизни и не отвечавший новым духовным исканиям Европы. В недрах западного христианства кипело недовольство. Внутренняя противоречивость христианской культуры породила и ереси, и попытки модификации вероучения.

Ещё в XII веке гениальный калабрийский монах Иоахим Флорский, отправляясь от Апокалипсиса и учения о Тысячелетнем Царстве Божием, создал миф о трёх эрах мировой истории, каждая из которых подчиняется одному из Ликов Троицы. Первая эра, от Сотворения Мира до Рождества Христа, была царством Отца, вторая — Царством Сына, ныне истекающим; в 1260 г., по предсказанию Иоахима, начнётся Царство Святого Духа, которое принесёт человечеству счастье и продлится до конца времён. В третью же эру будет возвещено новое Откровение — Завет Святого духа, в дополнение к Ветхому и Новому Заветам. Иоахим предсказывал также явление ангелического папы, которого ниспошлёт Господь для обновления Церкви. Ангелический папа? Но эта идея, несомненно, выражает в осторожной форме чаяние нового Мессии.

Иоахимова проекция Троицы на историю подразумевала историчность христианства. Ведь до Рождества Христа истинной религией была иудейская; Царству Сына соответствует христианская, отменившая Закон Моисея; ergo, Третий Завет, откроет ещё одну истинную религию. Historia Sacra оказывается цикличной. Иоахим — предтеча нового цикла.

Великие папы XIII века — Иннокентий III, Григорий IX, Иннокентий IV — сознательно превратили Парижский университет в мозговой центр католицизма. В середине XIII века Сорбонна осудила учение Иоахима, но папство не решилось объявить его ересью. Иоахимизму были привержены и короли, и крупные богословы; он повлиял на религиозные искания последующих веков и на политический мессианизм.

Для позднего Средневековья характерна глубокая тоска, связанная с крайней обесценкой жизни и апокалиптическими предчувствиями. Эту тоску описал С. Лем в эссе «Провокация»: «Средневековье осуществило род симбиоза со смертью как судьбой, уготованной человеку волей Всевышнего; четыре всадника Апокалипсиса, «плач и скрежет зубовный», пляски скелетов, «чёрная смерть» и «Höllenfahrt» стали естественными спутниками человеческого существования, а смерть — орудием Провидения, уравнивающего нищих с монархами. Это оказалось возможным как раз потому, что средневековье было совершенно беспомощно перед смертью».

Здесь Лем говорит о плачевном состоянии тогдашней медицины — и делает неожиданный вывод: «Но как раз высокая смертность, непродолжительность

жизни и примирили средневековье со смертью — смерть получила самое высокое место в культуре, устремлённой к потустороннему»[47].

Вот здесь я рискну оспорить Станислава Лема.

Да, средневековая культура демонстрирует фамильярность со смертью, но скорее на уровне идеологии: Церковь вела политику запугивания, картины адских мук и макабрских танцев назывались «зеркалом истинного покаяния». Но в недрах культуры горело жизнелюбие народов, со ступеней тронов подмигивали язвительные шуты, гремел «пасхальный смех» и процветала parodia sacra — в полном контрасте с апокалиптикой. Никто не хотел умирать, и от цепенящей морды Смерти, одетой в рясу с капюшоном, простой народ уходил в ереси (порою жизнеутверждающие), в тайные магические культы, в запретные обряды плодородия. И народ не мирился со смертью.

Столкновение между Церковью и ересями разыгрались в XIII-XV веках. Особенно кровавым стало истребление альбигойцев (1209-1229), которое превратило в пустыню самые цветущие области Юго-Западной Франции. Накануне взятия Безье перед крестоносцами возникла проблема: как отличать католиков от еретиков? И тогда папский нунций Амальрик посоветовал: «Убивайте всех, Господь узнает своих».

Безье был взят, население вырезано — все 20 тысяч. Затем город был разграблен и сожжён. Совет Амальрика означал: убить невинного не страшно, Бог на том свете вознаградит его райским блаженством. Лем пишет, что в этих известных словах, «которые кажутся нам изощрённым кощунством, нашла выражение глубочайшая вера». По-моему, тут Лем ошибается, это недоразумение.

«Убивайте всех...» — не веру выражает совет Амальрика, а крайнее равнодушие (если не презрение) к земной человеческой жизни, что противно духу Христова учения. Ибо средневековое христианство кошмарно заблудилось в лимбах ада. В потёмки этого кровавого фатализма внёс свет лишь Франциск Ассизский (1182-1226).

Этот «рыцарь Бедности», поэт и мечтатель, понял, что Церковь ветшает. Он попытался повторить земной путь Христа — реактивировать миф. Начал он с того, что сам отстроил одну ветхую церквушку (символическое деяние). Он пустился в странствие с двенадцатью учениками (символическое число). Дорогой они выполняли работу подёнщиков и в уплату брали только пищу. Денег Франциск не хотел.

Он объявил Бедность своею дамой сердца — «странствующий рыцарь» Бедности! Вспомним, что одна из первых иудео-христианских общин называлась «эбионим», т. е. «бедняки». Бедность и совместный труд характерны для раннего христианства. Франциск соединил символическую рецитацию Евангелия с возрождением первохристианских нравов. Увенчанием этого христоподобия явились стигматы Франциска (кровавые знаки ран Христа на теле). Народ валом валил за ним.

Во францисканском движении выразилось широкое недовольство любостяжанием Церкви. Сам Франциск, человек мирный и светлый, с курией не ссорился.

[47] Лем, Станислав. Собр. соч. Т. 10. М., 1995. С. 478.

Он просто попытался вернуть сакральное время христианства как альтернативу крестовым походам, направленным на захват сакрального пространства. Народы разочаровались в идее отвоевать землю мифа; Франциск попытался воскресить время мифа — юность христианства. Он был поэтом, сохранился его гимн Солнцу. Он разговаривал со зверями и травами; проповедовал птицам; пел хвалу всему миру Божьему. Аскетизм его был жизнерадостным. Аскет из Ассизи возрождал ценность земной жизни. В этом причина его колоссального успеха. Вот он-то верил в Бога, а не Амальрик!

Многие увидели во францисканском движении реализацию пророчеств Иоахима Флорского. Сами францисканцы свято верили в идею Третьего Царства и ожидали сошествия Святого духа. Францисканство есть попытка практически реализовать иоахимизм. Фактически Иоахим и Франциск внесли идеи циклизма и повторяемости в Священную историю, а младший из них двоих попытался освятить греховную текущую историю, придать ей действительную сакральность.

Несмотря на мирный характер движения, курия была испугана его размахом и поспешила ввести в рамки церковной организации. Стихийно возникшее братство было превращено в монашеский орден — первый из нищенствующих орденов. При этом монашеское отшельничество Франциск заменил апостольским миссионерством. Францисканец, отрекаясь от мира, должен был оставаться в миру. Однако сам Франциск вскоре отошёл от руководства орденом. В 1226 г. он умер, а уже в 1228 г. причислен к лику святых. Папство стремилось задушить движение в своих объятиях.

Радикалы, недовольные последующим перерождением францисканства, вышли из ордена и раздробились на воинствующие течения, которые были подвергнуты суровым репрессиям. Францисканский орден за двести лет растворился в Церкви.

Францисканская эпопея совершалась одновременно с истреблением альбигойцев. Кроме этого леденящего триумфа, Воинствующая Церковь повсеместно терпела поражения: крестоносцы из Ливонского ордена в 1242 году были наголову разбиты русским схизматиком Александром, монголы дошли до Адриатического моря, эксцентричный германский король Фридрих Штауфен вёл настоящую войну против папы римского, используя при этом арабские войска, и дружил с мусульманами, его прозвали Stupor Mundi («изумление мира»). Французский король Людовик Святой, самый глупый из крестоносцев, попал в плен к арабам. Порою христианам чудилось, что Провидение отвернулось от них.

До поражения крестовых походов Европе казалось, что история развивается по Августину. Но когда мусульмане очистили от крестоносцев Ближний Восток, когда монгольское нашествие опустошило Русь, Польшу и Венгрию, потрясённая Европа разуверилась в провиденциализме Августина. Очевидные беды христианства потребовали возврата к рационализму.

В 1260 году, т. е. в году, предсказанном Иоахимом Флорским в качестве конца Царства Сына, в Италии зародилось массовое движение флагеллантов (бичующихся). Народ переосмыслил пророчество Иоахима в эсхатологическом духе. Длинные процессии голых по пояс мужчин и женщин, рыдающих и бичующих

себя, прошли по городам Европы, возвещая конец света. Окровавленные флагелланты, переходя из города в город и простираясь перед всеми алтарями, переживали коллективный экстаз: они рецитировали Страсти Христовы. Для них вся история заканчивалась в сладостных муках, имитировавших Страсти.

В 1349 году папа запретил эти шествия и объявил флагеллантов еретиками, после чего началось их систематическое преследование. Однако ересь держалась, и целое столетие спустя флагеллантов по-прежнему сжигали десятками, а то и сотнями.

Наглядную параллель к движению флагеллантов мы сегодня видим на Филиппинах: народ, окрещённый испанскими колонизаторами, сохранил мифологическое мировосприятие. Каждый год многие филиппинцы в Страстную неделю самораспинаются на крестах, пытаясь отождествиться с Иисусом Христом. Умереть всерьёз им не дают, но приколачивают настоящими гвоздями. Уже в XIII веке флагелланты продемонстрировали элементарную истину: мифотворчество может быть разрушительным, крайности слепой веры опасны. Надо в известной мере опираться и на разум.

Кроме того, в XIII веке папство попыталось построить международную религиозно-политическую систему. Задачей Августина было религиозное спасение Запада в панике V века; в XIII веке задача была иной — организация. А ведь никакая организация невозможна без плана и логики, без разума и расчёта. В тот самый момент, когда Григорий IX окончательно закрепил привилегированное положение Парижского университета, он насильно открыл его двери для богословов доминиканского ордена, т. е. для людей, специально обученных логически обосновывать доктрину Церкви. Святой Престол официально поручил им согласовать христианскую догматику с арабским аристотелизмом. Крупнейшими из доминиканских теологов были Альберт Великий и его ученик Фома Аквинский.

Теологическая реформа Фомы состояла в христианизации Аристотеля и замене августиновского платонизма новым, рационалистическим учением. Повенчав Доктрину с Аристотелем, Фома преодолел аверроизм с его учением о «двойственной истине». Он ввёл в теологию понятие естественных, инструментальных причин, посредством которых Бог управляет миром. Фома признал полезность науки: знание должно укрепить веру. Томизм стимулировал изучение естественных причин — естествознание, программно провозгласив гармонию разума и веры.

Между тем, создание новой европейской системы под эгидой папы столкнулось с большими трудностями. Бонифаций VIII, нуждаясь в деньгах, изобрёл юбилеи и наступающий 1300-й год объявил «святым годом». В Рим за отпущением грехов стеклись бесчисленные толпы; эта пёстрая выставка болезней и пороков произвела неизгладимое впечатление на Данте Алигьери: из панорамы римского юбилея родились картины его «Ада» (куда, кстати, он поместил и папу-вымогателя Бонифация VIII).

Для Данте мудрый язычник Вергилий был идеалом вещего поэта, Беатриче — звездой сердца, а Фома Аквинский — истолкователем мироздания. Но Данте — не

абсолютный томист. Такое застоявшееся заблуждение развеяли Жильсон и Нарди, доказав связь Данте с арабскими мыслителями. Некоторые теологи упрекали Данте в том, что он разделял взгляды Аверроэса и его метафизику света, родственную учению неоплатоников. У Данте много расхождений с Фомой. Примечательно, что Фома считал поэтов лжецами или в лучшем случае милыми забавниками, а Данте восстановил древнее право поэтов объяснять мир и толковать веру.

Морализм Данте, его известная «суровость» сочетаются с гуманистическим сочувствием к мощным характерам и великим страстям, глубокая религиозность не мешает лелеять мечту о всемирном единстве культуры. Поэтому он обеспечивает спокойное загробное бытие теням язычника Вергилия и благородного мусульманина Саладина. Данте поэтически обновляет теологию. Как точно он подметил одну из граней в парадоксе Девы Марии:

О Дева-Мать, дочь своего же сына…
(«Рай», Песнь XXXIII).

И в самом деле, Мария — духовная дочь Христа.

«Божественная комедия» — синтез христианской вторичной мифологизации с отголосками античных и даже мусульманских мифов. Данте сам сравнил себя с геометром; он построил собственную картину мира, и его геометрия, как отметил П. Флоренский, не является эвклидовской. «Система Данте» — новый культурный космос, пришедший на смену парадигме Платона.

«Комедия» — это и смелая мифологизация личной судьбы поэта; Данте — субъект и объект своего мифа. Любимую свою Беатриче он дерзнул вознести в земной рай, изобразив её в зелёном платье, на колеснице, запряжённой грифонами…

Впечатление от его могучего воображения было столь сильным, что многие современники буквально восприняли его миф. Женщины Равенны суеверно взирали на худое и красное лицо стареющего изгнанника, словно опалённое преисподним огнём: «Вон идёт флорентиец Данте. Сразу видно, что он побывал в аду».

Лучший из русских дантологов проницательно описал глубинный пафос мифотворчества Данте: «Никогда ни один человек не отчаивался так глубоко, как Данте. И ни один поэт в мире с такой силой не стремился преодолеть это отчаяние. Дело шло о неблагополучии всей мировой системы. Он должен был оправдать и гармонизировать вселенную, придать смысл историческим событиям, которые могли бы показаться чудовищными»[48].

Завет Данте начертан на его гробнице: «Злу я не покоряюсь». Его значение для католицизма сравнимо с ролью Гомера и Гесиода в оформлении олимпийской религии. Философ школы Б. Кроче рассматривал «Божественную комедию» как вершину христианской теологии Средних веков.

[48] Голенищев-Кутузов И. Н. «Божественная комедия» // Данте. Божественная комедия. М., 1967. С. 468.

Влияние Данте коснулось основ доктрины: в 1439 году Флорентийский собор канонизировал миф о Чистилище, созданный великим поэтом путём систематизации ряда средневековых легенд. Принятие этого мифа в качестве догмата смягчило идею загробного наказания. При этом двоичная структура загробного мира сменилась троичной. Чистилище — компромисс между религией и гуманизмом.

Человек глубоко религиозный, Данте в то же время страстно любил Беатриче Портинари, которая оставалась недосягаемой и умерла молодой. Он верил, что любовь очищает душу — «Любовь, которая движет Солнце и другие звёзды» (последний стих «Божественной комедии»). Благодаря Данте, в католической культуре стало возможным совмещение религиозности с высокой любовью между мужчиной и женщиной. Такая любовь помогает спасению души. Данте зачеркнул Тертуллиана и омолодил сердце Италии.*

Позднее мифотворчество Средних веков принципиально отличалось и от античного, и от варварского в V-IX вв.; оно выразило порыв к духовности, тот самый взлёт к Небу, который столь наглядно воплотился в вертикализме готической архитектуры. Стрелы её башен, вонзающиеся в облака, не имели практической мотивации (как, например, минарет: с него провозглашается призыв к молитве); это башни — просто каменные молитвы, они просят отклика от Неба. Отцом готики называют аббата Сюжера, советника двух французских королей: под его руководством была построена церковь в Сен-Дени. На её фасаде аббат велел начертать: «Чувственною красотою душа возвышается к истинной красоте и от земли возносится к небесам». Быть может, Данте прочёл это, когда жил в Париже…

Религиозные движения позднего средневековья (иоахимическое, францисканское, позже гуситское) концентрировались в личностях гениальных реформаторов. Они либо творили новые мифы, либо сами становились их героями, либо сочетали то и другое. Века, богатые пророками, нельзя считать тёмными или дикими. Позднее средневековье освещено чередой грандиозных человеческих фигур.

Чешский национальный герой Ян Гус не был мифотворцем, он был религиозным вождём становящегося народа. Неправый суд Констанцского собора, подлое предательство императора (который дал Гусу охранную грамоту, а потом отрёкся от своего слова) и мученическая смерть Гуса уподобили его Христу. Бедная старушка, узнав, что на площади жгут еретика, не пожалела своей вязанки хвороста на доброе дело и подкинула её в костёр Гуса, и горящий Гус сказал на это: «О, святая простота!» Точь-в-точь как Иисус на кресте: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Лука, 23: 34). Констанцский собор — это иерусалимский синедрион, а император Сигизмунд — это Иуда и Понтий Пилат в одном лице.

Иоахим Флорский, Франциск Ассизский, Данте, Гус — это герои духа, перед которыми ничтожна слава коронованных хамов вроде Фридриха Барбароссы или Ричарда Львиное Сердце.

* Далее зачеркнуто: «Он был одновременно Гомером и Гесиодом католицизма».

Ян Гус был сожжён в Констанце в 1415 году, а в 1431 в Руане — Жанна д`Арк. Эта девушка была наделена мистической гениальностью. Плач погибающей Франции она услышала как голос Бога. Спасение Жанной Франции — историческое чудо; его величия не могут преуменьшить все рационалистические толкования, порою хитроумные и даже недобросовестные.

Так, в современной психологии существует понятие «синдром Морриса», так обозначается редкий тип женской конституции: это красивые, стройные, но бесплодные женщины, которые отличаются мощной умственной энергией и физической выносливостью. Повышенное содержание андрогенов (мужских половых гормонов) делает этих женщин безудержно сексуальными. Так вот, синдром Морриса иначе называется «синдромом Жанны д`Арк» — по самому известному историческому образцу, хотя Жанна умерла в 19 лет и никакой сексуальной жизни у неё не было.

Во второй половине XX века историческую науку затопила волна гиперкритицизма. Некоторые скептики полезны, они находят прорехи в нашем знании, но бывают самодовольные скептики, ищущие не правды, а скандальной рекламы. Видимо, таков и Мишель Лами, автор нашумевшего труда «Жанна д`Арк. Подлинная история и рождение мифа» (Париж, 1987). Он стремится уничтожить легенду о неграмотной пастушке из Домреми. По его утверждениям, Жанна была довольно образованной, хорошо знала географию и военную науку, значит — происходила из знатной семьи (как будто дочерям феодалов преподавали военную науку!). Лами ошеломляет читателей предположением, что Жанна сумела бежать из замка, в котором была заточена, а вместо неё в Руане сожгли другую женщину; сама же Дева умерла в 1446 году и была погребена в церкви городка Пюлинье-сюр-Мадон.

Домыслы учёного пигмея порождены модой на скандальные демифологизации, вроде той, что вся английская реформация объясняется сифилисом Генриха VIII. По сути дела, Лами творит новый миф. Ему можно противопоставить вполне рационалистические интерпретации. Жанна была дочерью крестьянина. Она побеждал потому, что верила в святость своей миссии и зажгла этой верой народ. Её окружали испытанные полководцы и помогали командовать войсками. Слава Жанны приобрела силу мифа.

После деблокирования Орлеана и других побед Жанны народ стал встречать её как святую; англичане пустили слух, что ей помогает дьявол. Особое значение в процессе мифологизации имела девственность Жанны.

«Среди поразительных качеств Жанны её девственность казалась самым необычайным. Это был сам по себе исключительный факт, так как крестьянские девушки рано выходили замуж или дарили какому-либо первому счастливому любовнику то, что с помощью поэтического эвфемизма именуется бутоном юности. Но девственность Жанны представляла собой нечто большее, чем социальную редкость. Тесно связанная с сознанием высокой миссии, которой Жанна преданно служила, эта девственность сближала её вопреки её собственным намерениям (так как Жанна была очень скромна) с Богородицей Девой Марией»[49].

[49] Данэм Б. Герои и еретики. М., 1984. С. 282-283.

В народной любви к Жанне воскрес культ девственности. В тёмных недрах народа складывалось представление о сошедшей с небес Богородице. Успех Жанны был основан на реактивации великого мифа.

Но по контрасту с кроткой Марией закованная в латы Жанна, верхом на коне, с мечом и знаменем, являла собой величайший соблазн. Именно мужская одежда Девы составляла один из главных пунктов руанского обвинения: судившие её прелаты нюхом чуяли ересь. Видимо, они читали о древнем ритуальном травестизме.

Победы Жанны воспринимались народом как чудеса, доказывающие, что Бог помогает французам против англичан. Произошёл национально-религиозный подъём, обусловивший поражение Англии в Столетней войне. И этот подъём совершался помимо Церкви.

Из страха перед рождением новой религии французские епископы и осудили Жанну. Дело происходило в Руане, находившемся в руках англичан. Последние, конечно, влияли на процесс, желая отомстить Жанне за её победы и дезавуировать коронацию Карла VII, осуществлённую при помощи «еретички и ведьмы». Политическое давление англичан не объясняет, однако, второго приговора.

Ведь по первому процессу Жанну приговорили к пожизненному заточению. Но тут же последовал второй процесс. Жанна не согласилась с правом этих прелатов, докторов Сорбонны, представителей инквизиции судить о происхождении голосов, внушивших ей освободительную миссию. Судьи же были рационалистами, учениками Фомы, а посему ненавидели мистику, опирающуюся на неопровержимость личного опыта (ср. замечательные мысли об этом у П. Флоренского, в книге «Столп и основание истины»). Из ненависти к мистическому эмпиризму Жанну и приговорили к сожжению.

Жанна была доброй католичкой и никакой новой религии создавать не хотела, но она оказалась живым мифом. Если францисканское движение Церковь сумела обуздать путём создания первого из нищенствующих орденов и быстрой канонизации Франциска, то с Жанной всё оказалось сложнее. В XV веке Церковь уже активно выступала против активного народного мифотворчества, стремилась подавить этот процесс; ей понадобилось пятьсот лет для канонизации Жанны.

Орлеанская Дева, «дочь Божия», произвела колоссальное впечатление на свою эпоху. По преданию, после её мученической смерти на руанском Старом Рынке 30 мая 1431 года англичане сами говорили: «Мы сожгли святую». Через тринадцать лет король Карл VII организовал новый процесс, по которому Жанна была посмертно реабилитирована; родственники её стали дворянами. Для французского же народа она сразу стала святой; вскоре она превратилась в один из важнейших элементов национального мифа Франции. Ни один народ не имеет подобной героини.

Но тошнотворная риторика казённых прославлений Жанны и мистическое ядро её мифа вызвали глумливую пародию Вольтера, которую можно понять, но не простить. Вольтер был глух к духовной жизни народа.

Вся история Жанны демонстрирует относительную независимость мифологического процесса от религиозного канона. Канон — враг творчества.

И Ян Гус, и Жанна воплощали религиозно-патриотическое творчество становящихся наций; обоих осудил церковный суд. Величайшие герои духа выступили на утренней заре новых наций Европы. Формирование наций требовало их самоопределения в виде эмансипации от Рима, служившего стержнем средневековой системы. Уклад этот устарел: в Средние века в приданое за принцессой могло пойти полкоролевства, и подданство автоматически менялось, народ просыпался в «другой стране». Так, английская династия Плантагенетов владела третью всей Франции, а в 1480 году французский король взял в виде приданого за Анной всю Бретань. Новые нации, ощущая себя совокупными личностями, домогаются свободного самоопределения, а значит — неизбежно вступают в конфликт с Римом.

Чехи помнили о своём давнем крещении по греческому обряду, оглядывались на Византию и Русь. Они написали на знамёнах лозунг «дайте нам чашу» и чашу изобразили рядом. То было требование причащения всех мирян «под двумя видами» (sub utraque species) — хлебом и вином; в католицизме причащение вином — привилегия духовенства, а мирянам оставляется лишь гостия. Итак, последователи Гуса — «ультраквисты», они же чашники. Стоило ли проливать столько крови из-за обрядового разногласия? Народное мышление мифично. Чаша на знамени — требование религиозного равенства, осуждение гордыни римской Церкви. Чехи впервые сыграли великую историческую роль, на 100 лет опередив немецкую Реформацию.

Папство верно поняло суть дела, назвав гуситскую ересь «чешским ядом». Ибо это движение было национально.

Рим был враждебен всему процессу становления новых европейских наций, видя в нём опасность для вселенской миссии Церкви. Репрессии Церкви против национальных героев предвещали крах средневекового католицизма, ибо он, глуша народное мифотворчество, обрекал себя на стагнацию. Насильственно заглушить мифологический процесс невозможно — он просто вышел за пределы Церкви. Миф о Жанне носил парарелигиозный характер, он сложился вне церкви и не лишён наивно-еретического оттенка, как всякое народное мифотворчество. Руанский костёр знаменует росстань: Церковь пошла по пути косной жестокости; мифологический процесс начал отдаляться от Церкви, а в дальнейшем — и от религии.

На протяжении Средних веков мифотворчество регламентировалось Церковью и было стиснуто догматическими рамками. Устраивались крестовые походы против христиан и жуткие массовые расправы с еретиками, т. е. с людьми, которые дерзали творить мифы без санкции Св. Престола. Кроме ересей, мифотворческая инициатива осуществлялась через эпос и фольклор. С мифами связана и генеалогическая сага: так, Лузиньяны, создавшие на Кипре королевскую династию, возводят своё родословие к «чудесной жене» одного из их предков — Мелюзине, в которой кельтические черты могучей феи сливаются с обликом морской девы (наяды). Но особый успех выпал на долю средневековой демонологии.

XIII. Карьера Сатаны

В области демонологии Церковь проявляла снисходительность и не теснила народную фантазию, находя страх перед дьяволом полезным. «Низшая мифология» кельтов, германцев, славян была весьма богатой; почитание духов каралось Церковью, но самого их существования никто не отрицал. Церковь как бы канализировала мифотворчество, направив его в сферу демонологии. Воображение народов обратилось к аду, и самой динамичной фигурой мифотворческого процесса стал дьявол.

Возможно, расцвету демонологии способствовала инфильтрация восточных мифов через богомилов, катаров и другие дуалистические ереси, признававшие онтологическую обоснованность зла.

Греческое «диаболос» обозначает «клеветник». Иудейское «сатан» (во множественном числе — «сатаним») сначала было нарицательным словом, а не именем. Змей-искуситель Адама и Ева первоначально трактовался Ветхим Заветом именно как животное: за введение Адама и Евы во грех Бог обрекает змея и его потомство вечно пресмыкаться, ползать, что они и делают по сей день. Только в поздний период библейского иудаизма змей-искуситель был отождествлён с сатаной. Несколько полнее сатана показан в Книге Иова, но всё же и там он довольно неясный персонаж; во всяком случае, он подчинён воле Бога и только с его позволения подвергает праведного Иова тяжким испытаниям.

Ветхозаветный сатана получил противоречивое развитие в Новом Завете. Он становится главой колоссальной армии бесов, которые вечно пакостят людям или даже вселяются в них. Демонология евангелистов сложна и противоречива. Бесчисленные бесы, мучающие людей, изгоняются Христом из бесноватых, вселяются в стадо свиней и вообще имеют жалкий вид. Но в евангельском предании о трёх дьявольских искушениях Христа враг Бога предстаёт полновластным хозяином планеты и предлагает Христу всемирное царство за один земной поклон. Даже если он лжёт, обманывает, то всё же ясно, что земная власть сатаны весьма велика.

В Откровении Иоанна появляется громадный красный дракон с семью головами и десятью рогами — «Сатана под видом самого могущественного из своих воплощений, Римской империи»[50]. Как известно, семь голов — это семь холмов города Рима, а десять рогов — это десять римских императоров, сменившихся ко времени создания Откровения (предположительно 70 год н. э.). Для первых христиан сатаной была прежде всего империя. Весьма здравое понимание!

Из этих противоречивых данных иудео-христианской традиции в Средние века постепенно развилась подробная иерархия демонических сил. На вершине иерархии — сатана; ему приписывалось страшное могущество и постоянное вмешатель-

[50] Ренан, Э. Антихрист. СПб., 1907. С. 306.

ство в жизнь людей. Однако власть Сатаны над миром имеет временный характер: ад «Царствует, но не вечнует» (Иоанн Златоуст).

На Сатану переносятся некоторые черты и атрибуты разжалованных и ошельмованных античных богов: от Вулкана (Гефеста) он получил хромоту (вместе с объяснительным мотивом падения с неба), от Плутона — двузубец и т. д. Развивается представление о метаморфозах Сатаны; хотя здесь его возможности безграничны, всё же он чаще предпочитает превращаться в хтонических животных: чёрного пса, чёрного козла, чёрного кота и др.

Ещё в раннем Средневековье зародилась тема об отношениях человека и Сатаны. В этом плане вспоминают апокрифическую легенду о Симоне Маге, который в Риме состязался с апостолом Петром и с помощью дьявола вознёсся и полетел по воздуху, но по слову Петра низвергся наземь. В связи с мотивами гностицизма возникают слухи и легенды о договоре человека с дьяволом, выполняющим любые желания смельчака в обмен на его душу. Наиболее известна ранневизантийская легенда о диаконе Феофиле (VII век), получившая популярность и в западных обработках Хросвиты (X в.) и Рютбёфа (XIII в.). Феофил, несправедливо утесняемый церковным начальством, в отчаянии обращается к помощи дьявола, с которым вступает в сношения при посредстве некоего еврея (евреи считались могущественными и опасными колдунами). С помощью дьявола Феофил делает стремительную карьеру. Однако из-за угрозы кары он раскаивается и молит о заступничестве Деву Марию. Она отбирает у дьявола расписку Феофила. Душа его спасена, он умирает во Христе.

Подобный сюжет был бы невозможен в античной литературе. Она не знала души как вечной ценности: anima была понятием психологическим, но не религиозным. Отношения античных богов к людям сводились к любовным связям, родственному покровительству или личной мести (её можно было нейтрализовать с помощью другого божества). Античность не признавала и царства зла на земле. Идея договора человека с некоей сверхъестественной инстанцией древнему греку не могла прийти в голову. Но вот в древнееврейской мифологии такая возможность допускалась. На сорок дней и ночей на вершине Синая скрылся Моисей; там произошла таинственная встреча, результатом которой стал договор с Богом — Завет, высеченный на каменных скрижалях. Договор между избранным народом и высшей силой, зафиксированный в неистребимом документе. Народ договорился с Богом.

Мотив документально оформленной сделки одного человека с дьяволом напоминает пародию на центральный еврейский миф, но пародию неявную, ибо Моисей почитается и в христианстве, Ветхий Завет сохраняет святость и для христиан. Важнейшее различие: договаривается не народ, а отдельный субъект, что прямо обусловлено христианским субъективизмом.

С социальной точки зрения сюжет о сделке с дьяволом есть мифологизация ростовщичества, которое получило большое распространение уже в античную эпоху. Дьявол выступает как ростовщик, который за относительную цену (земные блага) получает абсолютную ценность (бессмертную душу человека). Подписанное кровью обязательство грешника — это долговая расписка, кабальный документ;

сюжет выразил ненависть и ужас европейцев к новой, неслыханной древле силе — бумажке с печатью. Долговое рабство — одна из форм закрепощения свободных крестьян. Шире говоря, в кабалу к документу попала вся европейская цивилизация: мёртвая бумага узурпировала власть живого Слова; от бумаги, параграфа, закорючки зависит судьба человека. Это оскорбляет душу; ясно ведь, что Слово — от Бога, а литера — от сатаны. Сюжет о сделке с дьяволом возник исторически, а не посредством комбинирования более древних сюжетов; он имел реальные основания, как и архаический миф.

Новый миф имел и практическую ценность — воспитывал опасение перед письменным обязательством: оно делает нас игрушками демонических сил — неподвластных человеку социальных отношений.

Мифология «кровавого контракта» тяготела к приискиванию конкретно-исторических личностей для превращения их в своих персонажей. Средневековая Европа была поражена умом и знаниями уже упоминаемого выше Герберта Орийякского, «папы Тысячного года». Сын французского крестьянина, он был воспитан монахами соседнего монастыря и много учился затем, а это значит — странствовал. Он учился даже у арабов в Толедо и стал римским папой под именем Сильвестра II (понтификат 998 — 1003 гг.). О нём говорили, что он ещё в юности получил свою мудрость от дьявола; последний в виде лохматого чёрного пса всегда сопровождал папу.

Затем легенда включила в эту портретную галерею и знаменитого Хильдебранда — папу Григория VII (понтификат 1078 — 1085 гг.): утверждали, будто он был астрологом, имел магическое зеркало и по наущению дьявола ввёл безбрачие духовенства, дабы умножить разврат (духовенство сто лет сопротивлялось введению целибата).

Обвинение в сношениях с нечистой силой выдвигались против крупнейших учёных и естествоиспытателей Средних веков — Роджера Бэкона, Пьетро д`Абано, Альберта Великого.

Все главные элементы мифа о пакте с дьяволом были уже налицо, когда немцев поразил своей дерзостью бродячий алхимик и астролог Иоганн Георг Фауст. По свидетельствам современников, он похвалялся, что может предвидеть будущее, читать мысли, переносить людей по воздуху, обнаруживать клады и врачевать неизлечимые болезни; дьявола называл своим куманьком. Последнее документальное упоминание о нём датируется 1540 годом: далее он исчез. Возник слух, что Фауста удушил дьявол, с которым этот вольнодумец был связан «кровавым контрактом». Ренессансная наука была под сильным подозрением. Такие видные гуманисты, как Парацельс и Агриппа Неттесгеймский, не скрывали, что занимаются белой магией. Лютер громогласно обличал нечестие Коперника, а великого хирурга Андрея Везалия обвиняли в анатомировании живых людей и даже приговорили к покаянию; он совершил искупительное паломничество в Святую Землю и на обратном пути погиб в кораблекрушении.

И вот в 1587 году народная книга, изданная лютеранским клириком Шписом во Франкфурте-на-Майне, впервые зафиксировала легенду о Фаусте, вступившем

в договор с дьяволом по имени Мефистофель. Последний в обмен за душу Фауста посулил открыть ему все тайны природы, показать Небо и Ад, доставить все земные наслаждения. Мефистофель — слуга Плутона (Сатаны), презирающий людей. Сюжет кончается бесповоротной гибелью Фауста.

Следует отметить, что в самом сюжете народной легенды неутолимая жажда знаний соседствует с сексуальной алчностью Фауста: одна объясняется другой (в латыни libido cognoscendi обозначает и страсть познания, и желание познавать женщин). Когда Мефистофель посулил Фаусту по красивой женщине на каждую ночь, сердце Фауста «затрепетало от радости». В народной книге есть боккаччианский эпизод, когда Фауст провёл шесть дней и ночей в образе Магомета при дворе турецкого императора, после чего жёны последнего сказали Великому Турку: «это был бог Магомет, и как он по ночам ту и ту требовал, спал с ними, а затем сказал, что из его семени народится великий народ и воинственные герои»

Едва прочитав английский перевод издания Шписа, Кристофер Марло написал «Трагическую историю доктора Фауста» (1592), в которой придал и немецкому вольнодумцу, и Мефистофелю мрачное величие. Беспутный гений Марло был смелым творцом символов. Подписав договор с дьяволом, Фауст восклицает: «Consummatum est (свершилось)!». Это последние слова распятого Христа перед смертью. В устах Фауста они выражают претензию на богоподобие. Но тут же на его руке вспыхивает кровавая надпись: «Homo, fuge (Человек, беги)!»

Марло изобразил и дерзновение Фауста, и точащий его душу страх, и «спасение» в чувственных наслаждениях. Его Фауст говорит:

> И я давно покончил бы с собою,
> Когда бы сладость чувственных отрад
> Отчаянья в душе не побеждала.
> (Перевод К. Бальмонта).

Через декаданс Фауста Марло с могучей иронией показал разложение ренессансной героики. При этом сам Марло оставался гуманистом, но в то же время — авантюристом, политическим шпионом, бражником и любителем проституток. В его Фаусте много личного, авторского. Поэтому кризис гуманизма передан им с огромной остротой.

Не случайно легендарная история Фауста зафиксировалась именно в протестантской среде. Это лютеранский миф о демонизме науки, заострённый против титанизма Возрождения. После этого легенда двести лет размножалась в разных версиях, от балета и школьной драмы барокко до кукольной комедии. Сюжет был банализован и приобрёл пошло-дидактический смысл.

Но в эру Просвещения благородный Лессинг восстал против мещанского морализирования о греховности науки и заявил, что в современной версии Фауст должен быть спасён, поскольку именно бескорыстная жажда знаний оправдывает его. Из этой идеи постепенно вырос «Фауст» Гёте. Его первый набросок, так называемый «Ur-Faust», был создан в 1773-1775 годах и опубликован в 1790 году. Одно-

временно создавались драматический отрывок Якоба Ленца «Фауст в аду» (1777) и первая часть прозаической драмы Фридриха Мюллера «Жизнь и смерть доктора Фауста» (1778). В неоконченной драме Мюллера поводом для союза Фауста с Мефистофелем оказалась лишь жажда наслаждений. Эти штюрмеры (участники движения «Бури и натиска») трактовали Фауста как «дурного гения», мятежного индивидуалиста, восстающего против убожества филистерского общества.

В 1791 году генерал русской службы Фридрих Максимилиан Клингер, автор драмы «Буря и натиск» (1776), по которой было названо всё это движение, поклонник Руссо и суровый моралист, выпускает в свет свой философский роман «Жизнь Фауста, его деяния и низвержение в ад». Трактовка этого сюжета у Клингера глубоко пессимистична. Поначалу его Фауст равно томим жаждой познания и жаждой наслаждений, но со временем превращается в законченного сластолюбца: чувственное начало восторжествовало. Фауст соглашается предаться душой и телом сатане и покинуть магический круг только после того, как Левиафан посулил ему обладание прекрасной и желанной женщиной.

Затем между Фаустом и Левиафаном происходит спор о природе человека; для разрешения его и подписывает Фауст своей кровью пакт с дьяволом, der blutige Kontrakt. Фауст и Левиафан отправляются в совместное путешествие по Европе конца XV века; каждый стремится доказать свою правоту и выиграть пари. Клингер приводит своего героя к полному краху и глубокому отчаянию: все попытки Фауста защитить гонимых приводят к обратным результатам, и сам он оказывается виновным в тяжких преступлениях. Историко-философский роман Клингера приводит Фауста к трагическому концу и превращается в самоотрицание штюрмерства, ибо писатель уже воочию узрел, что его Sturm und Drang реализуется на берегах Сены в виде женщин, восседающих на пушках, и отрубленных голов, насаженных на пики. Такого решения проблем штюрмеры не захотели; движение распалось.

Но великий поэт Германии сохранял свой могучий оптимизм и орлиную широту взгляда. Французская революция не испугала его, а Наполеон, мне кажется, чем-то ему нравился. Во время их личной встречи французский император, будучи не способен произнести немецкую фамилию Goethe, называл его просто «monsieur Goth», что звучало в точности как немецкое Gott (Бог). Наполеон смолоду зачитывался «Вертером» Гёте, но во время эрфуртской аудиенции (1808 г.) так и не предложил поэту сесть.

Гёте создал эпохальное осмысление древнего сюжета. Его «Фауст» — это грандиозная философская дискуссия в гибридной форме драмы-романа. Своеобразие «кровавого контракта» в трагедии Гёте состоит в том, что дьявол выиграет пари и получит душу Фауста, если последний пресытится деянием и пожелает остановить мгновенье. Иными словами, непрерывное движение вперёд — условие существование Фауста, его единственное спасение от вечной погибели. И при этом с самого начала ясно, что человек всегда ошибается, покуда стремится вперёд. Казалось бы, Фауст у Гёте изначально обречён на поражение. Как бы не так! Он победит в споре, хотя и посмертно.

Для реабилитации ищущего разума Гёте, наряду с античными богами и грёзами алхимии, привлёк и ветхозаветного Бога, ввёл самого Иегову и chorus mysticus. Позже Гёте сам признал: «Пролог моего «Фауста» имеет сходство с экспозицией Иова». Из Книги Иова он заимствовал пари Бога и дьявола о конкретной человеческой личности, причём древнееврейский праведник заменён учёным эпохи Возрождения. В конце II части «Фауста» действие снова будет происходить вне земли. Это мистическое обрамление — дань поэта христианской духовной традиции; здесь видна связь с мистериями Средних веков. Есть ещё одно указание на библейское родство «Фауста», не получившее резонанса в науке. Оно принадлежит А. П. Чехову, который в письме к А. Суворину от 4 мая 1889 г. главным прообразом гётевского Фауста назвал царя Соломона. Что между ними общего? Сочетание мудрости с жизнелюбием (комплекс «мудреца-любовника»). Но таким же был и сам Гёте.

Он внёс в трагедию свою личную страсть и вину, дополнив традиционный сюжет историей кроткой мещанки. Die Gretchentragödie — слишком большая вставка в философскую легенду. Английский критик Чарльз Лэм вопрошал: «Что общего у Маргариты с Фаустом?» А что общего у царя Соломона со смуглой крестьянкой Шуламит или у самого Гёте — с девушкой из народа Христиной Вульпиус? Усталому многознанию вечно хочется преклонить главу на лоне простодушной естественности. Гёте в своей вине перед Христиной исповедался созданием Маргариты.

В «Фаусте» зашифрована и судьба автора, и его мечты (включая попытки реформ в Веймарском герцогстве), и его вера, ибо «Фауст», помимо всего прочего, это ещё и исповедание личной религии, которую Гёте сконструировал из античного язычества, спинозизма и субъективно реинтерпретированных культов материнства. Христианство он считал неэстетичным и только в конце жизни сказал несколько добрых слов об Иисусе.

II часть «Фауста», в отличие от первой, космична, но зато фрагментарна. И здесь в искания героя вводится любовь, но уже не к немецкой мещаночке, а к воскрешённой Елене Спартанской. Когда Эвфорион, сын Фауста и Елены, погибает, Елена исчезает, а в руках Фауста остаются лишь её платье и покрывало. Ибо реально воскресить античность нам не дано, это всего лишь иллюзия, философский символ. Вторая часть отличается мифо-эпической объективностью, она была воспринята прохладно и некоторые считали её неудачей. В финале ангелы отнимают у демонов душу Фауста: он оправдан, ибо человека должно судить не по грехам и ошибкам его превратной судьбы, а по эссенциальному итогу всей его жизни.

I часть «Фауста» вышла в 1808 году, и старая легенда вновь стала модной, явился ряд романтических Фаустов, к которым близок и байроновский Манфред. Величие трагедии Гёте — вне дискуссий, но о смысле её спорят и поныне. Искупает ли непрерывное движение вперёд этическую вину? Простить ли «ошибки» цивилизации за присущий ей дух прогресса? И что это за человек — Фауст?

Густав Шпет, слишком русский немец, объяснял фаустовское taedium (тоску) как «connubim (сожительство) рассудочности и похоти». Шпет видел особый рус-

ский шик в том, чтобы отзываться о Фаусте презрительно: «Гёте хотел заставить поверить в какую-то бесконечную духовную неутолённость Фауста. <...> Но разве Данте от неутолённого знания и любви начал ловеласничать и искать приключений под руку с чёртом?»[51] Шпет не признает Ивана Карамазова «русским Фаустом». Вообще образ Фауста, по мнению Шпета, не имеет общеевропейского значения, он чисто национален.

Думается, многие ниспровергатели традиций в эпоху авангардизма были слишком торопливыми людьми. Фауст ожил в XX веке. Томас Манн возвратился к первоисходной немецкой легенде, но сместил проблему в сферу искусства. Его роман «Доктор Фаустус» (1947) — это трагедия модернистского гения с нечистой совестью. Композитор Адриан Леверкюн, преднамеренно сближенный автором с Фридрихом Ницше, пытается сделать искусство целенаправленно антигуманной силой, зачеркнуть IX симфонию Бетховена, ибо die Neuente, прославленная Девятая, есть вершина просветительского гуманизма, а Леверкюн ненавидит гуманизм как величайшую ложь. Ему чудится, будто он — Фауст, подписавший с дьяволом blutiger Kontrakt.

Герой наделён огромной внутренней честностью и титанической дерзостью инициативы, однако попытка его безумна и обречена на провал, ибо противоречит самой природе искусства. Обесчеловеченное, оно перестаёт быть искусством, и никакое мастерство тут не спасёт. Катастрофа Адриана Леверкюна происходит в форме полного безумия: это и вызывает ассоциации с судьбою Ницше, и напоминает роман Достоевского. Вообще роман «Доктор Фаустус» окрашен заметным влиянием Достоевского.

В целом Томас Манн, стремясь овладеть мифом, трактовал Германию XX века как Фауста, а Гитлера — как сатану; эта трактовка вызвала большие сомнения.

Необходимо понять, что фаустианский миф развивается в различных трансформациях и контаминациях; если учесть все переодевания и маскировки, то можно обнаружить постоянное присутствие Фауста в литературе.

Несомненно, что уже сложилась определённая традиция «русского Фауста», происходящая от романа Достоевского «Бесы». Вячеслав Иванов отметил прямое перефразирование мотивов из «Фауста» Гёте в сцене Ставрогина и Хромоножки; он же определил Ставрогина как «отрицательного русского Фауста», в котором, однако же, он открыл и черты Иуды-Предателя.

«Русским Фаустом» назвали также Ивана Карамазова; впрочем, о применимости такого определения к образу Ивана спор ещё не кончен. На русской почве фаустианская идея и фабула сильно сместились; смысл образа Фауста был поставлен под сомнение, он подвергся этической критике с позиций русского максимализма. Достоевский осуждает «титанизм».

Реликты фаустианского мифа перегруппированы в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940 г.), где миф сильно трансформировался и дан в соположении с евангельским преданием (тоже крайне романизированным). Сделку с дьяволом за-

[51] Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 377-378.

ключает именно Маргарита, ничем не похожая на свою кроткую немецкую соименницу. Булгаковского Мастера нельзя даже сравнивать с Фаустом: это хрестоматийный советский мученик, писатель, раздавленный партийной критикой. Использование фаустианского мифа у Булгакова — скорее формально. В русской культуре преобладали тона насмешливые, отрицательные по отношению к фаустианскому мифу.

Предельное выражение этой традиции дал Иосиф Бродский в стихотворении «Два часа в резервуаре», где поэт с самого начала объявляет, что он — «антифашист и антифауст». О докторе Фаусте говорит:

...Он точно знал, откуда взялись черти.
Он съел дер дог в Ибн-Сине и в Галене.
Он мог дас вассер осушить в колене.
И возраст мог он указать в полене.
Он знал, куда уходят звёзд дороги.
Но доктор Фауст нихц не знал о Боге.

Жестокая ирония этих нарочито корявых и макаронических строк заострена против возвеличения модернистски вульгаризированного Фауста.

Однако гуманистическая традиция внезапно аукнулась в последнем советском Фаусте — романе В. Орлова «Альтист Данилов». Гениальный музыкант (прототипом его был Юрий Башмет) служит «демоном на договоре» и чуть не погибает, обвинённый в нарушении контракта, но загадочно помилован страшной высшей силой; двусмысленно-благополучное решение сюжета метафорически описало закатную усталость — не Европы, а советской системы.

Фаустианский миф приходится признать величайшим мифом новой Европы. Цивилизация белой расы сделала непрерывный прогресс формой своего существования, и эта форма запрещает вопрос «зачем?». Затем, что иначе она не может жить. Такая цивилизация, несомненно, является фаустовской.

Гёте не случайно включил в «Фауста» первую Вальпургиеву ночь (вторая, «классическая», слишком памфлетна). Ночь святой Вальпургии (с 30 апреля на 1 мая) уже в Средние века считалась временем бесовских оргий, т. е. тайных аграрных культов, сохранявшихся у кельтов, германцев и славян. На этих шабашах «ведьмы сходились с дьяволом».

Преследования этих языческих пережитков сопровождались чудовищными жестокостями, но сами аграрные культы — не выдумка инквизиторов-садистов, а реальность. Гёте понимал, что картина старой Германии была бы неполной без тайных языческих верований, ещё тлевших в недрах народа.

Массовое мышление Европы даже в XIX веке оставалось мифологическим; церковь постоянно боролась против народной мифологии, опираясь на поддержку мирской власти. В качестве примера я приведу один выразительный документ.

В 1843 году солдат Фёдоров из конно-этапной команды в местечке Белице, замученный побоями и издевательствами начальника команды, порезал себе мизинец и кровью написал «предательную нечистым духам рукопись» такого содержания:

«Рукописание сие дано в том, что отрёкся уже от матери, отца и родственников всех своих, от белого света и всего, что есть на оном, и матушки сырой земли, от Бога и лица Его, теперь проклинаю Его; а я предался нечистым духам, то есть диаволам, за деньги и их услуги, сроком на тридцат лет, в чём и подписуюсь своею кровью мизинца левой руки, апреля 22 дня 1843 г. Иван Фёдоров руку приложил, не Богу, а чорту».

Это ручательство он носил за обшлагом шинели, веря, что оно дает помощь дьявола в исполнении любых желаний. Генерал-аудиториат приговорил солдата к наказанию шпицрутенами: «прогнать через пятьсот человек один раз и отослать к церковному начальству для поступления с ним по церковным правилам, а потом обратить на службу во фронт». Поручик Данилов, начальник конно-этапной команды, отсидел месяц на гауптвахте»[52].

Скорее всего, не сам Фёдоров сочинил богоотмётное писание: магические формулы сохраняются в народной среде. Характерно, что Фёдоров отрёкся не только от Бога, но и от матушки земли. И ещё говорят, что на Руси после крещения никакого двоеверия не было!

Пережитки язычества сохранялись. Продажа души дьяволу может рассматриваться как эквивалент шаманской инициации (вступление в контакт с духами). «Пляски ведьм», возможно, обнажённых, сильно напоминают античные вакханалии. Но при этом под давлением христианства мифологическое сознание раскалывается, древнее божество осознаётся как дьявол, а пережиточные обряды — как служение злу. Отсюда религиозный дуализм и моральная шизофрения, чёрные мессы, адамизм, тайные оргии, эксцессы и кощунства.

[52] Русские уголовные процессы. Издание А. Любавского. Т. II. Спб., 1867.

XIV. Возрождение и Реформация

Я отдаю себе отчёт в том, что применение термина «миф» к духовному творчеству нового времени остаётся спорным и не признаётся академической наукой. Остаётся открытым вопрос о видоизменениях мифомышления в процессе эволюции человеческого общества и о самой возможности такого мышления в новое время.

Понятно, новое мифотворчество качественно отличается от древнего, но и в том мы видели большие различия и эпохальные переходы. То, что наукой суммарно называется мифами, представляет собой напластования огромной глубины: тотемизм, низшая мифология, архаические мифы, высшая мифология, скрещения мифологических систем (эллинизм), иудео-христианская историзованная мифология, вторичная мифологизация в средневековой Европе, Данте, религиозно-патриотические мифы и т. п. Разве это не свидетельствует об исторической изменчивости самого характера мифотворчества?

Зарождение мифов предшествовало формированию религий. В дальнейшем мифотворчество всегда было шире религии. Избыточное мифотворчество, отсекаемое каноном, вытеснялось на периферию культуры. Но именно неофициальная периферия культуры широко используется искусством, как подчеркнул М. М. Бахтин в своей новаторской (и неизбежно спорной) книге «Творчество Франсуа Рабле». Мифология и древнее, и шире своего религиозного концентрата.

В Европе XIV-XVI веков мифологический процесс начал незаметно отделяться от христианской религии, приобретая новые формы.

В эпоху Возрождения воскресла античная мифология, которая широкого популяризировалась искусством и не имела сакрального смысла; это играло роль неявного примера. Можно создавать несакральные мифы. И вскоре с канонизированной христианской мифологией стали соперничать мифы цивилизации, в сущности безрелигиозные.

Так, например, первооткрывателей Америки поразили простодушие индейцев, их нагота, отсутствие у них воровства и лжи; то были как бы люди до грехопадения, и Новый Свет показался испанцам Земным раем. Они его захватили, окрестили, разграбили, иллюзия рассеялась, но не ведающий греха дикарь, le Bon Sauvage, «естественный человек» стал одним из активнейших мифов европейской цивилизации. Новая мифология сначала сохраняла хотя бы внешнюю связь с религией, с данными Писания, и не была осознана как соперница последнего. Это выявилось далеко не сразу.

Главные мифы Возрождения — это пасторальный миф и титанизм. Одним из главных героев первого является Добрый Дикарь, второго — доктор Фауст, видоизменения которого бегло освещены в предыдущей главе.

Пасторальный миф, т. е. миф о единении человека с природой, преемственно связан с мифами о золотом веке и использует черты аркадской идиллии; в дальнейшем «добрый дикарь» будет открыт и в Европе — наивный обитатель сельского захолустья («Векфильдский священник») Гольдсмита, «Старосветские помещики» Гоголя); затем повторится миф о «добром дикаре» — гогеновское Таити.

Фаустианский миф — одна из вариаций ренессансного титанизма. У Гёте Фауст мечтает о новом золотом веке на Земле: это иллюзорная мечта одряхлевшего и ослепшего героя. Здесь пасторальный миф выступает как усталость титанизма.

Для Возрождения характерно колоссальное возвышение личности. В XV веке гуманист Поджо Браччолини выразил убеждение, что великие деяния возможны лишь при условии превосходства воли сильной личности над волей большинства. Ренессансный титанизм — сочетание широкого видения мира с героической активностью. В конце XV в. дерзновенно прозвучала «Речь о достоинстве человека», произнесённая Пико делла Мирандолой. Этот блестящий неоплатоник заявил, что Бог и ангелы не могут грешить, демоны не могут не грешить, и только человек обладает свободой выбора — сам определяет собственную судьбу. Пико считал все религии и все философии частными проявлениями единой истины.

Один из культурологических принципов Ренессанса — это бунт против формального логизирования. Конечно, никто из гуманистов не помышлял упразднять логику, они бунтовали против схоластики, против правильных, но пустых силлогизмов, из коих следовало, что крокодил — не дерево, а животное (пример, над которым издевался Эразм Роттердамский). Они жаждали нового, открывали новые миры и не признавали невозможного. Высшей ценностью для мыслителей Возрождения была творческая свобода человека.

Отсюда — удивительное противоречие Ренессанса: он утверждает гармонию мира, строгую закономерность мироздания, но в то же время увлекается оккультизмом. Пико делла Мирандола был алхимиком, так что даже на могиле его написали: «Он превращал свинец в золото». Перевод «Герметического корпуса», сделанный неоплатоником Марсилио Фичино, апология оккультизма в трактатах того же Пико и мн. др. — свидетельства того, что многие гуманисты связывали с оккультным гнозисом веру в неисчерпаемые творческие возможности человека. При этом они стремились к христианизации тёмного гностического наследия, увязывая оккультизм с Новозаветным откровением. Этот идейный компромисс был обречён на неудачу. Мираж философского камня и панацеи от всех болезней — это ложная мечта «титанов» о всемогуществе.

Что значила эта неограниченная уверенность в собственных силах? По словам А. Ф. Лосева, «в эпоху Возрождения именно человеческая личность берёт на себя божественные функции»[53]. Личность ставит себя наравне с миром. В «Тамбурлене» Марло такая самооценка выражается словами героя: «Коль я погибну, пусть погибнет мир!»

[53] Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 122-138.

А. Ф. Лосев, описавший нравы Ренессанса одной чёрной краской, признал, что и в другие времена, например, в Средние века, люди совершали преступления. «Но там люди грешили против своей совести и после совершения греха каялись в нём. В эпоху Возрождения наступили другие времена. Люди совершали самые дикие преступления и ни в какой мере в них не каялись, и поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно чувствовавшая себя личность».

Тут ненависть к ренессансному гуманизму затмила память учёного. Самые жуткие кровопролития Средних веков (например, уничтожение иерусалимского населения в 1099 году), дикий геноцид, сожжение заживо сразу тысяч евреев, массовые изнасилования, разорение сёл и нив не только не приводили к раскаянию, но совершались в бодром сознании правоты, как религиозные подвиги. Житейская мудрость феодалов гласила: «Rustica gens optima flens, pessima ridens» («Сельский люд лучше всего, когда плачет, хуже всего — когда смеётся»). Трубадуры воспевали прелести войны — горящие сёла, бегущих в панике крестьян.... И Лосев не знал этого?

Он был бы вправе сказать, что в эпоху Возрождения неосознанные злодейства Средних веков сменились сознательным аморализмом. Ренессансный титанизм включал в себя реабилитацию чувственности и эмансипацию от норм христианской морали. Новой морали Возрождение не создало, заменив её культом героев и гениев. Разгул эгоистических страстей — одна из причин кризиса Возрождения. И сами же гении Возрождения осуждали аморализм своей эпохи. По мнению А. Ф. Лосева, горы трупов в пятых актах шекспировских трагедий — это художественное выражение сурового суда над возрожденческой стихией индивидуального самоутверждения. Но ведь Шекспир — это человек Возрождения: кстати, очень мало религиозный. Так значит, всё же было в той эпохе какое-то нравственное борение, и живая совесть возмущалась аморальной «стихией».

Разгул аморализма, несомненно, компрометировал идеалы Возрождения, но ведь набожное и простодушное зверство крестоносцев ничуть не лучше. И как раз в не тронутой ренессансным аморализмом святой Руси церковь расправлялась с новгородской ересью: множество еретиков набросали в Волхов с камнем на шее; потом стали жечь их заживо. И никто в этом не каялся, наоборот — гордились.

Лосевское прославление совестливых средневековых злодеев в противовес «возрожденческой стихии» сильно отдаёт фарисейством. Да раскроем хоть «Песнь о Роланде»:

> Семь тысяч мавров было крещено,
> Все добрыми сынами церкви стали.

Насильственное крещение — этого хочет А. Ф. Лосев? А он не знает, что делали с теми, кто не хотел креститься? Эти подвиги он не забыл? Да средневековому христианству вовеки не отмыться от крови и грязи!

Я говорю это отнюдь не в оправдание ренессансному аморализму. Правда, люди тогда распоясались. Но тому же Рабле за его гениальное осмеяние завоева-

тельных войн стоило бы поставить золотой памятник. А для Средних веков война есть норма. Давайте же уважать элементарные факты!

В эпоху Возрождения аморальнее всех оказалась римская курия. Папство проявило полную беспомощность, папы сами сделались меценатами Возрождения и усвоили аморальное понимание свободы. Расставшись с химерическими планами всемирной теократии, они занялись расширением своего земного государства. Александр VI и его сын Чезаре Борджиа, самый элегантный убийца эпохи, широко использовали в политических целях кинжал, яд и папских дочерей. В понтификат Александра VI случилась единственная попытка остановить Возрождение — мятеж Савонаролы во Флоренции.

Этот доминиканский монах призывал Церковь к аскетизму, считая, что моральное разложение грозит ей гибелью. Римская курия утопала в наслаждениях. Бытовала поговорка: «Roma veduta, fide perduta» («Увидел Рим, утратил веру»). Савонарола в своих пламенных проповедях бичевал гуманистическую культуру: на фоне народных бедствий она представлялась ему только наглой и бессердечной роскошью. Он призывал к покаянию, и последователи Доминиканца, устрашённые его грозными пророчествами, были прозваны «плаксами». Во Флоренции, родине гуманизма, Савонарола организовал массовую кампанию против искусства с публичным сожжением картин, статуй, книг, нот, мандолин и шахмат. Потрясённый проповедью Савонаролы и запуганный фанатичными толпами озлобленных «плакс», великий Боттичелли сам бросил в тот же гнусный огромный костёр несколько своих картин.

Савонарола грозил и науке: «Мудрость века сего — безумие перед Господом. Знаем мы этих учёных — все грядут в жилище сатаны». Этот искренний враг гуманизма после изгнания семейства Медичи способствовал установлению республики во Флоренции. Республика вместо тирании — разве это плохо? В принципе, конечно, очень хорошо. Но в этой республике фактически установилась диктатура Савонаролы: он правил столь же непререкаемо, как аятолла Хомейни. Политика его оказалась неудачной, он довёл Флоренцию до голода, и флорентийцы почему-то перестали каяться. Их благочестивый плач сменился угрюмым молчанием, а затем и прямой ненавистью к Савонароле. В 1498 году он был отлучён от церкви, осуждён на казнь и сожжён: мученик революции. Курия вздохнула с облегчением, гуманисты — тоже.

Они с Римом не ссорились. Возрождение скорее игнорировало Церковь, чем боролось против неё. Художники пользовались религиозной тематикой для прославления земной жизни. Чарующая миловидность большеглазых мадонн Рафаэля, по сути дела, упраздняла религиозную экзальтацию; его «Сикстинская Мадонна» — это гимн Женщине-Матери; сама Мадонна и il Bambino написаны очень сильно, но святая Варвара и папа Сикст, а особенно ангелочки с крылышками Амура уж слишком слащавы.

Своим путём шла венецианская школа. «Спящая Венера» Джорджоне, одетая лишь в свою красоту, удивительным образом соединила восхищение художника перед чудом жизни с высоким идеализмом. У Тициана взамен этого идеализма — la sensualita serena (просветлённая чувственность): уже его-то Венеры не спят.

Раскинувшись на царских ложах, они смотрят на нас с выражением томного превосходства. А как роскошно кается тицианова Мария Магдалина!..

Наконец, бурная трагика фресок Микеланджело, напряжённое величие его статуй, муки страстей и титанизм его характеров прославляют человека-борца и выражают мужество перед судьбой. Его святые не менее героичны, чем античные персонажи его творчества. Ибо Возрождение, отнюдь не богохульствуя и не отвергая христианской религиозной тематики, de facto уравняло с нею в правах античную героику и воскрешённую мифологию. Христос, Богоматерь, святые так же материальны и так же прекрасны, как античные боги и богини. Это уже не христианская вера.

Неправда, будто Возрождение равнодушно к страданиям простого народа. Когда французские завоеватели в конце XV века огнём и мечом прошли по Италии, именно гуманисты бросили клич: «Fuori barbari! (Вон варваров)». Наибольшим страданием итальянского народа была его политическая раздробленность: отсюда и лёгкость иноземных завоеваний. А ведь когда-то, объединяясь, они бивали самого Фридриха Барбароссу. Итальянское Возрождение болезновало о мучениях родины; в тогдашних условиях не социальная проблема была главной. И тем не менее, именно гуманисты защищали простых людей от притеснений феодалов и ростовщиков.

В 1516 году появилась «Утопия» Томаса Мора. Своей Англии, в которой «овцы пожрали людей», великий гуманист противопоставил мечту о гармоническом обществе, где труд обязателен для всех. Это и мечта, и программа культуры; она получит огромный резонанс в последующие пять веков.

Несколько позже выступил «весёлый медонский кюре» с знаменитым своим романом «Гаргантюа и Пантагрюэль». У Рабле тоже есть утопия, хотя и шуточная: это Телемское аббатство. Как в сказках — «аббатство наоборот», его устав сводится к одному правилу: «Делай, что пожелаешь». Но в этой шутке есть своя скрытая серьёзность. Рабле был воистину утопист: он мечтал о народной гуманной церкви.

Весёлый прохиндей Панург с его язвительными издевательствами над всякой глупостью, с его сластолюбием и трусостью — это, так сказать, «дружеский шарж» Рабле на аморализм Возрождения. Но в этой книге Панургу противостоит отважный монах брат Жан, бражник, труженик несокрушимый защитник родной нивы и виноградника. «Дубина народной войны» в руках брата Жана наглядно опередила известную формулировку Льва Толстого. Брат Жан — классический тип французского мужика. Для чего же автор облёк его в рясу? Да ведь сам Рабле был священником, другом короля и врачом для бедняков!

Панург и брат Жан, парижанин и мужик — это и есть Франция! В ней был ещё много земляной, стихийной силы. Бодрая книга Рабле — правда о средневековом народе. Этот народ был груб, но здоров телом и душой. А как умел «весёлый медонский кюре» издеваться над ханжами, ябедниками, крючкотворами и схоластической учёностью! А как осмеял завоевателей мира!

И перед смертью Рабле сказал: «Я отправляюсь на поиски великого может быть».

Между тем, религиозное банкротство Запада неотвратимо приближалось. Алчность Церкви вызывала всё растущее возмущение. Папство безвольно дрейфовало в потоке Возрождения. В России роскошь и довольство называют «царской жизнью»; итальянский эквивалент этого выражения — «la vita de papa». Нуждаясь в средствах для этой роскошной жизни, великолепных сооружений, красивых женщин и хорошеньких небольших завоеваний, папы разнуздали практику платного отпущения грехов без исповеди — торговлю индульгенциями.

«Спасение души за деньги» — открытый цинизм, он возмутил многих, но особенно немецкого монаха Мартина Лютера, который преподавал в Виттенбергском университете.

31 октября 1517 г. он прибил к дверям дворцовой церкви в Виттенберге свои 95 тезисов против учения о спасении грешников заслугами святых (из этого резервного фонда заслуг и «вычитаются» индульгенции), против учения о Чистилище, против посреднической роли духовенства между людьми и Богом и т. д. Лютер бросил вызов Риму.

Логика борьбы против Рима принуждала Лютера ко всё более отчетливому самоопределению, которое, по сути дела, отвечало интересам германской нации. Лютер отверг безусловность папской власти, противопоставив ей авторитет Писания и учение о том, что каждый христианин может спастись только верой в искупительную жертву Христа.

Знаменитый лозунг «только верой» («sola fide») обозначал, что Церковь ничем не может помочь спасению грешника. Лютер требовал упростить обрядность, ликвидировать монашество, подчинить Церковь светской власти. Он утверждал, что христианин спасётся только через самоуничтожение, символ которого — Голгофа. Он яростно нападал на ренессансный титанизм: «Бог противоборствует высоким деревьям». Он осмеивал претензии рационализма и дал короткое, но энергичное определение: «Разум есть блядь».*

Его подвигом стал перевод Библии на немецкий язык, что отвечало одному из главных требований Реформации — свободному исследованию Святого Писания. Такое исследование прежде всего означало критику католической догмы с точки зрения Библии. Единственным источником религиозной истины Лютер и его последователи признали Писание, а значит — отвергли «священное предание». Реформация отрицала право Церкви на земные богатства. В области доктрины лютеране отрицали существование ангелов и Чистилища, отвергли культ святых и Богородицы; благодать даруется человеку прямо от Бога, без посредников, и спасение души достигается благодаря личной вере человека и воле Бога.

Лютерова Реформация создала «удешевлённое христианство»: сильно уменьшилось число праздников, из семи Таинств осталось два — крещение и конфирмация. Протестанты уничтожили «католическое идолопоклонство» (поклонение статуям и иконам), а латинские молитвы заменили молитвами на живых языках Европы. Духовенство избирается верующими; нет монашества, нет целибата. Из

* Далее зачеркнуто: «Философия Лютера есть волюнтаризм».

культа исчезла живопись, осталась лишь музыка. Протестантская религия враждебна аристократизму и утончённости, она сурова, но внутренне весьма эмоциональна.

Сам Лютер любил широкое застолье и большую кружку; из его бесед с друзьями составилась целая книга — «Застольные речи Лютера». Для большинства немцев он — национальный герой. Как таковой, он эквивалентен Яну Гусу, но гораздо осторожнее и хитрее чеха: Лютер был не из породы мучеников. Гораздо больше в нём от добропорядочного немецкого бюргера. Он уделял большое внимание мирскому призванию христианина, нравственно-религиозному возвышению труда. Может быть, именно лютеранство сделало немецких рабочих и ремесленников лучшими в Европе.

Считается, что в заключение своей самозащиты перед Вормсским рейхстагом (1521), находясь в ситуации Гуса, Лютер отважно заявил: «На этом я стою! Я не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь». Историей установлено, что эту гордую фразу ему приписал друг, Георг Спалатин, в своём отчёте о событии, а на самом деле Лютер лишь сказал: «Да поможет мне Бог. Аминь». Прибавка, которую сделал ещё Георг Спалатин, очень характерна: как основатель новой религии, Лютер ещё при жизни стал объектом мифологизации.

Клякса на стене его комнаты в замке Вартбург, где Лютер переводил Библию, веками напоминала, как он вспылил и запустил чернильницей в докучного чёрта. Взяв в жёны белокурую урсулинку Катарину фон Бора, Лютер в качестве мифологической санкции этого брака сделал дополнение к евангелию: якобы сам Иисус Христос женился на Марии Магдалине. В дальнейшем протестантская церковь отказалась от этой гипотезы.

Красноречивый оратор, поэт, смелый языкотворец, немец до мозга костей, он сочетал искреннюю религиозность с грубым жизнелюбием. В июле 1540 года он писал жене: «Я жру, как чех, и лакаю, как немец, за что хвала Господу, аминь». Он изобличал ересь каноника Коперника, но зато отстаивал свободу совести. Лютер — крайне противоречивая личность.

Но насколько же он выигрывает у «женевского папы» Кальвина! Реформа Кальвина была гораздо последовательнее лютеровской. Соперничество этих двух реформаторов вылилось в долгую полемику. Для Кальвина, лицемера и тирана, характерны холодный фанатизм и особая, безгневно-ядовитая ненависть, не знающая устали. Кальвин сделал Женеву строгим и скучным городом, в котором люди боялись громко смеяться или играть в карты; шпионы Кальвина следили, кто с кем целуется. Испанский врач Сервет искал в Швейцарии убежища от инквизиции, ибо путём свободного толкования Писания пришёл к отрицанию догмата о Троице. Кроме того, он не верил в Предопределение и считал Иисуса Христа человеком, а не Богом. Кальвин не хуже любого инквизитора организовал быстрое осуждение Сервета: 27 октября 1553 года вольнодумец был сожжён в Женеве. Позаботились даже о сырых дровах, чтобы дольше горел.

Кальвин искоренил в Женеве все пороки, включая театр, и свирепо насаждал трудолюбие. Он учил, что удача в делах, ремесле или торговле — свидетельство

богоугодности. Кальвинизм прямо стимулирует развитие буржуазной экономики. Разумеется, никакая мифологизация злобного ханжи Кальвина не могла иметь места; для мифа недоставало масштабности. Кальвин — провинциальный тиран, дедушка-садист с козлиной бородкой. У него не было такой яркой биографии, как у Лютера.

Правда, кальвинисты вышли на простор в других странах Европы. Стремление силой подавить Реформацию развязало длинную серию религиозных войн в Германии и Франции, а в Нидерландах произошла радикально-религиозная революция. Герцог Альба, пытаясь её подавить, натягивал кожу «еретиков» на барабаны. Вообще взрыв религиозного фанатизма произошёл во всех лагерях, кровь лилась рекой, и ею захлебнулось Возрождение.

Победа нидерландских протестантов над Испанией составила мировой прецедент, и завоёванная ими свобода на время превратила Нидерланды в самое передовое государство Европы — центр всемирной торговли и кредита. Во Франции католицизм выстоял, и долгая религиозная междуусобица, ознаменованная Варфоломеевской ночью 1572 года (трёхдневная резня, и не только в Париже; в сумме около 30 тысяч убитых гугенотов), завершилась религиозным компромиссом Генриха IV. Этот юбочник, острослов и проныра был типическим человеком Возрождения, т. е. с точки зрения А. Ф. Лосева — циником. «Париж стоит мессы» — вот и вся идейная платформа ренегатства этого многолетнего вождя гугенотов. Просто он понял, что Франция останется католической, а Францию он любил. Именно этот циник прочувствовал и принял волю большинства французов. На веротерпимости Генриха IV был основан миф о «добром короле» и абсолютизм, которые дали Франции мир и сплотили нацию.

Идеологом религиозного компромисса и веротерпимости явился гениальный скептик Мишель Монтень, последний великий гуманист. Мэр Бордо, формально католик, он в разгар религиозных войн ухитрялся дружить с гугенотами и осуждал фанатизм обеих сторон; он не верил в бессмертие души и считал, что человек имеет право на счастье в этой, земной жизни. В своей прославленной книге «Опыты» он писал: «Наша религия создана для искоренения пороков, а на самом деле она их покрывает, питает и возбуждает». Приводя примеры схоластических контроверз, Монтень заключал, что в богословии истина недостижима: ergo, убивать людей из-за религиозных разногласий — это безумие. Со спокойным и несокрушимым упорством он отстаивал свой главный философский принцип — сомнение.

Монтень провозглашал сочувствие и дружелюбие ко всем народам — от индейцев Америки до поляков. Но это лишь метонимические выборки, Монтень обнимает действительно все народы Земли. Он был чужд какой бы то ни было мифологизации. Ум и честность Монтеня поражают и поныне, а его интеллектуальная смелость стала примером для самых дерзких мыслителей последующих веков.

Иногда говорят, что Монтень не оставил наследников, но это не так. От него начинаются три разных дороги, освящённых тремя великими именами. Исследователи нашли 750 заимствований из «Опытов» Монтеня в творчестве Шекспира:

это путь воодушевлённой мудрости и доброты. И хотя закатный гуманизм Шекспира озарён бенгальскими огнями барокко, всё же Бард увековечил позднее Возрождение, передал нам его горький и поучительный тон.

От Монтеня происходит философский переворот Декарта. Правда ему всё же понадобились свои собственные мифы (об этом далее), но начинал он с сомнения и отдавал дань почтения Монтеню.

Наиболее запутана и неясна третья дорога — она ведёт от «Опытов» к «Мыслям», от Монтеня к Паскалю. И этот христианский мистик, тоже порвавший с наследием схоластики, обращаясь к конкретному анализу положения личности в космосе и обществе, черпает своё вдохновение в непредвзятости Монтеня. Паскаль равнодушен к мифам.

Монтенем восхищался и Фридрих Ницше. Быть может, ему был близок такой пассаж «Опытов»: «Недостаточно уйти от людей, недостаточно переменить место, нужно уйти и от свойств толпы, укоренившихся в нас, нужно расстаться с собой и затем обрести себя заново». Ведь к этому и будет призывать Ницше своих современников: «расстаться с собой и затем обрести себя заново» (в Сверхчеловеке).

Нет, неправда, будто Монтень умер беспотомно. Его мысли широко разошлись в человечестве, мы — его наследники, даже если и не замечаем этого. Это был Большой Человек.

Вернёмся в XVI столетие. В Англии в результате королевской реформации Тюдоров главой церкви стал король, с чем не согласился Томас Мор и с достоинством сложил голову на плаху (1535). Англиканская Церковь сохранила епископат и ряд элементов католицизма. Более радикальные протестанты, «пуритане», вступили в борьбу против Установленной Церкви и аристократии. Кульминацией этой борьбы станет в XVII веке «Пуританская революция» в Англии.

Протестантизм победил в половине Германии, в Англии, Шотландии, Швейцарии, Северных Нидерландах и Скандинавии — в основном в странах германской расы, в поздно окрещённой Северной Европе. И вскоре начался экономический подъём этих стран, при возрастающем отставании латинской Европы, где свирепствовала католическая реакция (контрреформация). Чем объясняется явный отрыв протестантских стран?

Протестантизм — это высоко практичная буржуазная религия. Маркс отметил заслуги Лютера в десакрализации сознания. Учение Лютера не нуждалось во внешней санкции; фактически оно ликвидировало все внешние по отношению к человеческому сознанию санкции. Отныне интерпретация Библии регулировалась только здравым смыслом и (неявно) практическими интересами. Философия Лютера есть стихийный волюнтаризм.

Внушая безусловное послушание Богу, протестантизм одновременно выступает как религия автономного человека, требующая инициативы и ответственности. Религия сводится только к вере (sola fide), Церковь не обязательна. С другой стороны, повседневная практическая деятельность приобретает религиозный смысл. Уже в XVI веке в Германии, Голландии, Швейцарии складывается протестантская этика: повышенно личностное отношение к Богу, внимание к будничной жизни,

трудовая мораль и самодисциплина, оправдание практически расчётливого поведения. Роскошь и расточительность предаются проклятию, а бережливость и накопительство прославляются.

Макс Вебер в книге «Протестантская этика и дух капитализма» (1904-1905) показал, что «хозяйственная этика» протестантов сыграла едва ли не главную роль в генезисе европейского капитализма. Его теория объясняет, почему протестантские страны составили авангард капиталистического прогресса. В них произошёл качественный сдвиг в отношении к прибыли. И сдвиг этот совершается «не отважными и беспринципными спекулянтами или авантюристами, который мы встречаем на протяжении всей человеческой истории, не обладателями «больших» денег, а людьми <…> осмотрительными и решительными одновременно, людьми сдержанными, умеренными и упорными по своей природе, полностью преданными своему делу…» Для протестантов дело — образ жизни, а не профессия; «не дело существует для человека, а человек для дела»[54].

Любопытно, что большинство гуманистов не поддержало Лютера: их отталкивал иррационализм Реформации, программное презрение к разуму. Кроме того, Реформация подрывала ренессансный идеал всемирности культуры.

Великую мечту об универсализме культуры выразил ещё Данте. Реформация с этой мечтой покончила. Латынь, эсперанто Средневековья, ещё служила единству Возрождения, но протестанты ненавидели её как римское средство держать народы в темноте. Лютеровский перевод Библии на немецкий язык положил начало распаду универсалистского мышления. Формировались нации Новой Европы, и каждая нуждалась в своей Библии. Протестантизм — это ещё, помимо всего прочего, ещё и религиозная форма национализма.

Триумф Реформации закрыл Северное Возрождение, направив энергию наций в стоическое и набожное скопидомство. Тем не менее, в XVI веке гуманизм и Реформация частично перекрывались, а порою и взаимодействовали.

В частности, это сказывается в мифотворчестве XVI века, которое выразилось в основном в легендах и народных книгах. Прежде всего должна быть названа книга о Фаусте, возникшая в лютеранской среде. Последнее не случайно: миф о демонизме науки соответствует программному иррационализму Реформации. «Третья христианская религия» оказалась также враждебна европейской науке, как «первая» — античной науке.

Некоторые легенды формально привязывались к религиозной традиции. Так, легенда об Агасфере (Вечном Жиде) имела псевдо-евангельскую привязку: якобы на Крестном Пути некий иерусалимский башмачник оттолкнул изнемогшего Христа от своего порога и был за то по слову Божию обречён на скитания по земле до Второго пришествия. В евангельской литературе об этом нет ни слова, но Ветхий Завет даёт сюжет-прототип: вечное блуждание по земле как наказание Каина-братоубийцы. Легенда об Агасфере содержит этиологию еврейского рассеяния как вечного скитальчества по воле Христа. Это один из мифов европейского анти-

[54] Вебер, Макс. Избранные произведения. М., 1990. С. 89-90.

семитизма; возник он в Германии, где даже показывали в одном городе башмаки Вечного Жида.

Каиновский мотив можно усмотреть и в романтической легенде о Летучем Голландце, которую впервые зафиксировал Генрих Гейне; за ним последовали В. Гауф, капитан Марриэт и Рихард Вагнер. «Корабль-призрак» с командой мертвецов не выдуман Генрихом Гейне: в скандинавском героическом эпосе есть рассказ о корабле мертвецов (Нагльфар); в его паруса всегда дует попутный ветер, куда бы он ни плыл. Но в варианте Гейне появился голландский капитан, обречённый за кощунство на вечные скитания по морям, как обречён и Каин.

В Испании возникла легенда о севильском соблазнителе Дон Хуане, которого утащила в ад надгробная статуя убитого им Командора. Непосредственно она мстит не за похождения героя, а за кощунственную шутливость по отношению к надгробию, т. е. за осквернение Смерти (почитание Смерти характерно для испанской культуры). Мотив оживающей статуи встречается уже у Лукиана Самосатского, но увод святотатца заживо в ад — это христианский средневековый мотив: так завершается судьба Фауста. Легенда о Дон Жуане получила распространение во всей европейской культуре; в этой легенде выразилось вырождение ренессансного титанизма, его переход в гедонистическое вольнодумство. В некоторых литературных реализациях мотива (например, в стихотворении Ш. Бодлера) этот титанизм ещё чувствуется. Заметим, что Фауст народной книги отличался не только жаждой познания, но и гиперболическим сладострастием. Донжуанизм — это фаустианство минус наука; Дон Жуан — упрощённый Фауст. Не случайно он появился в стране, где инквизиция убила науку.

Новая мифология Европы оказалась способной регенерировать исчезнувшие сюжеты. Так, в античной мифологии упоминаются золотые андроиды (человекообразные автоматы), которые были созданы Гефестом и использовались как слуги. Охранителем Крита мифы изображают медного великана Тала, по некоторым вариантам — тоже создание Гефеста. Тал был заполнен кровью богов, его становая жила кончалась в лодыжке отверстием, которые было заткнуто медным гвоздём. Приплывшая с аргонавтами Медея обманула Тала, посулив ему бессмертие; великан позволил ей вынуть гвоздь, кровь вытекла, и он умер. Огромная, но тупая сила уничтожается хитростью.

В Средние века конструирование андроидов приписывалось немецкому теологу и учёному Альберту Великому (учителю Фомы Аквинского). В конце Средних веков сложилась еврейская легенда о Големе — глиняном великане, созданном учёным-каббалистом не то для трудов в субботу (когда правоверные иудеям запрещается любая работа), не то для отражения «кровавого навета».

Эта легенда, с одной стороны, изображает дерзкую имитацию сотворения Богом Адама (тоже из глины); с другой — прославляет магическое могущество каббалистов. Представление о возможности создания Голема опирается на Талмуд и впервые высказано Элазаром бен Иехудой ещё в начале XIII века; с XIV века появились легенды о якобы созданных еврейскими учёными Големах. Наиболее известна легенда о Пражском Големе, которого якобы создал Иехуда Лива бен

Бецалель из Пражского гетто. Для него Голем был слугой; чтобы он не работал в субботу, реб Иехуда Лива на исходе пятницы извлекал из-под его языка записку с тетраграммой (священное четырехбуквие JHVH — символ Бога), тем самым лишая его способности двигаться. Забыв однажды сделать это вовремя, реб Иехуда Лива догнал Голема в самый момент наступления субботы, но когда он вырвал у него изо рта магическую записку, тот превратился в бесформенную кучу глины.

Prager Golem привлёк внимание и чехов, и немцев. Людвиг фон Арним ввёл его в немецкую литературу, сильно исказив смысл легенды. В дальнейшем Голем превратился в символ огромной и тупой силы; в европейском переосмыслении на первое место вышел побочный мотив легенды — Голем может взбунтоваться против своего творца и даже растоптать его (мораль: подражать Творению крайне опасно).

Этот мотив перекликается с одним рассказом Лукиана, который обработан в балладе Гёте «Ученик чародея». Общий смысл обоих мотивов: могущественная техника может выйти из-под контроля человека и обратиться против него. В немецком романтизме сюжет о Големе составил неявную параллель к мотиву «взбесившейся техники» (Э. Т. А. Гофман). Этой традиции придала новый импульс Мэри Шелли своим романом «Франкенштейн, или Новый Прометей» (1818), где неосмотрительный изобретатель, соединив части трупов и оживив полученный результат электричеством, создаёт демона, вид которого вызывает отвращение людей. Озлобленное чудовище начинает их убивать (первые жертвы — члены семьи Франкенштейна), затем бежит от своего творца, тот пускается в погоню, и оба они исчезают в загадочных ледяных пустынях Крайнего Севера.

Век позитивизма переиначил эту сказку. Сюжет «творение убивает творца» реализован в романе Жюля Верна «Пятьсот миллионов бегумы», где страшное сверхоружие (морозильный газ) случайно убивает своего злобного, маниакального изобретателя.

Сходная угроза ожила в «Острове доктора Моро» Г. Уэллса и в знаменитой пьесе К. Чапека «R.U.R.». Именно этот чех, знавший легенду о Пражском Големе, обогатил все европейские языки неологизмом «robot». В своей пьесе Чапек изобразил бунт роботов, которые истребляют весь род людской. Технопоклонники посмеялись над этой предостерегающей пьесой. Революция машин против людей — глупая выдумка; так казалось до 1945 года.

Когда разразилась весть о Хиросиме, стало ясно, что Голем взбунтовался. Взбесившаяся техника — это атомная бомба. Дело в том, что мифы в общем и целом не лживы. Конечно, по ним нельзя изучать историю, но они способны предостерегать.

Почти все новые мифы, рассмотренные выше, оформились в германских странах, в ареале Северного Возрождения. Так же культурная окраина Европы породила Шекспира, и потому его творчество относительно слабо связано с христианством. Гейне совершенно справедливо назвал творчество Шекспира «светской Библией». Общечеловеческая значимость главных шекспировских героев позволяет сравнивать их с библейскими фигурами; его нравственное содержание — синтез древних

английских народных традиций с гуманизмом Возрождения и мудрым скептицизмом Монтеня. Самый эпический из драматургов, Шекспир стал неисчерпаемым кладезем житейской мудрости и историко-психологических осмыслений.

Сюжеты Шекспира в основном происходят из кельтских и германских мифов (часто в переложении средневековых хроник), реже из итальянской новеллистики и Плутарха. Благодаря своей необразованности, он очень широко и вольно перемешивал фольклорно-мифологические традиции Англии с фрагментами классического наследия, добытыми путём самообразования. «Университетские умники», в основном презиравшие Шекспира, не обладали его свободой переосмысления именно в результате своей образованности. Самоучка Шекспир меньше знал и больше думал (впрочем, примером для него отчасти служил Рабле). Художественное мифотворчество Шекспира сочеталось с чувством историзма (недаром же его впоследствии так любили романтики, Гегель и Маркс). Конечно, он разделял тогдашние предубеждения своего народа, но при этом оставался весьма широк. Так, традиционным антисемитизмом проникнут «Венецианский купец», но в уста Шейлока вложена остроумная апология еврея и вообще Шейлок изображён разносторонне, что с восхищением отметил А. С. Пушкин. Шекспировский Отелло — новый миф о пылкости и внутреннем благородстве чёрной расы (и опять же Пушкин был благодарно увлечён этой могучей человеческой фигурой). Словом, Шекспир не упраздняет предубеждений, но сопровождает их контраргументами.

Он разделял и английскую веру в привидения (кажется, это неистребимый элемент английской культуры). Русский психолог Л. С. Выготский интересно сказал о «Гамлете»: «Удивительное соединение мистического и реального сближает Шекспира прежде всего с Достоевским». Но великий Бард был равнодушен к религии. Говорили о его скрытых католических симпатиях: в его пьесах встречаются насмешки над пуританами, в «Ромео и Джульетте» выведен очень симпатичный католический монах, но в целом религиозная проблематика мало интересовала Шекспира. Он был этичен без фанатизма и очень трезво оценивал энтузиазм Возрождения, а потому умнее, полнее и ярче всех воплотил ренессансную мифологию. Никто другой не сумел бы создать парадоксальную фигуру Гамлета — гуманиста, вынужденного убивать. Никто иной не смог бы написать эту великую трагедию, в которой отвага мысли оказывается ценнее, чем рыцарская удаль забияки Фортинбраса; в конечном счёте, Шекспир показал, что титанизм не нужен мыслящему человеку.

Возрождение и Реформация изменили мифологическое мышление Европы, хотя сказалось это не сразу. Культурный взрыв XV-XVI веков связан с кризисом западного христианства. Из этого кризиса было два противоположных выхода — в Реформацию (религиозный индивидуализм) и контрреформацию (порабощение совести). Северная Европа в основном избрала первый выход, южная (романская) — второй; во Франции и Германии были представлены оба пути. Это вызвало серию крупномасштабных и долголетних военных конфликтов (гугенотские войны, Тридцатилетняя война), в ходе которых был окончательно дискредитирован

средневековый религиозный фанатизм, пало средневековое мировоззрение и зародилась настоятельная потребность в более рациональной организации общества.

Конечно, полная рационализация общества невозможна, и всё же случаются исторические периоды, более рассудительные, чем другие.

XV. Наименее мифологический век

В 1600 году в Риме был сожжён пантеист Джордано Бруно, в 1616 году умерли Сервантес и Шекспир. Во Франции король Генрих IV положил конец религиозным войнам и в 1610 году был убит агентом феодальной реакции; после серии смут утвердилась фактическая диктатура кардинала Ришельё. Его реформы завершили построение абсолютной монархии, которая покровительствовала «внутриутробному» развитию капитализма, опираясь на баланс дворянства и буржуазии. Таким образом, эта новая система исконно дуалистична.

Ришельё срыл замки знатных феодалов, отрубил несколько гордых голов и в Тридцатилетней войне разгромил Габсбургов. Абсолютизм в борьбе с остатками феодальной анархии утверждает гражданский долг, общефранцузский патриотизм и примат национальной государственности перед личными интересами.

Эти же принципы воплотились в искусстве классицизма, иерархическом и рациональном: Разум, Порядок и Долг превыше всего. Эта культура вытесняет ренессансную свободу личности на периферию общественного бытия, обрекая её на авантюризм. Величие человеческой души — главное в драматургии Корнеля. Сходным образом благородный Пуссен в своей живописи прославляет красоту ясности, разума и добра; его картины поражают уникальной уравновешенностью гуманности и самодисциплины. В тесной связи с культурой становящегося классицизма находилась и рационалистическая философия Декарта.

Кавалерийский капитан, объехавший пол-Европы в походах Тридцатилетней войны, Декарт не был трусом, он вышел победителем в нескольких дуэлях. Однако, как настоящий солдат, он был расчётлив и осмотрителен. В 1629 году он поселился в Голландии, где не было инквизиции и думать было безопаснее, чем во Франции. Своё «Рассуждение о методе», названное позже началом революции в европейской философии, он опубликовал в один год с постановкой «Сида» (1637).

После публикации «Начал философии» (1644) к Декарту приходит непрошенная слава. Он писал умеренным тоном, прямо не поддерживал ни Коперника, ни Галилея («Земля не вращается, но вовлечена в движение коловоротными вихрями»), не порывал с Сорбонной и получил крупную пенсию от кардинала Мазарини. Он выражал новые идеи в учтивой форме. Но в голландских университетах начала формироваться картезианская школа, и протестантские богословы воздвигли гонения на Декарта. Поэтому он принимает приглашение шведской королевы Христины и в 1649 году переезжает в Стокгольм, где даёт уроки королеве.

Заболев воспалением лёгких, он до конца сохраняет спокойствие. Вызванный к Декарту врач хочет пустить ему кровь (тогда всё лечили кровопусканием). Декарт отказался от этого средства и с учтивой насмешкой пояснил: «Французскую кровь

надо беречь». Незадолго до смерти он произнёс: «Пора в путь, душа моя!» (11 февраля 1650 г.).

Великому философу было неполных пятьдесят четыре года.

Восхищаясь Монтенем, Декарт превратил его скептицизм в методологический приём — в исходную позицию любого мыслителя. Нужно отбросить все старые истины и определить критерий достоверности. Что достоверно в мире? Ничего, кроме самого момента сомнения. Отсюда и следует знаменитое «Cogito ergo sum» («Я мыслю, следовательно я существую»). Отсюда путём усовершенствованного онтологического доказательства выводится бытие Бога, а затем реальное существование внешнего мира. Таким образом, мир дедуцируется Декартом из непосредственной достоверности самосознания, т. е. из субъективно-психологической иллюзии безусловности мыслящего «Я».

Рациональный метод Декарта сокрушал схоластику и подрывал тысячелетнее здание теологии; он положил начало всей спекулятивной философии новой Европы, как физика Декарта — механистическому материализму. Однако философ признал дух и материю двумя субстанциями, не зависящими друг от друга. Тем самым он как бы протягивал Церкви ветвь оливы: «Нас не трогай — и мы не тронем».

В ответ римская курия вписала труды Декарта в «Индекс запрещённых книг». Однако подавить картезианство она уже не смогла. Опытное знание добилось независимости.

По Декарту, аксиомы, на которых покоится дедуктивное доказательство, постигаются интуитивно; интеллектуальная интуиция, которую он назвал lumen naturale (естественный свет), в совокупности с дедуктивным методом образует всеобщий критерий полной достоверности.

В человеке реально связаны телесный хилиазм и нематериальная мыслящая душа; её местопребывание — шишковидная железа (эпифиз) в нашем «промежуточном мозге». Выбор этой железы у Декарта произволен. Изменяя скептицизму с гносеологией Платона, Декарт заявил, что человеку свойственны врожденные идеи: это идея духовной и телесной субстанций, идея Бога и материалистический принцип «ex nihilo nihil sum». Декарт верил, что наука сделает людей «господами и обладателями природы». В этом пункте он типичный Фауст, первый «покоритель природы».

Дуализм Декарта (признание двух обоюдонезависимых субстанций), его осторожность и пафос компромисса соответствуют тогдашней французской культуре: она базировалась на религиозном компромиссе (Нантский эдикт 1598 года — образец веротерпимости Генриха IV), на двойственной природе абсолютизма (поощрение капитализма в целях его использования государством), на классицистском примирении гуманизма и государственности. И картезианство — тоже компромисс: «cogito» — это декларация философской независимости личности (не исключающая, кстати, опасности сползания в солипсизм), а Бог Декарта — абстрактная модель идеального монарха. Картезианский дуализм никого не удовлетворил, и следующее поколение философов взялось перестраивать его систему (Спиноза — в материалистический монизм, Мальбранш — в окказионализм).

Критиковать Декарта — лёгкое занятие. Известно его упрямство, его фантастические домыслы: если опыт противоречил его теориям, он конструировал дополнительную теорию для обоснования недоказательности данного опыта. Хотелось бы только остановиться на религиозно-философской критике А. Ф. Лосева в «Диалектике мифа»:

«Декарт — основатель новоевропейского рационализма и механизма, а стало быть, и позитивизма. Не жалкая салонная болтовня материалистов XVIII века, а, конечно, Декарт есть подлинный основатель философского позитивизма. И вот оказывается, что под этим позитивизмом лежит своя определенная мифология. Декарт начинает свою философию с всеобщего сомнения. Даже относительно Бога он сомневается, не является ли и Он также обманщиком. И где же он находит опору для своей философии, своё уже несомненное основание? Он находит его в «я», в субъекте, в мышлении, в сознании, в «ego», «cogito». Почему это так? Почему вещи менее реальны? Почему менее реален Бог, о котором Декарт сам говорит, что это яснейшая и очевиднейшая, простейшая идея? <...> Только потому, что таково его собственное, бессознательное вероучение, такова его собственная мифология, такова вообще индивидуалистическая и субъективистская мифология, лежащая в основе новоевропейской культуры и философии. Декарт — мифолог, несмотря на весь свой рационализм, механизм и позитивизм»[55].

Трудно признать уличающий тон А. Ф. Лосева, но он прав в том, что Декарт был бессознательным мифотворцем. Наука черпает свои исходные интуиции из мифологии. Трудность лишь в том, насколько индивидуально творимый миф является мифом. Очевидно, Лосев понимал разницу между древними мифами и мифотворчеством новоевропейского рационализма. Поэтому в «Диалектике мифа» он предложил разграничение абсолютной мифологии, которая всегда религиозна и органична, и относительной, которая сама не понимает своей мифологической природы и уродливо паразитирует на абсолютной, гиперболизируя её частные моменты и принципы. В целом это верная мысль.

Лосевская «относительная мифология», на мой взгляд, состоит из смещённых мифов (расовых и политических) и научных мифологизаций (например, Декартов эпифиз, или теория флогистона, или теория мирового эфира, и мн. др.). Всё это — секулярные мифы.

В мифологии рационализма Декарту принадлежит одно из первых мест (можно считать это и заслугой). Его знаменитое «cogito», т. е. безусловность мыслящего «я», есть миф. Единичного сознания быть не может. Одиночное заключение — испытанное средство сводить людей с ума. Маугли у Киплинга — выдумка; младенцы, выросшие с волками (в Индии известны сотни таких случаев), навсегда остаются волчатами. Человеческое сознание возможно лишь как система, в которой индивидуальная психика — один из элементов. Строго единичный разум — это Бог, так что самосознание Декарта, творящее космос «из себя», подменяет Бога.

Ницше считал «cogito» ошибкой: из него выводится не существование субъекта, а существование мышления. «Я мыслю, следовательно — существует мышление».

[55] Лосев А. Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 29-30.

Вернёмся в Голландию. Её дворянству пришлось сильно потесниться, но прошла и эпоха гёзов: восторжествовала буржуазия. Избавившись от испанского ига, Голландия стала первоклассной промышленной и морской державой, завела колонии. В стране произошёл взрыв бюргерской культуры. С нею связана и философия Баруха Спинозы.

Дакоста, изгой еврейской общины, терзаемый противоречиями, покончил с собою в Амстердаме, когда Спинозе было восемь лет (1640). Мальчик рос в этом богатом городе. Рембрандт, поселясь на Еврейской улице, портретировал опекунов и учителей юного Спинозы. В 1651 году Генеральные Штаты приняли решение об отмене штатгальтерства, и при новой организации республики буржуазия стала ещё полновластнее.

Республиканская партия боролась против фанатичных кальвинистов за веротерпимость и в конечном счёте победила. Веротерпимость приучила голландцев к уживчивости и пригодилась в их мировой торговле. Так, Япония после вызванных католическими миссионерами религиозных войн изгнала всех христиан — кроме голландцев. В эру Токугавской самоизоляции голландские купцы составляли исключение и единственную нить, соединявшую Японию с белой расой. Но, ступая на японскую землю, голландцы должны были попирать распятие. Видимо, это их не слишком затрудняло. В таком духовном климате и развивался Спиноза.

Профессора синагоги заметили способности мальчика, но вскоре их встревожила его страсть к математике и естественным наукам. Освоение латыни позволило Спинозе изучить труды Джордано Бруно, Френсиса Бэкона и Декарта. Вероятно, решающее значение для него имела идея Бруно: «Природа есть не что иное, как Бог в вещах».

Острый ум Спинозы задыхался в талмудизме. Он не сумел скрыть своего критического отношения к Торе, за что подвергся малому отлучению. Но в Спинозе таилась тихая отвага, он не дрогнул. Блюстители иудейского правоверия, не желая скандала, предложили ему тысячу гульденов в уплату за соблюдение обрядов и воздержание от публикаций; Спиноза отказался от этих «денег молчания». В 1656 году последовало великое отлучение и херем (проклятие), исключавший Спинозу из еврейской общины. Ему пришлось уехать из Амстердама. Родные сёстры присвоили его долю отцовского наследства; Спиноза подал на них в суд, выиграл гражданский процесс — а затем подарил свою долю сёстрам.

Бедный, плохо одетый, но спокойный, он зарабатывал на жизнь шлифовкой линз — это тихое, но очень вредное ремесло. Спиноза стал первоклассным шлифовщиком. В отличие от Уриэля Дакосты, он так и не крестился, хотя свои сочинения, написанные по латыни, подписывал именем «Бенедикт Спиноза» (латинское «Benedictus», как и древнееврейское «Барух», означает Благословенный). Он написал, в сущности, немного, а издал и того меньше: многое было опубликовано друзьями Спинозы после его смерти, а один его трактат нашли только в XIX веке. До конца жизни он трудился над своей «Этикой», построенной modo geometrico, по Евклиду.

Ученик и критик Декарта, Спиноза создал собственное соединение рационализма с материализмом — в форме пантеизма (отождествление Бога с мировым

целым). Казалось бы, это не ново: к пантеизму относятся многие учения об «имманентном Боге», растворённом в природе, как соль в морской воде. Это китайский даосизм, это боги Зенона и Эпикура, это Великий Пан поздней античности. Пантеизм характерен для натурфилософии Возрождения. Интереснее всего выводы, какие делает Спиноза из своего отождествления Бога и природы. Он вводит ошеломительно простую формулировку: Deus, sive natura (Бог, иначе природа). Бог есть единственная субстанция; мышление — атрибут субстанции. Этим снимается дуализм Декарта. Поскольку вопрошать о причине Бога глупо, Спиноза преспокойно объявляет, что природа — причина самой себя (causa sui). А это снимает проблему Творения. Отождествляя волю с разумом, Спиноза упраздняет всю гносеомахию Фомы и Августина. Неумолимо последовательный детерминизм Спинозы исключает чудо, свободу воли и Божественную целесообразность в природе.

Он деперсонализует Бога и высмеивает антропоморфизм. «Атрибуты, делающие человека совершенным, так же мало могут быть применены к Богу, как к человеку те атрибуты, которые делают совершенным слона или осла». Бог ни к кому не питает ни любви, ни ненависти, «не подвержен никакому аффекту, ни удовольствия, ни неудовольствия». Бог абсолютно свободен, но свобода состоит не в произвольности Его действий, а в том, что Он, будучи «существом в высшей степени совершенным и бесконечным», действует в соответствии с необходимостью только своей собственной природы.

Спиноза не верит в бессмертие души, но взамен предлагает учение об идеальном бессмертии (т. е. посмертной жизни в культурной памяти народов). Он с почтением говорит о Боге, но его Бог — это синоним природы, а «природа морально безразлична». В самом деле, являются ли землетрясения нравственными или безнравственными? Можно ли морально осудить удар молнии? И. А. Гончаров комически-сердито выбранил шторм в Индийском океане: «Безобразие, беспорядок!» — но ведь не сказал же, что шторм аморален. Спиноза прав.

Но этот худенький, смуглый человечек с длинными бровями и красивыми глазами был потрясающе вежлив. В одном письме он заявил: «Страдание, смерть и погребение Христа я вместе с вами понимаю в буквальном смысле, воскресение же Его — в аллегорическом».

Он сознавал, что исторически наличное человечество не способно жить только разумом, по законам свободы как «осознанной необходимости». Согласно Спинозе, свободен лишь уединённо живущий мудрец, вдохновляемый «интеллектуальной любовью к Богу». Оставляя свободу мысли на долю элиты мудрецов, Спиноза считал религию необходимой и полезной для ослепляемой страстями толпы. Цель религии — не познание природы вещей, а наставления людям в нравственном образе жизни; религия формирует мораль толпы и обуздывает её страсти. Но ни религия, ни государство не должны посягать на свободу мысли. Его общественный идеал — братство, равенство, веротерпимость и свобода личности. Спиноза — это республиканец, либерал и великий цивилизатор.

Его «Богословско-политический трактат» (1670) положил начало библейской критике как науке: Спиноза привёл огромное количество библейских парадоксов

(внутренних противоречий); он заявил, что пророки был тёмными, суеверными людьми; к тому же они постоянно противоречат друг другу; Моисей не мог быть автором Пятикнижия, оно написано через несколько веков после его смерти.

Во время одного диспута со Спинозой богословы утверждали волю Бога как причину всех причин и заявляли, что иных причин они не знают; Спиноза ответил знаменитыми словами: «Ignorantia non est argumentum» («Невежество — не доказательство»).

Синагога и церковь объединились в ненависти к нему. В 1671 году Государственный совет под давлением этих сил признал «Богословско-политический трактат» вредоносным и постановил уничтожить тираж. Спинозу прозвали «князем атеистов», хотя он протестовал, не считая себя атеистом.

В 1672 году совершенно неожиданно огромная французская армия вторглась в Нидерланды, хотя они состояли в союзе с Францией: Людовик XIV решил присвоить эту богатую страну. В катастрофической ситуации Ян де Витт, фактический правитель республики, был вынужден вступить в переговоры с агрессором; его политические противники оранжисты обвинили братьев де Витт в измене и подняли народный бунт. Ян де Витт, великий патриот, ученик Спинозы и его покровитель, подвергся нападению толпы и был ею растерзан на площади в Гааге. Мягкий и кроткий Спиноза был так потрясён, что среди ночи хотел отправиться на эту площадь и приклеить там прокламацию, в которой линчеватели Яна де Витта были названы «презреннейшими варварами». Любивший Спинозу домохозяин, будучи не в силах его отговорить от такого страшного риска, просто запер его.

Оранжисты пришли к власти, молодой принц Вильгельм Оранский в 1674 году стал штатгальтером. Спиноза жил под тучами сомнительной славы, стоически перенося гонения. У него давно болела грудь, но он держался правила: «Разумный человек ни о чём не думает меньше, чем о смерти». И 21 февраля 1677 года он умер в возрасте сорока пяти лет от мучительной болезни лёгких, вызванной постоянным вдыханием тонкой стеклянной пыли.

Его труп был арестован аптекарем за долги: Спиноза остался ему должен за какие-то лекарства. Друзья покойного выкупили труп, оплатили и остальные долги. Сестра Спинозы отказалась от наследства, так как его долги превышали стоимость его имущества. Не осталось почти ничего, только станок для шлифовки линз да рукописи. Согласно воле покойного, они были отправлены в Амстердам, и уже в конце 1677 года вышли из печати его «Opera posthuma» («Посмертные произведения»).

Философия этого скромного мученика, сначала проклятая и осмеянная, одержала посмертную победу. Она, подобно живописи Рембрандта, выразила кульминацию «голландского золотого века», а судьбы этих двух гениев — трагизм пасынков прогресса. Явным образом этот трагизм выразил их современник Паскаль: «Если существует Бог, то надо любить только Его, а не Его творения». Спиноза единственным предписанием веры считал любовь к ближнему, а Паскаль как бы принуждает себя никого не любить.

В эпоху Просвещения Паскаль был осмеян, тогда как Лессинг, Гёте, Шеллинг высоко прославляли несчастного оптимиста Спинозу. Вольтер в «Системах» (1772) создал юмористический образ маленького еврея, который, приблизившись к Богу, тихонько говорит ему: «Простите, но, между нами, я думаю, что вы не существуете». Вольтер думал то же самое, но помалкивал об этом. Механический материализм Спинозы стал религией естествоиспытателей.

В 1932 году, накануне воцарения Гитлера в Германии, культурный мир широко отметил трёхсотлетие со дня рождения Спинозы. Религиозные лидеры иудаизма объявили: «Херем против Баруха Спинозы отменён». Так, с большим опозданием, тихий еврей из Амстердама победил синагогу — свою родную мать: это самая меланхолическая из побед. Интерес к нему не угасает. Откуда он черпал свою силу духа? Его миф — одушевлённость всей природы и преклонение перед нею*; в сущности, это «материнский миф». Спиноза доверял миру, не питая сентиментальных иллюзий. Из своих сорока пяти лет он лет двадцать медленно умирал, а всё же любил жизнь (как А. П. Чехов).

Семнадцатый век заложил основы будущего могущества Англии. В ней Северное Возрождение перешло в барокко, тюдоровский абсолютизм сменился наглым деспотизмом Стюартов, живым символом которого служил самовлюбленный и расфуфыренный красавец Бекингем. Пуритане яростно изобличали этот разложившийся режим, им отрезали уши и носы, сажали их в тюрьмы, но они продолжали свою неукротимую проповедь. Убийство Бекингема (1628) было грозным предостережением, но Карл I не внял ему.

Подъём английской буржуазии привёл к её столкновению с деспотизмом Стюартов и монополией крупного земельного дворянства на власть; началась гражданская война между королём и парламентом. Главную силу Пуританской революции составили йомены (свободные крестьяне): они дали кадры парламентской конницы, так называемых «железнобоких», во главе которых оказался Оливер Кромвель. Он и его соратники реорганизовали парламентскую армию по революционному принципу, что обеспечило им победу в гражданской войне. Карл I был приговорён парламентом к смертной казни за государственную измену и принародно обезглавлен замаскированным палачом, имя которого осталось неизвестным (1649). Англия стала республикой.

Кромвель, человек с красным лицом и большим мясистым носом, внушал своим сторонникам: «Уповайте на Бога и держите ваш порох сухим». В 1650 году этот воинственный ханжа стал Лордом-Генералом (верховным главнокомандующим), затем подавил ирландскую национальную революцию, усмирил английских уравнителей, разгромил Голландию и в 1653 году установил свою прямую диктатуру с титулом Лорда-Протектора. Успехи Английской республики были громадными, но в 1658 году Кромвель умер, сан протектора передали его сыну, а тот был не годен для военной диктатуры и вообще ничтожество. Буржуазия, возглавляя Пуританскую революцию, добилась всего; республика ей больше не

* Зачеркнуто: «её добротой».

была нужна, и буржуазия на выгодных условиях организовала реставрацию Стюартов (1660).

Новый король велел вырыть из могилы и вздёрнуть на виселицу скелет Кромвеля, кое-кого посадил в тюрьмы, но далеко заходить в своей мести не смел.

Лучший английский поэт Джон Мильтон во время революции был «латинским секретарём» (дипломатическим переводчиком) Кромвеля и жил во дворце Уайтхолл, резиденции диктатора. Иконокласт и тираноборец, Мильтон в своих произведениях тех лет создал апологию Пуританской революции. Он был недогматическим христианином и в английском протестантизме занял особое положение: в его христианстве сильна индивидуальная реинтерпретация Библии, порою на грани вольнодумства.

Уже после возвращения Стюартов поражённый слепотой Мильтон продиктовал две поэмы: «Потерянный Рай» (1667) и «Возвращённый Рай» (1671). Первая решительно превосходит вторую по изобразительной силе и глубине чувства. Творчество Мильтона весьма оригинально: в нём гуманизм Северного Возрождения, дерзость фантазии сочетаются с аллегоризмом барокко. Бунт отпавших от Бога ангелов — аллегория Английской революции, с которой поэт связан всей кровью сердца. Главным героем «Потерянного Рая» фактически оказался Сатана. Христианство Мильтона не мешало ему восхищаться мощью и отвагой Богоборчества. Его Сатана — воплощение ренессансного титанизма. В войне против армии архистратига Михаила воинство Сатаны применяет изобретённую им артиллерию; небеса оглашаются канонадой. Армия Михаила, в конечном счёте, побеждает благодаря наличию у правой стороны молний. Иначе говоря, Силы Света победили Сатану вследствие военного превосходства.

«Потерянный Рай» — синтез Возрождения и Реформации, и в то же время ревизия Библии. Поэт решительно отвергает представление, будто наши прародители в Раю до грехопадения, не знали любви; нет, они любили, ласкали, целовали друг друга, но их любовь была безгрешной. Но как характерна почтительная холодность Мильтона к Богу! Видимо, в протестантизме самой живой фигурой оказывается «Мистер Дьявол», тогда как значение Бога постепенно стирается. По сути дела, протестантский дьявол противостоит не Богу, а человеку. Вот и в «Фаусте» Гёте именно человек побеждает зло, а Богу остаются лишь функции арбитра.

Протестантская этика и позднегуманистическая мифология совместно торжествуют в северном ареале Европы, с которого и началось триумфальное шествие капитализма. Величайшие мифотворцы этого гуманизма — Шекспир, Мильтон и Гёте. Но первый умер в 1616 г., а третий ещё не родился. Мильтон одинок в своём веке.

Тем временем, несмотря на яростное сопротивление Установленной Церкви, продолжатели Френсиса Бэкона сделали материализм главным течением английской философии. В конце века достигает вершин научная деятельность Исаака Ньютона. Именно он создал научный миф о первотолчке, который Вселенная получила от Бога, после чего Он предоставил ей двигаться по инерции. Идея первотолчка возникла до Ньютона, но он ввёл её в естественно-научную картину мира.

Век Разума назовёт Бога «Великим Часовщиком»: Он толкнул маятник, и часы пошли. В Англии же возникнет и один из главных философских мифов Просвещения — робинзонада. Но это уже в XVIII веке.

А семнадцатый век, особенно во Франции, отличался прозаическим характером. Благодаря классицизму и картезианству духовная гегемония на континенте перешла к Франции. После бурь Фронды укрепился королевский абсолютизм. Кардинал Мазарини, ученик великого Ришельё, обеспечил Франции и политическую гегемонию в Европе; в 1661 году он умер, и Людовик XIV начал править самостоятельно.

Существует легенда, что шестью годами ранее юный Людовик вошёл на заседание парижского парламента (высшего суда), одетый в охотничий костюм и с хлыстом в руке. Когда один из ораторов употребил обиходную формулу «Государство и король», Людовик перебил его словами: «Государство — это я». Историки этого рассказа не подтверждают, в протоколе заседания (13 апреля 1655 г.) этих слов нет, и тем не менее, эта фраза стала исторической: она верно передаёт самопонимание Людовика XIV.

В основе этого самопонимания лежит бессознательная реинтерпретация декартова положения «cogito ergo sum». Ведь первоисходное «cogito» не содержит никаких данных о других «Я», о других сознаниях; значит, это положение может быть реинтерпретировано как «только я мыслю». Декарт позаботился о дальнейшее дедукции нашего мира, Бога, людей из этого мира, но изначально их всех не было, а было лишь одинокое cogito. Очень многие короли не любят дедукции. Людовик XIV чувствовал, что только он один мыслит, а следовательно — только он один действительно существует. С этого начинается ужасное приключение философского мифа в истории — в данной конкретной истории, во второй половине XVIII века.

Людовик XIV был отнюдь не лишён способностей, а смолоду даже казался порою неглупым. Несмотря на крайнюю занятость галантными похождениями, королю всё же хватило ума доверить государственные финансы провинциальному буржуа Кольберу. Этот мужлан, которого мадам де Севинье прозвала «господин Северный Полюс», был сильным практическим работником. Его меркантилизм, государственное покровительство промышленности, кораблестроение на момент упрочили экономику Франции. Но затем новые и всё более безумные траты короля на женщин, войны и Версаль разрушили дело Кольбера.

Классицизм при Людовике XIV приобретает черты холодной пышности и в лице придворного живописца Лебрена почти сливается с барокко. Что означал классицизм в быту? Школьников секли за незнание суда Париса или смешение Горациев с Куриациями, греческие и римские боги были у всех на слуху, но античность превратилась в совершенно условный язык культуры. Средневековое мифотворчество умерло. Несмотря на мифологические сюжеты, искусство классицизма антимифично.

Взгляните на придворную живопись «Великого Века». Вот «Юпитер и Ио» Лемуана: прелестная хромоножка млеет в объятиях бога, изображённого в виде тучи с человеческим лицом. Но туча завита в локоны, это гиперболический парик

Людовика XIV, это его лицо, а голышка с запрокинутой головкой — это Луиза де Лавальер. И сколько он заказал таких «мифологических» картин, представляющих собой сплошное «кукареку»!

Потом ему захотелось славы, и вот его малюют античным героем: «Александр, входящий в шатёр Дария». Но больше всего ему потрафили, сравнив с солнечным богом Фебом-Аполлоном. Так он и вошёл в историю под кичливым прозвищем «Король-Солнце». Между тем, он был человеком ограниченных гигиенических потребностей и часто источал запах, напоминающий об одном сварливом домашнем животном. Великолепие Версаля поражало Европу; по дворцу, в особливых роскошных кабинетах, располагались кресла с красивой вазой снизу. Придворные, имевшие привилегию пребывать при короле, когда он восседал над вазой, составляли самый высший, самый избранный кружок.

Медицина того времени широко применяла клистирную трубку. Людовик часто нуждался в промывании желудка. Подсчитано, что за годы царствования он более 2000 раз прибегал к этой процедуре и до того к ней привык, что даже принимал по ходу дела иностранных послов. Смолоду, гордясь красотой своих ног, он сам танцевал в придворных балетах. Пописывал прескверные стишки и покровительствовал Мольеру.

На вершине успеха он уже попирал всякое право, нагло нападая на более слабых соседей; без объявления войны подверг бомбардировке строптивую Геную; приказал тайно выкрасть иностранного министра и всю жизнь продержал его в секретных тюрьмах без имени и без лица («Железная Маска»). На его пушках красовалась надпись: «Ultima ratio regis» («Последний довод короля»). Но постепенно против его ненасытной алчности к захватам сплотилось пол-Европы.

Под влиянием своей последней фаворитки, а затем морганатической супруги мадам де Ментенон Людовик XIV впал в ханжество. Чтобы заставить гугенотов принять католичество, он применил «драгонады» — принудительные постои драгун в протестантских домах: миссионеры с саблями грабили и избивали хозяев, насиловали их жён и дочерей… Эти издевательства и, наконец, отмена Нантского эдикта (1685) лишили Францию её самого деятельного населения: оно отправилось в массовую эмиграцию. В Пруссии гугеноты инициировали подъём промышленности, в Лондоне один из французских гугенотов стал первым управляющим новосозданного Английского банка. Людовик разорил Францию своею глупостью и войнами, довёл народ до ужасающей нищеты, которую отразил в своей живописи Ленэн и честно отразил в своей докладной записке маршал Вобан, после чего впал в полную опалу.

Наконец, удручённый поражениями, Людовик XIV со слезою обиды воскликнул: «Итак, Бог забыл всё, что я для Него сделал!»

И этот надутый индюк, этот христианский султан так долго числился Великим! И его правление холуи-историки назвали «Великим Веком»!

Но расцвет классицизма в 1640-1680 годы отнюдь не обусловлен меценатством короля. Напротив, при нём произошел упадок классицизма. Сначала тоже создавались великие трагедии и оды, Версаль и его фонтаны, Дом Инвалидов. Лю-

довик ослепил Европу свой помпой и навязал ей французскую моду. Но он замучил народ налогами, пустил по ветру плоды трудов и побед своих предшественников, погубил силу Франции. По смерти Франциска I государственный долг составлял 30 тысяч ливров; по смерти Людовика XIV — 2 миллиарда 600 миллионов ливров. И дело не только в войнах.

Французскую знать обуяло раболепие перед коронованным индюком, жажда его милостей и наград. Она рядилась в античные маски и придумывала себе греческие имена, но её красные каблуки, чёрные мессы, высокие парики и низкие страсти слишком уж не вязались с античной героикой. Правда, они умели пышно драпировать свои грязные аппетиты, и фаворитки Людовика XIV, например, мадам де Монтеспан, выступали с римским величием. Тем не менее, то был век отравлений ради наследства, век грубейшей материальности, первый денежный век!

Это эпоха была наименее мифологичной: печатала греческие мифы в книжках с картинками, но не знала живого мифа. Справедливо мимоходное определение Г. Г. Шпета: «рассудочная сухость семнадцатого столетия».

Был создан только один миф, и чисто политический: «Король-Солнце». Он оглушительно лопнул в войне за испанское наследство. Да и не был Людовик мифом для своего окружения: рекордное число французских дам знало в деталях его телосложение. Как пели скрипки Страдивари, когда его рогатый парик отражался в зеркалах Версаля или когда цвет нации благоговейно прислушивался к треску его кишечника!

XVI. Тайный страх неверующих

Восемнадцатый век — это Век Разума, век безгранично оптимистической веры в прогресс. Просветители завладели интеллектуальной властью. «Причина всех бедствий и несчастий людей состоит в невежестве. Преодолеть своё печальное положение, выйти из него люди могут только через просвещение, а рост его неодолим. В умах идёт скрытая и непрерывная революция и <...> с течением времени само невежество себя дискредитирует», — писал материалист Гельвеций в посмертно изданном трактате «О человеке»[56].

Просветители отождествляли религию с суеверием. Происхождение объясняли обманом со стороны жрецов или страхом людей перед силами природы. Эпоха Просвещения придала термину «миф» уничижительный смысл: «неправда», «вымысел». То были годы, когда светские дамы высмеивали чудеса святых, аббаты давали в салонах уроки тонкого скептицизма, а папский нунций в Париже, как человек прогрессивный, по утрам надевал чулки госпоже Дюбарри. Вольтер свою трагедию «Магомет» посвятил папе, и все хохотали, ибо первый остряк столетия дал в ней иллюстрацию популярной «теории обмана»: любая религия есть обман.

Просвещение попыталось демистифицировать христианскую религию, объявив её переоформлением морали Сократа. Великий афинский философ, смерть которого тоже была в известном смысле добровольной жертвой (он отказался от предложенной друзьями попытки побега из тюрьмы), был даже прозван «афинским Христом». В сущности, это ещё, по масштабам XVIII века, лестное для христианства сравнение. Были и худшие отзывы: «Совершенно очевидно, что христианская религия — это сеть, которой мошенники опутывали глупцов в течение восемнадцати веков, и кинжал, которым фанатики убивали своих братьев в течение более четырнадцати веков» (Вольтер, «О всеобщем мире»).

Христианство стало предметом шуток. Все мифы вызывали идиосинкразию просветителей: в этом причина злой пародии Вольтера на миф о Жанне д`Арк. Никогда ещё культура не была так далека от народа: предыдущий век имел всё же Мольера. Более не верили в бессмертие души, и Фридрих II, схватив за шиворот бегущего с поля битвы солдата, в бешенстве крикнул: «Собаки, вы хотите жить вечно?»

Однако в начале Века Разума явился человек гениальной наблюдательности, давший первую научную теорию мифа.

В 1725 году вышла в первой редакции книга Джамбаттисты Вико «Основания новой науки об общей природе наций», излагавшая его циклическую теорию всемирного развития. Вико был профессором университета в Неаполе. В глубоком

[56] Гельвеций. О человеке, его умственных способностях и воспитании. М., 1938. С. 278.

упадке Италии её юг оказался на самом дне, постепенно опускаясь в провинциальное одичание. И вот в этом царстве сна, прерываемого лишь праздничными религиозными процессиями и тарантеллой, среди руин былого великолепия, живёт настоящий мыслитель и выстраивает в уме взлёты и падения своей страны. Он замечает, что и в других странах случались подобные закаты и рассветы. Вико стремится в национальных историях выявить повторяемость одинаковых стадий.

Каждая стадия проходит в своём развитии три эпохи: эпоху богов (религиозную), эпоху героев (поэтическую) и эпоху людей (гражданскую). Именно в эпоху героев возникает государство, поначалу организованное как власть благородных. Плебеи всегда стремятся изменить государство, они его и изменяют: в гражданскую эпоху на смену аристократическому правлению приходят «народная свобода» и «естественная справедливость», т.е. демократия (например, полисная демократия греков).

Она представляет собой зрелость нации, за которой следует упадок. Со временем демократия вырождается в анархию, для обуздания оной гражданское общество переходит к монархии, а далее пороки монархического правления приводят к разложению всей социальной организации, и общество возвращается к исходному пункту развития, начиная цикл заново. Вико создал первую морфологию истории.

При этом он дал и первую теорию мифа. Он писал, что в эпоху богов поэты-теологи создавали мифы, в которых скрывалась суровая действительность. Мифы — игра фантазии, вызванная интуитивным ощущением присутствия высших сил и страхом перед ними. «Первые люди, как бы дети рода человеческого, неспособные образовать родовые понятия вещей, естественно, были вынуждены сочинять поэтические характеры, т. е. фантастические роды или универсалии, чтобы сводить к ним как к идеальным портретам все отдельные виды»[57].

«Поэтическая мудрость — первая мудрость язычества — должна была начинать с метафизики, не с рациональной абстрактной метафизики современных учёных, а с чувственной и фантастической метафизики первых людей, так как они были совершенно лишены рассудка, но обладали сильными чувствами и могущественной фантазией»[58].

Вико многое понимал верно. Однако «Век Разума» огульно презирал всех иезуитов; вот и этого гениального иезуита читали мало. Только Гердер сумел найти нечто ценное у Вико — его понимание истории. Но постепенно созданная Вико концепция мифа — через эволюцию в немецком романтизме, в книгах Эмерсона и Ницше — достигла преобладания: миф — это своего рода истина или эквивалент истины, не соперничающий с исторической или научной истины, но дополняющий её.

Как раз тогда, когда Просвещение разрушало все религии, Вико строил научное обоснование мифологии. Он понимал, что миф возник естественно и зако-

[57] Вико Дж. Основания новой науки. Л., 1940. С. 87.

[58] Там же. С. 128.

номерно, что это не обман, не вымысел, а естественная стадия мышления, которая повторяется в начале каждого цикла исторического круговорота, в «эпоху богов».

Е. М. Мелетинский говорит о демифологизации литературы в XVIII-XIX веках и о последующей ремифологизации её с конца XIX века[59]. Эта распространенная концепция требует существенных уточнений. Главные из них следующие:

1. Демифологизация литературы началась ещё в XVII веке — с французских моралистов и с романа мадам де Лафайет «Принцесса де Клев», первого психологического романа в Европе (психологизм и миф несовместимы). Некоторое значение в этом процессе имел также комический «мещанский роман».

2. Мифологизм литературы не сводится к античным или иудео-христианским мифам. Антикизирующие «маскарады богов», по сути дела, безмифологичны, а вот сентиментальные утопии содержат скрытый миф. Секулярные мифы могут не осознаваться писателями, которые их используют. В XVIII веке расцветают пасторальный миф, легенда о Дон Жуане, а затем воскрешается фаустианский миф.

3. Сама эпоха Просвещения постепенно обретала мифологическое подсознание, которого не доставало классицизму XVII века.

Как это происходило?

Просвещение совпало с новой волной ориентализма. Рассказы путешественников об азиатской роскоши и причудливых нравах Востока давно томили Европу; их подтверждали муслин и кашемир, алмазы Голконды и китайский фарфор. В начале XVIII века огромный успех снискал французский перевод «Тысяча и одной ночи»; затем были переведены персидские сказки, а дальше лавиной хлынули подражания. Ориентальная сказка стала излюбленной формой просветительских повестей, от Вольтера до И. А. Крылова.

Затем развернулось британское завоевание Индии. Ост-индской компании потребовались эксперты и переводчики; она поощряла интерес учёных к Индии. С их лёгкой руки в Европу вторглись мифы индуизма и буддизма. Писатели пробуют имитировать древнюю мудрость Индии. Гёте пишет балладу «Бог и баядера», подражает персидским мистикам и заговаривает о Weltliteratur. Лингвисты открывают генетические связи санскрита и европейских языков. Романтики бредят слонами и факирами. Колридж пишет «Кубла-Хана», Мур и Байрон стилизуют поэзию ислама.

Миф, изгоняемый просветителями, воспринимался публикой гораздо снисходительнее, когда звучал из уст смуглых старцев в белых тюрбанах; он им прощался, как сторонним зрителями цивилизации. На Востоке миф был уместен. Сначала им только иронически любовались, но мифологическое мышление заразительно. Кондотьеры Ост-Индской компании, сами того не ведая, торили дорогу романтизму, Шопенгауэру и Елене Блаватской.

Не только восточные влияния подрывали европейский рационализм. В самом расцвете Просвещения ошеломляющим диссонансом прозвучало духовидение шведского естествоиспытателя Эммануила Сведенборга; его книги, подробно

[59] Мелетинский Е. М. Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Вопросы философии. 1991, № 10.

изображавшие личные сношения автора с потусторонним миром, были объявлены бредом душевнобольного. Но всё же его читали — с раздражением, насмешкой и невольным интересом. Он раздражал просветителей как перебежчик из науки в мистику (повторился случай Паскаля). Позже теософией Сведенборга увлекались Бальзак и Достоевский; сегодня многие видят в ней просто слишком личное мифотворчество.

Не менее удивительно другое ренегатство из Просвещения. Богатый и культурный англичанин Гораций Уолпол, любимец парижских салонов, пишет первый готический роман — «Замок Отранто» (1764). Сам он утверждал, что зародышем сюжета ему послужило сновидение — колоссальная рука в стальной перчатке, заполнившая холл рыцарского замка. Сколь бы изысканные сны ни снились Уолполу, жанр готического романа явно мифологичен: в огромных замках таких романов (особенно у Анны Радклиф) возрождается критский лабиринт, а роль Минотавра играет «герой-злодей».

XVIII век видел триумфы таких магов, как граф Сен-Жермен, кавалер Казанова и Калиостро. Как мага воспринимали в Париже и врача-гипнотизёра Месмера, лечившего истеричек коллективным внушением. Мадам дю Деффан, королева энциклопедистов, призналась: «Я не верю в духов, но боюсь их». Что это значит? Христианин признаёт существование духов, но он от них надёжно защищён крестом, молитвой и святой водой: стойкому в вере духи не страшны. Атеист не верит в них, ему бояться нечего. Неверие мадам дю Деффан колеблется на грани суеверия: она не верит в спасительную силу молитвы и креста, в духов-то она верит! Чем бледнее и абстрактнее становится Бог, тем ближе и фамильярнее дьявол. И Генрих фон Клейст резюмирует: «Даже величайшие атеисты не утверждают, что дьявола не существует».

Просвещение, трактуя религию как суеверие, само было бессознательно суеверным. Оно отождествляло религию с мифотворчеством, а последнее понимало как сознательный обман. Мудрецам XVIII века было невдомёк, что мифы великих старых книг — лишь пустая оболочка, что творческий ресурс христианства выработан и сферой мифотворчества становятся философия и политика. Просветители боролись против Церкви, а сами создали невольно пародийную просветительскую церковь — братство «вольных каменщиков». Масонами были Фридрих II, Павел I, Моцарт, Бетховен, Джордж Вашингтон, фельдмаршал М. И. Кутузов, полковник Риэго и Александр Пушкин (до 1822 года). «Волшебная флейта» Моцарта — это мифологическая опера в масонской шифровке, и мифология её — просветительская. Надо ли говорить о том, что масонский миф с именами Соломона и Хирама Тирского — аляповатая подделка?

Когда профессор Кант у себя в Кёнигсберге заявил, что дьявола не существует и что это лишь олицетворение радикально злого начала в человеческой душе, это возмутило всех. Гегель в порыве благородного негодования писал, что учением о радикальном зле в человеке Кант замарал свою чистую философскую мантию. С чего они так расшумелись? Ну, конечно, обиделись за Человека!

Но, кажется, кроме того дьявол удобен для оптимистической этики. Человек по природе добр, его портит дурное воспитание. Для просветителей дьяволом были феодализм и предрассудки. На них можно свалить пороки цивилизации и человеческую агрессивность. Просветительскому разуму Бог не нужен, а вот враг — очень даже нужен.

Век Разума не мог уразуметь, что в его подсознании таится страх перед дьяволом и смертью. Этот страх — причина характерного бытового явления, «эвтаназии вольнодумцев»: так прозвали многочисленные случаи предсмертного обращения атеистов и скептиков к Богу. Последний русский пример — призывание умирающим М. Е. Салтыковым-Щедриным рекомого чудотворца Иоанна Кронштадтского. Всё Просвещение было чревато мистикой.

Как же так? Разве они не отрицали бытия Бога, разве не смеялись над бессмертием? Отрицали, смеялись, но в их душах образовался метафизический вакуум, а душа не терпит пустоты, вакуум заполнился мистическим страхом. Ведь мистика может быть и безрелигиозной. Иные атеисты боятся чёрной кошки и нипочём не сядут за стол чёртовой дюжиной.

Так же точно эпоха была чревата новой мифологией. Например, классицизм решал антитезу «личность — государство» в пользу второго члена. Но Просвещение выросло на дрожжах сильнейшей критики феодальной монархии, её войн и религиозных гонений. Оно разработало теорию «просвещённого абсолютизма», в которой сильная власть трактуется как орудие построения разумного общества: государство да подчинится единственной личности — «королю-философу»! Эта страшная ошибка (идущая от Гоббса), ибо власть иррациональна по своей природе, и всякий держатель власти одержим ею. Идеальный монарх, от которого ожидали дарования свободы и разумного устроения — просветительский миф.

Несколько позже индивидуализм Просвещения начал прогибаться и трещать под напором «народности»: в этом красивом наряде в культуру вошёл национализм. Опозоренное королевское cogito сменилось завышенным самосознанием нации, а эгоизм наций выразился в гордыне культурного превосходства: «Только я являюсь культурной нацией, следовательно Я одна реально существую!» Этому мифу Гегель придаст респектабельный вид: итог многовекового странствия Мирового Духа — эпилогическое романо-германское культурное господство. Киплинг (человек более честный, чем Гегель, хотя тоже мифоман) прямо объявит это «бременем белого человека». Миф о превосходстве белой расы, её предназначенности к великой миссии — один из самых кровавых в истории. Он тоже рождён Просвещением.

В противовес индивидуализму Просвещения его противник Жан-Жак Руссо выдвинул идеал естественного братства и равенства людей. Он был великим критиком цивилизации, а цивилизация тогда отождествлялась с культурой: отсюда все перехлёсты Жан-Жака. Он призывал к натурализации культуры, к новому золотому веку. Он опирался на пасторальный миф Возрождения, однако сознание Руссо было двойственным, что ярко проявилось в его «Исповеди».

«Я один. Я понимаю своё сердце и знаю людей. Я создан иначе, чем кто-либо из виденных мною; осмеливаюсь думать, что я не похож ни на кого на свете. Если я не лучше других, то по крайней мере не такой, как они».

«Как бы скромна и безвестна ни была моя жизнь, если я думал больше и лучше, чем короли, история моей души была интереснее, чем история их душ».

«Скромна и безвестна» — какое кокетство! Он прекрасно знал, что давно вызывает любопытство всей Европы. Скромность эта отдаёт притворством. А рекордная откровенность «Исповеди» — это и сильно действующее техническое средство, и философская позиция. Много будут рассуждать о мазохизме Жан-Жака, о его Эдиповом комплексе, но главное в этой книге — эксгибиционизм автора. Он хочет быть скандально интересным, он навязывает себя читателям как оригинальнейшую личность. Вдаваясь в интимные детали, он говорит: «Я хорошо понимаю, что читателю не очень нужно всё это знать, но мне-то очень нужно рассказать ему об этом». Эти слова неискренни. Ведь он в «Исповеди» раскрыл некоторые аномалии своей половой жизни, но в то же время возражал против полного перевода Библии, находя в ней много морально неприемлемых мест. Щекотливость этого невротика содержала в себе огромную претензию: Библия подлежит моральной цензуре, а половые причуды Жан-Жака — нет! Выходит, они интереснее Библии. Да он именно и считал, что читатель должен «всё это знать»! Он был самолюбив, как Людовик XIV.

Когда его романная героиня Юлия отдалась учителю-разночинцу, это было воспринято читающей публикой как событие революционного значения. Книгопродавцы не могли удовлетворить спроса, и «Новую Элоизу» давали читать за плату, по 12 су за каждый том, причём на прочтение тома отводилось 60 минут. Оправдывая в «Исповеди» поведение Юлии, Руссо заявил: «В природе не существует совершенных людей». Он уверен, что в моральном отношении он выше многих современников. Но его нравственное чувство столь же изысканно, как и критикуемая им культура. Он не только дитя республиканской Женевы, но и приёмыш французского рококо. «Мучительное самонаблюдение» Руссо было оригинальным способом самопрославления.

Это почувствовали уже его современники. Толковый наблюдатель Гельвеций заметил: «Мне всегда казалось, что Руссо в своих сочинениях старается не столько учить своих читателей, сколько пленить их собой»[60].

В своей демонстративной поперечности веку Просвещения Руссо противостоит всему миру, маниакально подозревая его враждебное любопытство и шпионство. В «Исповеди» он завершил создание новой, антиклассической героики — героики чувства. Страдающий, грешный, но сильно чувствующий человек предстаёт как личность, равная миру. Но ведь это и есть ренессансный титанизм! Гейне и за ним Достоевский считали, что Руссо в «Исповеди» из тщеславия налгал на себя. Только ли из тщеславия? Ведь он же ясно сказал: «Мой Аполлон — это гнев». Смысла этой декларации тогда не поняли. Созданная им новая героика чувства была не-

[60] Гельвеций. О человеке. М., 1938. С. 41.

обходима для огромного и страшного дела, на которое даже и покуситься не смел слишком благодушный просветительский рационализм.

Долго Европа смеялась над чудаком в «армянской шапке», и даже Пушкин в «Онегине» назвал его «красноречивым сумасбродом». Но, пожалуй, он это сделал по инерции. Когда писался «Онегин», Европа уже перестала смеяться над Жан-Жаком. Ибо с момента, когда его вернейший последователь, большой чудак, мечтатель в васильковом фраке по имени Робеспьер гильотинировал королеву, нескольких биржевиков, химика Лавуазье, поэта Андрэ Шенье, жирондистов, дантонистов, «бешеных» и прочая, и прочая, «имена же их, Господи, веси» — Европе стало как-то не смешно.

Жан-Жак подготовил якобинский террор, хотя и умер задолго до взятия Бастилии. Таких чудаков стоило бы остерегаться.

Если французское Просвещение готовило аргументы для либерализма Жиронды, а Руссо — для якобинства, то в Англии всё сложилось иначе. В результате Славной Революции (повторного изгнания Стюартов в 1688 году) и почти вековой борьбы буржуазии против пережитков абсолютизма, в Англии сложилась система компромисса между землевладением и промышленностью. Её результатами стали пауперизация деревни, превращение йоменов в арендаторов, промышленная революция и лендлордизм. Основная масса населения покинула деревню.

В 1719 году вышел «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо — купца, шпиона, памфлетиста, одного из самых передовых бойцов английской буржуазии. Литературоведы-компаративисты давно доказали, что «Робинзон» в главной своей части представляет собой парафразу знаменитой фабулы. Ведь необитаемый остров бедного Робина Крузо — не первый в английской литературе: на таком же острове у берегов Америки разыгрывалось действие «Бури», лебединой песни Шекспира. Маг-цивизатор Просперо превратился в Робинзона, тогда как Калибан и Ариэль сведены в фигуру Пятницы. Нет лишь Миранды и любовной истории, да и финалы различаются.

Впрочем, говоря серьёзно, различия огромные. Сказочная драма превратилась в буржуазный эпос, в прославление труда (за что «Робинзона» любил Лев Толстой). Найдя на разбитом корабле кучу денег, Робинзон их отбрасывает, как «ненужный хлам». Один на один с природой человек не нуждается в деньгах. Однако всё мышление этого героического одиночки проникнуто пафосом приходно-расходной книги. Он складывает выгоды и невыгоды своего кораблекрушения и сводит положительное сальдо.

У героя Дефо, как известно, был реальный прототип: капитан Дампир после ряда стычек с боцманом Александром Селкирком высадил его на необитаемый остров Мос-а-Тьерра в Тихом океане, снабдив всем необходимым для выживания, даже ружьём, порохом и пулями. Селкирка сняли с острова через четыре года, он был похож на дикого зверя и почти разучился говорить. Привезённый в Англию, он больше не смог жить в доме и вырыл себе землянку в саду. Четыре года полного одиночества, с океаном вместо тюремщика, лишили его челове-

ческого облика. Одиночество есть одичание. Социология одиночества в романе Дефо мифологична.

Робинзон Крузо сохранил человеческий облик не благодаря Пятнице (тот появился слишком поздно), а благодаря труду и Богу. Этот протестантский Бог внушил Робинзон строгий педантизм в поведении, упорное трудолюбие, стремление постоянно соотносить свои деяния с собственной совестью. Труд Робинзона и его религия взаимно определяют друг друга.

В духе своей религии Робинзон воспитывает спасённого им дикаря, человека иной расы. В то же время Повелитель Острова готов стрелять в пиратов, людей своей, белой расы. Как он спас Пятницу от съедения, так он спасает и свою колонию от выродков собственной цивилизации. Робинзон это гуманный колонизатор, фигура, несомненно мифическая. Буржуазный индивид в козьей шкуре «естественного человека», благодаря своей протестантской этике победивший Природу.

Роман Дефо — чисто протестантский миф, высшее выражение протестантской этики в европейском романе; притом это оптимистический миф, тогда как «Буря» кончалась печальным прощанием Просперо, ломающего свою волшебную палочку: «and my ending is dispair». Миф Дефо имел огромный успех во всей Европе, он был затем использован просветительской философией, и с мифа о Робинзоне начинается просветительский индивидуализм. Всё Просвещение, в том числе и французское, связано с протестантской этикой.

Вообще английская литература XVIII века смело вводила новых героев, начиная с «Оперы нищих» Джона Гея (1728) и «Лондонского купца» Лилло (1731). Рационализм и дух авантюры порою сменялись слезливой медитацией: так выступил Эдвард Юнг со своей заунывной поэмой «Жалобы, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742-1745); говорят, он писал её при свече, воткнутой в глазницу человеческого черепа. Именно Юнг изобрёл the joy of grief (радость печалования), возвестил поэзию «могил и развалин», пролагая путь сентиментализму. «Лондонский купец» был образцом мещанской драмы, но героизация буржуазии нуждалась в романной героине высшего разряда.

И вскоре появилась великая сентиментальная трагедия в форме романа — «Кларисса Гарло» Ричардсона (1747-1748). Огромный роман печатался по частям, с продолжением, и Англия переживала его так, как сегодняшняя масса переживает телесериалы. Блестящий аристократ Ловлейс (Lovelace) влюбил в себя юную, прелестную мещанку; мисс Клери добродетельна и умна, но Лавлейсу удаётся обмануть её, одурманить опиумом и злоупотребить её беспомощным состоянием. Потрясённая Кларисса тяжело заболевает. Британские министры, отправляясь с докладами к королю, заезжали к Ричардсону справиться о здоровье мисс Клери, ибо Георг II следил за сериалом. Лавлейс чувствует раскаяние, он даже предлагает Клариссе брак, но гордая девушка отказывается от такого «исправления ошибки». Тут Ричардсон получил письмо от какого-то капитана с нешуточными угрозами: если мисс Кларисса умрёт, то капитан подкараулит романиста на Риджент-стрит,

публично сорвёт с него парик, а то и поколотит. Дамы из общества умоляли Ричардсона спасти Лавлейса... И всё же Кларисса умирает, а её кузен убивает Лавлейса на дуэли.

К изумлению Ричардсона, английские дамы оплакивали бедного Лавлейса. Успех был огромным, писателя прозвали «Шекспиром семейного романа». В чём же был секрет успеха? В том, что Ричардсон нечаянно нашёл компромисс между дворянскими и буржуазными нравственными принципами, сделав мещанку героичной, а раскаявшегося вольнодумца из аристократии — обаятельным.

Перелом в литературе произошёл в 60-е годы: их открывает «Тристрам Шенди», в 1764 г. появляется «Замок Отранто» (первый готический роман), в 1766 — «Векфильдский священник» (пасторальный миф), в 1768 — «Сентиментальное путешествие». Одновременно грянула фольклорная революция Оссиана. При помощи готического ужаса и стернианского юмора английская литература преодолевает односторонность рационализма. Но в целом культура Англии в этот период развивается под знаком компромисса.

Джереми Бентам, основоположник утилитаризма, выступил против Руссо и его теории общественного договора, ибо эта теория «возбуждает дух восстания» (истинная правда). Отрицая «естественную религию», конструирующую понятие Бога по аналогии с земными властителями, Бентам защищал религию Откровения. Провозглашённый им союз религии с рационалистической философией прозвали «реформой Бентама»; она отвечала духу промышленной революции в Англии и подготовила идеологию викторианской эры.

Итак, вопреки откровенности Филдинга и юмору Стерна, английское Просвещение завершается скучным компромиссом. Дух осторожности и уступчивости характерен для поумневшей английской буржуазии. Британия завоевала Калькутту и потеряла Америку, а потом с южным ветром из-за Ламанша потянуло дымком, пала Бастилия... Вот тут-то английская буржуазия сплотилась вокруг Питта, а вскоре начала карать своих просветителей за симпатии к Французской революции.

Много говорили о «реализме» английского просветительского романа, однако Робинзон, Кларисса, Лавлейс и отчасти даже пастор Примроуз мифологичны по своей сути, а рядом с ними вырастают чёрные мифы о пиратах и кроваво-сладострастных итальянских злодеях в их лабиринтических замках. Демонизация «героя-злодея» (the hero vilain) прямо ведёт к эстетизации зла. Прямодушной песне Роберта Бёрнса вторит странное эхо — «Пророческие книги» Уильяма Блейка, лично ненавидящего рационализм.

В эту эпоху в Германии Лессинг создаёт более гармоничную версию Клариссы Гарло в виде своей Эмилии Галотти, Гёте пишет «Вертера», а Фридрих Шиллер — «Разбойников». Однако немецкое движение «Бури и натиска» не сдержало своих обещаний. Весь натиск перешёл в чисто мозговой бунт немецкой идеалистической философии.

В целом XVIII век был динамичным и действительно бурным. Пасторальный миф и идея титанизма, переходящего в богоборство, начинают всё чаще аукаться и

сближаться, подготавливая тем самым французскую революцию и «Фауста» Гёте. Вернейшим из просветителей, сделавшим из Просвещения логически последовательные выводы, был теоретик свободы, равенства и коллективизма Антуан-Никола де Кондорсе. Он верил в бесконечный прогресс человечества и принял яд, чтобы избежать гильотины (1794).

Вечный прогресс готов обернуться вечной битвой, зарождается мифология революционного типа.

Меча не выпущу из рук
И вечной битве буду рад,
Покамест в Англии моей
Не будет создан Вечный Град.

Таково кредо мистического революционера Блейка, субъективное мифотворчестве которого предвосхитило символизм. И ещё одно признание этого поэта: «Причина, по которой Мильтон писал стеснённо, изображая бога и ангелов, причина, по которой он писал свободно, изображая демонов и ад, это то, что он был настоящим поэтом и стоял бессознательно на стороне дьявола».

Англия XVIII века была страной высокого социального напряжения, а Лондон — столицей преступления, нищеты и порока. Тёмный и обездоленный пролетариат захлёстывался «синей смертью» (джином); в притонах царила разнузданная проституция; гарротёры (грабители с удавками) по ночам швыряли трупы своих жертв в Темзу; вербовщики королевского флота воровали крепких парней на больших дорогах, а суды приговаривали за кражу булки к повешению даже детей 12-ти лет. Немудрено, что эта страна породила яростную мифологию Уильяма Блейка и вандализм луддитов.

Совсем иной была молодая Америка, вчерашняя колония, с её девственным хинтерландом и пуританскими нравами. Изобретатель громоотвода Бенджамин Франклин выразил оптимизм новой нации: «Используя принципы христианства в общественном управлении, можно изменить мир». Идеолог двух революций, Американской и Французской, Томас Пейн в доисторическом прошлом видел, как и Руссо, золотой век: «Правительство, как и одежда, есть символ утраченной невинности; королевские дворцы построены на развалинах Рая» («Здравый смысл»). В революции он видел реставрацию этого утраченного Рая и с гордой уверенностью заявлял: «В наших силах построить мир заново».

Пророки Американского Рая были пуританами и руссоистами. Отец американской демократии Томас Джефферсон, автор Декларации Независимости и третий президент США, подходил к идеологическим проблемам вполне научно: «Изучая различные системы нравственности древности и современности, я пришёл к выводу, что ни одна из них не является такой чистой и безупречной, как христианская». — «Бог, который даровал нам жизнь, даровал и свободу». Но заметим его нетерпеливую интонацию: «Зачем мне искать у пророка Моисея то, что Бог открыл Жан-Жаку Руссо?» Джефферсон, как и Руссо, считал, что добродетельны только

люди, обрабатывающие землю. Он выступал против централизации государственной власти в США, отстаивая местное самоуправление.

Сочетание революционной энергии с пуританской религиозностью (то же самое, как в Английской революции XVII века) обеспечило победу Соединённых Штатов в войне за независимость. Американская революция — второе издание Английской.

Во Франции такого сочетания не было и быть не могло. Церковь, союзница абсолютизма, рассматривалась как ярая противница нации. Просвещение её осмеяло, смешало с грязью. Французская революция не отвергала всецело идею Бога (атеисты оказались в меньшинстве), но деизм был лишь суррогатом религии, что совершенно явственно выразилось в попытках искусственной организации культа Верховного Существа.

Революция началась празднично: Бастилия пала почти бескровно, только отрубили голову её коменданту де Лонэ. У «победителей Бастилии» ещё свежа была в памяти великолепная победа Американской революции и её новаторское правовое оформление. В 1789 году французы провозгласили Декларацию прав человека и гражданина. Революционная Франция сначала испытывала сентиментальный восторг. В 1790 г. долго готовили грандиозный праздник Федерации, лопата стала эмблемой дня, и аристократки рыли землю рядом с подёнщицами, зарабатывая себе первые трудовые мозоли. На этом знаменитом празднике аристократия братalась с народом, а мессу служил Талейран, тогда ещё епископом. Слёзы радости текли ручьями, в тот день осуществился либеральный миф — примирение враждующих классов, единение монархии с нацией.

Понадобилось не раз бить народ, чтобы его энтузиазм превратился в якобинскую ненависть. Массовый расстрел толпы на Марсовом поле (1791) — перелом во Французской революции: там была расстреляна иллюзия братства.

Вследствие «бегства в Варенн» (попытки эмиграции короля) и начала войны против европейской коалиции неустойчивое равновесие конституционной монархии рухнуло. Её создатели жирондисты поплатились головами за попытку остановить революцию; Французская революция швырнула в лицо Европе голову короля (январь 1793). Пропаганда поставила на службу революции античную героику, все стали Леонидами и Брутами. Эмигрантов, создавших свой корпус Конде в войне против Французской республики, ненавидели как предателей нации. Ненавидели «агентов Питта и Кобурга» и всенародно их ловили; ловля шпионов превратилась в популярный вид спорта. Ненавидели хлебных спекулянтов, банкиров, биржевиков и жуликов, печатавших фальшивые ассигнаты. Ненавидели много и бурно, рукоплеща каждой свежеотрубленной голове, которую мэтр Сансон, палач города Парижа, поднимал за волосы, показывая ликующему народу.

Однако якобинцы и в ненависти своей оставались идеалистами, учениками Руссо. Непоколебимый Сен-Жюст, соратник Робеспьера, заявил: «Счастье является новой идеей в Европе». В 1793 году, в разгар террора, якобинское правительство провозгласило целью государственной политики достижение всеобщего счастья (le bonheur commun). В тот момент счастья не доставало на всех, народ недоедал, но

санкюлоты были свободны и тешились зрелищем проезда своих врагов на площадь Республики, где и трудился мэтр Сансон со своею верной Луизеттой (гильотиной).

Когда пал Робеспьер, санкюлоты сделались не свободны, зато настала полная свобода мещанства с дубьём, и оно травило якобинцев, а санкюлотам разбивало головы на улицах. Настала полная свобода спекуляции. Отощавшие в тюрьмах аристократки пошли на содержание к биржевикам, а министры принялись воровать так, как при «старом режиме» дозволялось только принцам крови. Республика разлагалась в оргиях Директории, и на бульварах Парижа дамы с бурбонскими лилиями на чулках кричали: «Да здравствует Суворов!» Тогда испуганная Франция рассудила по-платоновски: пусть царствует гений — и отдалась маленькому генералу с волосами до плеч и с южным выговором. Это был некий Бонапарт. Однако о нём речь пойдёт далее.

Le bonheur commun — это мифологический лозунг: «золотой век» на языке политической практики. Слово «утопия» ввёл ещё Томас Мор, но все прежние утопии были вымышленными островами, а тут вдруг «золотой век» был поставлен на повестку дня. В связи с Французской революцией, на рубеже XVIII-XIX вв. сложилось утопическое мышление современного типа.

Знатный аристократ Анри Клод де Сен-Симон (1760-1825) преспокойно пережил Революцию. Будучи с детства материалистом, он даже выступал с проектом сноса собора Парижской Богоматери. Во время революции он своего графского титула не носил и удачно спекулировал на бирже; человек был складной, неунывающий, он верил в жизнь и кипел проектами — прежде всего финансовый гений, но без интереса к богатству.

Свою философскую карьеру этот великий утопист начал с идеи «социального физицизма», построенного на примитивном распространении закона всемирного тяготения на жизнь общества. Уже в «Письмах женевского обывателя к своим современникам» (1802) Сен-Симон предложил новую религию, характерная черта которой — это ньютонизм: Исааку Ньютону поручено Богом «руководство светом и управление жителями всех планет»; в будущем гармоническом обществе место храмов займут мавзолеи Ньютона.

Сен-Симон заявил: «Золотой век, который слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас». Тем самым он основал социалистическую философию истории, переосмыслив в ренессансно-гуманистическом духе христианскую хилиастическую традицию: заменил тысячелетнее Царство Божие на земле языческим мифом. «Золотой век» Гесиода был передвинут в увенчание истории. Социализм — последняя великая ересь христианства.

При этом Сен-Симон не желал никакой революции, он предлагал индустриальную реформу. В счастливом индустриальном обществе будущего он предусматривал сохранение и частной собственности, и предпринимательской прибыли. В его утопии социализм и капитализм ещё не разделились.

Сен-Симон сделал огромный шаг вперёд по сравнению с утопизмом Века Разума. До него мечта о свободной жизни в гармонии с природой была общей у большинства утопистов с писателями типа Руссо и Голдсмита, врагами промышленного

переворота, хулителями больших городов. Утопия ответвилась от пасторального мифа и, по мнению М. М. Бахтина, была соприродна роману. Утопизм поначалу любил природу и был сентиментален, как молодой Робеспьер.

Перелом произошёл в сенсимонизме: утопия отдалась культу науки. Уже в 1802 году Сен-Симон провозгласил: «Прочь, Александры, уступите место ученикам Архимеда!» Ещё только восходила кровавая звезда Наполеона, а «женевский обыватель» уже планировал технократию. Общество будущего должно быть основано на научно и планово организованной крупной промышленности. Сен-Симон функционально сближает учёных и промышленников. В понятие «индустриалов» у него входят и фабриканты, и банкиры, и рабочие: пролетариата он специально не выделял. Всем должно быть обеспечено право на труд; каждый пусть работает по способности.

В будущей «индустриальной системе» вместо управления людьми установится распоряжение вещами и управление производством (технология).

С гениальной наивностью Сен-Симон хотел широкой пропагандой позитивной философии добиться разумной реорганизации общества. Однако постепенно он пришёл к убеждению, что простой пропаганды мало. В 1825 году вышла его последняя книга — «Новое христианство», выдвинувшая задачу построения новой религиозной организации — церкви без Бога. Ученики Сен-Симона попытались её создать, но она выродилась в карикатурную секту. Они объявили, что Бог — это человечество (гуманитарный пантеизм). О собственной церкви с новым папой будет мечтать и Огюст Конт, смолоду секретарь и соавтор Сен-Симона.

В целом пророк индустриальной системы был предтечей не столько Маркса, сколько Р. Гильфердинга, Ф. Д. Рузвельта и Дж. М. Кейнса; его программа — организованный капитализм, власть учёных, промышленников и банкиров, всемирная ассоциация народов — постепенно реализуется. Только последняя, заветная мечта Сен-Симона ещё далека от осуществления — всеобщий мир при стирании национальных границ. Но, кроме того, Сен-Симон завещал нам и великое общее требование, которое никогда и нигде не было реализовано: уничтожить эксплуатацию человека человеком.

Зато некоторые идеи Сен-Симона начнут осуществляться уже в XIX веке. Финансисты, вышедшие из его школы, учредят специальные банки для кредитования развития промышленности; именно у сенсимонизма украл Фердинанд де Лессепс проект построения Суэцкого канала. Сен-Симон был самым практичным из мифотворцев, он создал деловую программу культуры, основанную на вере в прогресс.

Сначала над социалистами смеялись все. Ну, разве не смешон Шарль Фурье, который в трактате «Теория четырёх движений и всеобщих судеб» (1808) предсказал «социалистическую гармонию» с указанием точных дат? Человечество просуществует 80 тысяч лет и за это время переживет 32 периода. В восьмом периоде родится Северное светило, благодаря которому в северных странах установится благоприятный климат и наступит «эра счастья». При ней все враждебные чело-

веку силы приобретут противоположные качества. Вместо кита появится антикит, который будет помогать людям в навигации; льва заменит добродушный антилев, который предложит человеку свои услуги для верховой езды; солёная вода океана превратится в лимонад; труд станет радостным, люди будут обрабатывать поля в венках из роз, под музыку и пение. Не надо революций! Достижение идеала возможно только через торжество разума!

Социалисты — прекраснодушные мечтатели, мирные реформаторы. Напротив, революционеры были «с конца копья вскормлены», они были детьми обиды и дышали местью.

В 1782 году в Мангейме впервые поставлены «Разбойники» Шиллера. Со сцены гремит бодрая угроза: «Дайте мне войско таких парней, как я, и Германия станет республикой, перед которой Рим и Спарта окажутся жалкими монастырями».

Несколько позже Жан Поль Марат пишет приятелю: «Дайте мне двести неаполитанцев с кинжалом в правой руке и с муфтой на левой, с ними я пройду всю Францию и сделаю революцию».

И утописты, и революционные мстители вышли из Просвещения, но разными дорогами. Параллели пересекутся в XIX веке, но те и другие начали посматривать друг на друга гораздо раньше, чувствуя, что у них есть «общая точка». Шиллер, разочарованный Французской революцией, решил заменить насилие искусством и создал программу эстетического воспитания. С тех пор, как человек вышел из «аркадской идиллии», он сознательно выбирает между добром и злом. Задача состоит в следующем: человеку нужно так облагородить свою натуру, чтобы нравственный закон стал естественным; моральное поведение должно само собой следовать из нравственной красоты человека. Когда эта цель будет полностью достигнута, человечество вступит во вторую райскую стадию, которую Шиллер назвал «элизиум». Рай в начале истории и рай в конце: эта идея отзовётся у Фихте.

Итак, Просвещение — эпоха секулярного мифотворчества. Например, Гердер создал теорию об антропологическом превосходстве белой расы, из чего следует вывод о её всемирно-исторической миссии. Издали европоцентризм кажется просто ошибкой, на деле это научный миф, которым 200 лет пользовалась колониальная система. В эпоху романтизма разгорелся спор о богоизбранности народов (национальный мессианизм»). Новые мифы теснили религию Христа или вступали с ней в опасные связи.

В конце XVIII века появился гениальный вундеркинд Шеллинг. Развивая идеи Канта и Шиллера, он создал наиболее глубокую версию романтической эстетики, и один из важнейших её элементов — это новаторская теория мифа.

Ещё в работе «О мифах, исторических сказаниях и философемах древнего мира» (1798) Шеллинг провозгласил миф первообразом поэзии, которая породила «науку незапамятных времён» и была матерью философии. Поскольку мифология есть базис всякого искусства, мифотворчество не ограничивается какими-то рамками и может принять характер индивидуального создания новых мифов: оно продолжается на протяжении всей истории человечества.

Едва ли не первым Шеллинг теоретически обосновал мифологическую ценность средневековой культуры и в первооткрывательском увлечении доходил до явных крайностей: «Все чудесное исходило из христианства и развернулось в мир романтизма»[61]. Это будет наглядно опровергнуто тетралогией Вагнера.

Теория мифа у Шеллинга полемически заострена против классицистского аллегоризма. По Шеллингу миф есть «символ» — синтез общего и особенного («Философия искусства». С. 100). Для Шеллинга даже греческая мифология — это реальный миф, а не аллегория. Иудейскую религию он называет «всецело реалистической». Религиозные мифы он рассматривает как художественные произведения, признавая их фантастические элементы за особую реальность, т. е. утверждая реальность сверхъестественного с эстетической точки зрения.

Миф — непременное условие искусства. Он изображает универсум, «в котором прошлое и сущее суть одно» (точное наблюдение). Но универсум в разные эпохи созерцается по-разному, новый миф отличен от античного, поэтому использование древней мифологии в новом искусстве — «не более как формализм». Это великолепно, и отсюда следует вывод: «всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывшуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию».

Шеллинг рассматривает характеры из произведений Данте, Шекспира и Сервантеса как «вечные мифы», а «Фауста» Гёте объявляет «подлинно мифологическим произведением». В своей «Философии искусства» Шеллинг говорит о новом мифе, возникающем на основе естественных наук и философии, на основе «высшей умозрительной физики». Сегодня существуют космогонические теории, допускающие религиозную интерпретацию: вселенная в одном атоме, до взрыва, аналогична Богу-Творцу.

В Тюбингенском университете учились одновременно Шеллинг, Гегель и Гёльдерлин. Последний из этой троицы стал гениальным поэтом с трагической судьбой, его не поняли современники, его отвергли Гёте и Шиллер. В своей поэзии Гёльдерлин первым освоил древний миф, превратив античную Грецию в символ социальной и духовной гармонии, в своеобразную утопию. Гёльдерлин — зачинатель нового мифотворчества; в своих поздних гимнах он попытался переосмыслить христианство и объявил Иисуса Христа одним из олимпийских богов, последним Богом, миссия которого — осуществление социальной справедливости.

С этого ошеломительно дерзкого образа Христа-олимпийца начинается борьба за свободное осмысление Христа, за возвращение Его в настоящее. Исторически сложившиеся христианские конфессии не могли способствовать решению этой задачи; более того, они с негодованием отвергли самую постановку такой задачи. Для России нагляднейший пример — это Христос с красным знаменем в поэме А. Блока «Двенадцать»: в сущности, это дальний отголосок Христа Гёльдерлина. Естественно, с точки зрения русской церкви блоковский Христос — образ кощунственный.

Гёльдерлин в полном одиночестве пустился путешествовать во времени. Он явился предтечей всего романтического движения, но его не поняли, и он оставил

[61] Шеллинг, Фридрих Вильгель Йозеф. Философия искусства. М., 1966. С. 375-376.

свою эпоху — впал в безумие. Сегодня многие считают его величайшим немецким поэтом.

Из вышеизложенного явствует, что демифологизация литературы в XVIII-XIX веках — это слишком расширительная концепция. Готический роман, Казотт, Гёльдерлин, «Старый Моряк» Колриджа и «Мельмот-Скиталец» Мэтьюрина, да чуть ли не весь романтизм возвращают литературу к мифу. Подлинно амифичным, глухим к мифу было искусство классицизма: все его Леониды, Ахиллы, Бруты и Горации — в сотый раз повторённая цитата и «не более как формализм». Именно классицизм окончательно порвал с христианской традицией и практически не воспринимал Востока: расиновский «Баязет», хоть и драма сераля, не содержит в себе ничего турецкого, кроме имён. Классицизм завис в вакууме и был развенчан уже в XVIII веке; все попытки его возрождения были тщетны. Даже в веймарском классицизме чувствуется некая химеричность, и Гёте косвенно признал это эпизодом из «Фауста — II»: в момент гибели Эвфориона Елена исчезает, и в руках Фауста остаются лишь её платье и покрывало.

Шиллер явно идеализировал античность и требовал от искусства идеализации. Под влиянием Винкельмана он усматривал в античности гармонию и полноту, которые утрачены современной нам эпохой, но будут вновь завоёваны в будущем, причём на более высоком уровне. В философии истории Шиллер занял среднюю позицию между историческим оптимизмом Просвещения и пессимизмом Руссо. В стихотворении «Наступление нового века» (1801) он делал безрадостный вывод:

> Красота цветёт лишь в песнопенье,
> А свобода — в области мечты.

Погружаясь в кровавую историю Европы, он сознательно её мифологизировал. Самой великой его драмой остались «Разбойники» — сентиментальная реинтерпретация близнечного мифа. Его маркиз Поза — либеральный миф всей Европы:

> Свободу мыслить дайте, государь!

Да никто никогда не посмел бы и заикнуться о чем-то подобном перед лицом Филиппа II. Когда сам герцог Альба, гранд Испании, вошёл к королю без доклада, Филипп II сказал: «Вы заслуживаете секиры». У Шиллера масса таких исторических вольностей. Сказочно-мечтательная «Орлеанская дева» эстетически исправляет историю. Шиллер адаптирует мифологию к доброте и чувствительности простых немцев своего времени. Его миф уютен.

Напротив, Гёльдерлин — бесстрашный аргонавт вечности. Он действительно жил в творимом мифе, но, к сожалению, не сумел из него вернуться. А поскольку физически он существовал в нашем земном времени, его дух и тело разлучились навсегда.

XVII. Наполеон и его миф

Великая Французская революция есть раблезианское посрамление власти.

Осенью 1789 года поход голодающих женщин на Версаль завершился переездом королевского семейства в Париж. По этому поводу была напечатана карикатура «Переселение королевского зверинца»: патриот гонит бичом череду животных с человеческими лицами, в том числе рогатого борова Людовика XVI, красивую козу с женскими грудями, их детёнышей. Такое издевательство подрывало не только монархию Бурбонов, но и любую традиционную власть.

После свержения монархии (1792) власть не находила себе высшей санкции: культы Разума или Верховного Существа крайне искусственны. В 1794 г. на смену якобинцам пришли циничные гедонисты: вместо тигров — шакалы. А ведь любой власти необходимо опираться на мифологию. Одним из первых это понял Наполеон Бонапарт.

В парижской толпе этот офицер чувствовал себя как рыба в воде, но не сливался с толпой. Он стоял среди неё перед Тюильрийским дворцом 20 июня 1792 года, когда растерянный король вышел на балкон в обнимку с санкюлотом, и королю надели на голову красный колпак, налили стакан вина, и он публично выпил во здравие народа. Парижане были растроганы, а маленький корсиканец, наблюдая сцену, сказал земляку по-итальянски: «Chè coglione!» (в сильно смягчённом переводе — «какой болван!»).

Позже был напечатан памфлет Бонапарта против роялистов «Ужин в Бокере». Он вообще питал слабость к литературе, напечатал восточную повесть «Маска пророка», написал диалог «О любви»; сентиментальный роман и набросок драмы ему пришлось отложить за недостатком времени. Французская республика отчаянно отбивалась от Европы. В 1793 году с помощью Робеспьера-младшего Бонапарт навязал командованию свой план бомбардировки Тулона. За взятие этого важнейшего порта Конвент присвоил Бонапарту титул генерала бригады. Он был бедняк и, естественно, якобинец, сделавший карьеру только благодаря революции. После свержения якобинской диктатуры он угодил в тюрьму; сидел недолго и с большой пользой для себя — навеки отрёкся от революционных убеждений. Вообще жизненным экзаменом любого тирана является предательство.

Кто выдержал этот экзамен, тот всего добьётся. Начало военной карьеры Бонапарта был Тулон, началом политической — измена якобинству. Дальнейшие средства его возвышения — военные победы вкупе с умолчаниями о поражениях, обман, клятвопреступления и опять, опять предательство. Сплошным предательством был и переворот 18 брюмера, когда Наполеон надул своих союзников и «покровителей», установив единоличную диктатуру (1799). Затем он раздавил шуанов, разбил австрийцев при Маренго, дал Франции внутреннюю стабильность и даже короткую мирную передышку (Амьенский мир, 1802). Он заключил конкордат со Святым Престолом, вернул крестьянам их попов, создал «Гражданский кодекс»

и гарантировал добытую в ходе революции мелкую крестьянскую собственность. После этого режим стал несокрушимым. Наполеон был из породы конструктивных тиранов. Покровитель промышленности, блестящий организатор, неутомимый администратор, он мог бы держаться десятки лет, если бы не фатальное стремление вечно мстить миру за нищенское провинциальное происхождение. Чтобы над ним не могли смеяться, он внушал ужас. Это обозначало почти постоянную войну.

В 1804 году он удушил республику и сам надел на себя императорскую корону, скромно пояснив: «Провидение захотело, чтобы я восстановил трон Карла Великого». И в том же году один из его префектов сделал открытие в теологии: «Бог создал Наполеона, а сам после этого удалился на покой». И началось состязание лести с подлостью.

Адмирал Брюикс советовал живописцам: «Изображайте его совсем голым — вам будет легче целовать его зад». Совет был услышан. Если Давид, в прошлом друг Робеспьера, ещё написал Наполеона на Сен-Бернаре титаническим всадником в бурно развевающемся плаще, то молодой Энгр, ученик Давида, изобразил императора уже античным богом: совершенно обнажённый, он стоит на римской колеснице, парящей над троном.

Обожествление Наполеона из пропагандистской кампании превратилось в индустрию. Бесчисленные эстампы изображали его как образца добродетели, творца народного счастья, мудрого законодателя и т. п. Правда, народы устали от его войн, но в 1809 году его австрийский брак сочли гарантией мира в Европе. Девиз Марии-Луизы гласил: «Наступили для земли ясные времена». Прелат из знатнейшего рода Роганов, прося дозволения состоять при Их величествах, писал: «Великий Наполеон, мой Бог-покровитель!..» Император счёл это обращение в общем правильным и приказал выплатить Рогану 12 тысяч франков из кассы театров.

В марте 1811 года молодая императрица родила сына; все французские батареи от Данцига до Кадикса салютовали сто одним залпом. Арман Гуффе поднёс Наполеону оду «Новое Рождество», в котором приветствовал появление на свет «нового Мессии». В Вене отпечатали гравюру: Богоматерь с лицом Марии-Луизы держит на руках Младенца с ликом Римского Короля, а в облаках над ними порхает Бог Сафаоф с лицом Наполеона.

Идиотизм этой лести был очевиден, но к ней привыкли как необходимой форме лояльности: кто жил в сталинской России, тот поймёт. Во французском народе беспардонная имперская пропаганда имела большой успех. В чём были его причины?

Высшая власть раньше мнилась священной. Революция, прежде чем гильотинировать монарха, опозорила монархию; церковь стала темой популярной порнографии. Между тем, народ, оплот национально-государственного единства, не может жить без мифа и сакрума. И это понял Наполеон, глашатай французского патриотизма. Он вернул авторитет, восстановил алтари и трон, пригласил в Париж папу римского. Миропомазание папой бывшего лейтенанта артиллерии обозначало мифологическую революцию — вторжение профанной героики в мифологию власти. Отныне великим монархам требуется свой параллельный миф: одной голубой крови недостаточно. В замкнутый круг королей Божьей милостью вошёл Человек

Толпы. Для Франции империя Наполеона явилась ресакрализацией национальной государственности; сам он вознёсся высоко-высоко, ибо возродил национальный миф. Крестьянство признало его власть над империей, и ошеломлённая Европа была вынуждена признать, что Наполеон спас монархический принцип.

И пусть он ругался, как сапожник, а от его раззолоченных маршалов попахивало навозом — зато он создал новое дворянство, возродил конкуренцию воинской чести и заставил самый революционный народ Европы снова склониться перед короной.

Ядро наполеоновского мифа — представление о непобедимом воителе, заговорённом от пули. Лично возглавляя батальоны прорыва при Лоди и Арколе, молодой Бонапарт дал начало легенде о своей неуязвимости. Он не раз повторял: «На той пуле, которая меня убьёт, будет начертано моё имя». К религии он был равнодушен. Его философией был казуализм: случай правит миром. Это философия азартных игроков. Однажды он заявил: «Судьба — слово, не имеющее смысла, и потому оно так утешительно». И ещё: «Не говорите мне о судьбе. Политика — вот что такое судьба!» Но публично он любил говорить о Провидении и внушил массам представление о своей провиденциальной миссии. Уже в начале XIX века зародилось понимание Наполеона как «человека судьбы».

Мифологизация и критика противоборствовали. Байрон своё увлечение Наполеоном относит к 1803 году. Тогда же Бетховен назвал свою III симфонию «Наполеоновской». Но узнав, что Наполеон провозгласил себя императором, композитор в гневе разорвал титульный лист и написал заново: «Героическая симфония. Памяти великого человека». Гегель однажды издали увидал Наполеона и признал в нём «Мирового духа верхом на коне».

Его режим «гениальной тирании» провозглашал равенство, принцип народного суверенитета и карьеру, открытую талантам, но принуждал нацию к покорности и собирал с неё «оброк крови» (рекрутские наборы). Наполеон любил старую знать. Над Францией реяло трехцветное знамя Революции, но эмблемами империи были римский орёл и золотые пчёлы Хильдерика. Последние якобинцы окрестили этот режим «трёхцветной контрреволюцией».

Наполеон — субъект и объект мифа. Он сознательно мифологизировал свою жизнь, строя миф в настоящем времени, а значит — в действии. Его политика подчинялась иррациональной логике мифа, а потому режим был обречён. Войнам не было видно конца, а страшные потери в русском походе вызвали ужас Франции. Народ устал. После битвы при Лейпциге (1813) скольжение к бездне ускорилось — вплоть до капитуляции Парижа и первого отречения Наполеона (1814).

Его отвезли на остров Эльбу, победоносные союзные армии ушли домой. Но восстановленные на престоле Бурбоны оказались уж слишком глупы, народ скрежетал зубами, и французы спрашивали себя: «Когда Он вернётся?» По ночам в Париже гамэны вопили по-индюшачьи, и полиция кидалась на крик, потому что все знали, что «индюк» — это Людовик XVIII. Бойко продавались портреты и статуэтки Наполеона, иногда с надписями: «Наполеон опять будет с нами», «На-

полеон пробуждается». Эта пропаганда была мифологичной, она реактивировала миф о спящем до поры Вожде-Избавителе.

Угадав настроение нации, Наполеон покинул Эльбу и предпринял свой антиисторический эксперимент. Во время марша на Париж он обещал восторженным массам перевешать на фонарях дворян и попов. Его вступление в Париж было встречено ликующим рёвом многотысячных толп. Раскрыв дверцы кареты, люди вытащили Наполеона и на руках внесли в Тюильри. Один старый роялист, видевший это, позже говорил, что это было самое настоящее идолопоклонство. Сегодня мы бы сказали — массовый психоз. Он был вызван тем, что народ воочию увидел реализацию мифа: Он вернулся!

Над столицей снова взвился трёхцветный флаг. Наполеон приказал срочно отыскать своего политического врага Бенжамена Констана, чтобы тот составил либеральную конституцию. Наполеон снова подчёркивал своё родство с Великой Революцией, а в прокламациях к народу объявил себя защитником принципов 1789 года.

После Ватерлоо, спасаясь от белого террора, он сдался англичанам. И вот что интересно, двадцать два года он боролся против Англии, поливал её грязью, Англия отвечала мерзейшей клеветой, но когда 24 июля 1815 года «Беллерофон» бросил якорь в Торбе, англичане на сотнях лодок окружили корабль, тысячи глаз высматривали Пленника, многие смельчаки плавали вокруг «Беллерофона», а несколько человек при этом утонуло. Миф легко преодолевает национальные границы.

Когда же Наполеон очутился на острове Св. Елены и ночь реакции покрыла Европу, исполненное отвращения романтическое юношество окружило его развенчанную голову ореолом «мученика свободы».

Слово «свобода» — самое затасканное в мире. Наполеон был врагом политической свободы, он из походов писал министру полиции Фуше, за кем надо шпионить: пошлите агентов послушать, о чём говорят в кафе «Фуа» — и т. д. Правда, всюду (кроме России) он освобождал крестьян от крепостной зависимости. Зато учил управлять прессой при помощи хлыста и шпор, и газеты при нём так съёжились, что англичане их сравнивали с носовыми платками.

Для себя же он добился максимальных возможностей деяния, т. е. личной свободы. Эта индивидуальная эмансипация с необходимостью включала в себя освобождение от Бога и общечеловеческой морали. На его примере романтическое юношество убеждалось, что исключительная личность, независимо от права первородства, может достичь «абсолютной свободы»: значит, надо дерзать!

В эпоху романтизма завершилась кристаллизация наполеоновского мифа. На острове Святой Елены, диктуя воспоминания, Наполеон рисовал себя защитником свободы народов и выразителем принципов Французской революции. В Европе он, по контрасту с Бурбонами, стал символом борьбы против феодальной реакции. Произошло сближение либералов с бонапартистами. В 1820 году глухой Бетховен пишет в разговорной тетради: «Если бы Наполеон вернулся теперь и умел управлять <...> нынешние условия примирили меня с ним. Детям революции, духу времени необходим был этот железный темперамент, и к тому же он повсюду разрушал феодальную систему».

В те годы наполеоновский миф начал впитывать в себя элементы романтического народолюбия. Коль скоро маршалы «ему изменили и продали шпагу свою» (Лермонтов), а простые солдаты хранят ему верность до гроба и даже обещают на его призыв «встать из гроба» (баллада Гейне «Два гренадёра»), то получается, что Наполеон — уже не тиран, а народный вождь.

Поэтому важным персонажем наполеоновского мифа стал le vieux gronard («старый болтун»): так в Великой Армии называли наполеоновских ветеранов, участников его первых походов, а позже, лет через двадцать, вообще наполеоновских солдат. Они воспеты такими поэтами, как Гейне и Беранже, но самую горькую и трогательную вариацию этой мифической фигуры создал Бальзак в блестящей повести «Полковник Шабер». Лихой наполеоновский офицер, мнимо погибший в кровавом побоище при Эйлау, возвращается через много лет в Париж и, словно Рип Вак Винкль, не узнаёт его. Он чужак в новом и подлом мире, которому не нужны живые герои, а хороши только мёртвые. Бальзак демаскирует героическую мифологию своего времени, и в финале повести живой герой отвечает любопытствующим заученной фразой из казённой истории: «Полковник Шабер убит при Эйлау».

Итак, в период Реставрации Наполеон стал таким же народным императором, как для немецкого крестьянства — Фридрих Барбаросса.

Новое отношение к Наполеону перевоспитывало даже республиканцев, врагов этого тирана. Составлялись планы его освобождения: так, например, бельгийский социалист Колен разработал план побега Наполеона на воздушном шаре — с тем, чтобы император возглавил великую войну народов за свободу и социализм! Кто назовёт это глупостью, тот будет неправ: это всего лишь самоослепление мифологической мысли.

Немудрено, что англичане нервничали, и береговые батареи Святой Елены повредили американское торговое судно, искавшее в запретной гавани убежища от шторма.

5 мая 1821 года он умер. Миллионы людей ощутили конец эпохи: пока этот маленький силуэт ещё маячил за синим горизонтом, история казалась способной на какой-то дерзкий скачок. Теперь наступили скучные будни, мир стал трезвее и беднее шансами. Через два месяца после смерти Наполеона только одна газета во Франции (официальный «Moniteur») сообщила о событии одной строкой. Это было смешно; весь цивилизованный мир переживал кончину Пленника.

При этом известии Пушкин пишет оду «Наполеон», содержащую противоречивую оценку личности покойного, но завершённую словом примирения:

Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Романтизм отпустил усопшему все грехи. А. Бестужев-Марлинский витийствовал: «Багряные облака, точно огненные змеи, теснятся вокруг чела твоего, не-

приступный утёс Святой Елены... Экватор опирается на твои рамена, сизые волны океана, как столетия, расшибаются о твои стопы, и сердце твоё — гроб Наполеона, заклеймённый таинственным иероглифом рока!»

Генрих Гейне в «Путевых картинах» (1826) называет остров Святой Елены «священной могилой», а Наполеона — «мирским спасителем человечества». Альфред де Мюссе клеймит презренную эпоху, когда «все царственные пауки разорвали Европу на части, и из пурпурной тоги Цезаря сшили себе наряд Арлекина». Стендаль, имевший с Наполеоном две личных беседы (одна из них — в Московском Кремле), вспоминает: «Он был окружён всем обаянием рока».

Когда Вальтер Скотт выступил с враждебной книгой о Наполеоне (1827), от него с презрением отвернулись многие поклонники на континенте. Партизан двенадцатого года Денис Давыдов начал «Современную песнь» (1836) воспоминанием о Наполеоне:

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

Король-банкир Луи-Филипп, пытаясь поднять свою гибнущую популярность, договаривается с Англией о репатриации праха Наполеона с острова Святой Елены во Францию. Третий сын короля адмирал де Жуанвиль в 1840 году привозит эти останки, они заново погребаются в крипте парижского Собора Инвалидов, в саркофаге из сибирского красного порфира (дар царя Николая I). Это посмертное возвращение вызывает лавину прочувствованных поэтических откликов — от Лермонтова до Фридриха Энгельса. Годом позже Томас Карлейль в книге «О героях и культе героев» описывает Наполеона как «чудовищную смесь героя с шарлатаном», но и признаёт за его режимом достоинство выдвижения людей («карьера, открытая талантам»).

Наполеоновский миф — пример неслыханной воли, преступившей любые нормы и запреты. Разве он не сказал Жозефине: «Я не такой человек, как другие, и законы морали и приличия созданы не для меня»? После Пройсиш-Эйлау (1807) ему доложили, что полегло пол-армии. Наполеон отмахнулся: «Одна ночь в Париже возместит всё это». Комментировать эту глупость мне просто не хочется.

Или: «Для такого человека, как я, наплевать на жизнь миллиона людей!» И он ещё вздыхает на острове Святой Елены: «А всё-таки что за роман — моя жизнь!»

Вот тут-то он и проговорился.

Зигмунд Фрейд считал, что Наполеон в своей жизни и деятельности бессознательно ориентировался на мифологический прообраз — на библейскую историю Иосифа. Да, эту историю можно назвать древнейшим «романом карьеры». Египет занял особое место в судьбе Наполеона, как и в истории Иосифа. Наполеон действительно озолотил своих братьев, как это сделал Иосиф. Всё ж таки эта параллель у Фрейда натянута, но в одном отец психоанализа, несомненно,

прав: Наполеон всю жизнь руководствовался эстетическими и мифологическими ориентациями.

Он сам был одним из первых романтиков. Мучительно умирая от рака печени, он утешался в своих страданиях мыслью: «Христос не был бы Богом, если бы не умер на кресте». Эта кощунственная идентификация характеризует жуткую исковерканность его психики, позволявшей ему швыряться миллионами жизней и при этом сравнивать себя — извините немножко — с Иисусом Христом.

Наполеоновский миф — исток философии волюнтаризма, которая ещё при жизни императора выступила против гордого европейского ratio.

Начинается эта борьба с Иоганна-Готлиба Фихте.

XVIII. Четыре немецких философа

Летом 1799 года профессор Фихте был вынужден покинуть Йену вследствие затяжной религиозной дискуссии: его обвинили в атеизме, поскольку он отвергал идею личного Бога и понимал Бога как моральный порядок мира. Кроме того, он имел репутацию масона и якобинца.

В 1800 году вышла его книга «Замкнутое торговое государство», в которой Фихте защищал и идеализировал сословные отношения. В то же время его политический идеал обладал чертами социальной утопии: все граждане имеют право не только на формальную свободу и защиту от насилия, но также право на собственность, труд и участие в доходах от государственного хозяйства.

А затем началась наполеоновская эпопея. В 1806 году прусская кампания Наполеона ошеломила мир: «Наполеон дунул на Пруссию, и Пруссии не стало» (Г. Гейне). Берлин раболепно встретил завоевателя; ему поднесли ключи от города. Король и правительство вели себя позорно. Французский император нагло флиртовал с королевой Луизой и после ещё шутил в избранном кругу над её злополучным супругом. И вот в обстановке оккупации, когда в Берлине стоял французский гарнизон, когда Германия была оплёвана и унижена, Фихте зимой 1807-1808 годов читает свои «Речи к немецкой нации» (изд. 1808), провозглашая лозунг защиты национального суверенитета.

Он прямо исходит из немецкой мифологии. Согласно Фихте, немцы — народ исключительный, ибо его духовное Я древнее, как мир; «только он [немец] способен к истинной и разумной любви к своей нации». Эта любовь не имеет ничего общего с той религиозной покорностью, которую проповедуют тираны, жаждущие отослать на небо всех остальных людей, чтобы самим остаться на земле.

В «Речах» многое замечательно. Как сильно говорит Фихте о пагубности пассивного ожидания помощи извне! Никто не поможет тем, кто молчит и терпит. Все помогут тем, которые сами себе помогают. Фихте звал слушателей к борьбе за освобождение не только Пруссии, но и всей Германии. «Речи к немецкой нации» — манифест прогрессивного национализма; они учили видеть в борьбе против иноземного завоевания борьбу за новое социальное устройство Германии. «Речи» имели огромное общественное значение. Отвага этого физически слабого человека поразила всех. Впервые национальным героем стал философ.

С 1800 года в философии Фихте постепенно усиливались элементы волюнтаризма. Это было вполне оправдано историческим моментом. Впоследствии Генрих Гейне, объявляя весь трансцендентальный идеализм заблуждением, делал оговорку: «всё же сочинения Фихте были проникнуты гордой независимостью, любовью к свободе, мужественным достоинством, оказывающим благодетельное влияние особенно на молодежь» («К истории религии и философии в Герма-

нии»). Хотя доктринально Фихте всегда оставался рационалистом, на деле он уже волюнтарист.

Уже в 1808 году образовался «Тугендбунд» для возрождения прусского духа. В разных концах Германии начались выступления против тирании Наполеона. Когда с приходом Кутузова немцы начали Освободительную войну, Фихте был вознесён поклонниками в ранг одного из её вождей. Этот философ-герой показал миру, что мысль может и должна быть делом: истинная философия есть поступок.

Кант создал этику долга: «Ты должен, значит ты можешь». Развивая эту идею, Фихте объявил, что весь мир — «материал исполнения долга». Интересен у Фихте анализ тиранического сознания, переход аффекта свободы в аффект самостоятельности и далее — в аффект своеволия.

Между природным человеком и нравственным лежит переходная область, в которой человек уже освободился из-под власти природы, но ещё не определил себя законом нравственности; он наслаждается своей мощью, тем, что он вырвался из потока природы и стоит над ним, сознавая, что может снова упасть в этот поток и может начать восхождение к мирам иным. Встречаются характеры, у которых этот аффект достигает высокого напряжения и которым переходный момент неопределённых возможностей кажется чем-то самостоятельным и абсолютным. Они ставят над человечеством власть своего произвола. Здесь разгадка аффекта власти: его соблазн и состоит в наслаждении неограниченными возможностями, в чувстве «я всё могу», во всемогуществе.

Заметим: «я всё могу» — слова, вырвавшиеся однажды у Наполеона. Промежуточное состояние между природой и нравственностью Фихте определил как «отрицательную свободу» — свободу от природы, но не свободу для нравственности. Опасность этого состояния в том, что индивид, освободившийся от природных страстей, становится сильнее всех тех, кто ещё остаётся у них в рабстве.

Фихтеанская философия действия, сопрягается с верой в прогресс. Страстно трудясь над освобождением родины, Фихте надорвал силы, тяжело заболел и умер в 1814 году.

Активизм, моральное требование всегда переходить от наблюдения к делу, от теории к практике роднит Фихте с одной стороны с Кантом, с другой — с Ницше. Нельзя не отметить, что пламенным фихтеанцем был и юный Маркс. Согласно Фихте, общество на заре истории отходит от своего первоначального состояния, с тем чтобы в конце концов к нему вернуться. А первоначальным состоянием был первобытно-общинный строй, по-немецки это одно слово: Urkommunismus.

От Фихте резко отличается Гегель, смолоду радикал, приветствовавший падение Бастилии, а затем создатель системы объективного идеализма (панлогизма).

27 августа 1801 года, в день, когда Гегелю исполнился 31 год, в Йенском университете состоялся диссертационный диспут, в итоге которого он получил степень доктора философии. Более всего аудиторию восхитило открытие Гегелем позитивной роли противоречия; содержание самой диссертации не упоминалось. Называлась она — «Об орбитах планет».

Диссертант затрагивал лишь некоторые проблемы космологии. Мимоходом он решил вопрос, давно волновавший науку: может ли быть обнаружена новая плане-

та в огромной космической пустыне между орбитой Марса и орбитой Юпитера? В конце рукописи Гегеля содержалась ссылка на тот ряд чисел, в соответствии с которым, согласно Платону, Демиург сотворил вселенную: 1, 2, 3, 4, 9, 16, 27. Поскольку этот ряд выражает собою порядок природы, то ясно, что между четвёртым и пятым местом (4 и 9) находится большой промежуток и что в этом промежутке между четвёртой и пятой планетами Солнечной системы нельзя предполагать новой планеты.

Логично, не правда ли?

Между тем, за восемь месяцев до этого в обсерватории Палермо астроном Джузеппе Пиацци уже открыл первую малую планету Солнечной системы (он назвал ей Церерой) — как раз между Марсом и Юпитером. Гегель не знал об этом, но это неважно. Прямые и явные противоречия его системы с наукой нимало не колебали его презрения к эмпирии. Стройность системы он ставил выше фактов, крайне злоупотребляя умозрительными концепциями. Он решительно отвергал эволюционную теорию в биологии, корпускулярную теорию света (а заодно и волновую), теорию химических элементов и атомистическую теорию. Явления магнетизма он отрицать не мог, но усматривал в них прежде всего присутствие мысли в материальном мире.

Натурфилософия Гегеля — это упрямо невежественный и высокопарный бред, сочинённая ad hoc природа: плевать на факты, коль не лезут в систему! Подобно Прокрусту, он слишком коротким фактам насильно вытягивал ноги, а слишком длинным — обрубал.

Философия Гегеля есть панлогизм: мир является осуществлением разума, законы бытия определяются законами логики. Из бытия происходит сущность, из сущности — понятие, оно есть единство бытия и сущности. Разум и познаёт мир, и преобразует его, подчиняя «своим целям с такой энергией, которая обеспечивает ему господство над миром» («Философия духа»). История человечества рассматривается Гегелем как процесс внешнего обнаружения силы мысли; исторический процесс — отражение логического процесса.

Казалось бы, в логике-то он обязан разбираться?

А знаете ли, для Гегеля это неважно. Прославляя диалектику, он чернит и хулит формальную логику, признаёт её значение только на низшей ступени мыслительной деятельности — додиалектической, абстрактной. Всю формальную логику он отождествил с метафизикой, которую яростно критиковал. Он недооценивал даже Аристотеля, а всю последующую историю логической науки сводил лишь к мелким вычёркиваниям аристотелевских определений или к средневековой схоластике и к прибавлению «значительного количества» постороннего психологического материала.

Фундаментальные законы формальной логики Гегель лягал ослиным копытом: «Эта метафизика сделалась догматизмом, потому что она, согласно природе конечных определений, должна была принимать, что из двух противоположных утверждений... одно должно быть истинным, а другое ложным». Этот закон он победоносно изничтожает посредством своей знаменитой триады. Он низвергает с гранитного пьедестала закон противоречия — во славу своего диалектическо-

го противоречия: он пытается представить дело так, будто формальная логика в законе противоречия непосредственно имеет дело с природой и обществом, он попрекает формальную логику за то, что она не поняла противоречия как корня всякого движения. Гегель считал, что оба противоречащих друг другу утверждения могут быть истинными, на что много позже великий математик Д. Гильберт возразил: доказуемость А и не-А в одной системе аксиом «осудила бы всё исчисление на бессмысленность». Гегеля ярко характеризует его математический кретинизм.

К научным теориям предъявляется требование внутренней непротиворечивости. Гегелевское понимание диалектики как победы над логическим законом противоречия ведёт к опаснейшим последствиям: к философской легализации внутренне противоречивых теорий, к контрабанде субъективной воли, что особенно страшно в социальной сфере. Истребление миллионов людей оправдывается благом остальных миллионов, и всё это называется «социалистическим гуманизмом». Диалектика! А на вышках вокруг стоят с автоматами верные гегельянцы.

Во времена Гегеля уже зарождалась математическая логика, но он, ознакомившись с основами логического исчисления, объявил его бессодержательным и тавтологическим. Между тем, в XX веке на этой якобы пустой тавтологии была построена все кибернетика.

Гегелевская диалектика имеет некоторые черты сходства с логикой мифа: в ней тоже «tertium datur». С помощью своей диалектики Гегель делал с фактами всё, что хотел.

Эмманюэль Мунье в работе «Персонализм» со скрытой иронией говорит: «Гегель навсегда сохранит за собой славу великого и бесстрастного архитектора всемогущей и безличной идеи. Все вещи и все существа растворяются в ней. И не случайно в конечном итоге Гегель провозглашает полное подчинение индивида государству»[62].

При этом Гегель отнюдь не был прусским патриотом. Он считал, что наполеоновские походы способствуют ликвидации феодальной раздробленности Германии, и потому приветствовал разгром Пруссии Наполеоном в 1806 году. Он воспринял этот разгром как полное подтверждение своей философии и, увидев издали проезд Наполеона, назвал его «Мировым духом верхом на коне». Со свойственной ему изящной простотой Гегель вещал: «Великие индивидуумы в своих партикулярных целях являются осуществлением субстанциональности, выражающей волю Мирового Духа». Для него Наполеон — величественный и прекрасный герой: субъективно он творил произвол, но объективно осуществлял высшую историческую необходимость.

Сделаем паузу, оглядимся. Мы живём в конце XX века. Нынешнее скептическое поколение совершенно не представляет страшной силы слов. Но тем, кто помнит эпоху Сталина, ведомо, что «историческая необходимость» — это самое кровавое слово в мире. Это жалкое утешение рабов, хитрое самооправдание тира-

[62] Французская философия и эстетика XX века. Вып. 1. М., 1995. С. 115.

нов, транквилизатор предателей и мягкая подушка палачей. «Историческая необходимость» — фальшивое алиби для всякой нечистой совести.

Гегель назвал Наполеона «великим учителем государственного права». Французская революция была неизбежным логическим следствием Просвещения (Гегель всю жизнь скромно и приватно отмечал день взятия Бастилии), веры в естественное равенство людей. Но Революция, сохранив политическую власть, породила противоречие, которое столь же неизбежно привело к её краху. Из ужаса и крови родилась новая, столь же высокомерная форма власти — империя: в ней сохранены все достижения Революции без её пороков. В лице Наполеона абсолютная власть реализовала себя. Так говорится в «Феноменологии духа», которую Гегель закончил перед вступлением французов в Йену. В той же книге доказывается благотворность войны.

Неужели такое доказуемо?

По словам Гегеля, люди склонны забывать о том, что они лишь частицы великого целого. Их помыслы направлены на достижение сугубо личных целей — на приобретение имущества и на их наслаждения. Чтобы не дать людям закоснеть в изолированности, чтобы не исчез дух общности, правительства обязаны время от времени потрясать войнами их бытие. Индивидам, которые отказываются от целого, стремятся лишь к жизни для себя, полезно показать их абсолютного господина — Смерть.

Ну, разве не ловко? Оказывается, война — это педагогический приём Мирового Духа. Кто бы мог додуматься до такого, кроме доктора Гегеля?

Люди — материал для самоосуществления Мирового Духа. Он использует игру людских страстей и интересов лишь как средство к достижению этой цели. «Частные интересы вступают в борьбу между собой, и некоторые из них оказываются совершенно несостоятельными... Можно назвать хитростью Разума то, что он заставляет действовать для себя страсти... Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель» (Гегель, «Лекции по философии истории»). «Разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирноисторический процесс совершается разумно» (там же).

Он многократно подчёркивает несущественность частного. А «частное» — это любой из нас. «Право мирового духа выше всех частных прав». А ведь в числе сих последних — и наше право на жизнь. По Гегелю, оно тоже несущественно. Мировой Дух столь богат ресурсами, что может действовать размашисто, не считаясь с жизнями индивидов. В сущности, чудовищная логизация мировой истории у Гегеля с его оптимистической телеологией глубоко безнравственна.

Своею самонадеянной Системой Гегель увенчал здание рационалистической философии. Скрытый миф этой Системы — гегелевский культ государства. Идеалом государства является прусский военно-полицейский режим, с которым Гегель после падения Наполеона отлично поладил. И он ещё имел наглость заявить: «Существование государства — это шествие Бога в мире». А как же люди? Ответ Гегеля: «Народ не знает, чего он хочет». Или изящнее: «Масса лежит вне понятия».

С учёным видом старого людоеда Гегель гласит: «Войны предохраняют народы от гниения». Это будет лозунгом германского национал-социализма XX века. Гегель поучал, что удачные войны не дают развиваться «внутренним смутам» и «укрепляют государство». Этой идее профилактирования революций войнами верно следовал царь Николай II (результаты известны). А неудачные войны? Обычно они и ведут к революциям. Так может ли найтись философ легкомысленнее, чем Гегель?

Уже вскоре после его смерти было раскрыто сущностное тождество его Системы с религией. По Марксу, это пантеистический мистицизм; другие отмечали близость Гегеля к спинозизму Гёте, только у Гегеля это спинозизм гностический и спекулятивный, без чувственного обаяния и полноты великого Веймарца. Гегелевская философия истории — продолжение иудео-христианской традиции; вся история у Гегеля — теофания Мирового Духа. Всякое историческое событие должно было произойти только так, как произошло, ибо так пожелал Мировой Дух, он же Всеобщий Разум. Через войны, ужасы, кровопролития мир неуклонно движется к благой цели — окончательному самопознанию Мирового Духа.

В нашем веке Мартин Бубер хорошо раскрыл внутреннюю слабость гегельянства:

«В системе Гегеля мессианизм подвергся секуляризации: из области веры, где человек ощущает свою непосредственную связь с её предметом, он переносится в область аксиоматического убеждения, где созерцает объект своей убеждённости и размышляет над ним. Всё это уже не раз отмечалось, но никто не обратил должного внимания на то, что в этом переносе не был соперенесён элемент доверия.

В конечном счёте проблематика будущего у Гегеля так и осталась неразработанной. Начало осуществления абсолютной идеи он усматривал в собственной эпохе и собственной философии, так что диалектическое движение идеи во времени должно было, судя по всему, идти к концу. Но, по совести сказать, какой же восторженный поклонник Гегеля разделял этот секуляризованный самомессианизм — не одним умом, а всей своей действительной жизнью, как это постоянно происходит в истории религий?»[63]

Система Гегеля есть лжерелигия, его философия истории кощунственно теологична, это Historia Sacra с подменённым мифом и в псевдо-научной форме. Весь его рационализм — громадная фальсификация, подгоняющая факты под теорию или просто не признающая фактов; суть её — «секуляризованный самомессианизм», т. е. мания величия Гегеля, создавшего эту оптимистическую сагу в двадцати томах как памятник собственной изворотливости.

Влияние Гегеля сказалось сильно, и всё же торжество рационализма в XIX веке — мнимое, а на деле уже наступила эпоха иррационализма.

Она нашла художественное выражение в искусстве романтизма, а философское — в учении Фихте. Вскоре последовало и псевдо-философское выражение

[63] Бубер, Мартин. Я и Ты. М., 1993. С. 97.

иррационализма: книга Артура Шопенгаэура «Мир как воля и представление» (т. I, 1819). Гёте отозвался о ней одобрительно: он любил Восток, а Шопенгауэр — это первый европейский философ, порвавший с иудео-христианским наследием; он синтезировал Платона, Канта и буддизм. О Гегеле говорил с презрением. Шопенгауэр превратил философию в род художественной литературы, изменил общепринятую манеру философствовать, поразив современников сильным и цветистым стилем, соединявшим брань, сарказм и украшательство (не всегда хорошего вкуса).

«Шопенгауэр, в сущности художественный и романтический гений, также начинает с абсолютной системы ценностей. Формально и методически он получает её посредством гениального непосредственного созерцания; этим он вводит в философию ярко выраженный аристократический тон <...>. По своему содержанию его система ценностей первой порвала с наследием европейской гуманности, которая для Канта, Гёте, Гегеля и Конта была само собою разумеющейся; своей абсолютной целью он сделал индийскую нирвану, хотя вследствие его эстетизма эта нирвана часто выступает как непостижимое великолепие и красота. <...> Он резко отвергал христианско-иудейский элемент активного и в основе своей оптимистического теизма и видел в эллинстве пессимистические и дуалистические черты, объединяющие его с восточной культурой. Творения искусства, морали и религии он парадоксально перетолковывал, ведя их по ступеням утраты самости, распада индивида. К государству, обществу, нации и хозяйству он относится с едкой насмешкой, как к обывательским филистерским проблемам. Это — полная переоценка ценностей, уничтожение всей предшествующей европейской гуманности, презрение к её пафосу и её самовозвеличению как к фразе и пошлости»[64].

Для него материальный мир есть иллюзия, действителен лишь мир как воля — слепая и бесцельная воля, свершающая вечное и бессмысленное круговращение. Всё повторяется, исторические события лишены связи и значения. Шопенгауэр осмеял и отверг рационализм, историзм, идею прогресса. Активно действующие индивиды не свободны, они суть орудия мировой воли; подлинно свободен только пассивный, чистый субъект познания — созерцатель, но ни в коем случае не деятель. Личность должна подавить в себе волю к жизни.

Освобождение от мира возможно через сострадание, бескорыстное эстетическое созерцание и аскетизм (воля порабощает человека через половой инстинкт). Атеистический пессимизм Шопенгауэра прославляет буддийскую нирвану; философ сочувственно цитирует заповедь Будды: «Раздайте всё и станьте бикшу» (т. е. нищими аскетами). Но при этом сам Шопенгауэр ничего не раздавал.

Он отрицал целесообразность самоубийства: единичный человек всё равно не может истребить главное зло — мировую волю. Всё человечество должно направить свою энергию на самоуничтожение мировой воли. Всякий оптимизм не только глуп и нелеп, но и безнравствен перед лицом неисчислимых людских страданий.

[64] Трёльч, Эрнст. Историзм и его проблемы. М., 1994. с. 118-119.

Конечно, он был мифотворцем. Отрицая личного Бога и жёстко критикуя библейский монотеизм, Шопенгауэр мифологизировал Мировую Волю, превращая её в субъекта с чертами мрачного Отца-Искусителя, который неустанно мучит человечество всё новыми и новыми страданиями.

Шопенгауэр предпочитал быть остроумным, нежели последовательным. Вульгаризируя кантианство, он играет антиномиями: нет Бога, но возможно спасение; дьявол — это выдумка, но искушения и даже ад — реальности; никогда не существовало Христа Сына Божия, но христианство приближает к понятию истины; воля безлична, но она же — «мифическое чудовище, в бешенстве разрывающее собственные внутренности». Получается своего рода религия, эстетизирующая пессимизм и населяющая мир новыми призраками; в то же время сострадание (Mitleidung) позволяет преодолеть неистинное бытие.

Долго над Шопенгауэром посмеивались, рассказывали о нём анекдоты, и только после революции 1848 года начали читать всерьёз. Его преодоление идеи трансцендентного Бога и его демонизация пустоты оказали сильное влияние на искусство; лет тридцать-сорок Шопенгауэр был большой модой, потом заговорили о внутреннем противоречии его философии: у создателя нового волюнтаризма онтология воли диссонирует с этикой сострадания и восточным идеалом нирваны.

Параллельно возникла другая линия волюнтаризма, поныне замаскированная заёмной терминологией, ибо эту линию воплотил бастард гегельянства — Карл Маркс, основатель научного социализма.

На чём зиждется претензия его научности? На дутом авторитете философии Гегеля и на политической экономии самого Маркса. Но он занялся политэкономией только после поражения накликанной им революции 1848 года, а волюнтаристское самоопределние марксизма сложилось до этой революции. В 1845 году Маркс набросал «Тезисы о Фейербахе» (опубликованы в 1888). Знаменитый одиннадцатый тезис гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Но причём тут философы? Памфлетист Пейн давно сказал: «В наших силах построить мир заново». За этим уже последовали две революции и Наполеон. Новое у Маркса лишь то, что он заменил рационалистическую утопию просветителей пролетарским мессианизмом, вводя свою волящую теорию в сырую материю рабочего движения и тем формируя его для новой и последней (главное, последней!) революции. Маркс не скрывал, что приходит в движение извне. То, что интересы мирового пролетариата и перевёрнутое гегельянство сошлись в голове доктора Маркса, следовало бы рассматривать как исключительное совпадение, но Маркс делал вид, что ничего особенного тут нет.

Тайна этого совпадения — колоссальное честолюбие Маркса. Он происходил из почтенной еврейской семьи, давшей миру двадцать одного раввина. Но в эпоху Реставрации наполеоновское равноправие евреев было отменено, в Пруссии возобновились гонения, и адвокат Генрих Маркс крестился вместе со своей семьёй. Такие обращения, вызванные государственным антисемитизмом, не раз рождали гибридную форму сознания, вроде вольнодумства Г. Гейне или

христианского социализма Л. Берне. В 1835 году гимназист Карл Маркс написал сочинение «Размышления юноши при выборе профессии». Вот фрагменты из него:

«...и человеку Божество указало высшую цель — облагородить человечество и самого себя, но Оно предоставило ему самому изыскание тех средств, которыми он может достичь этой цели; Оно предоставило человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое даёт ему наилучшую возможность возвысить себя и общество».

«Достоинство есть именно то, что более всего возвышает человека, что придаёт его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая её изумление».

Он и будет всю жизнь несокрушимо возвышаться, как предвидел в 17 лет. Юный романтик из Трира мечтал о реванше за унижения юности, ведь выкрест — вдвойне изгой, его не совсем признают христиане и с омерзением отвергают иудеи. Выкрест ищет новую родину: Францию, или мистику, или пролетариат.

С прежней духовной родиной Маркс порвал. В ответе Бруно Бауэру «К еврейскому вопросу» (1843) Маркс решительно очищает проблему от «теологической шелухи» и разоблачает буржуазную сущность еврейства: «Деньги — это ревнивый бог Израиля, перед лицом которого не может быть никакого другого бога». Современное буржуазное общество постоянно порождает еврея. Иудаизм — это прежде всего погоня за наживой. И в переписке Маркса порой проскальзывают антисемитские ноты. Он считал себя немцем, а не евреем. Но в подсознании его кипела жажда великого реванша, яростная жажда справедливости: весьма еврейская черта. А вот стратегию Маркса определила духовная атмосфера эпохи.

Новоевропейская мифология была мифологией без Бога. И не обязательно было отрицать бытие Бога, достаточно было не принимать его в расчёт. Л. Витгенштейн как-то заметил: «Фауст» Ленау примечателен тем, что человек в нём вынужден иметь дело только с дьяволом. Бог же не шелохнётся». Известная часть романтической мифологии — это уже мифология дьявола: Байрон, Шелли и прочие прометиды открыто восстали против Бога и выразили сочувствие Его оппоненту. Миф титанической личности сливается с романтическим «сатанизмом». Маркс особенно ценил Шелли, у которого в «Королеве Маб» развёртывается вся европейская история, начиная с античных времён и кончая будущим «золотым веком».

Когда Жозеф де Местр заявил, что Французская революция имела «сатанический характер», то это было не только богословским доносом, но и психологическим диагнозом. Сознание масс, захваченных порывом революционного титанизма, оставалось мифологическим. Отвергая Бога и короля, они присоединились к бунту дьявола, отождествлялись с ним и подражали ему: отсюда грубые, ёрнические формы французского вульгарного атеизма и его монастырской порнографии.

В прямом родстве с гуманистическим богоборством состояли романтический революционизм (героика заговоров и кинжалов), утопический социализм и марксизм.

В 1834 году в Париже немецкий демократ Якоб Вендей, неразлучный с кинжалом, основал тайное общество эмигрантов — «Союз Справедливых». Идеоло-

гом Союза стал уравнитель Вильгельм Вейтлинг, который считал Иисуса Христа первым коммунистом и выдвинул идею, что рабочий класс должен сам освободить себя. Революцию он мыслил как стихийный процесс, в котором главная роль предстоит ворам и разбойникам, а всякую философию презирал.

Вот у этого красноречивого лаццарони оказался на выучке Маркс. Именно Вейтлинга считают основателем коммунизма: он рассматривал коммунизм как подлинную реализацию заветов Христа. Эта «социальная религия» захватила Маркса, который в 1843 году был вынужден эмигрировать во Францию. Тогда ещё Маркс был противником насильственного переворота; насмешки Вейтлинга над философией раздражали Маркса, и вскоре ученик стал возражать учителю. В этот момент их наблюдал П. В. Анненков.

Однажды произошёл горячий спор Маркса с Вейтлингом. Основатель коммунизма ратовал за насильственную революцию; Маркс же был убеждён, что единственный путь уничтожения классовых различий лежит через распространение знания: «Нелепо думать, что вы можете изменить мир с помощью просвещённых пророков, которые вещают стаду баранов, слушающих их с разинутыми ртами». Вейтлинг стоял на своём. В конце концов, Маркс заметил: «Смотри, вот рядом с тобой сидит русский. Я думаю, что Россия — вот то место, куда тебе с твоими идеями следует ехать, потому что в этой стране появятся абсурдные пророки у абсурдных учеников».

Слово «революция» Маркс употреблял ещё в традиционном значении: «изменение», «преобразование». Но вскоре лишения и неудачи, французские радикалы и Жорж Санд перевоспитали его, сделав более решительным: «Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения» (П. В. Анненков).

Маркс выступил за уничтожение частной собственности; он решил, что задача философии — не объяснение, а изменение мира (см. выше). В 1844 году он протянул руку рабочему классу над головами парламентов, партий и профессиональных политиков: «Подобно тому, как философия находит в пролетариате своё материальное оружие, так и пролетариат находит в философии своё духовное оружие…» Вот это да! В Бруно Бауэре находит, и в Викторе Кузене, и в английский утилитаристах? Да нет, конечно. Тут слово «философия» — псевдоним одного Маркса. Это его творящее самосознание нашло себе увесистое оружие — всемирный пролетариат; в Марксе сошлись социализм и гегельянство (роман гильотины с линотипом).

В 1846 году Маркс и Энгельс вступают в «Союз Справедливых» и возглавляют его реорганизацию: в 1847 году он превращается в «Союз коммунистов», а старый девиз «Все люди — братья» заменяется новым: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» В новом союзе Маркс стал «демократическим диктатором» (определение П. В. Анненкова). В феврале 1848 года вышел «Манифест Коммунистической партии», призывающий к революции. Она разразилась немедленно и захватила пол-Европы.

Написан «Манифест» бравурно, но изобилует самонадеянными, категорическими утверждениями, которые сегодня выглядят нелепостями. Ну, например:

«У пролетариев нет отечества». Это сказано в век массовой трудовой миграции: немцев во Францию, англичан в Австралию, ирландцев и итальянцев в Америку и т. д. И всё же эта громкая фраза — всего лишь сублимация эмигрантской неприкаянности самих Маркса и Энгельса, которая только внешне сходна с пролетарскими эмиграциями. Рабочие-переселенцы в той же Америке быстро обретали новую родину, но вот политические эмигранты, лакомая дичь всех полиций, были вынуждены кочевать из страны в страну, нигде не пуская корней. Маркс и Энгельс, в конце концов, осели в Англии, но сохранили психологию романтических скитальцев, Агасферов.

«Манифест» возвещал неминуемую погибель капитализма: «Таким образом, с развитием крупной промышленности из-под ног буржуазии вырывается сама основа, на которой она производит и присваивает продукты. Она производит прежде всего своих собственных могильщиков. Её гибель и победа пролетариата одинаково неизбежны». История доказала несостоятельность этого оптимистического фатализма.

Революция 1848 года смела ряд реакционных режимов, но повсеместно завершилась подавлением масс и укреплением буржуазии. В ходе революции Маркс пришёл к убеждению, что родовые муки нового общества может «сократить, упростить и концентрировать» только революционный террор. Уже после поражения он выработал идею «диктатуры пролетариата».

В 1850 году красивый брюнет со смоляной бородкой читает лондонским рабочим популярные лекции по политической экономии. В это время на Риджент-стрит выставлена действующая модель локомотива с электрическим двигателем; она привела Маркса в восторг. Позже Вильгельм Либкнехт вспоминал: «Маркс иронически говорил о победоносно царящей в Европе реакции, которая воображает, что раздавила революцию, не подозревая, что успехи естествознания подготовляют новую революцию <…> Я поспешил на Риджент-стрит, чтобы посмотреть модель этого современного троянского коня, которого буржуазное общество в самоубийственном ослеплении, как некогда троянцы и троянки, вводило в свой Илион и который нёс ему с собой верную гибель».

Откуда они взяли, что научно-технический прогресс с неизбежностью ведёт капитализм к гибели? С тех пор уже полтора века этот прогресс непрерывно усиливает капиталистическую систему, которая научилась адаптировать производственные отношения к росту производительных сил. Заодно НТР уменьшает численность рабочих армий и долю мускульного труда. Техноцентризм Маркса сегодня поражает наивностью. В глубине его учения скрыт простой, не затуманенный формулами ответ: «Я так хочу». Иначе говоря, «такую роль рока играет в воображении мифотворца сила творческого желания»[65].

Используя одну из любимых формул гегелевской диалектики — «отрицание отрицания», Маркс создал свой апокалипсис для буржуазии: развитие капитализма отрицает свободную мелкую собственность, превращая крестьян в пролетариев, а затем с неизбежностью порождает и своё собственное отрицание — пролетар-

[65] Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. С. 35.

скую революцию. «Бьёт час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют». («Капитал»). И это историческое возмездие вершат рабочие, потомки экспроприированных крестьян. Так одна из гегелевских абстракций обрела наглядную форму реванша обездоленных, их классовой мести экспроприаторам по закону равномщения: «Око за око, зуб за зуб».

Возмездие как принцип истории? Но ведь это Карающий Бог, грозный и справедливый. Маркс обожествляет историю, наделяя её всемогуществом и справедливостью. Она вознаградит добрых за утраты и покарает злых, как предвещали ветхозаветные пророки.

Многострадальный Иов был вознаграждён новым богатством и новой семьёй; о прежней семье нет ни слова, она там не в счёт, все умершие заменимы, ибо семья — лишь атрибут патриарха. В Ветхом Завете нет понятия личности.

В марксизме — тоже. Рассуждая реально, жертвы истории неискупимы. Благополучие потомков нельзя считать «наградой» их умершим от голода предкам; за мучеников нет и не может быть исторической «компенсации», как нет и возмездия злым. Сияющее царство коммунизма не будет наградой для тех, на чьих костях оно зиждется. Маркс, подобно Наполеону, не считается с жертвами; его обожествление истории, сулящее и Страшный суд, и рай на земле, — одна из форм волюнтаризма.

Маркс и Энгельс гордились удачными предсказаниями своей молодости, когда они, бывало, предскажут экономический кризис — и вот он, тут как тут. Предскажут пролетарскую революцию — и она начинается на другой день. Когда царь Николай I душил революцию в Венгрии, Маркс проповедовал революционную войну против России. Задуманная им коалиция европейских народов против России не состоялась, но всё же Наполеон III, Пальмерстон и Кавур объединились в Крымской войне и укротили «жандарма Европы». Правда, они это делали вовсе не в интересах мировой революции и Маркса отнюдь не любили.

Нелюбовь эта была взаимной. В начале Второй Империи Маркс осыпал Наполеона III градом сарказмов и предрёк скорый экономический крах режима. За этим последовал настоящий бум в экономике Франции, и Вторая Империя ошеломила мир своими успехами. Только мифологизированная политика, типичная для Бонапартов, с её бессмысленными войнами, привела к гибели режима — гораздо позже, чем предрекал Маркс. А когда он, наконец, дождался реализации своего пророчества и ликовал по поводу позорного конца Второй Империи, то долго не мог себе уяснить, что на её руинах выросла Германская империя, по-своему тоже довольно мерзкая.... Словом, привычка к прогнозам всё чаще ставила Маркса в нелепые положения.

Я думаю, что субъективно Маркс был гуманистом. Но, как многие штатские люди, он был крайне воинствен, мечтал о кровавых восстаниях, питал слабость к ирландским фениям, индийским сипаям и русским террористам-народовольцам. Уже в старости Маркс принялся изучать русский язык, так ему нравилась «Народная воля», а вот «Чёрного передела» не признал, хотя именно эта группа эволюционировала к марксизму и выдвинула Г. В. Плеханова — основателя русского

марксизма. Бог Маркса грозен и суров: «Революции — локомотивы истории», «Насилие — повивальная бабка истории», «История всегда развивается через наихудшие свои проявления»...

Ни Маркс, ни Энгельс не были пацифистами. Энгельс обожал военное искусство и был блестящим военным обозревателем. При всей своей вражде к колониальной системе, Маркс не мечтал о равноправии всех народов: полностью в духе Гегеля он считал желательным господство великих наций. В то же время именно Марксу принадлежит золотая формула: «Не может быть свободным народ, который сам имеет рабов».

И ещё одно его изречение: «Цель, для которой необходимы неправые средства, не есть правая цель». Этим он хотел оправдать известный принцип интенционизма: «Цель оправдывает средства». Но он не мог знать, что одновременно вынес пророческий приговор всему практическому марксизму будущего столетия. Ибо Маркс был крупным социологом, но, конечно, недальновидным мыслителем, а в старости и вовсе сделался «абсурдным пророком у абсурдных учеников». По выражению Карла Поппера, Гегель и Маркс — falsche Propheten (лжепророки). «Абсурдные ученики» усугубили ошибки Сколарха, а сами разучились думать, превратив марксизм в догму, а Маркса — в Князя Пророков. Правда, в этом была и его личная заслуга.

Маркс, конечно, мифотворец. Он рекомендовался человечеству в качестве освободителя и любил, чтобы его сравнивали с Прометеем. Известен рисунок, на котором Маркс изображён голым античным титаном, прикованным к типографическому станку, коршун в прусской короне клюёт его печень. Выше всех драматургов Маркс ставил Эсхила (за «Прикованного Прометея») и сам принадлежал к романтическим прометидам. Не раз Маркса попрекали властолюбием; его воля к власти особенно сказалась в I Интернационале. Его учение — это наукообразное претворение античных, библейских и просветительских мифов, своего рода «социальная религия». Сразу после смерти Маркс стал объектом мифологизации, а его дружба с Энгельсом — вариацией близнечного мифа. В XX веке к ним добавили Ленина, и получилась троица. Только Прометеи исторического материализма были тайными Фаустами.

В историко-философском плане марксизм не был чем-то исключительным: параллельно ему развивались сходные мифологизации.

Так, например, в христианстве жила традиция хилиастов — сторонников учения о тысячелетнем Царстве Христа на земле, которое завершит историю человечества. В России П. Я. Чаадаев, а за ним В. С. Соловьёв (до «Трёх разговоров», 1899 г.), С. Н. Булгаков и многие другие теософы исповедовали идею «Третьего Завета». У Виссариона Белинского (кстати, внука фанатичного священника) хилиастический миф непринуждённо и обаятельно сливался с романтическим революционизмом: «Тысячелетнее Царство Божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов». Это он по молодости лет играл робеспьериста, чистил пёрышки

перед красивыми сёстрами Мишеля Бакунина в имении Премухино. Белинский восторгался временем, когда «рубили на гильотине головы аристократам, попам и другим врагам Бога, разума и человечности». Позже, прочитав Фейербаха, он из этой триады решительно вычеркнул первый член. О гильотине же ему в дальнейшем приходилось помалкивать.

В целом русская версия революционного хилиазма зародилась ещё до встречи России с Марксом, она тоже представляла собой роман гильотины с линотипом. А когда боевая песнь Маркса дождалась русского перевода, бородатые «русские мальчики» положили её на собственную музыку.

Рядом же с Марксом создавались параллельные мифологии: справа — Лассаль, слева — Бакунин.

Фердинанд Лассаль в 1848 году составлял с Марксом и Энгельсом довольно заметное трио. Но этот выходец из богатой буржуазной семьи с замашками дэнди принципиально отличался от Маркса. Когда Маркс называл прусское правительство «кораблём дураков» и призывал к уничтожению режима, Лассаль обвинял то же самое правительство в нарушении существующего закона, т. е. стоял на позициях легализма. После поражения революции Маркс и Энгельс эмигрировали, а Лассаль остался в Германии. На членские взносы, собираемые с немецких пролетариев, Лассаль кормил сурового Учителя в Лондоне. Маркс материально зависел от Лассаля и потому ненавидел его. Иногда его высокомерие прорывалось в письмах, наступали минуты охлаждения. Но Маркс не мог себе позволить такой роскоши — открыто послать Лассаля к чёрту! Напротив, он шёл на попятную: «Признаюсь без обиняков, что я, подобно человеку, сидящему на пороховой бочке, дал обстоятельствам возобладать над собой, поступив так, как не подобает animal rationale (разумному животному)» (письмо Маркса Лассалю от 7 ноября 1862 года).

Именно Лассаль основал первую рабочую партию в Германии, зародыш немецкой социал-демократии (1863), что было встречено глухим раздражением Маркса. «Диктатор пролетариев» в палевых перчатках, блестящий оратор, окружённый славой светских скандалов и политических процессов, Лассаль на момент оказался виднейшим социалистом Европы. В 1862 году он произнёс перед берлинскими рабочими одну из самых знаменитых своих речей. Он сказал, что рабочее сословие призвано возвысить свой принцип до положения принципа всего века. Ту же мысль он повторил ещё доходчивее: «Вы — камень, на котором созиждется церковь настоящего!»

Это видоизмененная евангельская цитата: «И Я говорю тебе: ты — Пётр, и на сем камне Я создам Церковь Мою...» (Матф., 16, 18). Буквальное значение греческого имени Petros — камень. Применением этой цитаты, Лассаль сравнивает пролетариат с апостолом Петром. Кому же при этом уподобляется сам говорящий? Естественно, Иисусу Христу.

Полярной противоположностью элегантному Лассалю был растрёпанный Бакунин с вечной папиросой во рту; говорят, в бороде его можно было заметить остатки вчерашнего обеда. Интересно, что немцы Бакунина всегда трудно переваривали, зато итальянцы и испанцы боготворили. Лохматый и нечёсанный гений, Бакунин обладал неправильным и бешеным красноречием, которое завораживало

слушателей. «Страсть к разрушению есть творческая страсть!» — один из принципов анархизма и поныне. Никакого легализма, Бакунин проповедует насилие. Эта страсть к насилию роднит Бакунина с Марксом. Заметим также, что идеалом Маркса и Энгельса тоже было анархическое (безгосударственное) устроение общества. Просто Маркс и Энгельс считали анархизм Бакунина преждевременным, опережающим историю: на переходный период нужна диктатура пролетариата. Бакунин же подозревал в этой программе диктатуру самих Маркса-Энгельса...

Личный миф Бакунина куда богаче Марксова: в 1848 году Мишель или участвовал, или возглавлял четыре восстания, он получил два смертных приговора, был выдан России, гнил в крепости, а затем совершил свой знаменитый побег из Сибири. Вождь анархизма тоже был мифотворцем, причём его мифотворчество прямо исходило из романтического сатанизма: «Революция — это культ Сатаны, вечного мятежника, первого свободного мыслителя. Интернационал — это воплощение Сатаны, современный Сатана — в неукротимости бунтов, это революционный пролетариат, после каждого поражения восстающий вновь с непобедимой силой. Прудон в минуты революционного озарения провозглашал анархию и поклонялся Сатане!»

Так Лассаль сравнивает себя с Иисусом Христом, Маркс позирует Прометеем, а Бакунин корчит из себя ужасного красного сатану. Политические мифы XIX века опираются на древние мифологические традиции, превратно их толкуя и переоценивая.

Очень точно и профессионально описал мифологизм Маркса выдающийся религиовед нашего века Мирча Элиаде:

«Что бы мы ни думали о научных притязаниях Маркса, ясно, что автор Коммунистического манифеста берёт и продолжает один из величайших эсхатологических мифов Средиземноморья и Среднего Востока, а именно: спасительную роль, которую должен был сыграть Справедливый («избранный», «помазанный», «невинный», «миссионер», а в наше время — пролетариат), страдания которого призваны были изменить онтологический статус мира. Фактически бесклассовое общество Маркса и последующее исчезновение всех исторических напряжённостей находит наиболее точный прецедент в мифе о Золотом Веке, который согласно ряду учений, лежит в начале и конце Истории. Маркс обогатил этот древний миф истинно мессианской иудео-христианской идеологией: с одной стороны — пророческой и спасительной ролью, которая приписывается пролетариату, и с другой — решающей битвой между Добром и Злом, заканчивающейся решительной победой Добра, что вполне можно сравнить с апокалиптической битвой между Христом и Антихристом. Действительно, важно, что Маркс обращает себе на пользу иудейско-христианскую эсхатологическую веру в абсолютную цель истории; и в этом он расходится с другими историческими философами (например, с Кроче, Ортегой-и-Гассетом), которые считают, что исторические напряжённости присущи человеческой натуре, и поэтому от них никогда нельзя будет полностью избавиться»[66].

[66] Элиаде, Мирча. Мифы, сновидения, мистерии. [Киев], 1996. С. 25.

Коммунистическая мифология отличается бодрым, жизнеутверждающим характером и чувственной пышностью барокко; она, если можно так выразиться, секуляризирует рай, она сулит (после своего воплощения) развитие без противоречий, «сплошной поток» материальных благ и огромный расцвет культуры. Естественно, в пору европейского социально-исторического кризиса конца XIX — начала XX веков социализм вообще и марксизм в частности имели большой успех.

Когда Маркс, измученный неразрешимыми противоречиями своей политической экономии, умер от сердечной недостаточности, осиротевший Энгельс сказал над гробом: «Имя его и дело переживут века». Минул один век — и дело Маркса явным образом проиграно, ибо повсеместно экономика по Марксу приводила и приводит к разорению наций. Последним остался Китай, где колоссальное крестьянство пока ещё дотирует убыточную государственную экономику, но крах китайского коммунизма уже не за горами.

Зато переживёт века имя Карла Маркса — одного из величайших мифотворцев нового времени.

XIX. Самообманы цивилизации

Эпоха Просвещения внушила науке такую уверенность, что наука могла себе позволить отрицание фактов. Когда в Париж поступали сообщения о метеоритах, великий Лавуазье спокойно разъяснял: «Камни не могут падать с неба, потому что их там нет». Или крестьяне находили скелеты динозавров, а им говорили, что драконы — это миф, на самом деле их никогда не было. В XIX веке наука усердно демистифицирует природу и с упоением цитирует диалог Наполеона с Лапласом: «Почему в вашей книге ни разу не упомянут Бог? — Сир, я не имел нужды в этой гипотезе».

На вере в прогресс зиждется позитивизм. Его основатель Конт, смолоду секретарь и соавтор утописта Сен-Симона, рассматривал своё учение как средний путь между эмпиризмом и мистицизмом. Бог, Абсолютная Идея, материя, энтелехия — проблемы метафизические, а значит ненаучные. Наука должна лишь точно описывать явления, а не объяснять их сущность. Всё позитивное знание — это совокупный результат специальных наук; никакая метафизика не нужна. Принцип философии Конта — любовь, основание — порядок, цель — прогресс.

Отказываясь обсуждать бытие Бога или подобные проблемы, не проверяемые в опыте, Конт ничего не имел против религии. Самый атеизм он трактовал как разновидность религии, называя атеистов «самыми логическими теологами». Конт сам изобрёл новую религию — религию человечества. Он учил: «В сущности, нет ничего реального, кроме Человечества». Вся его религия — это любовь к людям плюс вера в прогресс. Его заповедь: «Жить для другого». Его считают отцом альтруизма — моральной доктрины, заострённой против эгоизма (в том числе и так называемого «разумного эгоизма»). Скучная религия без мифологии; да нет, никакая не религия, а моральный кодекс учёного.

Позитивизм трудился на благо цивилизации, он обосновал права экспериментального исследования. Благодаря небывалой свободе, учёные совершили революцию в естествознании. На протяжении XIX века одно открытие следовало за другим, героем эпохи стал Изобретатель. Начало его героизации положил Бальзак («Поиски абсолюта», 1834).

Паровоз, пароход, гребной винт, телеграф, телефон, электрическое освещение, динамит, торпеда Уайтхеда, пулемёт Максима, дирижабль, радио — перечислить практические триумфы позитивного знания XIX века невозможно. А «Происхождение видов», таблица Менделеева, вакцинация, микроскопия, лучи Рёнтгена? Человечество и сегодня на каждом шагу пользуется научными и техническими открытиями позитивистов.

Перед наглядными успехами раскрепощённой науки дрогнула растерянная Церковь. В 1860 году англиканский епископ Уилберфорс, известный своим остроумием, полностью проиграл профессору Хаксли, другу Дарвина, диспут о про-

исхождении вида Homo Sapiens. Некоторые церковные деятели, переговариваясь между собой, уже не исключали, что учение Дарвина истинно, только его ни в коем случае нельзя допускать в сознание народа. В глазах просвещённого века религиозная картина мира уже обладала только музейно-исторической ценностью. Свет Разума, казалось бы, окончательно разогнал силы мрака. И вот тогда-то Европу начал одолевать ужас.

Когда начался Великий Страх просвещённой эпохи? По мнению ряда историков, перелом настроений произошёл вскоре после подавления революции 1848-1849 годов. Видимо, это неточно. Просто либеральный подъём сороковых годов заглушал страх, уже тлевший под спудом. Медицина XVIII века поставила вопрос: когда именно в теле прекращается жизнь? Именно наука на рубеже XVIII-XIX веков дала начало романтическим историям об оживлении трупов, причём такая жизнь вызывала страх. Героями таких историй стали дерзкие экспериментаторы хирурги, вивисекторы. Франкенштейн оживил своё сшивное из трупов чудище электричеством (повесть Мэри Шелли «Франкенштейн», 1818). Эдгар По написал «Разговор с мумией». Ролан Барт, анализируя рассказ того же По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром», писал между прочим: «...в те десятилетия XIX в., к которым относится творчество По, смешение странного с научным достигло апогея; люди были страстно увлечены научным наблюдением сверхъестественных феноменов <...>; сверхъестественность получает научные, рационалистические оправдания; если б только можно было научно верить в бессмертие! — вот крик души этого позитивистского века»[67].

В 1849 году умер Эдгар По, романтик и поклонник точных наук; в 1850 году умер Бальзак, реалист и мистик (даже сведенборгианец). В 1851 году вышла книга Шопенгауэра «Парерги и паралипомены», и к безвестному дотоле философу приходит поздняя слава. Он становится самым модным философом века. Всё чаще начинают вспоминать столь выдающихся пессимистов, как Байрон, Шатобриан, Леопарди; припоминаются и мрачные предостережения Гёте, Нибура, Стендаля. В то самое время, когда в Пеште вешают чучело Кошута, а в Кёльне судят «Союз коммунистов», европейская культура открывает, что в начале века творил Гойя, пророк ужаса, и тот же ужас обнаруживают в глубинах последних квартетов Бетховена. Шарль Бодлер живёт в страхе перед ущельями и пропастями. Кьеркегор описывает в потрясающих книгах «понятие страха», «болезнь к смерти», «страх и трепет». Век естественных наук и техники всё явственнее обнаруживает свою оборотную сторону — страх перед миром.

В чём причина этого великого страха? Ибо страх благополучного века, конечно же, не был беспочвенным: он выражал нечистую совесть этого благополучия. Видимо, первопричиной страха было нарастающее социальное и глобально-историческое напряжение. И самые прозорливые мыслители отдавали себе отчёт в этой причине!

«Пророками гибели» назовут впоследствии таких мыслителей, как поздний Карлейль и Буркхардт, учитель Фридриха Нише. Они смотрят с гневным пре-

[67] Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 433.

зрением на самодовольное пиршество научного прогресса, отмечая бесправие и нивелировку личности, террор внутри полицейского государства и войны вовне. Якоб Буркхардт в «Размышлениях о всемирной истории», опубликованных посмертно, в 1905 году дал поразительно точный прогноз: «Грозно переплетается в грядущем современный кризис со страшными войнами между народами». Он предсказал революции и мировые войны.

Дело не сводится к противоречиям капитализма и колониальной системы. Было и нечто менее наглядное, скрытое в недрах цивилизации. Всегда ли мы отдаём себе отчёт в том, что сами успехи науки стимулировали иррациональный ужас перед Вселенной?

В середине XIX века Томсон и Клаузиус сформулировали второе начало термодинамики; в 1865 году Клаузиус ввёл понятие энтропии. Он же сформулировал гипотезу о «тепловой смерти Вселенной». Согласно второму закону термодинамики, энтропия должна только возрастать; значит всё сущее обречено на гибель. Наша земное бытие — отсрочка казни. По сути дела, «тепловая смерть Вселенной» — эсхатологический миф, но довольно долго он казался совершенно неопровержимой научной истиной. Час придёт — угаснёт наше Солнце, и Земля холодным трупом будет лететь в мировом пространстве, остынет всё, умрёт Вселенная. Новый физический фатализм бросил свою тень на европейское процветание. Химик Марселен Бертло заявил: «В мире не осталось больше тайн», а физиолог Эмиль Дюбуа-Реймон сказал о мировых загадках: «Не знаем и никогда не будем знать».

Бодрая философия позитивизма обернулась суеверным страхом агностиков. Повторилась эллинистическая ситуация: триумфы знания, умаляя значение веры, порождают взрыв суеверия. Несущественно, что оно порою принимает наукообразную форму.

В 1848 году в Америке родился медиумизм: в Гайдсвилле близ Рочестереа (штат Нью-Йорк) дочери фермера Фокса вступили в общение с духами, которые сигнализировали о себе постукиванием. Сёстры Фокс стали «медиумами» и прославились по обе стороны Атлантики. На спиритических сеансах у английского банкира Ливермора одна из сестёр показала хозяину призрак его умершей жены: то был первый опыт материализации духов. Несмотря на все насмешки учёного мира, спиритизм прогрессировал. Одновременно разыгралась мода на столоверчение. В апреле 1852 года Шопенгауэр в письме к Линднеру заявляет: «Вошедшее в последнее время в моду столоверчение доставит когда-нибудь полное торжество моей философии. Я глубоко убеждён в том, что действующая в данном случае сила — отнюдь не электричество, как полагают иные, а именно Воля, которая проявляет здесь свои магические свойства, влияя не только на собственное свое тело, но и на посторонние тела. Стол двигается, повинуясь единодушной воле всех, прикасающихся к нему; это блистательное подтверждение того, что уже давно высказано мною в моём труде «Воля в природе», а именно в главе “О животном магнетизме и магии”».

Столоверчение сопровождалось записью сигналов, подаваемых духами; сигнал складывались в сообщения и предсказания. Шопенгауэр в 1859 году издал трактат

о «Духах и делах, с ними связанных», в котором придал своеобразную философскую нобилитацию моде на спиритизм.

Режиссёр одного бульварного театра в Париже Ипполит Ривайль написал под диктовку духов несколько книг и опубликовал их под псевдонимом «Аллан Кардек». Большой успех имели его «Книга духов» и «Книга медиумов», а «Евангелие в свете спиритизма» выдержало более 100 изданий.

Сам Виктор Гюго в эмиграции занимался спиритизмом.

Английский физик Уильям Крукс, открывший элемент таллий и катодные лучи, одним из первых применил в спиритизме фотографирование. Медиум Флоренс Кук несколько помогала Круксу общаться с духом умершей девушки Кэтти Кинг, о которой физик опубликовал большое исследование, снабжённое фотографиями этого духа. В 1880 году на спиритическом сеансе в Лондоне Флоренс Кук была поймана в тот момент, когда в одной сорочке изображала в темноте явление духа.

17 ноября 1875 года в Нью-Йорке Елена Блаватская и Генри Олкотт основали Теософское общество. В 1878 году его центром и местопребыванием президента стал дом в Адиаре (предместье Мадраса, в Индии). Блаватская не только творила чудеса, но и недурно владела пером. Её книжки, издававшиеся под псевдонимом «Радда-бай», расходились как горячие пирожки. В них всё ложь, кроме географических описаний. Блаватская была гением саморекламы.

В России к спиритизму примкнул выдающийся химик А. М. Бутлеров. Правда, ещё более выдающийся Д. И. Менделеев в 1875 году возглавил научную комиссию, разоблачившую трюки медиумов.

В 1879 году крупный немецкий психолог Вильгельм Вундт писал: «Рассматривая фотографии духов, я всегда поражался тем, что духи обуты в сапоги совершенно такие же, как носим мы. Это меня очень огорчает, так как я надеялся, что в загробном мире сапожники шьют более удобную обувь».

Неоднократные разоблачения трюков медиумизма и все насмешки серьёзных людей над вызыванием духов ничему не помогали. Та же Елена Блаватская, русская звезда тибетской теософии, была разоблачена своими собственными сотрудниками и мировая пресса взахлёб расписывала «скандал в Адиарской квартире». Что ж далее? Прибыв в Англию уже после этого скандала, она пережила настоящий триумф, к ней стекались пожертвования и неофиты; страна Дарвина восторженно приняла теософию (смесь эзотерических элементов разных религий).

Сёстры Фокс в 1888 году публично признались, что сорок лет дурачили простаков своими стуками. Тем не менее, спиритизм и теософия продолжали распространяться.

Поскольку регрессия к магии подрывала христианскую религию, серьёзные мистики выступали против этой заразы. В христианстве есть мистика, но она не прячется за изидиными покрывалами и прочими восточными тряпками, она имеет явный характер. Христианские таинства свершаются публично, и тайна всё равно остаётся неизреченной. И поэтому шарлатанскую мистику «конца века»» христиане с презрением отвергали. Такой виднейший религиозный модернист, как Андрей Белый, 21 июля 1904 года писал Нине Петровской: «...мистика не может согласиться с необ-

ходимостью внешних феноменов. Ни Христос, ни Будда, ни пророки не устраивали сеансов, а если и производили чудеса, то они имели явно преобразовательный смысл, т. е. были символами, а не феноменами <...> Важно, что чудеса-символы-галлюцинации происходили вдруг, без сеансов, без преднамеренности»[68].

Спиритизм и теософия — обратная сторона позитивизма, отвергшего всякую «метафизику» (традиционные философские вопросы). Шарлатаны эксплуатировали дурной вкус вульгарного материализма; городской гомункулус XIX века мечтал о воздухе лесов и о тумане мифов. Того и другого человеку материалистической эры крайне не хватало. Человек устал. Ибо пессимизм — не только страх, но и усталость.

Это особая болезнь европейской культуры XIX века: утрата вкуса к жизни, распад прочных ценностей, колебания между принятием и неприятием жизни — и, наконец, решительный отказ от неё. В сублимированной форме такой отказ, несёт в себе псевдобуддистские черты, ведёт к такому мировоззрению, к такой религии, которые стремятся к культу небытия и к уходу в вечный покой Ничто. А те, кого пугало небытие, хотели верить в чудо и потому-то не верили в опровержение.

Сфера, эвакуированная традиционной религиозной верой, была захвачена суеверием. Воскрес гностицизм, оказавший сильное влияние даже на Владимира Соловьёва; русский философ высмеивал спиритов, но сам имел видения: три раза видел Софию, Премудрость Божию. Самые модные умы поддержали вторжение иррационального в «век пара и электричества». Мрачный Эдуард фон Гартман, автор «Философии бессознательного», утверждал, что оккультизм опирается на обоснованную физикой возможность превращения «психических сил» в привидения. Анри Бергсон, красноречивый борец против механицизма, провозгласил, что оккультизм подтверждается «эмпирическими наблюдениями».

И сильные мира сего поддавались этим модам, особенно последняя императорская чета России. Но и германский кайзер Вильгельм II носил амулет — золотой медальон с кусочком покрывала, который был ему подарен духом во время спиритического сеанса. «В настоящее время наблюдается прилив суеверий, — писал А. Леман. — Магия подобно эпидемии захватывает большие культурные центры».

И вместе с этой эпидемией непрерывно нарастал Страх. Период «конца века» (fin de siicle) ознаменовался взрывом апокалиптики. Чуткий Владимир Соловьёв в 1897 году писал: «Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хоть неуловимым дуновением, как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух прежде, чем увидит море».

Этот Страх усиливали природные катаклизмы вроде извержения Кракатау, Мон-Пеле, Везувия, гибели Сан-Франциско и Мессины. И Тунгусский болид, и комета Галлея, и гибель «Титаника» — всё заносилось в реестр апокалиптических предвестий. И Страх был обоснованным, только человечество не знало, чего оно должно бояться.

[68] Цит. по: Белый, Андрей. Начало века. М., 1990. С. 650.

Предчувствия не обманывали «Прекрасную эпоху». Богатую и процветающую Европу, всё человечество ожидали вершинные достижения цивилизации: две мировых войны, мыловарение из людей, Хиросима и Нагасаки. Вот почему эпидемию суеверий нельзя считать чистым безумством. Иррациональный Страх имел причину — в будущем. Человечество предчувствовало кошмары XX века. Надо было за что-то уцепиться: коль скоро Бог перестал быть якорем надежды, надо срочно найти ему замену. Оттого они так суетились.

При кризисе традиционных религиозных систем возникает своеобразная «метафизика неверия». Это «испуг перед случаем, роком, судьбою, слепыми или тёмными силами бытия»; «открывшаяся бессмысленность или призрачность мира»; «заброшенность и одиночество человека». Бог исчез в недостижимом пространстве, а сатана стал повседневной реальностью, настоящим князем мира сего[69]. Эпоха суеверия плодит свои системы.

На вершинах буржуазной цивилизации позитивная философия, казалось, достигла зенита. Бодрый голос Спенсера вещал на весь мир такие благоглупости, что сегодня смешно читать. От Суэцкого канала до Транссибирской магистрали цивилизация доказывала свою эффективность великими свершениями. Даже Эйфелева башня, так разъярившая Мопассана, вскоре пригодилась: она оказалась идеальным радиотранслятором. Эллинистическая мегаломания технического века выразилась и в этой башне, и в небоскрёбах Нью-Йорка, и в колоссальных океанских кораблях, и в чудовищных пушках. Параллельно всем этим триумфам росла неуверенность цивилизации в себе самой. Шло саморазложение гуманизма.

Критики Просвещения и выросшего из него позитивизма противопоставили рационалистическим традициям волюнтаризм, внецерковную мистику и культ героев. Самым мощным течением мысли из тех, которые выступали против позитивизма, был волюнтаризм. Творцом его новой формы считался Шопенгауэр, однако волюнтаризм его был непоследовательным; волюнтаристские учения намного шире философии Шопенгауэра.

Марксизм был неосознанным волюнтаризмом — верой в справедливость истории; вера эта основана на том, что Марксу так хочется. У него история — суррогат Бога, а сами Маркс и Энгельс — монопольные истолкователи суда истории, т. е. воли Божией. В того, старого Бога они, разумеется, не верили, и их героическое служение истории плохо маскировало колоссальную претензию — лично вершить судьбы человечества.

Проповедуя классовый подход к истории и морали, марксизм отрицает общезначимость науки, даже логики. Любую истину можно объявить «буржуазной лженаукой», разоблачить её классовые корни и оплевать, как в СССР оплёвывались теория относительности, генетика и кибернетика. Презрение к истине — общая черта мифологизирующего мышления. Самое опасное в марксизме — это субъективная волюнтаризация политики, не желающая считаться с реальностью и

[69] Флоровский Г. Пути русского богословия. Киев, 1991. С. 455.

ведущая к самоистреблению. Беда в том, что такая система, истребляя себя, уничтожает и всё окружающее, как Гитлер в бункере, на пороге самоубийства.

Последовательным, осознанным и открытым волюнтаризмом было поэтическое философствование Фридриха Ницше с его аристократической утопией Сверхчеловека.

Филолог-классик, знаток античности, Ницше во время франко-прусской войны был офицером санитарной службы и очень гордился победой над Францией. Но в мае 1871 года, узнав из газет, что коммунары жгут Париж, молодой профессор Ницше в слезах прибежал к своему учителю Буркхардту: «Неужели погибла Венера Милосская?»

Он был гораздо сложнее, чем принято думать в России.

Ницше язвительно осмеивал благонамеренную буржуазную философию, критиковал Бисмарка, враждебно относился к новообразованной Германской империи, гадливо отзывался о «потных плебеях», восхищался Цезарем Борджиа и Наполеоном; даже Французскую революцию готов был оправдать тем, что она породила Наполеона.

Сильная сторона Ницше — его радикальная критика рационализма, трактуемого как оторванное от жизни теоретизирование. Прослеживая эту линию ретроспективно, он находит её начало в Сократе: «В лице Сократа впервые появилась на свет глубокомысленная мечта и иллюзия, та несокрушимая вера, что мышление, руководимое законом причинности, может проникнуть в глубочайшие бездны бытия и что это мышление не только может осознать бытие, но даже и исправить его». Отсюда его ненависть к Сократу.

Ключевым словом эпохи был «психологизм», и Ницше считал себя великим психологом — но не академическим. «Человек в Париже — не кто иной, как психолог. А в Санкт-Петербурге кое-кто догадывается о таких вещах, о которых не догадываются даже в Париже». В Санкт-Петербурге? Это он о ком?

«Достоевский — единственный психолог, у которого я кое-чему научился: он принадлежит к счастливейшим и прекраснейшим моментам моей жизни, даже лучшим, чем открытие мною Стендаля».

Стендаль, Шопенгауэр и Достоевский — его любимые писатели.

Ницше подверг резкой критике платонизм и христианство. В книге «Антихристианин» он высокомерно обронил о Христе: «Жаль, что рядом с этим интересным декадентом не было своего Достоевского». В той же книге Христос назван «идиотом из русского романа» (слово «идиот» здесь обозначает человека исключительного, которому невозможно подражать). По мнению Ницше, у Христа была болезненно детская психика. И всё же он признаёт Христа «высшим человеком»; Его же учение не приемлет: «...собственно был только один христианин, и Он умер на кресте. “Евангелие” умерло на кресте. То, что называется “Евангелием” после того момента, было уже противоположно тому, что Он прожил: “дурной вестью”, “диз-ангелием”».

Холодно уважая Христа, Ницше отбрасывает легенду о Нём, сочинённую апостолом Павлом, и саму Церковь. Христианство он приравнивает к анархизму по их вредности для цивилизованного общества.

Поклонник Рихарда Вагнера, прославлявший его нордическую героику, Ницше впал в бешенство, когда его кумир сломался и написал христианизированную оперу «Парцифаль». Ницше выступил со скандальной статьёй «Казус Вагнера»; в ней он едко иронизировал над запоздалым мистицизмом Вагнера и причислял его к декадентам.

В своей «Весёлой науке» Ницше провозгласил: «Бог умер! Бог остаётся мёртвым! И это мы его убили!» Хотя эта декларация опирается на одну метафору Гейне, именно формулировка Ницше приобрела значение эпохального диагноза: религия развенчана, наступила эра космического одиночества человека. Это знаменитое «Бог умер» напоминает легенду, пересказанную Плутархом: «Умер великий Пан». Ницше закрывает всю религиозную культуру. Но на этом он не желает останавливаться.

У него впервые в истории философии становление оказалось важнее, чем бытие. «Мы верим только в становление, даже в области духа; снова вознесены Ламарк и Гегель, идеи Гераклита и Эмпедокла <...> Философия, какой я её только и ценю, т. е. как самая обобщённая форма истории, как попытка так или иначе описать и показать в символах гераклитовское становление».

Согласно Ницше, человеческое мышление должно быть устремлено в будущее. Эстет силы, певец «прекрасной жестокости», он дал биологизирующую реинтерпретацию классических мифов и провозгласил сознательное мифотворчество высшей задачей мысли. Отметим выразительную противоположность: Огюст Конт пытался создать религию без мифологии, Ницше — мифологию без религии.

Строя свой миф, он опирался на архаическую героику греческой культуры и на дионисийство. Прославление досократовской античности и гимн во славу грядущего Сверхчеловека оборачиваются дискриминацией ныне живущих людей. Ибо наличное человечество — всего лишь материал для выработки «расы господ». Всякая мифологизация будущего превращает наличные поколения в сырьё — для новой расы, Тысячелетнего Рейха... для чего угодно. Такие мифы принципиально презирают свою эпоху, хулят современность и призывают современников доблестно умирать ради светлого будущего.

Самопожертвованию ради будущего Ницше дал звучное имя — «Любовь к року» (amor fati); этою любовью он призывал заменить страх перед роком. Надо заметить, что героическая этика Ницше напоминает религиозную. Русский религиозный философ Евгений Трубецкой в статье «Философия Ницше» (1903) заявил: «Он остаётся религиозен в самом своём атеизме». В. С. Соловьёв критиковал Ницше, но отметил положительное значение того, что Ницше поставил проблему Сверхчеловека. С моей точки зрения, этот самый Ubermensch — последняя стадия ренессансного титанизма. Ницше предельно выявил и заострил одну из опаснейших потенций гуманистической свободы.

В то же время он предсказал огромные войны и социальные катастрофы. Он писал: «Социализм — фанатический младший брат деспотизма, <...> от которого он стремится получить наследие: его усилия, таким образом, в самом глубоком смысле реакционны. Социализм стремится к столь полной власти государства, ка-

кою деспотизм никогда не обладал; он даже превосходит всё, что существовало в прошедшие времена, так как он работает ради полного уничтожения личности. Последняя представляется ему непозволительной роскошью природы и должна быть исправлена превращением её в орган, полезный для общества».

Этот эскиз всякой тоталитарной государственности XX века лучше любых аргументов доказывает, что германский национал-социализм не имел прав на имя Ницше и что его философское наследство, которым легитимировались нацисты, есть грубый подлог. Ницше считал, например, антисемитизм признаком глупости, презирал стадные психозы и с отвращением говорил о вульгарности немецкой души.

Адольф Гитлер с его чудовищной вульгарностью и базарным мистицизмом меньше кого бы то ни было похож на продолжателя Ницше. И всё же в теме «Ницше и XX век» сохраняется мучительная недосказанность.

Дело в том, что его эстетизация силы, здоровья, жестокости (она есть признак здоровья), его вызывающий призыв добивать слабых*, романтизация дурно переваренного дарвинизма — всё это крайне биологизирует ницшеанскую личность. Поклонники Ницше были подготовлены к зверствам XX века, они и сами в них участвовали... Чернь слишком буквально восприняла некоторые гиперболы Ницше, к тому же вырванные из контекста.

Судьба его глубоко поучительна. Лев Шестов однажды назвал Достоевского и Ницше «двумя великими симулянтами»: оба симулировали здоровье. Насчёт Достоевского — можно поспорить, он не скрывал своей болезни. Насчёт Ницше — справедливо. Ницше славил «пессимизм силы», но стал оптимистом, когда серьёзно заболел: больной, по его словам, не имеет права на пессимизм.

Когда красивая и даровитая Лу Саломе, дочь генерала русской армии, родившаяся в Петербурге, отказалась стать женой Ницше, он заявил, что женатый философ — это персонаж для комедии (см. басню Эзопа «Лиса и виноград»).

Сам себя он без ложной скромности называл «Дон Жуаном познания» и часто менял философские ориентиры, оставаясь, однако, самим собой. Именно поэтому во второй половине 80-х годов он фактически остался в одиночестве.

Тогда-то он и создал высший образец своего мифотворчества — поэму «Так говорил Заратустра». Имя древнеперсидского пророка здесь лишь предлог для прославления самодостаточной личности, наделённой абсолютной свободой воли. Заратустре противопоставлены не только робкий обыватель («помесь растения с призраком), но даже недостаточно решительные ученики пророка. Образ его — псевдомифическая героизация авторской личности. Каков же этот миф?

Раннее самопонимание Ницше — драконоборец: неважно, происходит ли оно от мифического подвига Зевса или от Зигфрида. Позже Бертран Рассел иронически заметил, что ницшеанский Сверхчеловек во всём похож на Зигфрида, если не считать того, что он знает греческий язык. Сам Ницше писал: «Тот, кто борется с чудовищами, должен остерегаться, чтобы самому не стать чудови-

* Зачеркнуто: «падающего подтолкни».

щем». Это верная мысль. Но вот в книге «Так говорил Заратустра» мы читаем удивительную притчу:

«Однажды, в жаркое время, Заратустра уснул под смоковницей... Подползла змея и укусила его в шею, так что Заратустра вскрикнул от боли... Он посмотрел на змею: тут она узнала глаза Заратустры, неловко повернулась и хотела бежать. «Погоди, — сказал Заратустра, — ты ещё не приняла моей благодарности! Ты разбудила меня кстати, мой путь ещё долог». — «Твой путь короток, — проговорила змея печально, — мой яд смертелен». Заратустра улыбнулся. «Когда же дракон умирал от змеиного яда?» — сказал он. — Но возьми обратно свой яд! Ты недостаточно богата, чтобы дарить его мне».

Концовка притчи испорчена безвкусной вычурностью (не зря всё же Б. Л. Пастернак усматривал в философствовании Ницше дурной вкус той эпохи). Но суть не в концовке. «Когда же дракон умирал от змеиного яда?» — вот тут он кокетливо признаётся, что сам стал чудовищем. Его Заратустра — это сочетание драконоборца с драконом: выход из дилеммы есть синтез противоположностей.

Человека Ницше принимал только в виде моста между прошлым и будущим: «...великого в человеке то, что он мост, а не цель» («Так говорил Заратустра»). Такое понимание человека пролагает дорогу самым кровавым мифоманам XX века.

Каким же виделось ему будущее? Ответ на это труден. В книге «Так говорил Заратустра», читаем:

«Для зла есть будущность, придёт время, когда народятся большие драконы».

«Любите мир, но лишь как средство к новой войне».

«Не ближних следует любить, а дальних, грядущих, пока ещё призраков».

«Поборники равенства и справедливости — тарантулы».

«Надо покончить с царством черни».

Заратустра ученикам: «Ступайте прочь от меня и сами обратитесь против меня!» Но этого высокомерного одиночества не вынесла хрупкая натура драконоборца.

Осенью 1888 года у него начался прогрессивный паралич. Болезнь сначала проявлялась приступами маниакальной экзальтации, эйфории, беспредельно завышенной переоценкой самосознания. Вот одно из его последних писем: «...Моё здоровье, подобно погоде, ежедневно с необычайной легкостью и ясностью всё улучшается и прибывает. Я не в состоянии теперь всё тебе объяснить, всё, что уже много сделано: всё уже готово... В будущем году весь мир перевернётся; после того, как старые боги попадут в отставку, я начну управлять всем миром...»

Гуляя, он рассеянно напевал и гримасничал, обнимал ломовых лошадей; постоянно предсказывал эпидемии, землетрясения, катастрофы и мировые войны. Римскому папе и властителям мира он посылал письма с перечнями лиц и даже народов, подлежащих расстрелу, причём подписывался «Государь Ницше». В январе 1889 года, на пороге безумия, он девять писем подписал именем «Дионис», одно — «Цезарь», два — «Антихристианин», а семь — «Распятый». Одному из прежних академических коллег он писал: «Уважаемый доктор, в глубине души я куда больше желал бы быть базельским профессором, чем Богом. Однако я не на-

мерен потворствовать своему эгоизму, ибо творимый мир не обязан страдать из-за эгоизма Творца».

Мания величия в нём сочеталась с манией самопожертвования: Дионис в нём стал Иисусом Христом.

Наконец, его отвели к психиатру. Врач осмотрел его и записал в истории болезни: «Выдаёт себя за знаменитость и непрерывно требует женщину». Трагическая судьба Ницше, по сути дела, кончается на этой плоской записи. Уже после этого, в конце 1889 года, вышла книга Ницше «Сумерки кумиров. Как философствуют молотом» (видимо, наиболее апокалиптическая из его книг). Поэма «Так говорил Заратустра» осталась незавершённой.

Последовали одиннадцать лет безумия. Ницше дожил до 1900 года. Он уже не узнал, что его измученно-надменное лицо с тяжёлым взором и пышными усами стало известно всей Европе. Ницше — первая любовь модернизма.

Уже в начале XX века загремела слава злосчастного Заратустры. В 1904 году русский символист Вячеслав Иванов выступил со статьёй «Ницше и Дионис». Вскоре после этого восходящая звезда итальянской социалистической партии товарищ Муссолини опубликовал книгу «Философия силы», в которой объявил покойного Ницше величайшим философом современности. А несколько позже Элизабет Фёрстер-Ницше, женщина, которую Ницше ненавидел больше всего на свете, подарила пальто и трость своего покойного брата фюреру немецкого народа Адольфу Гитлеру. Ницшеанством увлекалась даже британская аристократия, Горький, Луначарский и Маяковский, даже Анри Бергсон...

Ибо философия Ницше, помимо всего прочего, дала мощный импульс витализму, который называют также «биологическим идеализмом». Универсализация понятий витализма лежит в основе учения о творческой эволюции, которое разработал в конце XIX — начале XX веков Анри Бергсон, еврейский вундеркинд, признанный одним из лучших стилистов французского языка. Этот блестящий полемист звал современников на путь «героя или святого», он не хотел отказываться ни от свободы личности, ни от строгой науки. Он доказывал, что социальный порыв стремится повернуть человечество вспять, к закрытым обществам (и последнее полностью подтверждено историей XX века). Бергсон высоко превознёс интуицию над интеллектом и стихийную жажду жизни — над механистичностью рационалистического сознания. В процессе интуиции происходит возникновение самой действительности: так учит Бергсон. Своим учением он придал известную привлекательность тому течению европейской мысли, которое идёт от Ницше.

Иррационализм захватывал всё новые и новые области мысли. Некогда простодушный европоцентризм лишился невинности, и плодом его связи с белым каннибалом в пробковом шлеме стал расизм. Им окрашена апокалиптика символистов, которые подхватили и раздули политический миф о «жёлтой опасности». Откуда взялся этот вздор, будто Китай угрожает белой расе? Этот миф послужил санкцией для колонизаторов и стал главным хобби кайзера Вильгельма II. Многие считали его «сумасшедшим фельдфебелем», но вместе с ним против жёлтой расы предостерегали

религиозный гуманист Владимир Соловьёв, социалист Джек Лондон и наш тончайший Александр Блок (правда, он усматривал «жёлтую опасность» в японцах, а не китайцах). Владимир Соловьёв видел в кайзере Вильгельме II защитника от жёлтой опасности! Что ж, говорят, что каждое поколение имеет право на свои мании.

Правда в том, что в истории человечества не было расы страшнее, чем белая раса. Неся миру свет цивилизации, она истребила целый ряд народов. Но она не в силах этого осознать. Бояться-то ей следовало только самой себя, но это психологически невозможно. Европе нужен был внешний объект для своего страха, и вот взамен антихриста она придумала «жёлтую опасность» (кстати, в апокалиптике Соловьёва реинтерпретируется и миф об антихристе: у него политический и религиозный мифы практически эквивалентны).

А кроме того, Европа испытывала полуосознанное томление по Великому Насильнику, словно цесаревна Гонория за пятнадцать веков до этого. Европа хотела дедушку Аттилу. Символом этой инцестуозной страсти стал тот же Вильгельм II, когда он в адмиральском мундире, стоя на капитанском мостике броненосца, напутствовал отплывающий в Китай карательный корпус Вальдерзее: «Будьте неистовы, как гунны. Пощады не давать, пленных не брать».

Так новый Аттила защищал европейскую цивилизацию. Остгот сделался Аэцием (переход тезиса в свою противоположность, всё по Гегелю; а будет и «синтез», дайте срок!).

Казалось бы, атакам на разум противостоит марксизм — философия материалистическая, рационалистическая, «научная». Однако её рационалистичность, её звучные метафоры и чёткие формулировки служили шифровкой «научного» мифа. Революционная мифология Европы распадалась: часть движения (немецкая социал-демократия, австро-марксизм, линия Жореса, Каутского и Вандервельде) дрейфовала к мирному реформизму, другая часть — к прямому политическому волюнтаризму, насилию над народами.

Французский философ Жорж Сорель, теоретик анархо-синдикализма, был учеником Прудона и некоторое время марксистом. Затем он пережил духовный переворот. Соединив волюнтаризм Ницше с интуитивизмом Бергсона, Сорель выработал собственное учение, в котором насилие как высшее творческое начало истории противопоставлено силе как выражению ненавистной тоталитарной государственности. Он отвергал организованную политическую борьбу и славил стихийное движение масс.

Согласно Сорелю, фундаментальным компонентом сознания класса или социальной группы является миф, трактуемый весьма широко: это объединяющий и побуждающий к действию эмоционально-психологический императив, близкий к религии, поскольку он основан не на знании, а на вере. Сорель понимает миф, как «жизненный порыв» (бергсоновский élan vital), лежащий в основе всех великих исторических явлений — Реформации, Французской революции и т. д.

В религиозности мифа Сорель видит его отличие от утопии, которая может быть подвергнута рациональному анализу, критике, опровержению, разложению на составные элементы; миф же, напротив, есть неразложимая целостность, в

которой выражаются стремления, чувства, интересы, интуитивная убеждённость социальной группы. К числу мифов Сорель относил идеи мировой революции и всеобщей забастовки рабочих всего мира: даже если такого никогда не состоится, её должно представлять как будущее историческое событие. У Сореля миф есть программа. По сути дела, принцип сознательного мифотворчества, заимствованный у Ницше, переносится Сорелем в социально-политическую сферу. Политическая специализация мифотворчества давно уже стала практикой цивилизации, но Сорель ясно и чётко обнажил эту специализацию, откровенно порывая с научной маскировкой волюнтаризма. К чему же это вело?

Сорель был врагом государства, партий и всякого лидерства, но приветствовал Октябрьскую революцию 1917 года в России и Ленина как её вождя. После смерти Сореля (1922) фашистский диктатор Италии Муссолини объявил себя его последователем. Сорель — единственный философ, которого считают своим предтечей и правые, и левые экстремисты XX века. Коммунисты Сореля, естественно, отвергают, но левый коммунист Роже Гароди в книге «Марксизм XX века» заявил: «Миф — не отражение бытия, а нацеливание действия». Он понимал миф как программу изменения жизни, подчёркивая волевое начало искусства и отрицая принцип отражения действительности. Такое понимание мифа идёт от Ницше и Сореля.

Но оно вписывается и в общий поток волюнтаристского мифотворчества XIX-XX веков. Это эра социальных революций и мировых войн, разрушивших традиционное общество на всей планете. Одновременно в эту самую эру воскресло мифическое мышление, вследствие чего произошло переосмысление культуры и ремифологизация искусства. Ослабление религиозной веры, очередной кризис католицизма и упадок русской церкви в XIX веке стимулируют мифотворчество нового типа и на базе его — расцвет всевозможных псевдорелигий.

Глубокое понимание этих перемен в современном сознании мы находим у поэта Осипа Мандельштама, который отличался замечательной остротой актуальных наблюдений, хотя и формулировал итоги последних в слишком субъективной терминологии. В статье «Барсучья нора» (1922) Мандельштам писал: «Вся поэтика девятнадцатого века — вот границы могущества Блока, вот где он царь, вот на чём крепнет его голос <...>. Свобода, с которой обращается Блок с тематическим матерьялом этой поэтики, наводит на мысль, что некоторые сюжеты, индивидуальные и случайные до последнего времени, на наших глазах завоевали гражданское равноправие с мифом. Таковы темы Дон Жуана и Кармен. Сжатой и образцовой повести Мериме повезло: лёгкая и воинственная музыка Бизе, как боевой рожок, разнесла по всем захолустьям весть о вечной молодости и жажде жизни романской расы. Стихи Блока дают последнее убежище младшему в европейской семье сказанию. Но вершина исторической поэтики Блока, торжество европейского мифа, который свободно движется в традиционных формах, не боится анахронизма и современности — это «Шаги Командора»[70].

[70] Мандельштам Осип. «Сохрани мою речь...» Лирика разных лет. Избранная проза. М., 1994. С. 413-414.

Тут самое интересное и точное наблюдение: «не боится анахронизма и современности». Действительно, реактивации мифов всякий раз происходят в обновлённой, порою даже эксцентричной форме. Старые мифы «маскируются» под самоновейшую современность. Поэтому их часто не распознают наблюдатели. Однако даже позднесоветские философы признали мифологизм массового сознания: «Перед социальной стихией человек современного антагонистического общества нередко столь же бессилен, как дикарь перед лицом природы. И, как дикарь, он может не осознавать это. Быть рабом и считать себя господином. Здесь-то и кроется главная причина существования мифологического мышления в наши дни. И не только в виде пережитков старой, традиционной мифологии, но и в форме заново рождённых мифов»[71].

Тот же автор определяет: «...миф к познанию отношения не имеет. Это модель не мира, а поведения, его иллюзорный регулятор»[72].

Новый мифологизм может прямо соприкасаться с вульгарностью: так, например, незадолго до Первой мировой войны во французскую литературу вошёл «гений преступления» в маске и шёлковом цилиндре — неуловимый и всемогущий Фантомас. Его авторы, писатели средней руки Ален и Сувестр, не подозревали, что нашли золотую жилу. Со страниц их многочисленных романов Фантомас перешёл на экраны кино и стал новым мифом цивилизации — олицетворением непобедимо организованной и высоко технической преступности. Вечное издевательство Фантомаса над инспектором Жювом — это модернистски-пародийная банализация борьбы Добра и Зла, причём Добро вечно остаётся в дураках.

Восхищение толпы Фантомасом, графом Дракулой или чудовищем Франкенштейна — симптом специфической культурной шизофрении Западной Европы, шизофрении, которая в то же время была мазохизмом и подготовила капитуляцию Европы перед Гитлером.

Европейская буржуазия была хорошо информирована и давно знала, что он за животное. Однако она избрала по отношению к Гитлеру политику мелких уступок и компромиссов, потому что он казался правящим кругам Запада единственным надёжным барьером против истинно апокалиптического «зверя из бездны» — скифоподобного большевика в казацкой папахе и с ножом в зубах. Так изображал Советскую Россию один из самых знаменитых политических плакатов эпохи.

«Человек с ножом в зубах» — не просто пропагандистское клише, а тоже своего рода миф, в котором древний страх перед азиатскими ордами слился с кошмаром советских экспроприаций, расстрелов и принудительных работ. Уже советские агенты похищали из Парижа белоэмигрантских руководителей. Во Франции подъём Народного фронта грозил, казалось, ужасающими переменами; а почему бы и не случиться такому? Франция — родина баррикад. Затем разразилась гражданская война в Испании — при прямом участии советских добровольцев... Запад поверил в возможность «мировой революции», этого уже почтенного мифа. Заслоном от

[71] Гулыга Арсений. Искусство в век науки. М., 1978. С. 52.

[72] Там же. С. 50.

сталинской России могла послужить не слабая, колеблющаяся Польша, а только железная гитлеровская Германия.

И в который раз мы убеждаемся, что миф играет огромную роль в истории. Только самоослеплением мифологического мышления можно объяснить политику попустительства Гитлеру и позорный Мюнхенский компромисс. Выбирая из двух зол, как ей казалось, меньшее, европейская цивилизация ориентировалась не на политический анализ, не на расчёт и трезвый прогноз, а на миф: она уверовала в угрозу «мировой революции», от неё же несть спасения, кроме Гитлера.

А кроме того, с новыми мифами на Западе аукались старые кровавые мифы расизма. Поэтому нацизм нашёл в оккупированной Франции столь широкую опору в виде французской коллаборации (сотрудничества), всех этих монархо-фашистов и шовинистов, пожелавших с помощью Гитлера отомстить Франции за своё поражение в деле Дрейфуса. Один из наиболее талантливых французских модернистов Луи Фердинанд Селин, чей роман «Путешествие на край ночи» в русском переводе вышел с предисловием Ильи Эренбурга, стал убеждённым коллаборационистом и вызывающе заявил: «За кончик ногтя арийца я отдам сто тысяч Эйнштейнов».

Европейские катастрофы XX века — высокая, но всё же заслуженная плата за кровавый сумрак европейской души, захлебнувшейся в болоте своих мифологий.

XX. Русская национальная мифология

Сразу после освобождения Руси от ига (1480), на базе политического брака Ивана III с Софьей Палеолог, возникла теория инока Филофея о всемирноисторической миссии новой Московской державы как преемницы Римской и Византийской империй. Константинополь, который был Вторым Римом, захвачен турками в 1453 году. «Два Рима падоша, а третий стоит. Четвёртому Риму не быти». Это наложение Троицы на мировую историю, однако иное, нежели у Иоахима Флорского. Москва — третий Рим: так Филофей сформулировал теорию русской исключительности.

Д. С. Лихачёв, неявно полемизируя с Николаем Бердяевым, отрицает важность этой теории и, в частности, указывает, что она распространялась в основном в среде духовенства, не оказывая особого влияния на самосознание русского народа. Видимо, почтенный академик Лихачёв ошибается.

В идее Третьего Рима только нашло историософское оформление могучее чувство сверхценности национального государства, обусловленное гибелью Киевской Руси, феодальной анархией и последующим игом. Русские невероятно высоко ставили свою новообретённую государственность; они могли и не знать писаний Филофея, но зато знали предание о граде Китеже. Древняя, дотатарская Русь стала представляться потерянным раем — царством свободы и духовной чистоты, эквивалентом мифического времени. И целью Руси стало возвращение того (исторически не бывшего) золотого века. Выражение «святая Русь» обозначает героическую эпоху первых князей и триумфальной христианизации, богатырей-охранителей и пахарей-исполинов; в то же время «святая Русь» — это и программа исторического деяния. Иными словами, это миф.

Естественно, он расходится с историей. Мы знаем, что до крещения равноапостольный Владимир был насильником и многожёнцем, а былинная Апраксеюшка — известной в Европе королевской блудницей; массовые казни бунтовщиков практиковала уже мудрая княгиня Ольга — и вообще Киевская Русь, при всех её неоспоримо поразительных успехах, никак не была похожа на золотой век.

Но в столетия ига Русь, загнанная в леса, затравленная набегами лихих ордынских царевичей, запуганная баскаками, видела в старом Киеве свой золотой век. Мифологизации Киевской Руси способствовало то, что она погибла. Новгород выжил — его не любили. Москва при Иване III стала русским Римом, колыбелью новой империи.

Так зарождалась собственно русская национальная мифология.

Её уродливым ответвлением был династический миф Ивана Грозного, который утверждал, что происходит от римского императора Августа.

Мать первого царя московского происходила из ополяченного рода Глинских, очень далёкого от римской династии Юлиев. Неважно — Иван Грозный кичился

вымышленным римским происхождением и высокомерно относился к знатнейшим русским фамилиям; когда понадобилось их перерезать, рука у него не дрогнула. Князя Репнина убили в церкви за отказ надеть маску на царском пиру — ибо Иван Грозный, наиболее «карнавализованный» русский царь, пытался завести при своём дворе маскарады. Когда митрополит Филипп выступил против опричного террора, царь убил его рукою Малюты Скуратова.

Елейный садист, трусливый и развратный, Иван был одним из гнуснейших выродков русской нации. Правда, он завоевал Волгу, но проиграл Ливонскую войну (точнее, серию войн за ливонское наследство). Внутреннюю напряжённость в изнурённой войнами России он подавил жестоким террором, но при этом сумел создать ещё один русский миф под названием «боярская крамола». Поскольку между русским народом и царём существовала мистическая связь (царь — это превознесённый отец), все посредники между народом и царём — лишь помехи в этой связи. В XIX веке вариантом «боярской крамолы» станет «министр-предатель» (Сперанский, Барклай де Толли, Нессельроде, Гирс). В XX веке Сталин воскресит и чрезвычайно расширит миф о боярской крамоле, но первой «задачей» этого мифа при Сталине было истребление непослушных чекистов...

Всё-таки ужасно, что к Ивану Грозному был народным воображением привязан миф о справедливом царе: во гневе он может быть жесток, народ прощает этот грех, лишь бы царь был силён. В эпоху Смуты Русь убедилась, как пагубна нерешительность власти. Когда авторитарное централизованное государство является сверхценностью нации, то, естественно, для неё предпочтительнее великий тиран.

Михаил Романов таковым не был. В 1613 году, когда его везли в Москву на царство, несчастный отрок всю дорогу плакал — так ему не хотелось исполнять опаснейшую на Руси должность. Он не был сильным человеком, а Русь при нём упрочилась, ибо такова была всенародная воля к централизации. В согласии с ней продолжал развиваться миф о русской исключительности. В нём отразилось историко-географическое своеобразие России — азиатской деспотии с христианской культурой. Уже это противоречие, заложенное в Московской Руси, предопределяет многое в её истории.

В XVII веке, в целях всё той же централизации, Алексей Михайлович организовал внутрицерковную реформу, которая традиционно связывается с именем патриарха Никона. Он, действительно, был сильным человеком, но, когда слишком занёсся, царь его низложил, а реформу продолжил. Ясно, что Никон был только исполнителем, а общий ориентир реформы — продолжение национальной традиции, усиление центральной власти.

Эту реформу в России поддержала греческая церковь, и вот в народе, неоднозначно воспринявшем исправление богослужебных книг, вспыхнула вражда к своей крёстной матери — греческой церкви. Эта заносчивая неблагодарность помрачает даже такой ум, как протопопа Аввакума. В сознании русского национального могущества он грубо третирует греческую церковь, униженную османским игом: «У греков такожде вера пропала. С погаными турками греки потурчали: пьют табак,

приходят в церковь в шапках; жёны их и того скверней; им церковь яко место соблазна: груди голы, очи дерзки. Сам патриарх седую браду обрил и ест с одного блюда с турком рафленых курей».

Написано хлёстко и несправедливо. Греческая церковь, помогая своему народу выжить и сохраниться под гнётом ислама, терпела злые унижения, и Аввакум её этими унижениями попрекает. Он и царю ласково пеняет: «Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Говори своим природным языком...» Для Аввакума одиозны не только греческие, но и вообще все иноземные влияния: «Никон враг <...> устроял всё-фряжскому, сиречь по-немецкому. Ох! ох! бедная русь! Чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!»

Из этого явствует, что религиозный национализм Аввакума, заострённый против любых посягательств на чистоту традиции, прямо опирается на общенародный миф о русской исключительности. Западная интерпретация этого мифа как проявления «русской ксенофобии» ошибочна. Русский народ легко принимает в свою страну иноземцев, лишь бы они держались русского стиля жизни и не посягали на традиции Святой Руси. Уживчивые иноземцы быстро сливались с русскими. Но этот народ, который даже встречу с евреем (!!!) считал доброй приметой (к удаче), никогда не терпел в иноземцах малейшего тона превосходства. Русь требует к себе уважения — и за оное платит любому чужаку широким радушием: и потчует, и кумится, и заключает браки. Только уважайте миф!

Конечно, Русь — явление исключительное. А Китай — нет? А Германия? Или Франция? Или был такой крохотный городишко на море — Афины... Чем русская самобытность славнее японской или индийской?

Миф о русской исключительности способен и соединяться с идеей великодержавности, и вступать с нею в конфликтное отношение, когда держава проявляет стремление к модернизации — стремление естественное и законное.

В расколе, несомненно, сильно выразилось личностное начало — протест против того, что государство сверху декретирует законы веры: ведь религиозная вера — очень деликатное дело, последнее прибежище чувства личности, а тут вдруг русскому человеку велят и креститься, и даже Бога называть по-новому. Да кто в праве такое приказывать?

Но к личностному моменту прибавилось и оскорблённое национальное достоинство: традиционно сличали, проверяли, правили по греческим образцам. Да кто в праве учить Святую Русь? В мире нет её правовернее!

Протест был очень сильным. Раскол влиял и на восстание Стеньки Разина, и на стрелецкие бунты. Но при всём пресловутом русском анархизме, для большинства нации сверхценностью оставалась могучая государственность. Культ государства — это русский культ, потому-то Россия легко примет Гегеля.

Когда же воля к централизации после бурь «бунташного века» снова восторжествовала, то центростремительный вихрь вынес на престол длинную и диковинную фигуру немца с судорожными гримасами, в кургузом кафтане, с трубкой в зубах. И это русский царь? Тотчас возник миф о «подменённом царе», который с исключительным интересом исследовали костоломы из Преображенского приказа и прочие

петровские фольклористы. А раскольники прямо называли Петра I антихристом или слугою антихриста.

Сам Пётр считал Ивана Грозного своим предшественником и сделал то, что не удалось Ивану: завоевал Прибалтику. Он был в высшей степени конструктивным тираном, лично строил, точил, чертил, считал: не мог жить без труда. Наглядное усиление России, льстившее национальным чувствам, её выход на моря, Полтавская виктория, подъём городской культуры как будто примирили нацию с Петром, и всё же весь XVIII век сохранялось мучительное раздвоение народного сознания.

Петровская реформа проникла в народное сознание глубже, чем кажется: ведь даже крестьянской революции Пугачёва понадобились внешние формы петербургской государственности. Великий самозванец рисовался «императором», а не иератическим московским царём; своим генералам с рваными ноздрями он жаловал введённые Петром I титулы и звания, даже муаровые орденские ленты. Возвращаться в Святую Русь Пугачёв не пытался.

«Два Рима падоша»: Рим был разорён варварами, Константинополь захвачен турками. Москва не раз горела и возрождалась, как птица Феникс. Пётр I воздвиг новую столицу в топкой дельте Невы, и вскоре его бывшая жена Евдокия, запертая в монастыре, предсказала Петербургу гибель от воды. «Петербургу быть пусту» — родилась «петербургская легенда», ибо Москва — третий Рим, а четвёртому — «не быти». Петербург — историческое кощунство, вызов национальному мифу.

Парадоксальным триумфом Москвы стал пожар 1812 года. Первопрестольная столица вновь обрела героическую роль, тогда как казённый Питер съёжился и серенько дрожал в своём финском болоте. Победа над Наполеоном, освобождение Европы, взятие Парижа представляются пиком русской истории, реализацией мифа о всемирноисторической миссии Руси. Экстаз, охвативший Русь, представлял собою то самое опьяняющее ликование, какое всегда пылает в людях, лично переживающих миф, живущих в нём. Великие мифы не лгут, они только редко сбываются: один раз, два раза — но уж третьего раза не просите.

Русская национальная мифология торжествовала в 1812 году величайшую победу. И больше всех ошеломлён ею был сам Наполеон, предрекавший России после этого чуть ли не мировое господство. В таком духе он не раз высказывался на острове Святой Елены.

В 1821 году он умер, и вскоре романтический наполеонизм докатился до России. Пушкин в «Пиковой даме» описал «наполеоническое» умонастроение как бытовой феномен, а в «Онегине» прямо признался: «Мы все глядим в Наполеоны…» Лермонтовский Печорин использует такие, например, сравнения: «Я возвратился в Кисловодск в пять часов утра, бросился на постель и заснул сном Наполеона после Ватерлоо». Сам Николай I подражал Наполеону, внушал представление о своём фатализме; много говорили о его храбрости, хотя на этот счёт существуют различные мнения.

Отметим мимоходом, что николаевская эпоха вся подшита народными мифами. При воцарении Николая I монах Авель предсказал: «Змей проживёт тридцать лет». В эту эпоху достиг высшего расцвета миф о «врачах-отравителях»: их убивали при каждой чумной или холерной эпидемии, при бунте военных поселян (1831) и т. д. При Александре II появятся ещё «студенты-поджигатели». Эти вторичные мифы присоединяются к мифу о боярской крамоле. Заметим, однако, что в разгар холерного бунта по Москве спокойно разъезжал доктор Гааз, немец и кумир простонародья, которое он вразумлял довольно успешно. Ибо ему верили, его любили. У русского народа есть чутьё на святых.

Миф о «врачах-отравителях» будет воскрешён Сталиным, но с довольно неожиданными последствиями.

Однако вернёмся к русской версии наполеонизма. Ничего подобного больше в России не повторялось. Помыслить невозможно, чтобы отношение к Гитлеру хоть на микрон приблизилось к русской памяти о Наполеоне. Выше я уже цитировал отзыв поэта-партизана Дениса Давыдова: «огромный человек, расточитель славы». Наполеон вызывал почтение даже у тех, кто победил его.

Но постепенно русское мнение трезвело. Вероятно, принципиальная вражда не столько даже к Наполеону, сколько к наполеонизму началась в России всё с того же Белинского: «…в глазах истинно мудрых простой, скромный, неблестящий Вашингтон в тысячу раз более всех возможных Наполеонов имеет право на имя великого человека. Только невежественная толпа, тупая чернь и жалкое суемудрие преклоняют колени и обожествляют гнетущую её наглую силу…»

Сказано великолепно, но неточно. Увы, не только «тупая чернь и жалкое суемудрие», но целые нации в критические моменты истории ищут себе гениальных тиранов.

Вторая Империя во Франции реактивировала наполеоновский миф и на время даже преуспела, но вскоре обнаружила свою суть — назойливую и плоскую автопародию мифа, чистый авантюризм со всеми его позорными последствиями. Политика Наполеона III диктовалась логикой мифа. Этот псевдо-Наполеон, чтобы взять реванш за дядюшкино поражение в России, возглавил антирусскую коалицию в Крымской войне.

Хотя эта война целиком проистекала из агрессивного курса Николая I, она всколыхнула религиозный патриотизм славянофилов. Именно они осуществили романтическую модернизацию национальной мифологии и придали наступающей войне квази-религиозный смысл, рисуя её чем-то вроде крестового похода за пресловутые ключи Вифлеемского храма и за крест на Святой Софии (Николай I хотел захватить Проливы, укрепиться на Балканах, в ключах и крестах он не нуждался и давно предлагал Западу раздел Турции).

В начале войны появилось нашумевшее стихотворение Алексея Хомякова «России», нелегальное и запрещённое, оно распространялось в списках. Поэт-славянофил с неслыханной резкостью обличал пороки николаевской России, которая «всякой мерзости полна», но тут же парадоксально призывал свою родину «на брань святую» — «за братьев» (славян):

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

Близкий к славянофильству Ф. И. Тютчев призывает Николая I стать «всеславянским царём». Рождается мифология панславизма.

Реальность очень скоро выявила его бредовый характер. Тот же Тютчев ввиду военных неудач одним из первых сменил позиции и признал эту нелепо ведомую кампанию «войной кретинов с негодяями». При этом под «негодяями» он подразумевал западные державы.

Русский народ, узнав из сводок о затоплении черноморской эскадры при входе в гавань Севастополя и не понимая смысла этой меры, заговорил о помешательстве царя. Главнокомандующего в Крыму князя Меньшикова солдаты называли «Изменщиков». Когда Николай I, человек огромного роста и физически сильный, внезапно умер в начале 1855 года, молва тотчас объявила это самоубийством: отравился! Тютчев проводил его в могилу страшной эпитафией («Не Богу ты служил и не России»). Казённо-пропагандистский миф о могучем «рыцаре» Николае I рассеялся: и памяти не осталось в народе.

Поражение в Крымской войне означало крах славянофильства (в семье Аксаковых весть о перемирии восприняли с отчаянием). И тем не менее, уже после этого краха Тютчев создал свои самые восторженные и самые парадоксальные стихотворения во славу русской исключительности («Умом Россию не понять» и «Эти бедные селенья»). Россия иррациональна, её величие не поддаётся рациональному измерению, в «в Россию можно только верить». Великий поэт отбрасывает политическую аргументацию в пользу логики мифа.

В начале 60-х годов акции Наполеона III стояли ещё довольно высоко, несмотря на инвективы Гюго и Маркса. Даже Н. Г. Чернышевский с почтением отзывался о «суровой воле» Наполеона III. Именно тогда Толстой и Достоевский объявили войну наполеонизму. Но при этом — с различных позиций.

Толстой стоял на позициях демифологизации: «Великие люди суть ярлыки дающие наименование событию». Он яростно доказывал недоказуемое — что Наполеон I был всего лишь плохим актёром; Толстой не признавал за «злодеем» даже военных дарований. Сочиняя своего Наполеона, он из океана литературы выуживал только враждебные свидетельства, например, мемуары Мармона, который чернил и принижал императора только потому, что предал его.

Одновременно Толстой уже в «Войне и мире» творил собственную мифологию: это биологическая стихийность войн, бессознательная мудрость народа, решающая роль масс в истории. Исторический фатализм Толстого приводил к парадоксам: великие исторические личности суть рабы истории, а подлинно велики только маленькие люди. Он признавал только моральное величие, а мораль Толстого — смесь руссоизма с буддизмом.

Достоевский не пытался ревизовать историографию, принижать личность Наполеона. Вместо этого он с позиций христианской морали развенчивал «наполеоновскую идею», трактованную весьма широко — как одну из версий титанизма. С Достоевского началась ремифологизация европейского романа. Но это была не реставрация старых мифов, а новый мифологический синтез.

XXI. Мифы и прозрения Достоевского

Достоевский во многом был наследником романтизма. Отпечаток его лежит на всём раннем творчестве писателя. В «Двойнике» разработан мотив двойника-узурпатора, в «Хозяйке» — мотив тиранического мага, женившегося на собственной дочери, в «Маленьком герое» — архетип Ребёнка в сентиментально-романтическом преломлении (культ Ребёнка начинается с Руссо и проходит через весь романтизм).

Перестройка сознания писателя в годы каторги и военной службы привела к расширению его индивидуальной мифологии. Он стал искать то вечное и незыблемое, что связывает людей вопреки социальным барьерам, национальной и религиозной розни. Это оказались Библия и Христос. На каторге он с изумлением открыл элементарный факт: мусульмане глубоко чтут Христа (правда, не как Бога, а как великого пророка, предшественника Князя Пророков — Мухаммеда). Христос больше Церкви.

Достоевский вернулся в литературу в период расцвета русской фольклористики, стоявшей на позициях мифологической школы. Этим обусловлена огромная осознанность мифотворчества Достоевского. Своеобразие его последующих исканий состоит в смелом скрещении классического мифа, Библии и романтизма; это скрещение взорвало реалистическую форму.

Его мифотворчество — не просто комбинаторика сюжетов. Достоевский умел придавать своим мифам жгучую морально-политическую злободневность. Роман его выходит за пределы реализма: призрачность воображаемого мира предвещает символизм, а повышенная экспрессивность, страсть к пародии, обращение к мифу, фольклору и народной религиозности сближают роман Достоевского с литературой модернизма. Поэтому трактовать Достоевского как романтика или «романтического реалиста» (Доналд Фангер) недостаточно.

Несомненно, автор «Преступления и наказания» был враждебен капитализму. Его ужасал хладнокровный цинизм эпохи, идеологическое оправдание кровопролития. Этому цинизму он противопоставил народную совесть. Он считал, что русский народ, при всём своём неблагообразии, обладает нерушимым нравственным инстинктом: «...Пусть в нашем народе зверство и грех, но вот что в нём есть неоспоримо: это именно то, что он <...> никогда не принимает, не примет и не захочет принять своего греха за правду! Он согрешит, но всегда скажет, рано ли, поздно ли: «Я сделал неправду». Если согрешивший не скажет, то другой за него скажет, и правда будет восполнена. <...> Народ грешит и пакостится ежедневно, но в лучшие минуты, во Христовы минуты, он никогда в правде не ошибётся»[73]

Антибуржуазность Достоевского неразрывно слита с его религиозным национализмом, что давно подметил один английский критик: «Буржуа, в руках Бальзака

[73] Достоевский Ф. М. Полное собр. соч. Т. 26. С. 152.

ставший настоящим чудовищем Франкенштейна, в руках Флобера — карликом-уродом как господин Омэ, для Достоевского был врагом национального идеала»[74].

Христианство Достоевского — это колоссальная проблема, сегодня решаемая недобросовестно. Сколько сусального золота затрачено на лик мнимо-святого Фёдора! А ведь он считал великими христианскими писателями Диккенса и Жорж Санд, признавался в любви к христианину Шарлю Фурье и в конце жизни пытался формулировать «православный социализм». Великие мифы гуманизма были дороги ему самому.

Прав был Константин Леонтьев в своём открытом доносе «Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой» (1882): «розовое» христианство Достоевского само связано с традициями гуманизма, оно не вполне канонично.

Раскольников был назван «русским Гамлетом». Достоевский в его лице развенчал «наполеоновскую идею» — позднеромантический вариант героического мифа. Гуманист, вынужденный убивать: таким был Гамлет, таков и Раскольников. Романтизм реактивировал титаническую мифологию Ренессанса, и вскоре она подверглась политической вульгаризации. Достоевский в «Преступлении и наказании» выступает как разоблачитель секулярной мифологии своей эпохи.

Собственный романный миф он строит на мотиве Воскресения. Известный «лейтмотив Лазаря» подсказывает нам сравнение между Раскольниковым и евангельским Лазарем, которого Христос воскресил из мёртвых. Раскольников сам признаёт себя духовным мертвецом и лишь на каторге воскресает к новой жизни. Это не криминальный роман, а роман о спасении преступника, и Воскресение — доминанта сюжета. Духовная смерть Раскольникова происходит в Петербурге, его воскресение — в Сибири.

Инструментом спасения послужила самоотверженная проститутка Соня — тип, в сущности, уже тривиализованный («Оливер Твист», «Дама с камелиями», «Отверженные» и мн. др.). Но Соня — это не просто «шлюха с золотым сердцем»: её отличает пламенная религиозная экзальтация, и по ходу действия Соня обретает черты раскаявшейся грешницы из раннехристианской агиографии. Такова, например, Мария Египетская — блудница, ставшая святой.

С евангельскими мотивами контрастно сочетаются ветхозаветные. Прежде всего это Книга Иова с её трагическим приятием мира: она прямо отразилась в трактирной исповеди Мармеладова. В эпилоге упомянут праотец Авраам с его стадами. В киргизских степях, где в идиллической тишине течёт патриархальная жизнь кочевников, Достоевскому чудится застывшее время, т. е. вечное настоящее, сакральное время мифа. Хотя жизнь в романах Достоевского нервически лихорадочна, её то и дело пересекают видения эры Авраама или «золотого века», внушая читателю, что миф не умер, что древняя культура созерцания соседствует с фаустовской цивилизацией.

Противоположный полюс в пространстве Достоевского — это Петербург, русский вариант общеевропейского мифа о Городе, в котором актуализировался библейский Вавилон. Петербург Достоевского сопоставим с Парижем Бальзака и Эжена Сю, с Лондоном Диккенса и Томаса Де Квинси. Венеция имеет свой миф,

[74] Lloyd J. A. T. A great Russian realist Feodor Dostoieffsky. London, 1912. Pp. 32-33

но он весь в прошлом. Гордый Берлин и весёлая Вена не имели своего мифа, зато у Праги два мифа — чешский и еврейский (Майринк, Кафка). Москва сформировалась как миф только в XX веке.

«Преступление и наказание» завершается воскресением Раскольникова. Обстоятельства публикации воспрепятствовали Достоевскому выполнить его главную задачу: редакция журнала «Русский вестник» исключила из текста главу «Христос». Раскольников должен был иметь видение Христа. Вследствие произвола редакции романный мир остался незавершённым. Но способ работы Достоевского с мифом уже явствен: в одном тексте, даже в одном персонаже сочетаются демифологизация вульгарных идеологий XIX века и личное мифотворчество автора. Раскольников — и «Гамлет», и евангелический Лазарь, и один из миллиона Наполеонов-неудачников, но только не «Растиньяк второй половины XIX века», как утверждал Дьёрдь Лукач. Достоевский сводит на очной ставке мифологию гуманизма с христианством, испытывает все общие идеи христианским субъективизмом, строя оппозицию деспотической теории и свободной личности. Очень важно при этом, что в художественном плане Достоевский уравнял в правах гуманизм и христианство.

Он внушает нам: чтобы воскреснуть, чтобы выжить после катастрофы, нужно в себе победить идею, которая к этой катастрофе привела. Сегодня это актуально для России, как никогда. Достоевский дал нам надежду, дал exemplum — спасение «гамлетического Наполеона».

Роман «Идиот», едва ли не самый трагический в творчестве Достоевского, содержит exemplum противоположного характера. Известна трижды повторённая в черновиках «Идиота» формула центрального характера: «Князь Христос». Конечно, это не значит, что Достоевский прямо выводит Христа в качестве действующего лица, хотя такие случаи в литературе были (например, «Иисус во Фландрии» Бальзака). Его князь Мышкин — не Христос, а христоподобный человек. На примере его судьбы решается вопрос: что случилось бы, если бы Иисус Христос пришёл в мир современной цивилизации, все ещё считающей себя христианской? На этот вопрос роман даёт мрачный ответ.

«Идиот» построен весьма сложно, что допускает и его мистико-аллегорическую интерпретацию. Весь роман насыщен эстетической инициативой героя.

Почему князь Мышкин, увидев Рогожина с ножом под лестницей, крикнул: «Парфён, не верю»? Ведь он весь день ощущал его слежку, а этот нож брал в руки. Князь подозревал злой умысел — и Рогожин решился на убийство; князь крикнул «не верю» — и тем самым убийство отменил. Князь Мышкин подобен безвольному автору, грезящему над сюжетом. По мнению, Михаила Бахтина, «им руководит скорее боязнь своего собственного слова» (в отношении другого), чем боязнь чужого слова. Его оговорки, торможения и прочее объясняются в большинстве случаев именно этой боязнью, начиная от простой деликатности и кончая глубоким и принципиальным страхом сказать о другом решающее, окончательное слово. Он боится своих мыслей о другом, своих подозрений и предположений»[75].

[75] Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 282.

Дело в том, что все предположения и подозрения князя Мышкина сбываются. Вот он гадает над фотографией Настасьи Филипповны: «…добра ли она? Ах, кабы добра! Всё было бы спасено!» Это интонация писателя, выбирающего судьбу своей романной героини. Князь не уверен в её доброте — и действительно, её характер оказывается смесью великодушия, гордости и истерической мечтательности.

Князь Мышкин — не ясновидящий, не пророк, а слабовольный автор мистического сюжета. Точнее, он и герой, и мистический автор: он не просто борется против судьбы, но исправляет события, хочет избежать предугаданной им катастрофы, пытается повернуть вспять «не должное» саморазвитие характеров. Но каждое движение его творящей мысли необратимо; люди оказываются персонажами его сновидения. Гениальная интуиция, творческая сила его воображения становится проклятием христоподобного человека: ему нельзя ничего предвидеть, ибо всё исполняется по его подозрениям; он несёт ответственность за каждую свою мысль.

Чем ближе к финалу, тем сильнее охватывает князя чувство вины. Любя людей, он сомневается в них, и его сомнение оказывается фатальным. По Бахтину, слово князя «лишено какой-то последней уверенности и властности и часто просто срывается»[76]. Но так же срывается и попытка князя повторить спасение Магдалины (этот мотив представлен Настасьей Филипповной). Причина его неудачи в том, что этот мир ужасен, но провал миссии князя символизирует так же и то, что в XIX веке Добро не уверено в самом себе. Князь Мышкин — это «гамлетический Христос» кризисной эры.

Соединение имён Гамлета и Христа звучит нелепо, это немыслимое сочетание. Но Достоевский был художником невозможных сочетаний, он вдохновлялся примером средневекового вторичного мифотворчества, когда, к примеру, трансформированный Эдиповский миф вплетается в апокрифические легенды о некоторых святых («Gregor auf dem Stein») или даже становится предысторией Иуды Искариотского в его вымышленной биографии. Что общего у царя Эдипа с Иудой? Это нелепое сочетание. Но средневековое воображение не знает слова «нельзя»; апокрифы свободно комбинировали самый гетерогенный материал. Достоевский знал и любил средневековые апокрифы.

Роман «Бесы» в интересующем нас аспекте изучен ещё Вячеславом Ивановым. Он смело реконструировал «основной миф» этого романа, а также дал мифопоэтический анализ фигуры Ставрогина. По мнению Иванова, Ставрогин — «отрицательный русский Фауст». Но исследователь тут же подчеркнул, что Ставрогин, изменяя Богу, не верен и сатане; он изменяет всему и всем и в конечном счёте «вешается, как Иуда»[77].

Вот ещё одно немыслимое сочетание — Фауста с Иудой.

Самим этим сочетанием Достоевский выразил неприятие фаустианского мифа в его классическом варианте, созданном великим Гёте. По мысли этого «Олимпий-

[76] Там же. С. 282-283.

[77] Иванов, Вячеслав. Борозды и межи. М., 1916. С. 66, 70.

ца» (т. е. неогуманиста), деяние искупает вину. По мысли Достоевского, существует вина, убивающая самую способность деяния, вина неискупимая. Преступление Ставрогина — the no return point, оно символически обозначает предательство собственных идеалов. Свобода, насилующая детей, обращается в противоположность гуманизма — в атрофию воли, духовную смерть. Тут Достоевский оспорил не только Гёте, но и мифологию гуманизма вообще.

Но сила Достоевского в том и состоит, что он был не только мифотворцем, но и демифологизатором. Он не только оспорил мифологию без Бога, но и впервые вскрыл (именно в «Бесах») механику политического мифотворчества. Соединить национальную мифологическую традицию с дискредитацией морали первым додумался не Гитлер, не Розенберг, а Петруша Верховенский: он хотел навязать народу самозванца и растлить нацию правом на бесчестие. Немецкий учёный Райнхард Лаут в труде «Философия Достоевского» (Мюнхен, 1950) справедливо указывает: «Основание О. Контом церкви должно показаться смешным рядом с той властью над душами, какой обладает нигилизм, опирающийся на миф. Не Сорель является отцом-открывателем политического мифа, а уже Достоевский. "Главное легенду!" Нигилизм и его миф заступает место уничтоженной религии»[78].

В «Бесах» наглядно показано, как Пётр Верховенский творит политический миф — «легенду», по выражению этого персонажа. Лауту стоило бы добавить, что Достоевский, в отличие от Жоржа Сореля, не возводит миф в высший принцип деятельности, а напротив, с презрением и ненавистью демаскирует внутреннюю механику политической пропаганды. Пётр Верховенский пытается «пустить смуту» — использовать русскую традицию самозванцев. При этом он хочет облечь Ставрогина в образ Ивана-Царевича, одного из любимейших героев русского-фольклора. Достоевский предвосхитил кардинальную черты политической мифологии XX века — злостную эксплуатацию национальных мифов прошлого.

Так, Муссолини позировал в облике модернистского Цезаря, Гитлер был помесью Лоэнгрина с Фридрихом Барбароссой и называл свой режим «Тысячелетним Рейхом», используя хилиастические мифы Средних веков. Сталин притворялся Иваном Грозным и Петром I. В китайских храмах молились за здравие Сына Неба Председателя Мао, а Мобуту создал себе славу великого колдуна. Достоевский задолго до рождения всех этих тиранов разоблачил политический миф как фальсификацию, как кровавый фарс.

В «Бесах» мы видим особенно концентрированное сочетание поэтического мифотворчества Достоевского со страстной демифологизацией порочных идей.

Достоевский, демаскируя современную мифологию дьявола, сам же и творил рискованные новые мифы — не столько политические, сколько национально-религиозные. И эти новые мифы не совпадали с христианским вероучением.

Сам он этого не сознавал, считая себя верным сыном церкви, и в момент его смерти церковь признала его религиозно-воспитательное значение; у гроба Досто-

[78] Лаут, Райнхард. Философия Достоевского в систематическом изложении. М., 1996. С. 275.

евского чуть-чуть не встретились Салтыков-Щедрин и Победоносцев. Церковь не сознавала опасности личного христианства Достоевского (хотя монахи Оптиной пустыни отвергли романы Достоевского и особенно «Братьев Карамазовых»). Именно в «Бесах» Шатов провозглашает русский мессианизм — идею «народа-богоносца», призванного спасти Европу и мир.

Для христианства идея национальной религии — ересь. Христианская церковь — вселенская, иной она быть не может: «о Христе Иисусе несть еллин, ни иудей...» (ап. Павел). Что это за «русский Бог», предлагаемый славянофилами и Достоевским? Чистый, неискажённый лик Христа. Все другие христианские народы исказили, только русские не исказили. Но ведь это возрождение древнеиудейской национально-религиозной исключительности. Или иначе: прививка иудаизма к русской национальной мифологии.

В романы «Бесы» и «Подросток» Достоевский вводит свои собственные религиозно-политические мифы. Однако они релятивизованы полифонической структурой романов, даны диалогически, дискуссионно, а не авторитарно, как случалось в публицистике Достоевского (статьи в «Гражданине», «Дневник писателя»).

Иван Карамазов был назван «русским Фаустом», но его диалог с чёртом заставляет усомниться в таком понимании: Иван отказывается от сделки с дьяволом. Он пытается открыть суду правду об убийстве отца, но судьи ему не верят. Фрейд в этюде «Достоевский и отцеубийство» трактовал историю Ивана как вариант Эдиповского мифа. С этой точкой зрения необходимо считаться, но нельзя ею ограничиваться. В тексте романа дана прямая отсылка к другому мифу. Иван отвечает Алёше: «Разве я сторож брату моему?» — т. е. цитирует ответ Каина Богу (Бытие, 4, 9). Пунктом соотнесения служит не просто библейский образ Каина-братоубийцы, но весь мотив с последующими наслоениями и новыми коннотациями. Особенно важен Каин из мистерии Байрона, возвеличенный как первый революционер на земле. Мотив Каина — не только братоубийство, но и бунт против Бога, плохо устроившего мир: так Иван Карамазов оказывается гностиком, критикующим своего демиурга.

Бунт его непоследователен: в последний момент он отшатнулся от Смердякова и попытался спасти брата. Образ Ивана предельно многозначен. Это не только соединение Эдипа с Каином, а новый миф — главная мифическая фигура Достоевского.

В реально-историческом плане это русский интеллигент накануне национальной катастрофы. В мифо-идеологическом плане — современный человек, потерявший Бога. Чертам «демонизма» в Иване противостоит тот первостепенной важности факт, что именно в его уста вложил свою Легенду о Великом Инквизиторе. Явление Христа в сегодняшнем мире сделалось мифологическим лейтмотивом Достоевского; миф этот подготовлен в русской культуре картиной А. Иванова «Явление Мессии», стихотворением Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья», образами Христа-революционера в поэзии Н. А. Некрасова, в живописи Крамского и др. Этот миф мог принимать форму видения (исчезнувшая глава «Преступления и на-

казания»), мистической аллегории (роман «Идиот») или апокрифической легенды (поэма Ивана Карамазова).

Иван сочетает в себе мифологического персонажа и мифотворца. Этот теоретический убийца в смущении отвергает практические выводы из собственных теорий. Вот поразительное пророчество: Достоевский создал поэтическую мифологизацию русского интеллигента. Подобно русской интеллигенции, морально обосновавшей революцию 1917 года, Иван не желает принять результатов своего «всё позволено». Он не Фауст, а беглец от вины.

Путь истинного спасения декларативно олицетворён в старце Зосимы, а поэтически — в Мите Карамазове. В середине действия он лишь язычник, тоскующий о красоте, раб свой любви. В кульминации романа, когда Митя уже готов убить отца, он чудесным образом спасается от злодеяния; арест и суд ломают его судьбу. В итоге он находит высшую красоту в добровольном страдании, его же прообраз есть подвиг Христа. Это обращение язычника, а конкретно — спасение Эдипа.

Ибо Митя — тоже Эдип. Он любит женщину, к которой стремится и его отец. Митя неоднократно угрожает убить отца. И всё же он побеждает рок, воскресает для новой жизни. Достоевский сделал каторгу русским символом Воскресения. Вся Сибирь — огромная русская Голгофа; но за Голгофой возможно воскресение. Митя похож на евангельского разбойника, который уверовал уже на кресте и которого Христос взял в рай.

Смердяков, лакей-энтузиаст, добровольный исполнитель угаданной идеи Ивана, предстаёт новым мифическим чудовищем; в XX веке ему соответствует тип «обыкновенного фашиста», рабски преданного своему вождю.

Алёша Карамазов, несколько сусальный imitator Christi, наименее мифологичен, но всё же финальный эпизод с мальчиками — это рецитация евангелия, игровое основание апостольской общины.

В последнем романе Достоевский взвалил на себя бремя огромных обязательств перед Церковью, пытаясь уравновесить критику конвенционального христианства в Легенде своей собственной религиозной утопией. Он словно предчувствовал разлив религиозного модернизма XX века и опасался, что сам отчасти подготовил его. Как стареющий Вагнер от «Нибелунгов» отошёл к «Парцифалю», так Достоевский пришёл к старцу Зосиме. Русский монах с чертами Франциска Ассизского олицетворяет мечту писателя о более любящей и понимающей Церкви.

В «Братьях Карамазовых» соединилась демифологизация революционного богоборчества и личное мифотворчество Достоевского: рецитация чуда в Кане Галилейской, эпическая парентеза «Русский инок», чудесное спасение Мити, обращение «инфернальницы» Грушеньки и финальная речь Алёши у камня. Роман содержит тайное предчувствие национальной катастрофы и парадоксальное обетование возрождения России после катастрофы.

Главные мифические традиции, развиваемые Достоевским: материнский миф, Эдип, Христос, Фауст, Гамлет. Поэтические мифы его не лживы, но верны приблизительно: они были предостережениями, смысл которых нам понятнее, чем его первым читателям. Достоевский проверяет историю Христом, а политику — сле-

зинкой ребёнка. Он заново утверждает мораль любви и возможность святости. Мифотворчество Достоевского защищает от нигилизма.

XXII. Революционная мифология и её перерождение

Чувство национальной исключительности срослось с революционным русским народничеством 70-х годов, которое отказалось от «разумного эгоизма» Чернышевского и приняло мораль самопожертвования. Религиозная форма этой морали выражена Достоевским и Владимиром Соловьёвым, безрелигиозная — Софьей Перовской, Желябовым и другими террористами. Однако они оставались бессознательно религиозными, а Иван Каляев, убийца Великого Князя Сергея, был верующим христианином.

Большие перемены происходили в русском массовом сознании. В кабаках ещё пели «Царь наш белый, православный, витязь сердцем и душой» — но традиционный русский монархизм начал чахнуть. В массах родилась мечта о военном кумире. У русского народа и раньше бывали до безумия любимые генералы, особенно Суворов и Ермолов, но первый случай настоящего массового психоза был вызван яркой личностью Михаила Скобелева, героя русско-турецкой войны и завоевателя Туркмении. Этот одарённый полководец, прозванный «белым генералом», мечтал о троне Болгарии, а затем, отодвинутый в сторону, помышлял о низложении Александра III и установлении военной диктатуры.

Конец XIX века в России ознаменовался ощущениями тоскливой скуки и смутными предчувствиями грозы. Под внешностью благополучия и экономической стабилизации (заслуга С. Ю. Витте) накапливались внутренние противоречия. Тупая злоба охранителей загнала в оппозицию даже скромный русский либерализм. Глупейшая (тоже от скуки?) выдумка царя — война с Японией — привела к неслыханному национальному позору и вследствие того к революции.

Революция 1905 года породила три бурных и коротких славы: Георгия Гапона, профессора С. Н. Трубецкого и лейтенанта Шмидта. Она не нашла великого вождя. Но сам факт, что русский народ искал вождя, представляется бесспорным. И не только народ: реакция искала, даже печатно требовала диктатуры, перебирая «сильных людей» — генерала Трепова, адмирала Дубасова и графа Игнатьева. Вместо них пришёл Столыпин, полудиктатор, преданный собственный классом, о спасении которого он заботился, идя на уступки крестьянству.

Первая мировая война с её чудовищными и бесплодными потерями породила невроз массы — предпосылку диктатуры. Во время этой войны первого своего кандидата в диктаторы выдвинула буржуазия: им был самый воинственный из русских купцов — Александр Тучков. Но часы русской буржуазии вечно отставали на десять лет. После февральской революции 1917 года и свержения монархии чуть ли не вся Россия на момент влюбилась в Керенского, а пылкая Марина Цветаева так и писала о нём:

Летит молодой диктатор
По всей стране...

Однако упрямая воинственность Керенского, его безумная попытка нового наступления на фронте (попытка, явно не подготовленная) вызвали полное разочарование армии в его революционной риторике, и армия разжаловала его из спасителей родины в «Сашку-канашку», как ранее произвела сходную операцию с именем последнего царя.

Офицерство и правые круги попытались навязать стране настоящего военного диктатора — популярного генерала Лавра Корнилова. В страхе перед ним Керенский дал согласие на вооружение красной гвардии и фактически нашёл опору в большевиках, которые после подавления корниловского мятежа оказались единственной организованной силой перед лицом полностью изолированного Временного правительства. В этой ситуации переход власти к большевикам был естественным следствием случившегося, и одного адвоката заменил другой. Правда, Керенский был очень талантливым адвокатом, а Ленин — весьма неудачливым и рано расстался с адвокатурой. В остальном он был много сильнее Керенского.

Идея диктатуры вызревала в России сорок лет. Как же русский народ нашёл себе Ленина?

В блестящем гимназическом аттестате Володи Ульянова была только одна четвёрка — по логике. Директор добился для него золотой медали. Действительно, логику Володя не любил.

Он был братом повешенного народовольца и своё политическое развитие начал с народничества, но затем, вослед Плеханову, обратился в марксизм. В годы молодости Ленина европейский марксизм переживал стадию успокоения и адаптации к порядку, а вот успокоения-то Ленин и не хотел, им владели яростный активизм и жажда мести. К философской рефлексии после Маркса-Энгельса он относился с недоверием и впитывал в себя все агрессивно-стимулирующие влияния эпохи, мотивы нападения, битвы, «драчки» (его ключевое слово). Он тайно любил Бакунина и в октябре 1917 года использовал анархистов. По воспоминаниям Ф. Ф. Раскольникова мы знаем, что молодой большевик Вячелав Молотов был прямым поклонником Бакунина. Большевизм есть синтез противоположностей — марксизма и бакунизма.

Кроме того, важное значение имела многолетняя эмиграция Ленина, особенно годы в Париже. То был Париж модерна, годы, когда публика теснилась на лекциях профессора Бергсона и пика своего творчества достиг Сорель. Их идеи, мне думается, привлекли внимание Ленина: интуиция выше интеллекта, сознательное мифотворчество — прямая задача революционного вождя. Несомненно, он был в какой-то мере знаком с идеями Ницше. Идеалистической диалектике Гегеля Ленин противопоставил «диалектику самой жизни». Он сравнивал драму революционного переворота с родовыми муками и обожал рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни». Мышление Ленина несёт на себе отпечаток витализма. От Карла Маркса он в основном унаследовал волюнтаристскую тенденцию Доктрины. Ленин вовсе

не был таким уж «твердокаменным марксистом», как сам утверждал. Недаром же он сумел оценить Герцена, заклятого врага Маркса и собирался поставить памятник Бакунину. Ленин неоднократно ревизовал марксизм и дополнил его целым рядом своих идей. Главная из них — теория о первоначальной победе социализма в одной стране, а именно в России: этой национальной теорией он заменил миф о мировой революции. Конечно, он не мог отменить этот миф, поскольку сам опирался на авторитет Маркса, но мировая революция стала чистой воды фикцией, лозунгом, шаманским заклинанием, в которое даже большевики перестали верить после того, как предали Гамбургское восстание 1923 года.

Ленин соединил учение Маркса с русской национальной мифологией. Ибо он гораздо национальнее, чем думал генерал Волкогонов. Ленин грассировал, как дворянин, но ругался, как бурлак. Он лучше всех понял один из практических секретов истории: мифотворчество обычно начинается с армии, солдаты — глаза и уши народа. Ленин понял, что русской армии 1917 года более не нужны ни Скобелев, ни Корнилов; её героем станет тот, кто отдаст команду: «Штык в землю! Все по домам!» Начертав на своём знамени короткое слово «мир», Ленин овладел армией и Россией. Он заключил перемирие в Брест-Литовске 2 декабря 1917 года, а несколько позднее — мир. Санкционировал стихийный развал армии демобилизацией. Начался обмен военнопленных. Ленин начал править с заключения мира, как Наполеон — с Амьенского мира 1802 года. Тяжёлый Брест-Литовский мир 1918 года он сравнивал с Тильзитским миром 1807-го. Ленин знал русскую историю.

Он чувствовал и русскую мистику. В духе её Гоголь некогда реактивировал старые национальные мифы. На основе тысячелетней демонизации Запада Гоголь создал русский миф о демонизме капитала. Смолоду он рисовал жажду золота как дьявольское наваждение («Вечер накануне Ивана Купала»): это общеромантическая тема. В «Портрете» Гоголь демонизирует всю цивилизацию: «наш XIX век давно уже приобрёл скучную физиономию банкира»; «уже давно хочет народиться антихрист». Антихристом оказывается капитализм, эпоха вступает в апокалипсис. Такая романтическая критика капитализма существовала везде. Но в контексте творчества Гоголя отпор антихристу-капиталу оказывается национальной миссией Святой Руси. Из этого нового мифа выросла теория Ленина о первоначальной победе социализма именно в России.

В «Медном всаднике» Пушкина ожившая статуя Петра I всю ночь преследует возмутившегося против неё «маленького человека». В финале гоголевской «Шинели» призрак «маленького человека» преследует по ночам оскорбивших его генералов и тайных советников, карая их по древнему закону равномщения (jus talionis). Эта инверсия субъекта и объекта выражает предостережение сильным мирам сего: берегитесь, восстанут ограбленные вами и примутся грабить вас! У Маркса в «Капитале» предсказано: «Экспроприаторов экспроприируют». Ленин перевёл это на русский язык: «Грабь награбленное!» — лозунг 1917 года.

Г. А. Гуковский писал о безгеройности «Тараса Бульбы», т. е. о слиянности личности с народным коллективом, о вырастающей из этого элементарности характера. Всё ж одна личность в повести выведена — Андрий. Гоголь сам им любуется,

рисует красоту его чувства, но тут же и казнит, ибо «святой закон товарищества» исключает личность и любовь. В народной войне никто не имеет права на любовь, тем более к дочери враждебного племени. Так и в советской России брак с иностранкой приравняли к измене родине, людей казнили за такие браки: Сталин опирался на архаические стереотипы, возрождая доклассовый коллективизм и слиянность личности с народом. Родную дочь он обозвал шлюхой и гневно спросил: «Ты что, русского не могла найти?» (любимый человек С. И. Аллилуевой оказался евреем). Доклассовый коллективизм полностью этничен, отсюда (несмотря на лозунг пролетарского интернационализма) советское самосознание мессианской нации: «родина Советов», «надежда мирового пролетариата», «великая Русь».

Я не пытаюсь утверждать, что Гоголь был предтечей большевизма. Просто он гениально оформил мифы русского национализма, а они стали элементами большевистской мифологии. Н. А. Бердяев был во многом прав, говоря, что коммунизм есть русское явление, несмотря на его иностранные идейные истоки.

И тот же Бердяев: «Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима. Я давно считал революцию в России неизбежной и справедливой».

Сам Ленин — чисто русское явление, как бы ни копались русские фашисты в его дедушках и бабушках. Он свободно цитировал Библию и охотно употреблял русскую площадную брань. Ничего он не умел предвидеть, но точно схватывал наличную ситуацию момента, ибо отличался коротким и цепким, «злободневным» умом. Он был проникнут русскими мифами и сумел их синтезировать с европейским волюнтаризмом (линия Наполеона и Маркса).

Как известно, «красными Наполеонами» называли и Троцкого, и Фрунзе. Это пустяки, Ленин был масштабнее. Он всеми манипулировал, всех умел превращать в своё орудие: и культурнейшего меньшевика Г. В. Чичерина, и аморального, внешне блестящего А. В. Луначарского, и Троцкого, и Бухарина. Крупных и независимых людей Ленин либо изгонял, как А. А. Богданова и Ю. О. Мартова, либо ссылал в дипломатию, как Александру Коллонтай и Леонида Красина. С 1903 года в РСДРП многократно диагностировали «бонапартизм» Ленина.

Практически ленинизм есть слияние наполеонизма с русским мессианским мифом, но, конечно, не в версии Достоевского. Мессианизм есть вера в предизбранность к спасительной миссии одного народа или (у Маркса) одного класса. Ленин соединил то и другое, объявив Мессией именно русский пролетариат. В этом получил новую реализацию миф о русской исключительности.

Почему Ленин в 1907 г. похвалил слабый и сырой роман «Мать»? потому что Горький в нём подхватил главную тенденцию ленинского мифотворчества — модернизацию мифологической традиции. Что это за герой, угрожающий старому миру: «Победим мы, рабочие?» Во-первых, он обновитель мира, во-вторых жертва деспотизма. Кто такая Ниловна? Мать, которая является духовной дочерью своего же сына. Таковою раньше была Дева Мария. Ниловна — это русская «пролетарская Мадонна», а Павел — «русский Христос» с красным знаменем. Такова идиосемантика этого сюжета, грубо вульгаризирующего евангельское предание.

Поскольку всякий мессианизм по природе тяготеет к заострению, то после победы Октябрьской революции он приводит к монополии на истину и власть одной партии, одной руководящей группы в этой партии и, наконец, одного харизматического вождя. Ленин мифологизируется в облике «мирского спасителя человечества», на фоне восходящего солнца, как будто сияет лично он. Одновременно подчёркиваются его уютные, домашние черты, простецкая кепка, бородка, его добрая (иногда лукавая) улыбка и т. п. Из Ленина делают милого дедушку или доброго отца, потчующего крестьянских ходоков. Покушение 1918 года в народной фантазии стало причиной его ранней смерти: разошлась молва, будто пули Фанни Каплан были отравлены медленно действующим ядом; как яд дошёл до сердца, так он и умер. Так сформировался образ Ленина-мученика.

Кстати, в музее революции все могли видеть пальто Ленина, простреленное пулями Каплан и заштопанное Крупской. Бережливость и любовь к привычным вещам, так понятны простым, небогатым людям!

Борис Гройс, со ссылкой на Я. Тугендхольда, отмечает, что, стремясь после смерти Ленина запечатлеть вождя, все течения искусства добились одного — Ленин оказался важнее ленинизма, важнее своего дела, и «фокус внимания смещается с проекта на проектировщика»[79]. Конечно, Гройс — остроумный памфлетист, но жуткий верхогляд, не понимающий законов массового мышления и заменяющий анализ каламбурами. В том-то и дело, что марксизм никогда не был силён в России: народ предпочитал эсеров (до 1 млн. членов партии), а позже анархистов. Маяковский честно признал: «В коммунизм из книжки верят средне». Сергей Есенин воспевал батьку Махно. Овеянная славой Конармия шла в бой под красным знаменем и с пародийным «Интернационалом» на устах:

Никто не даст нам избавленья —
Ни туз, ни дама, ни валет.
Побьём мы гадов без сомненья,
Четыре сбоку, ваших нет!

Ленинский миф победил потому, что Ленин-отец поднялся над коммунизмом, заменил собою слишком кудрявого Маркса, отдалился от социалистической идеи. Ленин восстановил Российскую империю, и в момент его вторжения в Польшу (1920 г.) генерал Брусилов пошёл служить в Красную армию и призвал за собою русское офицерство. За этим последовало завоевание Будённым Туркестана и Блюхером — Дальнего Востока. Профессор Устрялов провозгласил «смену вех», и эмиграция была морально обезоружена: Ленин присвоил великодержавную идеологию. Он не разрушал империю, а вернул ей реальную силу. Он был принят Россией как «новый царь», т. е. национальный лидер. Ленин есть новый имперский миф, а Советский Союз — последняя, превращённая форма Российской империи.

[79] Гройс, Борис. Утопия и обмен. М., 1993. С. 63

Мужицкий царь, отец народа, мученик — всё это миф, а на деле он был самым выдающимся русским императором после Петра I. Лично я предпочёл бы Александра II, но Ленин был сильнее. Огромный успех его мифотворчества объясняется, во-первых, наглядным внешним торжеством русской революции, а во-вторых, колоссальным пропагандистским талантом самого Ленина, сумевшего увлечь Россию пафосом стабилизации. Ленин — это отец всей политической пропаганды XX века. Сила его в том, что до 1922 года он сам, по-видимому, наполовину верил в свою пропаганду.

Как характерны его декрет о монументальной пропаганде и высочайшая оценка киноискусства! Это советская Россия сделала кино новой Библией для неграмотных, и Сергеем Эйзенштейном восхищался сам доктор Геббельс, требуя от своих кинорежиссёров создания «немецкого» «Броненосца Потёмкина»!

Политическая пропаганда XX века есть самоутверждение идеологизированной системы господства тотальной дискредитации всякой иносистемности как (якобы) дикой неупорядоченности, бессистемности (в капитализме подчёркивается «анархия производства»). Тем самым пропаганда — это самовосхваление тоталитарной власти и мифологизированная клевета.

Принцип этой клеветы совпадает с античным мифотворчеством, как оно описано в «Логике мифа» Я. Э. Голосовкера. Прежние «боги-соперники» (эсеры, меньшевики, либералы) превращены советской пропагандой в чудовищ и бандитов. Блестящий оратор А. Ф. Керенский, в которого влюблялись все женщины, превращён в комического уродца, переодетого сестрой милосердия. Крестьянский атаман Н. И. Махно (орден Красного знамени №4) сделан вечно пьяным гулякой с гармошкой в руках. Есть даже титан Прометей, которого Ленин уважил: вождь анархистов П. Кропоткин, умерший в 1921 году. А тех «титанов», которые не спешили умирать, Ленин заточил в Тартар — Соловецкий лагерь особого назначения.

Как мифотворец, Ленин одержал грандиозную победу. Даже враги признавали его гениальным практическим политиком, но «гением зла». Бертрана Рассела оттолкнула жестокость Ленина, и всё же британский гуманист счёл необходимым печатно признать величие Ленина за введённый им НЭП (по сути дела, это была вынужденная уступка, вырванная у большевиков крестьянской Вандеей). Ленин был признан великим историческим деятелем. Ему всецело приписывалась заслуга победоносной революции — первой в истории победы социализма!

Но сам-то Ленин осознал своё поражение, крах идеала, и в одном из последних просветлений своей болезни продиктовал ужасающее признание:

«Конечно, мы провалились. Мы думали осуществить новое коммунистическое общество по щучьему велению. Между тем, это вопрос десятилетий и поколений. Чтобы партия не потеряла душу, веру и волю к борьбе, мы должны изображать перед ней возврат к меновой экономике... как некоторое временное отступление. Но для себя мы должны ясно видеть, что попытка не удалась, что так вдруг переменить психологию людей, навыки их вековой жизни нельзя. Можно попробовать загнать население в новый строй силой, но вопрос ещё, сохранили бы мы власть в этой всероссийской мясорубке» (запись М. И. Гляссер и Л. А. Фотиевой, 1923 год).

Что же, перед самим собой он был достаточно честен. Но, в сущности, каковы же размеры основанного им обмана!

Уже на краю могилы он осознал поражение мифологизированной политики, но счёл необходимым скрыть это поражение не только от страны, но и от родной своей партии. Цель обмана — «сохранить власть». Молодой И. Г. Эренбург в романе-памфлете «Хулио Хуренито» (1922) без обиняков назвал Ленина «Великим Инквизитором» Достоевского (в переизданиях глава «В гостях у Великого Инквизитора» была снята). Прямым инквизитором стал главный преемник Ленина.

Миф, который способствовал победе Ленина в гражданской войне, т. е. миф о мировой революции и рае на земле, довольно быстро обнаружил свою несостоятельность. Мировую революцию диадохи Ленина предали уже в 1923 году, когда решили с Гамбургского восстания начать пролетарскую революцию в Германии, а потом испугались и отменили уже начавшееся восстание. Так обнаружилась служебная роль мифа о мировой революции.

В дальнейшем миф ленинизма распался на мифоманию и пропаганду, т. е. на болезнь и шарлатанство. Советский народ жил в атмосфере хорошо организованного массового психоза, но миф уже имел имперски-официальный характер, т. е. был мифом без личной веры. В сущности, правящие разрешали не верить, но при условии, чтобы скептики притворялись верующими и выполняли обряды. Система поощряла лицемерие.

А главным советским обрядом стало жертвоприношение, прежде всего, жертвоприношение отцов; в соответствии с этим возник миф о Павлике Морозове, героическом доносителе на родного отца. Наградой за этот подвиг становится безграничная любовь Матери-Родины. Павлик Морозов — это кривобокая реализация Эдипова комплекса, убийство отца и брак с матерью.

Смертная казнь была укутана в царскую мантию: «высшая мера социальной защиты», каково звучит! Героизация казни и доносительства совмещалась с апологией предательства. Можете не октябрить своих детей, тайно любить романсы Вертинского, посещать рестораны и оперетту, даже носить галстук, но извольте продавать отца, мать, брата; извольте аплодировать расстрелам. Империя выше семьи. Миф вернее правды. Обряд важнее веры.

Горького умиляло, что заключённые в камере поют «Интернационал», а надзиратели им подпевают (рассказ «Карамора»). Этот великий мифоман смешон со своей мифологией советских тюрем и лагерей (см. его отчёт о поездке на Соловки). На самом деле именно тюрьма отвергала советское мифологическое сознание. Осмеивая миф о Ленине-отце, уголовники в издевательски-пародийном экстазе пели:

Отец мой Ленин, а мать Надежда Крупская,
Мой родный дедушка — Калинин Михаил...

Это reductio ad absurdum: если Ленин — отец, то Крупская — мать, а Калинин — дедушка (Бог-Отец). Это «Святое Семейство» с Саваофом Калининым наверху. Уголовники открыто издевались над мифом. Но вся страна считала их

выродками и паразитами, ибо ленинский миф ещё скреплял треснувший храм империи, а эти урки не верили мифу. В то же время по указке начальства они охотно убивали «фашистов», т. е. политзаключённых. Уголовники не верили ни во что, даже в Россию. А. И. Солженицын заявил, что уголовники были «не русские». Ибо то были люди без мифа, а народы и поныне мыслят мифологически. Жить без мифа страшно; поэтому и по сей день миллионы людей судорожно цепляются за советскую мифологию. Другой у них нет, а без мифа жить нельзя.

Деградировавшие гуманистические мифы: культ гения, национальный мессианизм, революционный хилиазм — в своём слиянии произвели на свет ублюдка, тоталитарную государственность. И вина за это лежит на целых народах.

Ибо мифы творятся массами, жажда гениальной тирании — болезнь наций, диктатуры порождаются невротизацией народов. А ведь какие умы предостерегали человечество от тирании, террора и вырождения! И всё напрасно. Народы продолжали жить в чаянии второго пришествия Наполеона. Настал злой час, Наполеоны появились вновь. И какими же они оказались гнусными!

Тем не менее, обожествление тиранов заменило религию миллионам людей. Сталин, имитируя Ивана Грозного, отменил НЭП и устроил «всероссийскую мясорубку», его представляли чем-то вроде бога. Речи Гитлера приводили немцев в состояние психотического восторга. Богом был Мао Цзедун, в Югославии — Тито, в Иране — аятолла Хомейни, в Корее — Ким Ир Сен. В Багдаде всё еще царствует фашист со сталинскими усами — Саддам Хусейн... Нет, нам, пережившим XX век, никак не поверить, что мифотворчества больше не существует. Напротив, стало ясно, что при всех качественных изменениях мифологический процесс никогда не прекращался.

Современное человечество в основном мыслит мифологически и во всех кризисах ищет суррогат Бога — «мирского спасителя». Мы живём в эру деградированных мифологий. Старые мифы великих религий утрачивают действенность, а тоска по мифам остаётся. Отсюда погоня за экзотическими мифологиями, от Кришны и дзэн-буддизма до Муна и «Марии Дэви Христос». После «смерти Бога» человечество ещё не научилось жить без мифов. По словам Ролана Барта, миф организует мир без противоречий, но и без глубины. А плоды политического мифотворчества в XX веке представляются ужасающими.

Значит ли это, что мы должны вернуться к мифам прошлого? Нет. Следует относиться к ним с уважением, как к памятникам культуры. Сегодняшнее мифотворчество большею частью пагубно, а попытка «гуманизировать миф», предпринятая Т. Манном, удалась только в литературе. Гуманистический религиозный синтез Н. Рериха удался не полностью. Можно надеяться на новые культурные синтезы, ведь прогресс интеграции культур идёт с нарастанием уже двести лет.

Возможно, человечеству XXI века придётся жить в условиях взаимодополнительности мифологического и научного сознания, и великой задачей Земли будет ограждение политики от вторжения волюнтаристских мифологий любого толка, религиозных или антирелигиозных. Новый Завет культуры — полная реализация прав личности на веру, творчество, информацию и анализ.

УКАЗАТЕЛИ

Указатель имен

д'Абано П. (1250—1316), итальянский врач, философ, астролог 137
Аввакум Петров (1620—1682), старообрядец, русский духовный писатель 224, 225
Августин Блаженный (Аврелий Августин, 354—430), епископ Гиппонский, богослов 105, 111-113, 128, 129, 162
«Исповедь» 112, 113
«О граде Божием» 112
Аверинцев С. С. (1937—2004), русский филолог 94
«Иудаистическая мифология» 94
Авель (Василий Васильев, 1757—1841), легендарный монах-предсказатель 227
Аверроэс (Ибн Рушд, Абу Валид Мухаммад ибн Ахмад ибн Рушд, 1126—1198), арабский философ 123, 130
Авиценна (Ибн Сина, Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина, 980—1037), арабский врач, философ 123, 142
Агриппа Неттесгеймский (Генрих Корнелиус, 1486—1535), немецкий врач, алхимик, философ 137
Аксаковы, русский дворянский род 228
Александр II (1818—1881), русский император 227, 243
Александр III (1845—1894), русский император 238
Александр VI (Родриго Борджиа, 1431—1503), папа римский с 1492 г. 147
Александр Македонский (Александр Великий, 356—323 до н. э.), македонский царь из династии Аргеадов 78-86, 88, 89, 92, 103, 167, 180
Александр Ярославич Невский (1221—1263), русский князь 128
Алексей Михайлович Романов (1629—1676), русский царь 224, 225
Аллен М. (Ален, 1885—1969), французский писатель, соавтор П. Сувестра 221
Цикл романов о Фантомасе 221
Алиев О., русский кинодокументалист, путешественник 31
Аллан Кардек см. Ривайль И. П.
Аллилуева С. И. (1926—2011), дочь. И. В. Сталина 241
Альба Ф. А. де Толедо (1507—1582), испанский государственный деятель 151
Альберт Великий (Св. Альберт, Альберт Кельнский, Альберт фон Больштедт, 1200—1280), немецкий богослов 129, 137, 154
Альтман М. С. (1896–1986), русский литературовед 69

Амазис II (Амасис, Хнумибра Яхмос II, ок. 570—526 до н. э.), египетский фараон 27
Амальрик (Арнольд Амальрик, Арно Амори, ум. в 1225), французский церковный деятель 127, 128
Анаксимандр Милетский (610—547/540 до н. э), древнегреческий философ 70
«О природе» 70
Анна Бретонская (1477—1514), французская королева 134
Анненков П. В. (1812—1887), русский литературный критик, мемуарист 201
Апеллес (370—306 до н. э.), древнегреческий художник 81
Аполлодор (Псевдо-Аполлодор), древнегреческий писатель 66
Апулей (род. в 124/125), древнеримский писатель 109
Арасту см. Аристотель
Аристид Смирнский (117—189), греческий ритор и софист 109
Аристипп (435—355 до н. э.), древнегреческий философ 92
Аристотель (384—322 до н. э.) 70, 76, 123, 129,194
Арним К. О. Л. фон (1779—1861), немецкий писатель-путешественник 155
Арсиноя II Филадельфия (III в. до н. э.), сестра и супруга Птолемея II Филадельфа 85
Артаксеркс III Ох (358—338 до н. э.), персидский царь 96
Артур (ок. V—VI вв.), легендарный король-вождь бриттов 116, 117
Архимед (287—212 до н. э.), древнегреческий математик и инженер 82, 181
Аттила (ум. в 453), вождь гуннов 115, 116, 219
Ауэрбах Э. (1892—1957), немецкий филолог 106
«Мимесис» 106
Афанасьев А. Н. (1826—1871), русский фольклорист, этнограф 49
«Древо жизни» 49
Ахемениды, царская династия в Персии 71, 72
Аэций (Флавий Аэций, ум. 454), полководец Западной Римской империи 116, 219
Байрон Дж. Г. Н. (1788—1824), английский поэт 140, 171, 187, 200, 209, 235
«Манфред» 140
Бакунин М. А. (1814—1876), русский анархист 205, 206, 239, 240
Бальзак О. де (1799—1850), французский писатель 172, 189, 208, 209, 231, 232
«Иисус во Фландрии» 232
«Поиски абсолюта» 208
«Полковник Шабер» 189
Бальмонт К. Д. (1867—1942), русский поэт 138
Бараг Л. Г. (1911—1994), русский фольклорист 117
Барклай де Толли М. Б. (1761—1818), русский полководец 224
Бар-Кохба («Сын Звезды», Шимон Бен Косиба, II век), вождь иудейского восстания против римлян 95, 98
Барт Р. (1915—1980) французский филолог, философ 209, 245
«Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По» 209
Башмет Ю. А. (род. в 1953), русский советский музыкант 142

Бауэр Б. (1809—1882), немецкий философ, теолог, историк 100, 200, 201
Бахофен И. Я. (1815—1887), швейцарский этнограф, антиковед 13, 19
«*Матриархат*» 13
Бахтин М. М. (1895—1975) русский философ, филолог 67, 144, 180, 232, 233
«*Проблемы поэтики Достоевского*» 232, 233
«*Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса*» 144
Беатриче (Беатриче Портинари, 1266/1267—1290), возлюбленная Данте 130, 131
Бекингем Дж. В. (1592—1628), английский государственный деятель 164
Белинский В. Г. (1811—1848), русский критик 204, 205, 227
Белл Д. (1919—2011), американский социолог, культуролог 75
«*Культурные противоречия капитализма*» 75
Белый А. (Бугаев Б. Н., 1880—1934), русский поэт, писатель, литературовед 211, 212
«*Начало века*» 211
Письмо Н. Петровской от 21 июля 1904 212
Бентам Дж. (1748—1832), английский философ 177
Беранже П. Ж. де (1780—1857), французский поэт 189
Бергсон А. (1859—1941), французский философ 212, 218, 219, 239
Бердяев Н. А. (1874—1948), русский философ 223, 241
Берне К. Л. (Иуда Лейб Барух, 1786—1837), немецкий публицист и писатель 200
Бертло М. (1827—1907), французский физик, химик 210
Береника II (III в. до н. э.), жена Птолемея III 85
Бестужев-Марлинский А.А. (1797—1837), русский писатель 189
Бетховен Л. ван (1770—1827), немецкий композитор 141, 172, 187, 188
«*Героическая симфония*» 187
Бёрнс Р. (1759—1796), шотландский поэт 177
Бизе Ж. (1838—1875), французский композитор 220
Блаватская Е. П. (1831—1891), русская оккультистка 171, 211
Блейк У. (1757—1827) английский поэт 177, 178
«*Пророческие книги*» 177
Блок А. (1880—1921), русский поэт 183, 219, 220
«*Двенадцать*» 183
«*Шаги командора*» 221
Блюхер В. К. (1890—1938), советский государственный и военный деятель 242
Богданов А. А. (1873—1928), советский философ, государственный деятель 241
Бодлер Ш. П. (1821—1867)., французский поэт 154, 209
Бойс Н. Э. М. (1920—2006), английский ученый-иранист 71
«*Зороастрийцы. Верования и обычаи*» 72
Бонифаций VIII (Бенедетто Каэтани, 1235—1303), папа римский с 1294 г. 129
Борджиа Ч. (Цезарь Борджиа, 1475—1507), итальянский политический деятель 147, 214
Бора Катарина фон (1499—1552), жена М. Лютера 150
Боттичелли С. (Алессандро ди Мариано ди Ванни Филипепи, 1445—1510), итальянский художник 147

Браччолини Дж. П. (Поджо Флорентийский, 1380—1459), итальянский писатель 145
Бродский И. А. (1940—1996), русский поэт 142
«Два часа в резервуаре» 142
Бруно Дж. (1548—1600), итальянский ученый, философ 161
Брусилов А. А. (1853—1926), русский, советский военачальник 242
Брут Марк Юний (85—42 до н. э.), древнеримский политик, убийца Цезаря 179, 184
Брэстед Дж. Г. (1865—1935), американский археолог, египтолог 54
Брюикс Ф. П. де (Брюэс, 1760—1798), французский адмирал 186
Бубер М. (1876—1965), немецкий философ 108, 109, 197
«Я и Ты» 197
Будда (Будда Шакьямуни, Сиддхартха Готама / Гаутама, 563—483 до н. э.) 98, 198, 212
Буденный С. М. (1883—1973), советский военачальник 242
Булгаков М. А. (1891—1940), русский писатель103, 141, 142
«Мастер и Маргарита» 141
Булгаков С. Н. (1871—1944), русский философ 204
Бультман Р. (1884—1976), немецкий теолог 103, 105
Бурбоны, французская королевская династия 185, 187, 188
Буркхардт Я. (1818—1897), швейцарский историк культуры 209, 210, 214
«Размышления о всемирной истории» 210
Буслаев Ф. И. (1818—1897), русский филолог, искусствовед 124
«Народная поэзия. Исторические очерки» 124
Бэкон Р. (1214—1292), английский философ, естествоиспытатель 137
Бэкон Ф. (1561—1626), английский философ, политический деятель 161, 165
Вавилов Н. И. (1887—1943), советский биолог 26
Вагнер Р. (1813—1883), немецкий композитор 154, 182, 215, 236
«Нибелунги» («Кольцо Нибелунгов») 236
«Парцифаль» 215
Валентиниан III (Флавий Плацид Валентиниан, 425—455), император Западной Римской империи 115
Вальдерзее А. фон (1832—1904), прусский военачальник 219
Вандервельде Э. (1866—1938), бельгийский социалист 219
Вальпургия (710-779/780), христианская святая 142
Варвара (ум. в 306), христианская великомученица 147
Варрон М. Т. (116—27 до н. э.), древнеримский энциклопедист 86
Вашингтон Дж. (1732—1799), первый президент США 172, 227
Вебер М. К. Э. (1864—1920), немецкий социолог, философ 153
«Протестантская этика и дух капитализма» 153
Вейтлинг В. (1808—1871), немецкий философ-утопист 200
Вельхаузен Ю. (1844—1918), немецкий историк-библеист 43
Вендей Я. (1805—1871), немецкий политик, журналист 200
Вергилий (Публий Вергилий Марон, 70—19 до н. э.), древнеримский поэт 130

Верн Ж. (1828—1905), французский писатель 155
«Пятьсот миллионов бегумы» 155
Веселовский А. Н. (1838—1906), русский историк литературы 36, 99
Вико Дж. (1668—1744), итальянский философ, историк 169, 170, 171
«Основания новой науки об общей природе наций» 169, 170
Вильгельм Оранский III (1650—1702), правитель Нидерландов, король Англии 163
Вильгельм II (1859—1941), германский император и король Пруссии 212, 218, 219
Виндельбанд В. (1848—1915), немецкий философ 113
Винкельман И. И. (1717—1768), немецкий историк и теоретик искусства 184
Витгенштейн Л. Й. И. (1889—1951), австрийский философ 83, 200
Витте С. Ю. (1849—1915), русский государственный деятель 238
Витт Ян де (1625—1672), голландский государственный деятель 163
Владимир I Святославич (Владимир Красное Солнышко, Владимир Святой, Владимир Креститель, 960—1015) 117
Вобан С. ле Претр де (1633—1707), французский маршал, государственный деятель, писатель 167
Волкогонов Д. А. (1928—1995), советский историк, политолог 240
Вольтер (Франсуа Мари Аруэ, 1694—1778), французский писатель 133, 164, 169, 171
«Магомет» 169
«О всеобщем мире» 169, 186
«Системы» 164
Вулли Ч. Л. (1880—1960), английский археолог 43
Вульпиус Христина (Иоганна Кристиана София Вульпиус, 1765—1816), супруга И. В. Гёте с 1806 г. 140
Вундт В. (1832—1920), немецкий психолог 211
Выготский Л. С. (1896—1936), советский психолог 156
Высоцкий В. С. (1938 — 1980), русский поэт 26
«Прощание с горами» 26
Гааз Ф. П. (1780—1853), московский врач, филантроп 227
Габсбурги, австрийская императорская династия 158
Гален (129/131—200/217), римский врач, философ 142
Ганнибал (247—183 до н. э.), карфагенский полководец 107
Гапон Г. (1870—1906), православный священник, русский политический деятель 238
Гароди Р. (1913—2012), французский философ, писатель, политик 220
«Марксизм XX века» 212
Гартман Э. фон (1842—1906), немецкий философ 212
«Философия бессознательного» 212
Гауф В. (1802—1827), немецкий писатель 154
Геббельс Й. (1897—1945), политический деятель фашистской Германии 75, 243
Гегезий Пейзитанатос («Адвокат смерти», Гегесий Киренский, 320—280 до н. э.), древнегреческий философ 88, 89
Гегель Г. В. Ф. (1770—1831), немецкий философ 99, 110, 156, 172, 173, 183, 187, 193—199, 201—204, 215, 219, 225, 239

«Об орбитах планет» 193
«Лекции по философии истории» 196
«Феноменология духа» 196
«Философия духа» («Лекции по философии духа») 194
Гей Дж. (1685—1732), английский поэт и драматург 176
«Опера нищих» 176
Гейне Г. И. Г. (1797—1856), немецкий поэт 154, 155, 174, 189, 190, 192, 199
«Два гренадёра» 189
«К истории религии и философии в Германии» 192
«Путевые картины» 190
Гельвеций К. А. (1715—1771), французский писатель и философ 169, 174
«О человеке, его умственных способностях и воспитании» 169, 174
Генрих IV (Генрих Наваррский, Генрих Бурбон, 1553—1610), король Франции 151, 158, 159
Генрих VIII Тюдор (1491—1547), король Англии 132
Георг II Ганноверский (Георг Август, 1683—1760), король Великобритании 176
Гераклит Эфесский (544—483), древнегреческий философ 215
Герберт Орийякский (Аврилакский, Сильвестр II, 946—1003), папа римский с 999 г. 118, 137
Гердер И. Г. (1844—1803), немецкий историк культуры 170, 182
Геродот Галикарнасский (484—425 до н. э.), древнегреческий историк 27, 40, 41, 56
«История» 40
Герон Александрийский (I в. до н. э.), греческий механик, математик 82, 83, 84
Герцен А. И. (1812—1870), русский писатель, общественный деятель 240
Гесиод (Гезиод, VIII—VII вв. до н. э.), древнегреческий поэт 50, 52, 59, 60, 89, 99, 130, 131, 180
Гёльдерлин И. Х. Ф. (1770—1843), немецкий поэт 183, 184
Гёте И.-В. фон (1749—1832), немецкий поэт, философ 35, 138-142, 145, 155, 164, 165, 171, 177, 183, 184, 197, 198, 209, 234
«Бог и баядера» 171
«Ученик чародея» 155
«Фауст» 138—140, 142, 165, 177, 183, 184, 199
«Страдания юного Вертера» 139, 177
«Ur-Faust» 138
Гиббон Э. (1737—1794), английский историк 86
«История упадка и разрушения Римской империи» 86
Гильберт Д. (1862—1943), немецкий математик 195
Гильфердинг Р. (1877—1941), австрийский социал-демократ 181
Гирс Н. К. (1820—1895), русский государственный деятель 224
Гитлер А. (1889—1945), фюрер фашистской Германии 75, 141, 164, 214, 216, 218, 221, 222, 227, 234, 245
Глабер Р. (985—1047), бургундский хронист 118
Глинские, боярский род в Московской Руси 223

Гляссер М. И. (1890—1951), личный секретарь В. И. Ленина 243
Гоббс Т. (1588—1679), английский философ 173
Гоген Э. А. П. (1848—1903), французский художник 145
Гоголь, Н. В. (1809—1852) 22, 59, 91, 145, 240, 241
«Вечер накануне Ивана Купала» 240
«Вий» 91
«Портрет» 240
«Старосветские помещики» 145
«Страшная месть» 22
«Тарас Бульба» 240
«Шинель» 240
Гойя Ф. (Франсиско Хосе де Гойя-и-Лусьентес, 1746—1828), испанский художник 209
Голдсмит О. (1730—1774), английский писатель 180, 195
«Векфильдский священник» 145, 177
Голенищев-Кутузов И. Н. (1904—1969), русский филолог, переводчик 130
Голосовкер Я. Э. (1890—1967), русский философ 61, 110, 202, 243
«Логика мифа» 61, 202, 243
«Логика античного мифа» 110
Гомер, древнегреческий поэт 52, 56, 57, 59, 60, 70, 75, 79, 99, 130, 131
«Гимн Деметре» 75
«Илиада» 59, 78
«Одиссея» 29, 47, 59
Гонория (Юста Грата Гонория, 417—после 452), сестра императора Западной Римской империи Валентиниана III 115, 116, 219
Гончаров И. А. (1812—1891), русский писатель 162
Горации, патрицианский род в Древнем Риме 166, 184
Горький М. (А. М. Пешков, 1868—1936), русский, советский писатель 241, 244
«Карамора» 244
«Мать» 241
Гофман Э. Т. А. (1776—1822), немецкий писатель 155
Григорий VII (Гильдебранд, Хильдебранд, 1020/1025—1085), папа римский с 1073 г. 121, 122, 137
Григорьев Апп. А. (1822—1864) русский поэт, литературный критик 104
«Нет, не рожден я биться лбом...» 104
Гримм, братья (Якоб, 1783—1863; Вильгельм, 1786—1859) 36
Гройс Б. Е. (род. в 1947), русский культуролог 241
«Утопия и обмен» 241
Гуковский Г. А. (1902—1950), советский литературовед 240
Гулыга А.В. (1921—1996), русский, советский философ 221
«Искусство в век науки» 221
Гумбольдт, Вильгельм фон (1767—1835), немецкий филолог, философ 13
Гус Я. (1369—1415), идеолог чешской Реформации 131, 132, 134, 150
Гуффе А. (1775—1845), французский поэт 186

«Новое Рождество» 186
Гэсо П.-Д. (1923—1997) французский африканист, путешественник, общественный деятель 33
«Священный лес» 33
Гюго В. М. (1802—1885), французский поэт, писатель 211, 228
«Отверженные» 231
Давид Ж. Л. (1748—1825), французский художник 186
«Наполеон на перевале Сен-Бернар» 186
Давыдов Д. (1784—1839), русский поэт 190, 227
«Современная песнь» 190, 227
Дакоста У. (Уриэль да Коста, 1585—1640), голландский философ 161
Дампир У. (1651—1715), английский мореплаватель 175
Данилов (XIX в.), поручик русской армии 143
Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт 129—131, 141, 144, 153, 183
«Божественная комедия» 129-131
Данэм Б. (1905—1995), американский философ, культуролог 133
«Герои и еретики» 133
Дарвин Ч. (1809—1882), английский биолог 208, 209, 211
«Происхождение видов» 208.
Дарий I (522—486), царь Персии 72
Дарий III (336—330), царь Персии 79, 167
Дева Мария (Мирьям, Мариам), земная мать Иисуса Христа 113, 114, 130, 133 136
Декарт Р. (1596—1650), французский философ 152, 158—162, 166
«Начала философии» 158
«Рассуждение о методе» 158
Деметрий I Полиоркет (336—283 до н. э.), македонский царь 82
Демокрит Абдерский (460—370 до н. э.), древнегреческий философ 74, 76
Дефо Д. (1660—1731), английский писатель 175, 176
«Робинзон Крузо» 175
Деффан М. дю (1697—1780), маркиза, корреспондентка Вольтера, 172
Джеймсон М. Г. 56
«Мифология древней Греции» 56
Джефферсон Т. (1743—1826), третий американский президент 178
Джорджоне (Джорджо Барбарелли да Кастельфранко, 1476/1477—1510), итальянский художник 147
«Спящая Венера» 147
Диккенс Ч. Д. Х. (1812—1870), английский писатель 231, 232
«Приключения Оливера Твиста» 231
Диоген Киник (Диоген Синопский, 412—323 до н. э.), древнегреческий философ 76
Диодор Сицилийский (90—30 гг. до н. э.), древнегреческий историк и мифограф 92
Дион Кассий (Луций Клавдий Кассий Дион Кокцеан, между 155 и 164 — 230-е гг.), римский историк 107
Джеймсон М. Г. (1924—1984), британский культуролог 56

«Мифология Древней Греции» 56
Джонсон Г. (1923—1977), британский антрополог 13
Дойель Л., английский этнограф XX века 47
Дорнзайф Ф. (1888—1960), немецкий антрополог 93
Достоевский Ф. М. (1821—1881), русский писатель 22, 90, 109, 141, 156, 172, 174, 214, 216, 228—238, 241, 244
«Бесы» 141, 233—235
«Братья Карамазовы» 141, 235, 236
«Двойник» 230
«Дневник писателя» 235
«Игрок» 90
«Идиот» 214, 232, 236
«Маленький герой» 230
«Подросток» 235
«Преступление и наказание» 231, 236
«Хозяйка» 22, 230
Дрейфус А. (1859—1935), французский капитан, жертва антисемитского оговора 222
Дубасов Ф. В. (1845—1912), русский адмирал 238
Дюбарри М. Ж. Б. (1746—1793), графиня, фаворитка Людовика XV 169
Дюбуа-Раймон Э. Г. (1818—1896), немецкий физиолог, философ 210
Дюма А. (сын, 1824—1895), французский писатель 231
«Дама с камелиями» 231
Дюркгейм, Э. (1858—1917), французский социолог, философ 24, 47, 64
«Правила социологического метода» 47
Евдокия Лопухина (1769—1731), первая жена императора Петра I 226
Евклид (Эвклид, III в. до н. э.), древнегреческий математик 82
«Начала» 82
Ермолов А. П. (1777—1861), русский генерал 238
Есенин С. А. (1895—1925), русский поэт 242
Жанна д'Арк (1412—1431), французская героиня Столетней войны, 132—134, 169
Желябов А. И. (1851—1881), русский террорист 238
Жильсон Э. (1884—1978), французский философ 110, 130
Жозефина Богарне (1763—1814), первая жена Наполеона I 190
Жорес Ж. (1859—1914), французский социалист 219
Жуанвиль Ф. (1818—1900), принц Орлеанский, сын короля Луи-Филиппа, адмирал 190
Зенон Китийский (ок. 334 — ок. 262 до н. э.), древнегреческий философ 162
Ибн-Синна см. Авиценна 142
Иван III (1440—1505), царь Московской Руси из династии Рюриковичей 223
Иван IV Грозный (1530—1584), царь Московской Руси из династии Рюриковичей 223, 224, 226, 245
Иванов А. А. (1806—1858), русский художник 235

«Явление Христа народу» 235
Иванов Вяч. В. (род. в 1929 г.) русский филолог 62
«Исследования в области славянских древностей» 62
Иванов Вяч. И. (1866—1949), русский философ 67, 68, 141, 218, 233
«Борозды и межи» 233
«Дионис и прадионисийство» 68
«Ницше и Дионис» 218
Игнатьев А. П. (1842—1906) русский государственный деятель 238
Идумейская династия (Иродиады), царская династия в Иудее под римским владычеством 101—104
Иехуда лива бен Бецалель (1512—1609), раввин, еврейский философ, ученый 154, 155
Иисус Христос (Иисус из Назарета, Йешуа Галилеянин, I в.), основатель христианства 68, 84, 88, 98, 100-114, 116, 122, 126, 127, 129-131, 135, 136, 138, 140, 148—150, 153, 162, 169, 182, 183, 191, 199, 201, 205, 206, 212, 214, 218, 230-233, 235-237, 241
Ильдико (V в.), последняя жена Аттилы 116
Иннокентий III (Лотарио Конти, граф Сеньи, граф Лаваньи, 1161—16 июля 1216), папа римский с 1216 г. 126
Иннокентий IV (Синибальдо Фиески, граф Лаваньи, 1195—1254), папа римский с 1243 г. 126
Иоанн Богослов (I в.), один из двенадцати апостолов, евангелист 107, 109, 135, 136
«Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис) 107, 135
Иоанн Дамаскин (675—753), христианский богослов, гимнограф 113
Иоанн Златоуст (347—407), архиепископ Константинопольский, богослов 104, 136
Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев; 1829—1908) 173
Иоанн Предтеча (Иоханаан Креститель, Иоанн Креститель, 6/2 до н. э. — ок. 30 г. н. э) 68, 101, 107
Иоахим Флорский (1132—1202), итальянский монах, основатель средневекового хилиазма 126, 128, 131, 223
Иосиф Флавий (Йосеф бен Матитьяху, 37—100), еврейский историк и военачальник 100, 103
«Иудейская война» 103
Ирод I Великий (73/74 гг. до н. э. — 4 до н. э.), основатель идумейской династии 98, 99, 102
Ирод Антипа (20 до н. э. — 39 н. э.), сын Ирода I Великого 101
Искандер Зу'л-карнайн (Искандер Двурогий) см. Александр Македонский 82
Ифлятун см. Платон 123
Иштван I Святой (Стефан, 970/975—1038), король Венгрии 117
Кавур К. Б. ди (1810—1861), итальянский государственный деятель 203
Казанова Дж. Дж. (1725—1798), итальянский авантюрист, путешественник, писатель 172

Казотт Ж. (1725—1792), французский писатель 183
Калинин М. И. (1875—1946), советский государственный деятель 244
Калиостро А. (Джузеппе Бальзамо, 1743—1795), граф 172
Каллисфен (360—328 до н. э.), древнегреческий историк 79
Кальвин Ж. (1509—1564), реформатор церкви, основатель кальвинизма 150, 151, 161
Каляев И. П. (1977—1905), русский террорист 238
Кант И. (1724—1804), немецкий философ 172, 182, 193, 198, 199
Каплан Ф. Е. (1890—1918), революционерка, исполнитель покушения на В. И. Ленина 242
Карамзин Н. М. (1766—1826), русский поэт, писатель, историк 124
«Письма русского путешественника» 124
Карл I (1600—1649), король Англии 164
Карл VII Победитель (1403—1461), король Франции 133
Карл Великий (около 742/747—814), король франков 117, 123, 186
Карлейль Т. (1795—1881) английский писатель, историк, философ 190, 209
«О героях и культе героев» («Герои, почитание героев и героическое в истории») 190
Карсавин Л. П. (1882—1952), русский историк, философ 118
Кассандр (355—297 до н. э.), царь Македонии 92
Кассирер Э. (1874—1945), немецкий философ, культуролог 16, 58, 59, 64, 71
«Философская антропология» 16
«Was ist der Mensch?» 59, 71
Каутский К. (1854—1938), немецкий экономист, историк 219
Кафка Ф. (1883—1924), немецкий писатель 95, 232
Квинси Т. де (1785—1859), английский писатель 232
Кейнс Дж. М. (1883—1946), английский экономист 181
Керенский А. Ф. (1881—1970), российский политический деятель 238, 239, 243
Киекбаев Д. Г. (1911—1968), башкирский филолог 17
Ким Ир Сен (1912—1994), основатель и руководитель Северной Кореи 245
Киплинг Дж. Р. (1865—1936), английский поэт, писатель 160, 173
Кир II Великий (VI в.), персидский царь 71, 98, 100
Клавдий Птолемей (ок. 100 — ок. 170), греческий астроном, астролог, математик 82
Клаузиус Р. Ю. Э. (1822—1888), немецкий физик, математик 210
Клейст Генрих фон (1777—1811), немецкий поэт, писатель 172
Клеопатра VII Великая (69—30 до н. э.), последняя царица Египта из династии Птолемеев 85
Клингер Ф. М. (1752—1831), немецкий поэт, писатель 139
«Жизнь Фауста, его деяния и низвержение в ад» 139
Кобург Ф. И. (1737—1815), австрийский государственный деятель, военачальник 179
Коллонтай А. М. (1872—1952), русская революционера, советский государственный деятель 241

Кольбер Ж.-Б. (1619—1683), глава правительства Людовика XIV 166
Кольридж С. Т. (1772—1834), английский поэт 171, 183
«Кубла Хан, или Видение во сне» 171
«Старый моряк» 183
Конде Л. Ж. де Бурбон (1736—1818), французский принц, организатор антинаполеоновского «корпуса Конде» 179
Кондорсе М. Ж. А. Н де Карита де (1743—1794), французский философ, математик 177
Конон (I в. до н. э.) древнегреческий писатель 18, 85
Конт О. (1798—1857), французский философ 181, 198, 208, 215, 234
Констан Б. (1767—1830), швейцарский философ, писатель 188
Константин I Великий (272—337), римский император 111
Конфуций (Кун Цзы, 551—479 до н. э.), древнекитайский философ 93
Коперник Н. (1473—1543), польский астроном, математик 137, 150, 158
Корнель П. (1606—1684), французский поэт, драматург 158
«Сид» 158
Корнилов Л.Г. (1870—1818), русский военачальник 239, 240
Кох П., немецкий культуролог 93
«Арийские основы Библии» 93
Кошут Л. (1802—1894), венгерский революционер 209
Крамской И. Н. (1837—1887), русский художник 235
Красин Л. Б. (1870—1926), революционер, советский государственный деятель 241
Крейнович Е. А. (1905—1985), русский, советский этнограф 34
«Нивхи» 34
Кромвель О. (1599—1658), вождь Английской революции 164, 165
Кропоткин П. А. (1842—1921), русский анархист, политик 243
Кроче Б. (1866—1952), итальянский философ 130, 206
Круглов Л., русский путешественник 31
Крукс В. (1832—1919), английский физик, медиумист 211
Крупская Н. К. (1869—1939), революционерка, супруга В. И. Ленина 242, 244
Крылов И. А. (1769—1844), русский поэт, баснописец 171
Ксанф (V в. до н. э.), древнегреческий историк 72
Ксеркс I (521/219—465 до н. э.), персидский царь 72, 79, 81
Кузен В. (1792—1867), французский философ 201
Кук Ф. (1856—1904), английская медиумистка 211
Куриации, альбанский род, враги Горациев 166
Кутузов М. И. (1745—1813), русский полководец 172, 193
Кьеркегор С. (1813—1855), датский философ 209
Лавальер Л.-Ф. де (1744—1810), фаворитка Людовика XIV 167
Лавуазье А. Л. (1743—1794), французский химик 175, 208
Лагиды см. Птолемеи
Лакан Ж. (1901—1981), французский философ, психоаналитик 17, 19
«Функция и поле речи и языка в психоанализе» 19

Ламарк Ж. Б. А. де Моне (1744—1829), французский естествоиспытатель 215
Лами М. (род. 1948), французский историк 132
«Жанна д`Арк. Подлинная история и рождение мифа» 132
Ланг Я., антропологXX века 26
«Основы и возникновение тотемизма» 26
Лаплас П. С. (1749—1827), французский математик, физик, астроном 208
Лассаль Ф. (1825—1864), немецкий философ, политический деятель 205, 206
Лаут Р. (род. в 1919) , немецкий литературовед 234
«Философия Достоевского» 234
Лафайет М. М. де (1634—1693) 171
«Принцесса де Клев» 171
Лебрен Ш. (1619—1690), французский художник 166
Лев I Великий (390—461), папа римский с 440 г. 116
Левек П. (1737—1812), французский историк 114
Леви-Стросс К. (1908—2009), французский антрополог, культуролог 21, 47
Лем С. (1921—2006), польский писатель, философ 19, 126, 127
«Абсолютная пустота» 19
«Провокация» 126
Леман А. (1859—1913), русский писатель 212
Лемуан Ф. (1688—1737), французский художник 166
«Юпитер и Ио» 166
Ленау Н. (1802—1850), австрийский писатель 200
«Фауст» 200
Ленин (Ульянов) В. И. (1870—1924), 84, 204, 220, 239-245
Ленэн Л. (1593—1648), французский художник 167
Ленц Я. М. Р. (1751—1792), немецкий писатель 139
«Фауст в аду» 139
Леонид Спартанский (V в. до н. э.), царь Спарты из рода Агидов 60, 179, 184
Леонтьев К. Н. (1831—1891), русский философ, писатель 231
«Наши новые христиане Ф. М. Достоевский и Л. Н. Толстой» 231
Леопарди Дж. (1798—1837), итальянский поэт, мыслитель 209
Леофрик (XI век), английский ярл, муж леди Годивы 119
Лермонтов М. Ю. (1814—1841), русский поэт 189, 190, 226
«Герой нашего времени» 226
Лессепс Ф. де (1805—1894), руководитель строительства Суэцкого канала 181
Лессинг Г. Э. (1729—1781), немецкий писатель, мыслитель 138, 164, 177
«Эмилия Галотте» 177
Лёзов С. В. (род. в 1954 г.), русский историк, лингвист 105
Либкнехт К. (1871—1919), немецкий революционер 202
Ливермор Дж. Л. (1877—1940), американский банкир 210
Лившиц М. (1905—1983), советский философ, литературовед 50
«Критические заметки к современной теории мифа» 50
Лидзбарски М. (1868—1928), польский ученый-семитолог 44

Лики Л. (1903—1972) английский археолог, антрополог 13
Лилло Дж. (1693—1739), английский драматург 176
«Лондонский купец» 176
Линднер О. (1820—1867), немецкий художественный критик, философ 210
Лисимах (361—281 до н. э.), греческий полководец, диадох Александра Великого 81
Лихачев Д. С. (1906—1999), русский филолог 223
Лондон Дж. (1876—1916), американский писатель 219, 239
«Любовь к жизни» 239
Лонэ Б. Р. де (1740—1789), комендант Бастилии 179
Лосев А. Ф. (1893—1988), русский философ 29, 145, 146, 151, 160
«Диалектика мифа» 160
«Эстетика Возрождения» 145
Лоусон Д. К. (1874 —?), английский фольклорист, культуролог 115
Лу Саломе (Лу фон Саломе, Лу Андреас-Саломе, Луиза Густавовна Саломе, 1861—1937), немецко-русская писательница 216
Лузиньяны, феодальный род в средневековой Европе 134
Луи-Филипп I (1773—1850), король Франции 190
Луиза А. В. А. (1776—1810), королева Пруссии 192
Лука (ум. 82/84), один из семидесяти апостолов, евангелист 109
Евангелие от Луки 131
Лукач Д. (1885—1971), венгерский философ, литературовед 232
Лукиан из Самосаты (ок. 120 — после 180 гг. н. э.), древнегреческий философ 154, 155
Лукреций (Тит Лукреций Кар, ок. 99 до н. э. — 55 до н. э.), древнеримский философ 49, 76, 77, 110
Лукулл (Луций Лициний Лукулл, 118—56 до н. э.), римский полководец, политик 86
Луначарский А. В. (1875—1933), русский революционер, советский государственный деятель, литературовед 218
Лэм Ч. (1775—1834), английский поэт 140
Любавский А. Д., русский юрист, историк, издатель XIX века 143
«Русские уголовные процессы» 143
Людовик IX Святой (1226—1270), король Франции 128
Людовик XIV де Бурбон (1638—1715), король Франции 163, 166-168, 174
Людовик XVI де Бурбон (1754—1793), король Франции 185
Людовик XVIII (1755—1824), король Франции 185
Лютер М. (1483—1543), немецкий религиозный реформатор 137, 149—153
«Девяносто пять тезисов. Диспут о прояснении ценности индульгенций» 149
«Застольные речи Лютера» 150
Мазарини Дж. (1602—1661), кардинал, первый министр Франции 158, 166
Маймонид М. (Моше бен Маймон, Рамбам, 1135/1138—1204), еврейский философ, богослов 99

Майринк Г. (1868—1932), австрийский писатель 232
Маккавеи, вожди и сторонники иудейского восстания против Рима в 167—160 гг. до н. э. 98
Маккиавелли Н. (1469—1527), итальянский философ 75
Максим Х. С. (1840—1916) американский инженер, изобретатель пулемета Максим 208
Мальбранш Н. (1638—1715), французский философ 159
Мамин-Сибиряк Д. Н. (1852—1912), русский писатель15
«Охонины брови» 15
Мандельштам О. Э. (1891—1931), русский поэт 220
«Барсучья нора» 220
Манн Т. (1875—1955), немецкий писатель 141, 245
«Доктор Фаустус» 141
Маннхардт В. (1831—1880), немецкий фольклорист, мифограф 35
Мао Цзедун (1893—1976), китайский государственный деятель, создатель маоизма 234, 245
Марат Ж. П. (1743—1793), французский революционер 182
Марион (англ. фолькл.), подруга Робина Гуда 119
Мария Дэви Христос (М. В. Цвигун, р. в 1960 г.), основатель секты «Великое Белое Братство Юсмалос» 245
Мария Египетская (ум. в 522 год), христианская святая 114, 231
Мария Магдалина (I в.), одна из святых жен-мироносиц 114, 148, 150
Мария-Луиза Австрийская (1791—1847), вторая супруга Наполеона I 186
Марк (ум. в 68), один из семидесяти апостолов, евангелист 109
Марк Антоний (83 дон. э. — 30до н. э.), древнеримский политик, полководец 85
Марко Поло (1254—1324), итальянский купец, путешественник 124, 125
«Книга Марко Поло» 124
Маркс Г. (1777—1838), отец К. Маркса 199
Маркс К. (1818—1883), немецкий философ, политический деятель 96, 152, 156, 181, 193, 197, 199-207, 213, 219, 228, 239-242
«Капитал» 203, 240
«К еврейскому вопросу» 200
«Манифест коммунистической партии» 201, 202, 206
«Тезисы о Фейербахе» 199
«Размышления юноши при выборе профессии» 200
Марло К. (1564—1593), английский драматург 138, 145
«Трагическая история доктора Фауста» 138
«Тамбурлен Великий» 145
Мармон О. Ф. (1774—1852), маршал, пэр Франции 228
Мароция (Марозия, 880/892—937/954), итальянская куртизанка, политик 118
Марриэт Ф. (1892—1848), английский писатель 154
Мартов Ю. О. (1873—1923), русский революционер, меньшевик 241
Матильда де Куртене (1194—1229), маркграфиня Намюра 121

Матфей (10—80), один из двенадцати апостолов, евангелист 205
Евангелие от Матфея 205
Махно Н. И. (1888—1934), военный и политический деятель Гражданской войны 242, 243
Маяковский В. В. (1893—1933), русский поэт 218
«Товарищу Нетте, человеку и пароходу» 218
Медичи, дворянско-олигархическое итальянское семейство XIII — XVIII вв. 147
Мелетинский Е. М. (1918—2005), русский филолог, культуролог 13, 16, 20, 21, 48, 49, 65, 171
«Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов» 171
«О литературных архетипах» 65
«Поэтика мифа» 13, 16, 20, 48
Менделеев Д. И. (1834—1907), русский химик 208, 211
Ментенон Ф. д`Обинье де (1635—1719), маркиза, морганатическая жена Людовика XIV 167
Мень А. В. (1935—1990), протоиерей Русской православной церкви, богослов, проповедник 96
Меншиков А. С. (1787—1869), русский военачальник, командующий сухопутными силами во время Крымской войны 228
Мережковский Д. С. (1866—1941), русский писатель, поэт, философ 68
Мериме П. (1803—1870), французский писатель 220
Месмер Ф. А. (1734—1815), австрийский врач, создатель учения о «животном магнетизме» 172
Мессалина (Валерия Мессалина, ок. 17/20—48) римская императрица 114
Местр Ж. де (1753—1821), французский писатель, философ, дипломат 200
Микеланджело Б. (1475—1564), итальянский скульптор, художник, поэт 148
Мильтон Дж. (1608—1674), английский поэт, политический деятель 165, 178
«Потерянный рай» 165
«Возвращенный рай» 165
Мирандола Дж. П. делла (1463—1494) итальянский философ 145
«Речь о достоинстве человека» 145
Михаил Федорович Романов (1596—1645), первый русский царь из династии Романовых 224
Мобуту Ж. Д. (1930—1997), диктатор Конго234
Молотов В. М. (1890—1986), советский государственный деятель 239
Мольер (Жан Батист Поклен, 1622—1673), французский драматург 167, 169
Монтень М. де (1533—1592), французский философ 151, 152, 156, 159
«Опыты» 151, 152
Монтеспан Ф. А. де Рошешуар де (1640—1707), фаворитка Людовика XIV 168
Мопассан Г. де (1850—1893), французский писатель 213
Мор Т. (1478—1535), английский мыслитель, писатель 148, 152, 180
«Утопия» 148

Моррис Дж. М. (1911—1993), американский врач 132
Мосс М. (1872—1952) антрополог 46
«Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах» 46
Моцарт В. А. 172
«Волшебная флейта» 172
Мун Сон Мён (1920—2012), основатель секты «Церковь объединения» 245
Мунье Э. (1905—1950), французский философ 195
«Персонализм» 195
Мур Т. (1779—1952), английский поэт 171
Муссолини Б. (1883—1945), фашистский диктатор Италии 218, 220, 234
«Философия силы» 218
Мухаммед (Магомет, Мохаммед, 571—632), основатель ислама 98, 122, 230
Мэтьюрин Ч. Р. (1782—1824), английский писатель 183
«Мельмот — Скиталец» 183
Мюллер Ф. (1749—1825), немецкий поэт, художник 139
«Жизнь и смерть доктора Фауста» 139
Мюллер И. П. (1801—1858), немецкий естествоиспытатель 17
Мюссе А. де (1810—1957) 190
Навуходоносор II (630—562 до н. э.), царь Нововавилонского царства 97
Наполеон I Бонапарт (1769—1821), император Франции 84, 139, 181, 185-193, 195, 196, 199, 203, 208, 214, 226, 227, 228, 232, 240, 241, 245
«Маска пророка» 185
«О любви» 185
«Ужин в Бокере» 185
Наполеон III (Шарль Луи Наполеон Бонапарт, 1808—1873), первый президент Французской республики, император Франции 203, 227, 228
Нарди Б. (1884—1968), итальянский философ 130
Некрасов Н. А. (1821—1878), русский поэт 235
Нерон (Нерон Клавдий Цезарь Август Германик, 37—68), римский император 86, 106, 107, 114
Нессельроде К. В. (1780—1862), российский государственный деятель 224
Нибур Б. Г. (1776—1831), немецкий историк 209
Николай I Павлович (1796—1855), русский император 190, 203, 226-228
Николай II Александрович (1868—1918), русский император 197
Никон (1605—1681), Патриарх Московский и всея Руси 224, 225
Ницше Ф. (1844—1900), немецкий философ 68, 108, 141, 152, 160, 170, 193, 209, 214-220, 239
«Антихристианин» 214
«Веселая наука» 215
«Казус Вагнера» 215
«Рождение трагедии из духа музыки» 68
«Сумерки богов. Как философствуют молотом» 218

«Так говорил Заратустра» 216, 217, 218
Ньютон И. (1643—1727), английский физик, математик 165, 180
О'Брайен Дж. М., американский историк 81
Окладников А. П. (1908—1981), советский археолог, историк, антрополог 34
«Проблемы генезиса религиозного сознания в свете современных открытий археологической науки» 34
Октавиан Август (63—14 до н. э) 85, 86, 111, 114
Олимпиада (375—316 до н. э.), царица Македонии, мать Александра Великая 79, 80, 81, 83
Олкотт Г. С. (1832—1907) 211
Ольга (890—969), княгиня Киевская, мать Святослава 223
Онесикрит (360—290 до н. э.), древнегреческий философ 81
Ориген (185—254), христианский богослов, философ 110, 113,
Орлов В. В. (род. в 1936) 142
«Альтист Данилов» 142
Оройт (ум. в 521 до н. э), персидский сатрап 27
Ортега-и-Гассет Х. (1883—1955), испанский философ, социолог 206
Оссиан (III в.), легендарный кельтский бард 177
Павел (5/10—64/67), «апостол язычников», богослов 108, 109, 111, 235, 244
Послание к Колоссянам 109
Второе послание к Коринфянам 108
Второе послание к Фессалоникийцам 108
Послание к Римлянам 108
Послание Ефесянам 108
Павел I Петрович (1854—1801), русский император 172
Павлик Морозов (Морозов, П. Т., 1918—1932), советский школьник, символ борьбы с кулачеством 244
Пальмерстон Г. Дж. Т. (1784—1865) 203
Парацельс (Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхайм, 1493—1541), немецкий врач, алхимик 137
Паскаль Б. (1623—1662), французский философ 105, 152, 163, 164, 172
Пастернак Б. Л. (1890—1960), русский поэт, писатель 217
Пейн Т. (1737—1809), англо-американский писатель, философ, публицист 178, 199
«Здравый смысл» 178
Периандр (ум. в 587), древнегреческий тиран в Коринфе 40
Перовская С. Л. (1853—1881), русская террористка 238
Перро, Ш. (1628—1703), французский поэт, писатель 40
«Спящая красавица» 40
Петровская Н. И. (1879—1928), русская поэтесса 212
Пётр (ум. ок. 67), один из двенадцати апостолов Христа 104, 116, 118, 136, 205
Пётр I Великий (Пётр Алексеевич Романова, 1672—1725), русский император 226, 234, 240, 243
Пиацци Дж. (1746—1826), итальянский астроном 194

Пий XI (Аброджио Дамиано Акилле Ратти, 1857—1939), папа римский с 1922 г. 68
Пиндар (522/518—448/438 до н. э.), древнегреческий поэт 79
Писистрат (ок. 602 — 527 до н. э.), древнегреческий государственный деятель 67
Питт У. мл. (1759—1806), английский государственный деятель 177, 179
Пифагор (570—490 до н. э.), древнегреческий философ, математик, мистик 70, 71, 92
Платон (428/427—348/347 до н. э.), древнегреческий философ 14, 72—76, 89, 112, 113, 123, 130, 159, 194, 198
«Горгий» 73
«Государство» 74, 75
«Законы» 72, 75
«Критий» 74
«Тимей» 74
«Федон» 72, 73
Плеханов Г. В. (1856—1918), русский марксист 203, 239
Плиний Младший (Гай Плиний Цецилий Секунд, 61—113) 90
Плутарх (ок. 45 — ок. 127) 74, 80, 110, 156, 215
«Сравнительные жизнеописания» 79
По Э. (1809—1849), американский писатель 209
«Разговор с мумией» 209
«Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» 209
Победоносцев К. П. (1827—1907), российский государственный деятель 235
Поликрат (ум. в 522), древнегреческий тиран острова Самос 27
Померанц Г. С. (1918—2013), русский, советский писатель и философ 108, 109
«Перекличка героев Достоевского с Бубером» 109
Помпей (Гней Помпей Магн, 106—48 до н. э.) 98
Понтий Пилат (ум. в 36), римский префект Иудеи 103, 104, 111, 131
Поппер К. (1902—1994), австрийский и британский философ, социолог 204
Потебня А. А. (1835—1891), русский филолог, философ 29
«Миф и язык» 29
Потье Э. (1816—1887), французский революционер 242
«Интернационал» 242, 244
Пропп В. Я. (1895—1970), русский, советский филолог, фольклорист 38, 42
«Исторические корни волшебной сказки» 42
Прудон П. Ж. (1809—1865), французский философ 46
Птолемеи, царский род эллинистического Египта 84
Птолемей I Сотер («Спаситель», ок. 360—283/282 до н. э.), царь Египта, основатель династии Птолемеев 84, 88
Птолемей II Филадельф («Братолюбивый», 309/308—246/245 до н. э.), царь Египта 84
Птолемей III Эвергет («Благодетель», ок. 280 — ок. 220), царь Египта 85
Птолемей Кераунос («Молния», ум. в 279 г. до н. э.), царь Македонии 84
Пугачёв Е. (1742—1775), предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг. 226

Пуссен Н. (1594—1665), французский художник 158
Пушкин А. С. (1799—1837), русский поэт 90, 156, 172, 174, 189, 226, 240
«Евгений Онегин» 174, 175, 226
«Медный всадник» 240
«Наполеон» 189
«Пиковая дама» 226
Пфейфер Дж. Е., американский антрополог XX века 34, 35
«Культурный взрыв» 35
Рабле Ф. (1494—1553), французский писатель 144, 146, 148, 156
«Гаргантюа и Пантагрюэль» 148
Радклиф А. (1764—1823) 172
Разин Ст. Т. (Стенька Разин, ок. 1630—1671) 225
Расин Ж. Б. (1639—1699), французский драматург 184
«Баязет» 184
Раскольников Ф. Ф. (1892—1939), советский государственный деятель 239
Рассел Б. А. У. (1872—1970), английский философ 216, 243
Рафаэль С. (1483—1520), итальянский художник, архитектор 147
«Сикстинская Мадонна» 147
Рембрандт Х. ван Р. (1606—1669), голландский художник 161, 163
Реми (Святой Ремигий Реймсский, Святой Реми; ок. 437 — 533), епископ Реймсский 116
Ренан Ж. Э. (1823—1892), французский писатель, историк 12, 135
Репнин М. П. (ум. 1565), князь, боярин при дворе Ивана IV 224
Рерих Н. К. (1874—1947), русский художник, философ, писатель 245
Рёнтген В. К. (1845—1923), немецкий физик 208
Ривайль И. Л. (Аллан Кардек, 1804—1869), французский оккультист, спиритист 211
«Евангелие в свете спиритизма» 211
«Книга духов» 211
«Книга медиумов» 211
Ричард I Львиное Сердце (1157—1199), английский король 91, 122, 131
Ричардсон С. (1689—1761), английский писатель 176, 177
«Кларисса Гарлоу» («Кларисса, или История юной леди») 176, 177
Ришельё А. Ж. дю Плесси (кардинал Ришельё, «Красный герцог», 1585—1642), кардинал, французский государственный деятель 158, 166
Риэго Р. (Рафаэль дель Риего-и-Нуньес, 1784—1823), испанский генерал, политик 172
Робеспьер М. де (1758—1794), французский революционер 175, 179, 180, 186, 204
Робеспьер О. де (Робеспьер-младший, 1763—1794), французский революционер 185
Роган Ф. М. де (1738—1813), архиепископ Бордо и Камбре 186
Розенберг А. (1893—1946), идеолог нацизма 234
Роланд (VIII в.), легендарный военачальник Карла Великого 117
Роман Мелод (Роман Сладкопевец, V—VI вв.), христианский святой, византийский гимнограф 121

Романов С. А. (1857—1905), великий князь, московский генерал-губернатор 238
Рузвельт Ф. Д. (1882—1945), сорок второй президент США 181
Руссо Ж. Ж. 139, 173—175, 177—180, 184, 230
«Исповедь» 173, 174
«Новая Элоиза» («Юлия, или Новая Элоиза») 174
Рустичано из Пизы (Рустикелло Пизанский, XIII в.), соавтор Марко Поло 124
Рюссель Х. В., немецкий писатель 73
«Gestalt eines christlichen Humanismus» 73
Рютбеф (XIII в.), французский трувер 136
Савонарола Дж. (1452—1498), итальянский религиозный деятель 147
Саладин (Салах ад-Дин, Аль-Малик ан-Насир Салах ад-Дунийа ва-д-Дин *Абуль-Музаффар Юсуф ибн Айюб* (1138—1193), султан Египта и Сирии 122, 130
Салтыков-Щедрин М. Е. (Николай Щедрин, 1826—1889), русский писатель 173, 235
Санд Ж. (А. А. Л. Дюпен, 1804—1876) 85, 201, 231
Сансон Ш. А. де Лонваль (1739—1806), потомственный французский палач 179
Саргон Великий (XXIV—XXIII вв. до н. э.), аккадский царь 28
Сведенборг Э. (1688—1772), шведский мистик, теософ 171, 172
Светоний (Гай Светоний Транквилл, ок. 70 — после 122), древнеримский писатель, историк 107, 114
Свифт Дж. (1667—1745), английский писатель 14
«Гулливер у лилипутов» 14
Севинье М. де Рабютен-Шанталь, баронесса де Севинье (1626—1696), французская писательница 166
Селин Л. Ф. (1894—1961), французский писатель 222
«Путешествие на край ночи» 222
Селкирк А. (1676—1721), английский моряк, прототип Робинзона Крузо 175
Сен-Жермен (ум. 1784), французский алхимик, оккультист 172
Сен-Жюст Л. А. (1767—1794), французский революционер 179, 204
Сен-Симон А. К. де (1760—1825), французский философ 180, 181, 208
«Новое христианство» 181
«Письма женевского обывателя к своим современникам» 180
Сервантес М. де (1547—1616), испанский писатель 158, 183
Сервет М. (1511—1553), испанский философ, естествоиспытатель 150
Сервий Туллий (578—535 г. до н. э.), царь Древнего Рима 90
Сильвестр II см. Герберт Орийякский
Сикст II (ум. в 258), папа римский с 257 г. 147
Симон Зилот (I в.), один из двенадцати апостолов 107
Скобелев М. Д. (1843—1882), русский полководец 238, 240
Скотт В. (1771—1832), английский писатель 190
Скуратов Малюта (Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, ум. в 1573), опричник, приближенный Ивана Грозного 224
Сократ (ок. 469 — 399 до н. э.), древнегреческий философ 72, 74, 75, 92, 169, 214

Солженицын А. И. (1918—2008), русский писатель 245
Соловьёв В. С. (1853—1900), русский философ, поэт 75, 204, 212, 215, 219, 238
«*Жизненная драма Платона*» 75
«*Три разговора*» 204
Солон (640/635 — ок. 559 до н. э.), древнегреческий законодатель, философ 60, 74
Сорель Ж. (1847—1922), французский философ, публицист 219
Софья Палеолог (Зоя Палеологиня, ок. 1455—1503), вторая супруга Ивана III 223
Спалатин Г. (1484—1545), деятель немецкой реформации 150
Спенсер Г. (1820—1903), английский философ, социолог 213
Сперанский М. М. (1772—1839), российский государственный деятель 224
Спилберг С. А. (род. в 1946), американский кинорежиссер 28
«*Челюсти*» 28
Спиноза Б. (1632—1677), голландский философ 100, 159, 161—164
«*Богословско-политический трактат*» 162, 163
«*Этика*» 161
«*Opera posthuma*» 163
Сталин И. В. (И. В. Джугашвили, 1878—1953), революционер, советский политический деятель, диктатор 186, 195, 224, 227, 234, 241, 245
Стасикрат (IV в. до н. э.), древнегреческий архитектор 81
Стендаль (М.-А. Бейль, 1783—1842), французский писатель 190, 209, 214
Стерн Л. (1713—1768), английский писатель 177
«*Тристрам Шенди*» 177
«*Сентиментальное путешествие*» 177
Стефан, король венгерский см. Иштван I Святой
Стокер Б. (1847—1912), ирландский писатель 221
«*Дракула*» 221
Столыпин П. А. (1862—1911), русский государственный деятель 238
Страдивари А. (1644—1737), мастер струнных инструментов 168
Стюарты, шотландская, английская королевская династия 164, 165, 175
Сувестр П. (1874—1914), французский писатель, соавтор М. Аллена 221
Цикл романов о Фантомасе 221
Суворин А. С. (1834—1912), русский издатель, журналист 140
Суворов А. В. (1730—1800), русский полководец 43, 180, 243
Сю Э. (1804—1857), французский писатель 232
Сюжер (Сюгерий, 1081—1151), аббат Сен-Дени, советник королей Людовика VI и Людовика VII 131
Талейран Перигор Ш. М. де (1754—1838) 179
Тацит (Публий Корнелий Тацит, ок. 50 — 120), древнеримский историк 99, 107
«*Жизнеописание Юлия Агриколы*» 99
Теодора (Феодора Старшая, ум. 928), сенатрисса, любовница папы римского Иоанна X 118
Теофраст (Феофраст, 370—288/285 до н. э.), древнегреческий философ, естествоиспытатель 41

Тертуллиан (Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан, 155/165—220/240), раннехристианский богослов 109, 110, 131
Тигеллин (Гай Софоний Тигеллин, 10—69), советник Нерона 114
Тито И. Б. (1892—1980), лидер Югославии 245
Тициан (Тициан Вечеллио, 1488/1490—1576), итальянский художник 147, 148
«Кающаяся Мария Магдалина» 148
Тойнби А. Дж. (1889—1975), английский историк, культуролог 54
Токугава Иэясу (Минамото Токугава но-Иэясу, 1543—1616), сёгун Японии, основатель династии Токугава 161
Толстой Л. Н. (1828—1910), русский писатель 148, 175, 228, 231
«Война и мир» 228
Томсон У. (лорд Кельвин, 1824—1907), английский физик 210
Топоров В. Н. (1928—2005), русский, советский филолог 62
«Исследования в области славянских древностей» 62
Трепов Ф. Ф. (1812—1889), русский государственный деятель, градоначальник Санкт-Петербурга 238
Трёльч Э. (1865—1923), немецкий теолог, культуролог 198
«Историзм и его проблемы» 198
Троцкий Л. Д. (Л. Д. Бронштейн, 1879—1940), русский революционер, советский политик 241
Трубецкой Е. Н. (1863—1920), русский философ 215
«Философия Ницше» 215
Трубецкой Н. С. (1890—1938), русский лингвист, философ 64
Трубецкой С. Н. (1862—1905), русский философ 238
Тугендхольд Я. А. (1882—1928), русский советский искусствовед 242
Турпин (Тильпин, VIII в.), архиепископ Реймса 117
Тучков А. (начало XX в.), русский купец 238
Тюдоры, английская королевская династия 152
Тютчев Ф. И. (1802—1873), русский поэт 228, 235
«Не богу ты служил и не России...» 228
«Пророчество» 228
«Умом Россию не понять...» 228
«Эти бедные селенья...» 228, 235
Уайтхед Р. (1823—1905), английский инженер 208
Узенер Г. К. (1834—1905), немецкий филолог, религиовед 17, 58-59
Уилберфорс С. (1806—1873), епископ Оксфордский 208
Ульянов В. И. см. В. И. Ленин
Уоддингтон К. Х. (1905—1975), английский биолог 87
Уолпол Г. (1717—1797), английский писатель 172
«Замок Отранто» 172, 177
Урбан IV (Жак Панталеон Кур-Пале, 1195/1200—1264), папа римский 1261 г. 120
Устрялов Н. В. (1890—1937), русский философ, публицист 242
Уэллс Г. Дж. (1866—1946), английский писатель, публицист 155

«Остров доктора Моро» 155
Фалес Милетский (640/624 — 548/545 до н. э.), древнегреческий философ 70
Фальконе Э. М. (1716—1791), французский скульптор 78
Памятник Петру I («Медный всадник») 78
Фангер Д., американский литературовед XX века 230
Фауст И. Г. (ум. не ранее 1540), немецкий алхимик, астролог 137
Федоров И. (XIX в.), русский солдат 142, 143
Фейербах Л. А. (1804—1872), немецкий философ 199, 205
Феодор Атеист (Феодор Киренский, ок. 340 — ок. 250 до н. э.) 92
Феодосий II (401—450), византийский император 115
Ферстер-Ницше Э. (1846—1935), сестра Ф. Ницше 218
Фидий (ок. 490 — ок. 430), древнегреческий скульптор, архитектор 83, 99
Филдинг Г. (1707—1754), английский писатель 177
Филипп II (382—336 до н. э.), царь Македонии из династии Аргеадов, отец Александра Великого 79, 80, 184
Филипп II Август (Филипп Кривой, 1165—1223) 122
Филипп II (Федор Степанович Колычёв, 1507—1569), митрополит Московский и Всея Руси 224
Филон Александрийский (Филон Еврей, ок. 25 до н. э. — ок. 50 н. э.), греко-иудейский философ 92, 100, 109
Филофей (1465—1542), монах, древнерусский писатель 223
Фирдоуси (Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси, 935—1020), персидский поэт 82
«Шахнамэ» 82
Фихте И. Г. (1762—1814), немецкий философ 182, 191—193, 197
«Замкнутое торговое государство» 192
«Речь о немецкой нации» 192
Фичино М. (1433—1499), итальянский философ, астролог 14, 145
«Герметический корпус» 145
Флавии, императорская династия в Древнем Риме 86
Флобер Г. (1821—1880), французский писатель 95, 231
«Воспитание чувств» 95
«Госпожа Бовари» 231
Флоренский П. А. (1882—1937), русский философ 133
«Столп и основание истины» 133
Флоровский Г. В. (1893—1979), русский философ, богослов 213
«Пути русского богословия» 213
Фокс, сестры (Кейт, 1837—1892; Лия, 1814—1890; Маргарет, 1833—1893), американские медиумистки 210, 211
Фома Аквинский (Аквинат, 1225—1274), средневековый богослов 129, 130, 133, 154, 162
Фотиева Л. А. (1881—1975), личный секретарь В. И. Ленина 243
Фрай Н. (1912—1991), канадский филолог 105

Франклин Б. (1706—1790), американский политический деятель 178
Франциск Ассизский (1182—1226), католический святой, основатель ордена францисканцев 127, 128, 131, 133, 168, 236
Фрейд Зигмунд (1856—1939), австрийский психиатр, психолог 21, 39, 95, 190, 235
«Достоевский и отцеубийство» 235
Фрейденберг О. М. (1890—1955), советский литературовед, культуролог 38, 88
«Миф и литература древности» 38
Фридрих II (Фридрих Штауфен, 1194—1250), император Священной Римской империи 128, 169, 172
Фридрих I Барбаросса (1122—1190), король Германии, император Священной Римской империи 117, 122, 131, 148, 189, 234
Фролов Б. П. (1939—2005), российский историк 17
Фроловский Г. В. (1893—1979), русский философ, священник 213
Фромм, Э. (1900—1980), немецкий философ, социолог 40
Фрэзер Дж. (1854—1941), английский антрополог, религиовед 35, 38, 44
Фурье Ш. (1772—1837), французский философ 181, 231
«Теория четырех движений и всеобщих судеб» 181
Фуше Ж. (1759—1820), французский государственный деятель) 188
Хаксли Т. Г. (Гексли, 1825—1895), английский зоолог 208
Харун ар-Рашид (Гарун аль-Рашид, Харун Справедливый, 766—809), арабский халиф 123
Хильдебранд из Клюни см. Григорий VII
Хильдерик I (457/458—481/482), король франков из династии Меровингов 187
Хирам Тирский (Хирам I Великий, (969—936 до н. э.) 172
Хлодвиг I (ок. 466—511), король франков из династии Меровингов 116
Хомейни (Рухолла Мусави Хомейни, 1902—1989), аятолла Ирана 147, 245
Хомяков А. С. (1804—1860), русский философ, поэт 227, 228
«России» 227, 228
Христина (1626—1689), королева шведская 158
Хросвита Гандерсгеймская (938—973), немецкая средневековая поэтесса, драматург 136
Хусейн С. (1979—2003), диктатор Ирака 245
Цветаева М. И. (1892—1941), русская поэтесса 238
«И кто-то, упав на карту...» 238
Цезарь Гай Юлий (100—44 до н. э.), римский император 85, 86, 89, 234
Чаадаев П. Я. (1794—1856), русский философ, публицист 204
Чапек К. (1890—1938), чешский писатель 155
«R.U.R» 155
Чернышевский Н. Г. (1828—1889), русский писатель, литературный критик 228, 238
Чехов А. П. (1860—1904), русский писатель, драматург 140, 164
Письмо А. Суворину от 4 мая 1889 года 140

Чингизиды, династия ханов Золотой Орды 124
Чичерин Г. В. (1872—1936), советский государственный деятель 241
Шатобриан Ф. Р. де (1768—1848), французский писатель, философ 209
Швейцер А. (1875—1965), немецкий философ 106
Шекспир У. (1564—1616), английский драматург 90, 146, 151, 155, 156, 158, 165, 175, 176, 183
«*Отелло*» 156
«*Гамлет*» 90, 156
«*Венецианский купец*» 124, 156
«*Буря*» 175, 176
Шелли М. У. (1797—1851), английская писательница 155, 209
«*Франкенштейн, или Новый Прометей*» 155, 209
Шелли П.-Б. (1792—1822), английский поэт 200
«*Королева Маб*» 200
Шеллинг Ф. В. Й. фон (1775—1854), немецкий философ 164, 182, 183
«*Философия искусства*» 182, 183
«*О мифах, исторических сказаниях и философемах древнего Рима*» 182
Шенье А. (1762—1794), французский поэт 175
Шестов Л. И. (1866—1938), русский философ 216
Шеффер К. Ф. А. (1898—1982), французский археолог 54
Шиллер И. К. Ф. фон (1759—1805), немецкий поэт, писатель, философ 177, 182—184
«*Наступление нового века*» 184
«*Орлеанская дева*» 184
«*Разбойники*» 177, 182, 184
Шимон Бар-Кохба см. Бар Кохба
Шмидт П. П. (1867—1906), русский революционный деятель 238
Шопен Ф Ф. (1810—1849), польский композитор 85
Шопенгауэр А. (1788—1860), немецкий философ 171, 198, 199, 209, 210, 213, 214
«*Воля к природе*» 210
«*Мир как воля и представление*» 198
«*О духах и телах, с ними связанных*» 211
«*Парерги и паралипомены*» 209
Шпет Г. Г. (1879—1937), русский философ 140, 141, 168
Шпис И. (1540—1623), немецкий издатель 137, 138
Штауфен Ф. см. Фридрих II
Штраус Д. (1808—1874), немецкий историк, философ 105
«*Жизнь Иисуса*» 105
Эванс А. Дж. (1851—1941), английский археолог 52
Эвгемер (ок. 340 — ок. 260), древнегреческий философ 92, 93, 98
«*Священная запись*» 92
Эзоп (ок. 600 до н. э.), легендарный древнегреческий баснописец 72, 216
«*Лиса и виноград*» 216

Эйзенштейн С. М. (1898—1948), советский кинорежиссер 243
«Броненосец Потёмкин» 243
Эйнштейн А. (1879—1955), немецкий физик 222
Элазар бен Иехуда (бен Калонимус; ок. 1165 — ок. 1230), еврейский ученый, поэт 154
Элиаде М. (1907—1986), румынский религиовед, культуролог 28, 43, 96, 206
«Мифы, сновидения, мистерии» 206
Эмерсон Р. У. (1803—1882), американский эссеист, поэт, философ170
Эмпедокл из Акраганта (ок. 490— ок. 430 до н. э.), древнегреческий философ 215
Энгельс Ф. (1820—1895), немецкий философ 190, 201-207, 213, 239
«Манифест коммунистической партии» 201, 206
Энгр Ж. О. Д. (1780—1867), французский художник 186
«Апофеоз Наполеона» 186
Эпикур (342/341—271/270 до н. э.), древнегреческий философ 49, 76, 77, 92, 110
Эразм Роттердамский (1469—1536), немецкий философ 145
Эратосфен Киренский (276—194 до н. э.), древнегреческий энциклопедист 81
Эренбург И. Г. (1891—1967), русский писатель 222, 244
«Хулио Хуренито» 244
Эсхил (525—456 до н. э.), древнегреческий драматург 99, 204
«Прометей Прикованный» 204
Эхнатон (Аменхотеп IV, 1375—1336 до н. э.), египетский фараон, религиозный реформатор 95
Юлии, императорская династия Др. Рима 223
Юлий Цезарь см. Цезарь Гай Юлий
Юнг К. Г. (1875—1961), швейцарский психиатр, философ 42
Юнг Э. (1683—1765), английский поэт176
«Жалобы, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» 176
Ясперс К. Т. (1883—1969), немецкий философ 88
Bultmann R. K. (1884—1976), немецкий философ, теолог 109
«Die Geschichte der synoptischen Tradition» 109
Freidefonde Chr., французский историк, антиковед 84
Frye N. (1912—1991), канадский филолог 105
«Anatomy of Criticizm» 105
Goethe I. W. (см. Гёте И. В.)
Leveque P. (1737—1812), французский историк 114
Lloyd J. A. T., английский литературный критик, литературовед 230
Owen D. D. R. (1922—2003), английский культуролог 51
«The evolution of the Grail legend» 51
Sinnige Jh. G., немецкий историк философии 110

Указатель мифологических и фольклорных имен

Аарон (библ.) 44, 94, 95
Авалон (кельт.) 117
Авгий (др.-греч.) 43
Авель (библ.) 15, 94
Авраам (библ.) 34, 45, 231
Агамемнон (др.-греч.) 60
Агасфер (христ. апокриф.) 153, 202
Адам (библ.) 43, 44, 45, 110, 114, 135, 154
Адмет (др.-греч.) 38
Адонис (др.-греч.) 67
Аждака (тюрк.) 42
Ажи-Дахака (зороастр.) 42
Аид (др.-греч.) 38, 39, 50, 70, 71
Алкестида (др.-греч.) 38, 51
Алтея (др.-греч.) 89
Аман (библ.) 96
Амон (др.-егип.) 47, 79, 80, 82, 93
Амур (др.-рим.) 147
Анадиомена («Выходящая из воды», эпиклеса Афродиты, др.-греч.) 56
Ананке (др.-греч.) 89, 90
Антихрист (христ.) 135, 206, 219, 226, 240
Анхра-Манью (Ангро-Манью, Ахриман, зороастр.) 71
Ану (хетто-хурр.) 54, 57
Апис (др.-егип.) 53, 54
Апокалипсис (христ.) 118, 126
Аполлон (др.-греч.) 26, 42, 51, 55, 68—71, 78, 106, 120, 121, 167, 174
Апраксея (Опраксея, русск. фольк.) 229
Арес (др.-греч.) 59
Ариадна (др.-греч.) 57, 124
Артемида (др.-греч.) 54, 58, 121
Астарта (финик.) 54, 56
Астерион (др.-греч.) 56, 57
Атлант (др.-греч.) 74
Атон (др.-егип.) 95
Афина (др.-греч.) 54-56, 58, 59, 61, 66, 89
Афродита (др.-греч.) 56, 59, 61, 66, 89, 114
Ахи Будхнья (др.-инд.) 42
Ахилл (др.-греч.) 32, 61, 79, 80, 184

Ахура-Мазда (зороастр.) 71, 98
Аэндорская колдунья (библ.) 33
Аю-Кулак (тюрк.) 32
Берит (Завет, иуд.) 65
Беовульф (англосакс.) 32, 62
Бог (библ.) 96, 98, 100, 101, 104, 105, 108—112, 118, 119, 123, 125, 128, 129, 132, 133, 135—137, 139, 140, 142, 143, 145, 149, 150, 152, 155, 159—167, 172, 173, 175, 177—181, 183, 186, 188, 191, 192, 196, 199, 200, 203, 205, 208, 213, 215, 217, 225, 228, 230, 233—235, 244, 245
Богиня-Мать (общемиф.) 53, 56, 114
Богоматерь (христ.), см. Дева Мария 148, 180, 186
Богородица (христ.), см. Дева Мария 114, 133, 149
Бог-Отец (христ.) 109
Богочеловек (общемиф.) 114
Бравронния («Медведица», эпиклеса Артемиды, др.-греч.) 58
Бумбе (афр.) 48
Варуна (др.-инд.) 55
Великая Мать (общемиф.) 43,
Венера (др.-рим.) 23, 119, 121, 147
Веста (др.-рим.) 33
Вечный Жид (см. Агасфер) 153, 154
Вождь-избавитель (общемиф.) 188
Волх Всеславьич (русск. фольк.) 43, 61
Ворон (сев.-амер. инд.) 36
Второисайя (библ.) 98
Вулкан (др.-рим.) 136
Гавейн (кельт.) 115
Ганеша (др.-инд.) 65
Ганимед (др.-греч.) 60
Гаруда (др.-инд.) 42
Геката (др.-греч.) 61
Гектор (др.-греч.) 39
Гелиос (др.-греч.) 115, 121
Георгий Победоносец (христ.) 42, 119,
Гера (др.-греч.) 40, 43, 54, 59, 61, 80
Геракл (др.-греч.) 38, 43, 51, 57, 60, 61, 62, 90, 93
Гермес (др.-греч.) 50, 54, 60, 70, 91
Гефест (др.-греч.) 59, 136, 154
Гея (др.-греч.) 55, 66, 69
Гиацинт (др.-греч.) 60
Гигес (Гиг, др.-греч.) 74
Гильгамеш (аккад.) 15, 57, 62, 88, 93, 95
Гляйхен фон, граф (нем. фольк.) 124

Годива, Годгифу (англосакс.) 119
Голем (чешск.) 154, 155
Голконда (библ.) 171
Гор (др.-егип.) 40, 113
Гора Меру (др.-инд.) 26
Грааль (христ. апокриф.) 51, 116
Громовержец (общемиф.) 62
Давид (библ.) 54, 97, 101, 104
Дагон (семит.) 102
Данот (библ.) 93
Дебора (библ.) 33
Дева-Мать (общемиф.) 130, 133, 241
Девкалион и Пирра (др.-греч.) 14
Дедал (др.-греч.) 57, 58, 59, 78
Декалог (Десять заповедей; библ.) 94
Деметра (др.-греч.) 56, 58, 67, 115
Демиург (др.-греч.) 60, 194
Деркето (финик.) 56
Дионис (др.-греч.) 30, 32, 51, 60, 67, 68, 69, 71, 217, 218
Добрый дикарь (общеевр.) 144, 145
Дон Жуан, Дон Хуан (общеевр.) 154, 171, 216, 220
Думмузи (шумеро-аккад.) 38, 67
Дьяус (индоевр.) 55
Ева (библ.) 43, 44, 45, 114, 135
Европа (др.-греч.) 53, 56, 57
Ёрмунганд (др.-сканд.) 41
Загрей (Дионис—Загрей, др.-греч.) 69
Звёздный бык (др.-греч.) 58, 59
Зевс (др.-греч.) 43, 50, 51, 53—62, 66, 69, 72, 78-80, 84, 89, 92, 94, 216
Зерван (зороастр.) 71
Зигфрид (герм.) 42, 62, 116, 216
Змей (общемиф.) 43, 62
Золушка (фольк.) 25
Зороастр (зороастр.) 71, 98
Зострианос (гност.) 91
Иаков (библ.) 94
Иван-Царевич (русск. фольк.) 234
Иевфай (библ.) 34
Иезекия (библ.) 44
Иеремия (библ.) 98
Избавитель (гност.) 91
Илия (библ.) 104, 115
Илья Муромец (русск. фольк.) 117

Имир (сканд.) 14
Инанна (шумеро-аккад.) 38
Ио (др.-греч.) 58, 166
Иов (библ.) 95, 135, 140, 203, 231
Иосиф Египетский (библ.) 84, 190
Иосиф Аримафейский (христ. апокриф.) 116
Иосиф Обручник (христ.) 101—102, 113
Исав (библ.) 94
Иса ибн Мариам (исл.) 98
Исайя (библ.) 95, 101
Исида (др.-егип.) 22, 40, 43, 67, 85, 113
Исаак (библ.) 34
Исайя (библ.) 45
Исида (др.-егип.) 53, 57
Иуда Искариот (христ.) 120, 121, 233
Ифигения (др.-греч.) 34
Иштар (шум.-аккад.) 97
Каин (библ.) 16, 94, 154, 235
Калидонская охота (др.-греч.) 89
Кана Галилейская (христ.) 104, 236
Капитолийская волчица (др.-рим.) 78
Карачун (русск., фольк.) 38
Кащей (русск. фольк.) 38
Кетцалькоатль (ацтек.) 42
Кекропс Аутохтонос (др.-греч.) 61
Китеж (русск. фольк.) 223
Клото (др.-греч.) 89
Койот (сев.-амер. инд.) 36, 48
Кримхильда (др.-герм.) 116
Кришна (др.-инд.) 65, 245
Кронос (др.-греч.) 54, 55, 69, 70, 73, 92
Крысолов из Хаммельна (нем. фольк.) 120, 121
Ксениос («Гостеприимец», эпиклеса Зевса, др.-греч.) 59
Кумарби (хетто-хурр.) 54
Кумари (Кумари Деви, индуист.) 66
Кутх (ительмен.) 48
Лазарь (христ.) 231, 232
Лаодамия (др.-греч.) 39
Латона (др.-греч.) 121
Лахесис (др.-греч.) 89
Левий (библ.) 44
Левиафан (библ.) 36, 45, 139
Леда (др.-греч.) 58

Лернейская гидра (др.-греч.) 68
Летучий Голландец (голл. фольк.) 154
Ликомед (др.-греч.) 32
Лиэй («Освободитель», эпиклеса Диониса, др.-греч.) 51, 71
Логос (христ.) 109
Локи (др.-сканд.) 49
Лысый Паршивец (тюрк.) 33
Мадонна (христ.) см. Дева Мария 147, 241
Майтрейя (Будда Грядущего, будд.) 71
Малка Машиах (иуд.) 99
Маной (библ.) 93
Мать-Земля (общемиф.) 85
Мауи (полинез.) 48
Медвежье Ухо (русск. фольк.) 32
Медея (др.-греч.) 154
Медный Змий (библ.) 94
Медуза Горгона (др.-греч.) 68
Мелеагр (др.-греч.) 89
Мелисса (др.-греч.) 40
Мелькарт (финик.) 93
Мелюзина (Мелизанда, Мелюзайн, кельт.) 134
Мерлин (кельт.) 116
Мессия (иуд.) 101, 104, 105
Мефистофель (нем. фольк.) 138
Минос (др.-греч.) 53, 56, 57, 58
Минос-Минотавр (др.-греч.) 58
Минотавр (др.-греч.) 54, 56, 57, 172
Митра (митраист.) 110
Михаил, архангел (христ.). 165
Моисей (библ.) 28, 33, 44, 59, 94, 95, 97-99, 101, 163, 178
Мойра (др.-греч.) 89
Моргана (кельт.) 116
Мордехай (библ.) 97
Нагльфар (др.-сканд.) 154
Немврод (библ.) 115
Нехуштан (библ.) 94
Ниоба (др.-греч.) 121
Норка (сев.-амер. инд.) 36
Один (др.-сканд.) 14, 49
Одиссей (др.-греч.) 29, 62
Океанос (др.-греч.) 70
Олоферн (библ.) 97
Орфей (др.-греч.) 68, 69, 92

Осирис (др.-егип.) 16, 22, 40, 47, 62, 67
Остров Блаженных (др.-греч.) 73
Пан (др.-греч.) 109, 162
Парис (др.-греч.) 166
Пасифая (др.-греч.) 57
Пенфей (др.-греч.) 68
Первопредок, Первочеловек, Родоначальник (общемиф.) 24, 32, 44, 48, 70
Персей (др.-греч.) 28, 62, 68, 119,
Персефона-Деметра (др.-греч.) 69
Плутон (др.-рим.) 51, 136, 138
Полифем (др.-греч.) 29
Посейдон (др.-греч.) 47, 54, 55, 57—59
Праматерь, Первая мать, Великая Мать, Богиня-Мать (общемиф.) 23, 24, 25, 26, 47, 56, 58, 66
Приснодева (христ.) см. Дева Мария
Провидение (христ.) 112, 128
Прокруст (др.-греч.) 194
Прометей, титан (др.-греч.) 14, 32, 48, 50, 51, 62, 155, 204, 206, 243
Протей (др.-греч.) 47
Протесилай (др.-греч.) 39
Пуруша, первочеловек (др.-инд.) 14
Рагнарёк (др.-сканд.) 101, 116
Рапунцель (нем. фольк.) 29
Рея (др.-греч.) 55
Робин Гуд (англ. фольк.) 119
Ромул и Рем (др.-рим.) 16
Румпельштильцкин (нем. фольк.) 30
Руфь (библ.) 95
Рыцарь Лебедя (нем. фольк.) 116
Садко (русск. фольк.) 62
Самсон (библ.) 93, 94, 179
Саошйант (зороастр.) 71
Сатана (христ.) 44, 45, 135—139, 141, 143, 147, 165, 206, 213, 231, 233
Сафаоф (библ.) 186, 244
Сварог (др.-слав.) 32
Святое семейство (христ.) 112
Святой дух (христ.) 112
Сем (гност.) 91
Семела (др.-греч.) 69
Серапис (элл.) 78
Сет (др.-египт.) 16, 91
Сигурд (др.-герм.) 37, 39
Симон Маг (Волхв, христ.) 136

Синдбад Мореход (араб.) 39
Сминтей («Мышиный», эпиклеса Аполлона, др.-греч.) 120
Снежная королева (фольк.) 16
Солнце, богиня (хетто-хурр.) 54
Соломон (библ.) 44, 58, 140, 172
Сотер («Спаситель, эпиклеса Зевса) 60
София, Премудрость Божия (христ.) 212
Спаситель (христ., гност.) 101, 105
Страшный Суд (христ.) 101, 203
Судьи Израилевы (библ.) 93
Сын Божий (христ.) 98, 103, 109, 112
Тал (др.-греч.) 154
Тангейзер (нем.-фольк.) 120
Тесей (др.-греч.) 56, 57, 61, 120, 124
Тешуб (хетто-хурр.) 54, 55, 57
Тихе (др.-греч.) 89, 90
Том (англ. фольк.) 119
Том-Тит-Тот (нем. фольк.) 30
Трапеза Пелемняевич (русск. фольк.) 30
Трикстер (общемиф.) 49, 50
Тримурти (др.-инд.) 17
Тристан (кельт.) 120
Троица (христ.) 109, 112, 126, 150, 223
Урал-Батыр (башк.) 15
Уран (др.-греч.) 54, 55, 69
Урия Хеттеянин (библ.) 54
Уроборос (гност.) 41
Учитель праведности (апокриф.) 103
Факес (др.-греч.) 69
Фауст (нем. фольк.; общеевр. миф.) 137, 138, 141, 144, 145, 153, 154, 159, 204, 233
Феб (др.-греч.) 167
Феникс (др.-греч.) 67, 226
Феофил, диакон (визант.) 136
Фортуна (др.-рим.) 90
Фрашо-Керети (зороастр.) 71
Хам (библ.) 115
Хаос (др.-греч.) 49, 69
Харон, Харос (др.-греч.) 115
Хольда (др.-герм.) 120, 121
Хорс (др.-слав.) 13
Хронос (Кронос, др.-греч.) 69, 70
Царь-Основатель (общемиф.) 84
Церера (др.-рим.) 194

Шамбала (будд.) 71
Шимшон (Самсон, библ.) 93
Шуламит (Суламифь, библ.) 140
Эвридика (др.-греч.) 38
Эдем (библ.) 43, 44
Эдип (др.-греч.) 28, 66, 121, 233, 235, 236, 244
Экклезиаст (библ.) 96—96
Элиас (Илия, библ.) 115
Элиас фон Рюсен (Илья Муромец, нем. фольк.) 117
Энкиду (аккад.) 15
Эпиметей (др.-греч.) 50
Эргана («Работница», эпиклеса Афины, др.-греч.) 58, 59
Эрос (др.-греч.) 69, 74
Эстер (иуд.) 97
Эсфирь (библ.) 97
Этцель (Аттила, нем. фольк.) 116
Эфир (др.-греч.) 69
Эхидна (др.-греч.) 42
Юдифь (библ.) 97
Яхве (библ.) 27, 30, 44, 45, 65, 68, 96, 98, 101
le Bon Sauvage см. Добрый Дикарь.
Prager Golem см. Голем

Указатель реальных и вымышленных географических названий

Аахен, город в Германии 117
Австралия, материк в Южном полушарии 22, 24, 202
Адиаре, предместье Мадраса в Индии 211
Адриатическое море, часть Средиземного моря 128
Азия, материк 52, 53, 86, 100, 106, 107, 124
Аквилея, город в Древнем Риме 116
Ак-Купрук, палеолитическая стоянка 23
Александрия Египетская, столица эллинистического Египта 84, 99
Америка, материк в Западном полушарии 144, 151, 175, 177, 178, 179, 202, 210
Амстердам, город в Голландии 161, 163

Амьен, город во Франции 185, 240
Англия, государство в Европе, у Назирова также синоним Британских островов 91, 119, 133, 148, 152, 156, 164, 166, 175—178, 188—190, 202, 211
Антиохия, город в Древней Сирии 100
Арабский халифат, средневековое государство арабов 82
Аравия, Арабский полуостров 54, 92
Аранда, племя австралийских аборигенов 46
Аргос, город в Греции 57
Арколь, город в Италии 187
Аскалон, город в древней Финикии 55
Ассизи, город в Италии 128
Ассирия, государство Древнего Двуречья 96
Атлантида, вымышленный остров в Атлантическом океане 74, 92
Аттика, ареал античной греческой культуры 59, 61, 71, 74, 120
Афины, город в Греции 76, 78, 225
Афон, Афонский полуостров 81, 82
Африка, материк 13, 24, 81
Багдад, столица Ирака 244
Балканы, Балканский полуостров 55, 59, 227
Бастилия, крепость в Париже 177, 179, 196
Безье, город во Франции 127
Белице, местность в Польше 142
Белоруссия, государство в Европе 41
Берингия, перешеек, соединявший Чукотку и Аляску 36
Берлин, город в Германии 192, 205, 232
Беотия, область в Греции 56
Ближний Восток, Передняя (Малая Азия) 53, 54, 56, 67, 78—80, 82, 93, 99, 100, 106, 122, 123, 128, 206
Болгария, государство в Восточной Европе 238
Бордо, город во Франции 151
Борнео (Калимантан), центральный остров Малайского архипелага 32
Брест-Литовск (ныне Брест), город в Белоруссии 240
Бретань, область Франции 134
Британия, Британские острова 116, 117, 177
Брухейон, восточная часть Александрии 84
Вавилон, столица ряда государств Древнего Двуречья 66, 71, 81, 97, 231
Вандея, департамент во Франции, место вандейского мятежа 243
Варенн, город во французской Лотарингии 179
Вартбург, замок в Германии 150
Ватерлоо, деревня под Брюсселем, место битвы 188, 226
Ватикан, территория Святого Престола, резиденция папы римского 68
Везер, река в Германии 119
Везувий, вулкан в Италии 212

Веймарское герцогство, герцогство Саксен-Веймар, одно из германских государств в Новое время 140
Вена, столица Австрии 232
Венгрия, государство в Европе 117, 128, 203
Венеция, город в Италии 27, 124, 232
Версаль, дворцовый комплекс Людовика XIV, пригород Парижа 166—168, 185
Византия, Византийская империя, Восточная Римская империя 115, 121, 123, 134, 223
Виттенберг, город в Германии 149
Вифлеем, город в Палестине 104, 227
Волга, река в России 224
Волосы Береники, созвездие 85
Волхов, река в России 146
Восток, у Р. Г. Назирова синоним Азии 124, 171, 184, 198, 206
Гаага, город в Голландии 163
Гайдсвилл, город в штате Нью-Йорк (США) 210
Галилейское море, Генисаретское озеро в Палестине 102
Галилея, местность в Палестине 102, 158
Галлия, позднеантичное и средневековое название территории нынешней Франции 116
Гамбург, город в Германии 240, 244
Гвинея, государство в Африке 33
Генуя, город в Италии 167
Геркулесовы столбы, античное название Гибралтара 74
Германия, государство в Европе 117, 122, 124, 139, 141, 142, 151, 152, 154, 156, 164, 177, 182, 192, 193, 195, 203, 205, 214, 222, 225, 244
Голландия (Нидерланды), государство в Европе 151, 152, 158, 161, 163, 164
Голгофа, гора в окрестностях Иерусалима 141, 236
Греция, государство в Европе 26, 55, 56, 58, 67, 68, 70, 80, 106, 115
Дальний Восток, восточная Азия, Тихоокеанский регион 42, 242
Дамаск, город в Сирии 108
Данциг (Гданьск) город в современной Польше 186
Двуречье (см. Месопотамия) 97, 99
Дольни-Вестонице, палеолитическая стоянка 23
Домреми, селение во Франции 132
Драхенлох, палеолитическая стоянка 23
Евразия, материк 15, 81
Еврейская улица, район компактного проживания евреев в средневековом Астердаме 161
Европа, часть света в Северном полушарии 30, 52, 53, 54, 90, 91, 107, 115—118, 122—126, 128, 129, 134, 139, 142, 144, 145, 149—156, 158, 159, 165—168, 171, 174—176, 179, 184—188, 190, 201—203, 205, 209, 213, 218, 219, 221, 223, 226, 235
Египет, государство в Северной Африке 16, 22, 25, 47, 52, 53, 62, 71, 79, 80, 84, 85, 91, 95, 97, 99, 106, 190
Женева, город в Швейцарии 150, 174, 180, 181

Запад, у Р. Г. Назирова обозначение ареала западноевропейской культуры 78, 82, 116, 123, 129, 149, 221, 222, 227, 240
«Золотой дом», дворец Нерона в Риме 86
Иерихон, город в Палестине 32
Иерусалим, город в Палестине 58, 94, 98, 101, 102, 103, 122, 123, 146
Иерусалимский храм, построенный Соломоном храм Яхве в Иерусалиме 58
Израиль, государство в Палестине 44, 95, 105
Илион (Троя), древнегреческая колония в Передней Азии 202
Индийский океан, третий по размерам океан Земли 92
Индия, государство в Азии 41, 55, 81, 82, 85, 171, 211
Индонезия, часть Тихоокеанского региона 22
Иран, государство на Ближнем Востоке 66, 245
Испания, государство в Европе 123, 151, 154, 184, 222
Италия, государство в Европе 68, 70, 85, 91, 106, 116, 128, 131, 148, 170, 220
Иудея, название одного из древнееврейских государств 97—101, 103, 111
Йена, город в Австрии 192, 193,196
Кадикс, город в Испании 186
Калькутта, город в Индии 177
Каносса, замок в Италии 121, 122
Карфаген, столица Финикии 107
Каталаунские поля, место сражения войск Римской империи с вестготами 116
Кёльн, город в Германии 209
Кёнигсберг, город в Пруссии (ныне Калининград) 172
Киев, столица Украины 223
Кикладские острова, Киклады, архипелаг в Средиземном море 52
Кипр, остров в Средиземном море 56
Кирена, древнегреческая колония на территории Ливии 92
Китай, государство на Дальнем Востоке 42, 62, 93, 207, 218, 225, 234
Кифера, остров в Средиземном море 56
Кифхойзер, горный массив в Германии 117
Кносс, дневнегреческий город на острове Крит 52, 53, 54, 57
Ковентри, город в Англии 119
Колизей, цирк Флавиев 86
Константинополь, столица Византийской империи 111, 115, 123, 223, 226
Констанц, город в Германии 132
Коринф, город в Древней Греции 40, 79
Кракатау, вулкан в Индонезии 212
Крания, пригород Коринфа 79
Красное море 94, 97
Кремль, зд. крепость в Москве 190
Крит, остров в Средиземном море 52, 53, 54, 56, 57, 58, 154
Крым, полуостров на Чёрном море 203, 227, 228
Ламанш, пролив между материковой Европой и Британией 177

Лейпциг, город в Германии 187
Лемнос, остров в Средиземном море 59
Лесбос, остров в Средиземном море 69
Ливийская пустыня, пустыня в Северной Африке 16
Литва, государство в Европе 41
Лоди, город в Италии 187
Лондон, столица Англии 25, 167, 178, 205, 211, 232
Лотарингия, регион на границе Германии и Франции 102
Луна, естественный спутник Земли 15, 17, 18, 33, 37, 38, 52, 55
Лютеция Парижийская, поселение кельтского племени парижиев, впоследствии Париж 116
Мадрас, город в Индии 211
Македония, античное царство на Балканском полуострове 79
Малая Азия, средиземноморский регион Азии 52, 53, 54, 79
Мангейм, город в Германии 182
Марафон, город в Древней Греции 60
Маренго, город в Италии 185
Марс, четвертая планета Солнечной системы 115, 194
Марсово Поле, общественный парк в Париже 179
Мекка, арабский город 122
Мекон (Сикион), город в Древней Греции) 50
Мексика, страна в Центральной Америке 42
Мемфис, город в Древнем Египте 84
Ментавай, архипелаг в Индонезии 31
Мертвое море, бессточное озеро между Израилем и Иорданией 102
Месопатамия (Двуречье), междуречье рек Тигр и Евфрат 45, 54, 85
Мессена, город в Древней Греции 92
Мессина, город в Италии 212
Микены, город в Древней Греции 52
Милан, город в Италии 116
Минет-эль-Бейд, местность в Сирии 54
Минойская культура, древняя цивилизация острова Крит 52
Миссисипи, река в Америке 39
Мон-Пеле, вулкан на острове Мартиника 212
Мос-а-Тьерра, остров в Тихом океане 175
Москва, столица России 87, 87, 102, 104, 223, 224, 226, 227, 232,
Музейон в Александрии Египетской 84
Мюнхен, город в Германии 222
Нагасаки, город в Японии 213
Неаполь, город в Италии 169
Нева, река в России 226
Нидерланды см. Голландия
Никея, город в Восточной Римской империи 111, 123

Нил, река в Египте 16
Новая Гвинея, остров в Тихом океане 22, 32
Новгород, город в России 146, 223
Ново-Вавилонское царство, одно из государств в Месопотамии 97
Новый Свет см. Америка
Нью-Йорк, город в США 210, 211, 213
Океания, общее название для островов Тихого океана 18
Олимп, гора в Греции 50, 51, 52, 54, 59
Ориноко, река в Америки 47
Орлеан, город во Франции 132
Острова Блаженных, обозначение места посмертного воздаяния в древнегреческой культуре 73
Палермо, город в Италии 194
Палестина, регион на Ближнем Востоке 100, 103, 108, 122,
Пальмирское царство, античное государство на территории Сирии 99
Паннония, римская провинция на территории современной Восточной Европы 116
Панхей, вымышленный остров (поэма Эвгемера «Священная запись») 92
Париж, столица Франции 116, 126, 129, 131, 132, 151, 166, 169, 172, 179, 180, 185—190, 200, 208, 211, 214, 221, 226, 231, 239
Парфенон, храм в Афинах 78
Парфия, античное царство к юго-востоку от Каспийского моря 80, 100
Пасхи, остров в Тихом океане 87
Персия, античное государство на Ближнем Востоке 79, 80, 97, 98
Петерсхёлле, палеолитическая стоянка 23
Пещера Трёх братьев, палеолитическая стоянка 24
Пилос, город в Древней Греции 52, 54
Пиренеи, Пиренейский полуостров 122
Полтава, город на Украине 226
Польша, государство в Европе 128, 222, 242
Полярная звезда, Альфа Малой Медведицы 125
Прага, столица Чехии 232
Пражское гетто, район компактного проживания евреев в Праге 155
Премухино, село в Тверской области 205
Прибалтика, регион северо-восточной Европы 123, 226
Пройсиш-Эйлау, город в Восточной Пруссии (ныне Багратионовск) 189, 190
Пруссия, государство в Европе 167, 192, 195, 199
Пюлинье-сюр-Мадон, город во Франции 132
Равенна, город в Италии 130
Рейн, река в Европе 116
Риджент Стрит, улица в Лондоне 202
Рим, столица Италии 33, 66, 78, 82,86, 90, 92,100, 102—104, 106—110, 112, 115, 116, 118, 120, 122, 134—136, 147, 149, 158, 182, 223, 226
Родосский Колосс, легендарный маяк на острове Родос 86

Ронсевальское ущелье, ущелье в Пиренеях 117
Россия, Российская империя, государство в Евразии 42, 91, 149, 183, 186, 188, 201, 203—206, 211, 212, 214, 220—222, 224—228, 232, 236, 238—243, 245
Рочестер, город в Англии 210
Руан, город во Франции 132, 133
Рубикон, река в Италии 89
Русь, средневековое государство в Восточной Европе 66, 69, 90, 119, 122, 124, 128—134, 143, 146, 223—226
Самос, остров в Эгейском море 27
Сан-Франциско, город в США 212
Санкт-Петербург, город в России 25, 78, 214, 216, 226, 231
Святой Елены остров, остров в Атлантическом океане 188, 190, 226
Севастополь, город в России 228
Северная Америка, материк 36, 46, 48, 66
Северный полюс 166
Секвана (Сена), река во Франции 116, 139
Сен-Бернар, перевал в Альпах 186
Сен-Дени, аббатство, усыпальница королей Франции 131
Сибирь, регион в Азии 32, 208, 213, 231, 236
Сирия, государство на Ближнем Востоке 54, 100
Сицилия, остров в Средиземном море 122, 123
Скандинавия, Скандинавский полуостров 152
Смоленск, город в России 41
Собор Инвалидов, Государственный дом инвалидов в Париже 190
Собор Парижской богоматери, готический собор в Париже 180
Солнечная система, система планет и иных объектов, связанная с Солнцем 194
Солнце, звезда Солнечной системы 13, 15, 17, 18, 33, 36-38, 42, 48, 54, 93, 96, 131, 210, 242
Соловки, архипелаг в Белом море 243, 244
Сома, усыпальница Александра в Александрии 84
Сорбонна, университет в Париже 126, 133, 158,
Спарта, государство в Древней Греции 28, 52, 182
Спорады, архипелаг в Средиземном море 52
Средиземное море, часть Атлантического океана 114, 122
Средиземноморье, регион вокруг Средиземного моря 68, 100, 114, 206
СССР, государство на территории Евразии в XX в. 213, 242
Стокгольм, столица Швеции 158
Суэцкий канал, соединяющий Средиземное и Красное моря 181, 213
США, государство в Америке 178
Сьерра-Леоне, государство в западной Африке 30
Таити, остров во французской Полинезии в Тихом океане 145
Тарс, город в античной Киликии (ныне территория Турции) 108

Тартар, место ссылки титанов и посмертного воздаяния в древнегреческой культуре 61, 73, 74, 243
Телемская обитель («Гаргантюа и Пантагрюэль», Ф. Рабле) 148
Тигр и Евфрат, реки в Месопотамии 25
Тильзит, город в Пруссии (ныне Советск) 240
Тир, город в Древней Финикии 93
Тиринф, город в Древней Греции 52
Тихий океан, самый большой океан Земли 175
Толедо, город в Испании 137
Транссибирская магистраль, железная дорога через Евразию 213
Трапезунд, город в Турции 123
Трёх братьев, пещера, палеолитическая стоянка в Южной Франции 24
Трир, город в Германии 200
Троя (Илион), древнегреческая колония в Малой Азии 55, 60, 61
Тулон, город во Франции 185
Туркестан, регион в Центральной Азии 242
Туркмения, государство в Средней Азии 238
Турнэ, город во Франции 118
Турция, государство в Передней Азии 227
Тюбинген, город в Германии 183
Тюильри, дворец французских королей в Париже 185, 188
Тянь-Шан, горная система в Центральной Азии 26
Уайтхолл, дворец в Лондоне 165
Украина, государство в Восточной Европе 92
Ур, город в Древней Месопотамии 43, 44
Фаросский маяк (Александрийский маяк), маяк в Александрии Египетской 86
Фивы, город в Древней Греции 78
Фигалея, город в Древней Греции 58
Финикия, античное государство в Средиземноморье 97, 107
Флоренция, город в Италии 147
Франкфурт-на-Майне, город в Германии 137
Франция, государство во Франции 23, 24, 102, 117, 127, 132—134, 148, 151, 156, 158, 166—168, 179, 180, 182, 185, 187, 189, 190, 200—203, 214, 221, 222, 225, 227
Халдейское (Ново-Вавилонское) царство, государство в Древней Месопотамии 96
Хаммельн, город в Германии 120, 121
Ханаан, древнее название Палестины 95
Хан Тенгри, гора на Тянь-Шане 26
Хара-Хорин (Кара-Корум), столица Золотой Орды 26
Хиросима, город в Японии 155, 213
Чухлома, административный центр Чухломского района Костромской области, фразеологическое обозначение глуши 102
Швейцария, государство в Европе 150, 152
Шервудский лес, легендарный лес в Англии 119

Шотландия, государство на севере Британии 152
Эгейское море, часть Средиземного моря 27, 52
Эйфелева башня, металлическая башня в центре Парижа 213
Эллада, собирательное обозначение Древней Греции 51, 52, 60—78, 79, 82
Эльба, остров в Средиземном море 187, 188
Эрфурт, город в Германии 124
Эфиопия, государство в Африке 96
Югославия, страна в Южной Европе 245
Южный Крест, созвездие 125
Юпитер, пятая планета Солнечной системы 194
Япония, государство на Дальнем Востоке 161, 238

Указатель названий неатрибутированных текстов и произведений искусства

Авеста 42, 101
«Александрия» 82
Библия 33, 34, 54, 59, 92-98, 100, 105—107, 110, 149, 150, 152, 153, 155, 165, 174, 230, 241, 243
Ветхий Завет 34, 68, 94, 95, 97, 98, 100, 126, 135, 136, 140, 153, 203, 231
Книга Бытие 34
Книга Даниила 68
Книга Иеремии 98
Книга Иова 95, 135, 140, 203, 231
Книга Исход 33, 94, 95
Книга Иудифи 97
Книги Маккавейские 98
Книга Руфь 95
Книги Судей 94
Книга Чисел 94
Книга Экклезиаста 95, 96
Книга Эсфирь 97
Евангелие 103, 104—106, 108, 113, 115, 126, 135, 144, 145, 149, 150
Венера Милосская 214
Збручский идол 26
«Индекс запрещенных книг» 158

Критская живопись 52, 53
«Голубая обезьяна среди крокусов» 53
«Голубая птица на фоне скал и цветов» 53
«Гриф» 53
«Парижанка» 53
«Народная книга о докторе Фаусте» 137
Новый Завет см. Евангелие
«Переселение королевского зверинца» 185
«Песнь о Нибелунгах» 116
«Песнь о Роланде» 146
Писание см. Евангелие
«Повесть о Петре и Февронии» 42
Пятикнижие Моисеево см. Ветхий Завет
Священное Писание см. Евангелие
Септуагинта (Библия Семидесяти толковников) 100
Талмуд 154
Тора 107
«Тысяча и одна ночь» 39, 171
Упанишады 19
«Урал-Батыр» 14
«Царевна-лягушка» 36
«Gregor auf dem Stein» 233

Указатель художественных персонажей

Альба (драма Ф. Шиллера «Дон Карлос») 184
Андрий (повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба») 240
Ариэль (драма У. Шекспира «Буря») 175
Вакула (цикл повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки») 59
Великий Инквизитор (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») 235, 244
Вертер (роман И. В. Гёте «Страдания юного Вертера» 177
Верховенский Пётр (роман Ф. М. Достоевского «Бесы») 234
Гамлет (трагедия У. Шекспира «Гамлет») 156, 231—233, 236
Грушенька (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») 236
Гулливер (тетралогия Дж. Свифта «Путешествия Гулливера») 14, 15
Дракула (роман Б. Стокера «Дракула») 221
Елена (трагедия И. В. Гёте «Фауст») 140, 184

Жан (роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль») 148
Жюв (цикл романов М. Аллена и П. Сувестра о Фантомасе) 221
Заратустра (трактат Ф. Ницше «Так говорил Заратустра») 98, 216—218
Зосима (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») 236
Калибан (драма У. Шекспира «Буря») 175
Карамазов Алексей (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») 236
Карамазов Дмитрий (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») 236
Карамазов Иван (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») 141, 235, 236
Кармен (новелла П. Мериме «Кармен») 220
Кларисса Гарлоу (роман С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу») 176, 177
Леверкюн Адриан (роман Т. Манна «Доктор Фаустус») 141
Ловлейс (роман С. Ричардсона «Кларисса Гарлоу») 176, 177
Лоэнгрин (опера Р. Вагнера «Лоэнгрин») 234
Маргарита (роман Булгакова «Мастер и Маргарита») 142
Маркиз Поза (драма Ф. Шиллера «Разбойники») 184
Мармеладов (роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») 231
Мармеладова Соня (роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») 231
Маугли (повести Р. Киплинга «Книга джунглей», «Вторая книга джунглей») 160
Мефистофель (трагедия К. Марло «Трагическая история доктора Фауста») 138
Мефистофель (драма Ф. Мюллера «Жизнь и смерть доктора Фауста») 139
Миранда (драма У. Шекспира «Буря») 175
Мышкин Лев (роман Ф. М. Достоевского «Идиот») 32, 33, 232, 233
Настасья Филипповна (роман Ф. М. Достоевского «Идиот») 233
Ниловна (роман М. Горького «Мать») 241
Омэ (роман Г. Флобера «Госпожа Бовари») 231
Отелло (трагедия У. Шекспира «Отелло») 156
Павел (роман М. Горького «Мать») 241
Панург (роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль») 148
Печорин Григорий (роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени») 226
Примроуз, пастор (роман У. Голдсмита«Векфильдский священник») 177
Просперо (драма У. Шекспира «Буря») 175, 176
Пятница (роман Д. Дефо «Робинзон Крузо») 175, 176
Раскольников Родион (роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») 231, 232
Растиньяк Эжен де (романический цикл О. де Бальзака «Человеческая комедия») 232
Рип Ван Винкль (новелла В. Ирвинга «Рип Ван Винкль») 189
Робинзон Крузо (роман Д. Дефо «Робинзон Крузо») 175, 176
Рогожин Парфён (роман Ф. М. Достоевского «Идиот») 232
Ростова Наташа (роман Л. Н.Толстого «Война и мир») 104
Смердяков Павел (роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы») 235, 236
Сорель Жюльен (роман Стендаля «Красное и черное») 219, 220, 234, 239

Ставрогин Николай (роман Ф. М. Достоевского «Бесы») 141, 233, 234
Фантомас (романический цикл М. Аллена и П. Сувестра) 221
Фауст (драма Ф. Мюллера «Жизнь и смерть доктора Фауста») 138
Фауст (драматический отрывок Я. М. Р. Ленца «Фауст в аду») 139
Фауст (пропавшая драма Г. Э. Лессинга) 138
Фауст (роман Ф. М. Клингера «Жизнь Фауста, его деяния и низвержение в ад») 139
Фауст (роман Т. Манна «Доктор Фаустус») 141
Фауст (стихотворение И. А. Бродского «Два часа в резервуаре») 142
Фауст (трагедия И. В. Гёте «Фауст») 139-141, 184
Фауст (трагедия К. Марло «Трагическая история доктора Фауста») 138
Фортинбрас (трагедия У. Шекспира «Гамлет») 156
Франкенштейн (роман М. Шелли «Франкенштейн, или Новый Прометей»)155, 209, 221, 231
Хромоножка (Марья Лебядкина, роман Ф. М. Достоевского «Бесы») 141
Шабер (повесть О. де Бальзака «Полковник Шабер») 189
Шатов Иван (роман Ф. М. Достоевского «Бесы») 235
Шейлок (драма У. Шекспира «Венецианский купец») 156
Эвфорион (трагедия И. В. Гёте «Фауст») 110, 184
Эр (трактат Платона «Государство») 73, 75
Юлия (роман Ж. Ж. Руссо, «Юлия, или Новая Элоиза») 174

Указатель фольклорных сюжетов по каталогу Аарне-Томпсона

AT 140, «Спящая красавица» 37
AT 300, «Победитель змея» 21
AT 301, «Три подземных царства» 18, 21, 51
AT 327, «Брат и сестра у ведьмы» 21
AT 400, «Поиски чудесной жены» 21
AT 425, «Красавица и чудовище» 21
AT 500, «Имя демона» 29
AT 550, «Царевич и серый волк» 51
AT 551, «Молодильные яблоки» 51
AT 565, «Чудесная мельница» 51
AT 1030, «Вершки и корешки» 50

Научное издание

НАЗИРОВ Ромэн Гафанович
СТАНОВЛЕНИЕ МИФОВ И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Подписано в печать 05.05.2014. Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,97. Тираж 200 экз. Заказ

ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат». 450001, г. Уфа, пр. Октября, 2.